ДБ
350
С 71
Спасович, В.Д.
Семь судебн. речей
Спб, 1908

ДБ
350
С 71

В. Д. Спасовичъ

257

СЕМЬ СУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ

ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ

(1877—1887)

№ 19729/18
Народный Комиссариат по Просв...

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Дѣло о 193 лицахъ.—II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова—о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу.—III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ.—IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ.—V. Дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ".—VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ.—VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

1625/1

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. Карбасникова

Петербургъ,	Москва,	Варшава,	Вильно,
Гостиный дв. 19.	Моховая, д. Баженова.	Нов. Свѣтъ, д. 69.	Большая, д. Гордона.

СЕМЬ СУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ.

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

25 ОКТЯБРЯ 1924.

25 XI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Коммерческая скоропечатня, Лиговская 57.

19729/8° V см
343.3
DG
350
C71

В. Д. Спасовичъ

СЕМЬ СУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ

ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ

(1877—1887)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Дѣло о 193 лицахъ.—II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова—о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу.—III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ.—IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ.—V. Дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ".—VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ.—VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

1685/4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1908.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Выпускаемый нынѣ мною томъ сочиненій В. Д. Спасовича обнимаетъ семь рѣчей покойнаго юриста, которыя по цензурнымъ условіямъ до сихъ поръ не могли быть напечатаны въ Россіи и такимъ образомъ въ моемъ изданіи являются впервые. Рѣчи, помѣщенныя здѣсь, составляютъ дополненіе къ 5, 6 и 7 томамъ полнаго собранія сочиненій В. Д. Спасовича и такимъ образомъ этотъ томъ является одиннадцатымъ томомъ полнаго собранія его сочиненій. Несомнѣнно, книга эта составитъ цѣнный вкладъ въ литературу исторіи освободительнаго движенія въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представитъ глубокій интересъ для каждаго юриста.

В. Врублевскій.

Ноябрь 1907 г.

Издаваемая нынѣ книжка заключаетъ въ себѣ дополненіе къ моимъ судебнымъ рѣчамъ съ 1867 по 1892 г., которымъ посвящены 5, 6 и 7 тома изданія моихъ сочиненій. Въ ней помѣщены семь рѣчей, произнесенныхъ мною въ тревожную, миновавшую уже эпоху въ судебныхъ засѣданіяхъ общегражданскихъ и военныхъ судовъ по дѣламъ либо о государственныхъ преступленіяхъ, либо имѣющихъ нѣкоторую политическую окраску. Къ послѣднимъ отношу и дѣло о генералѣ Мровинскомъ, дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ и даже дѣло варшавское о „Пролетаріатѣ“. Только по первому изъ этихъ семи дѣлъ судебное засѣданіе происходило при открытыхъ для публики дверяхъ. Печатаю эти рѣчи потому, что по кореннымъ образомъ измѣнившимся въ жизни государственной обстоятельствамъ, какъ мои рѣчи, такъ и дѣла, къ которымъ онѣ относятся, имѣютъ нынѣ одинъ только историческій, чисто научный интересъ, при ретроспективномъ обзорѣ довольно отдаленнаго уже прошлаго.

15 іюня 1900 г. *В. Спасовичъ.*

1877.

I.

Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи съ 1873 года (такъ называемое дѣло 193 лицъ).

Суду особаго присутствія правительствующаго сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ преданы 193 лица, обвиняемыхъ въ томъ, что принимали участіе въ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, печатали, разсылали и распространяли возбуждающія къ бунту или явному неповиновенію власти сочиненія.

Главные обвиняемые были: дворянинъ Александръ Кадьянъ, кандидатъ Московскаго университета Михаилъ Щепкинъ, крестьянинъ Андрей Желябовъ, дворяне Сергѣй Коваликъ и Тимофей Квятковскій, прусскій подданный Вильгельмъ Ланггансъ, дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Лебедева, мѣщанинъ Николай Морозовъ, домашній учитель Ипполитъ Мышкинъ, дворянка Софія Перовская, дворяне Дмитрій и Вѣра Богачевы, дворянинъ Саблинъ, сынъ дьячка Михаилъ Грачевскій.

Разборъ дѣла продолжался съ 18 октября 1877 г. по 25 января 1878 г. при открытыхъ дверяхъ. Обвинялъ товарищъ оберъ-прокурора В. А. Желиховскій. Подсудимаго Кадьяна защищалъ профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Ст. Таганцевъ. Подсудимаго Щепкина защищали В. Д. Спасовичъ и отецъ подсудимаго.

Рѣчь въ защиту подсудимаго В. Н. ЩЕПКИНА.

Гг. сенаторы! Случалось ли вамъ видѣть походъ отряда войска въ знойный день по песчаной степи? Жара невыносимая, утомленіе страшное, у каждаго солдата за плечами пудъ какой-нибудь амуниціи. Я полагаю, что наша защита въ цѣломъ ея составѣ имѣетъ до нѣкоторой степени видъ этихъ усталыхъ, въ потѣ чела въ песку по колѣна тащащихся солдатъ. Вы не будете въ претензіи, что, будучи однимъ изъ этихъ злосчастныхъ солдатъ, я постараюсь облегчить себя и выкину часть моей амуниціи, все обходимое, все не относящееся прямо и непосредственно къ моему подсудимому, Щепкину. Этотъ пріемъ тѣмъ нужнѣе, что, по странному стеченію судебъ, въ самомъ началѣ преній на мои плечи взвалилась ноша

тяжелѣе, нежели на другихъ, на меня и на моего товарища, если не по профессіональной защитѣ, въ которой онъ-*tiro*, новобранецъ, то по профессурѣ, Таганцева. Вамъ всѣмъ извѣстно, что по обвинительному акту ни Щепкинъ, ни Кадьянъ не выдѣлялись особенно какъ яркіе арабески на сѣромъ фонѣ пропаганды; въ числѣ обвиняемыхъ были лица поважнѣе по дѣятельности и по вліянію. Но, обвиняя всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ этихъ двухъ по обвинительному акту сухо, безъ уликъ, въ видѣ того Синодика, который произноситъ Іоаннъ Грозный въ IV дѣйствіи трагедіи Алексѣя Толстого, г. представитель прокурорскаго надзора отличилъ, выдвинулъ и разработалъ только двухъ: Кадьяна и Щепкина, вслѣдствіе чего по этому обвинительному акту они получили исключительное, особенно возвышенное положеніе; на самой вершинѣ пирамиды обвиненія имъ дано это первенствующее положеніе. Я не знаю, какъ вы посмотрите на Кадьяна, но что касается до Щепкина, то я полагаю и надѣюсь, что докажу, что онъ не заслуживаетъ ни *cet excès d'honneur*, ни *cette indignité*, какъ говоритъ Расинъ въ одной изъ своихъ трагедій, то есть, что ему никакъ по его свойствамъ не подобаетъ чинъ коновода революціонной партіи, въ который онъ возводится единственно только на основаніи двухъ, трехъ банальныхъ и многимъ людямъ общихъ признаковъ, что онъ былъ помѣщикомъ, членомъ земской управы, а въ добавокъ совершеннолѣтнимъ человѣкомъ. Въ этомъ странномъ дѣлѣ, повидимому, совершеннолѣтіе имѣетъ рѣшающее значеніе и служитъ для отдѣленія овецъ отъ козлищъ. Имѣлъ кто несчастіе быть совершеннолѣтнимъ, такъ и коноводъ; не достигъ 21-го года—такъ былъ увлекаемъ и такъ былъ безсознательно разрѣшающею превосходящіе пониманіе ея вопросы овечкою. Къ несчастію, Щепкинъ совершеннолѣтній, но и по виду и по тому, что вы слышали, весьма молодъ, а что онъ еще былъ моложе два года тому назадъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Доказательства его молодости, которую я беру не въ дурномъ а хорошемъ ея значеніи, налицо и я приступаю къ ихъ послѣдовательному изложенію.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1875 г. сдѣланъ обыскъ у бывшаго студента Московскаго университета, помощника присяжнаго повѣреннаго и занимающагося земскими дѣлами по званію гласнаго, очень молодого еще человѣка Владимира Николаевича Щепкина. Все, что обрѣталось подъ ключемъ въ столикѣ, на полкахъ, было вскрыто, всплыли давно брошенные недозрѣлые грѣхи мысли, шалости пера и тѣ съ политической точки зрѣнія неопрятности, которыя у каждаго человѣка, самаго благонамѣреннаго, найдутся; у всякаго есть въ этомъ отношеніи свое грязное бѣлье. А у Щепкина этихъ писанныхъ для себя и не предназначенныхъ для печати, но нецензурныхъ вещей было особенно много, потому что онъ человѣкъ еще

не выработанный, одержимый страстью писать. Есть два рода людей, вырабатывающихся въ теченіе переходнаго періода, въ которомъ каждый изъ насъ находится при выходѣ изъ университета: либо человѣка давятъ мысли, но онъ не можетъ пріискать подходящаго для нихъ выраженія, либо, какъ только мысль засѣла въ головѣ, тотчасъ не углубляя ее и не перерабатывая, рука спѣшитъ парафразировать ее и разбавляетъ каждую ея каплю огромнымъ количествомъ воды. Въ первомъ случаѣ выходитъ *многомысліе*, страдающее отсутствіемъ исхода, во второмъ *многословіе*, родъ литературнаго поноса. Всякому изъ переживавшихъ университетскій періодъ жизни и встрѣчавшихся съ экземплярами обоихъ типовъ извѣстно, что вторая болѣзнь проходитъ скорѣе, чѣмъ первая, и послѣ нѣсколькихъ неудачъ приводитъ, если только субъектъ маломальски исправился, къ заключенію либо оставить литературную дѣятельность и посвятить себя другой болѣе практической, либо отложить на долгое время всякое писаніе и, наложивъ на себя эпитемію долгаго молчанія, приняться за перо только впослѣдствіи, когда мысли дозрѣютъ и наберутся въ голову не изъ книжекъ, а изъ опыта жизни въ достаточномъ количествѣ. Я долженъ сказать, что всѣ замѣчанія о послѣдней категоріи людей относятся къ моему кліенту Щепкину, котораго многофунтовые автографы фигурируютъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ Эти незаконныя дѣти незрѣлой еще мысли Щепкина значатся въ обвинительномъ актѣ, какъ рукописи преступнаго содержанія. Я долженъ прежде всего остановиться на нихъ, познакомить съ ними особое присутствіе.

Первое мѣсто по объему занимаетъ громадная рукопись въ 520 страницъ: „Женскій вопросъ въ Россіи“, разобранный по всѣмъ состояніямъ, начиная съ дворянства до крестьянства и разложенный въ каждомъ сословіи въ особые такъ-сказать ящики: морфологія и философія дворянства, духовенства и купечества по отношенію къ женщинѣ, рожденіе и воспитаніе ея, жена и мать, женщина какъ работникъ съ ея трудомъ. Сочиненіе самобытное, безъ фактовъ натасканныхъ изъ иностранныхъ книгъ, безъ статистическихъ данныхъ, безъ эрудиціи и цитатъ, просто изъ собственныхъ размышленій, такъ какъ жизненнаго опыта не могъ много имѣть 20-лѣтній юноша. Таковъ этотъ трудъ хорошій по намѣреніямъ, но водянистый и схоластическій по идеѣ. Я не думаю, чтобы легко было его осилить читателю.

Второе произведеніе, уже не столь соціальное, какъ вопросъ о женщинѣ, по своей элементарности лишено политическаго характера; это финансовый этюдъ о податяхъ въ двухъ экземплярахъ, предназначавшійся авторомъ для печати: „Что намъ нужно?“ Освободить трудъ отъ всѣхъ податей, обложивъ капиталъ и чистый до-

ходъ, т. е. подвергнувъ обложенію людей, живущихъ барышами. Не будучи пророкомъ могу сказать, что близится то время, когда надо будетъ по финансовымъ нашимъ затрудненіямъ прибѣгнуть къ этой необходимѣйшей реформѣ, она на череду и въ духѣ времени. Притомъ статья написана трезво и умѣренно, спокойно и легально.

Отъ этой статьи какой рѣзкій переходъ, какой скачокъ въ неоконченномъ и брошенномъ на 31-й страницѣ отрывкѣ: „*О томъ, какъ земство и фабриканты Владимірской губерніи заботятся о рабочихъ*“. Отрывокъ этотъ особенно поручаетъ вашему вниманію, г. товарищъ оберъ-прокурора, какъ произведеніе возмутительнаго содержанія. Точно не тотъ человѣкъ его писалъ, какъ будто онъ былъ намагниченъ, какъ будто бы сквозь его голову прошелъ новый токъ тѣхъ идей и стремленій, которыя пропагандировались, какъ видно изъ дѣла, въ 36 губерніяхъ. Изъ рукописи видно, что она писана въ началѣ 1875 г. (ссылка на слова, напечатанныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 25 или 26 августа 1874 г. по случаю открытія въ Москвѣ дворянскихъ учрежденій). Если вы видите, что строй мысли человѣка былъ столь спокойный и серьезный сначала, что и потомъ этотъ человѣкъ имѣетъ самыя серьезныя занятія, сначала какъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго по 30 мая 1874 г., потомъ съ осени 1874 г. донынѣ какъ гласный губернскаго земскаго собранія и членъ Богородской городской управы, инспектирующій больничную часть въ уѣздѣ въ 1877 г., занимающійся по нотаріату, какъ кандидатъ въ почетные мировые судьи, и если среди этой дѣятельности и практически полезной жизни встрѣчается откопанная при обыскѣ революціонная вещь безъ конца, вещь, сотканная изъ коммунистическихъ идей въ родѣ того, что земля для всѣхъ, лѣсъ для всѣхъ, солдатъ не нужно, податей не нужно, поповъ не нужно, и съ непочтительною для царской власти исторіею ея отъ Рюрика и Варяговъ, то я въ правѣ заключить, что мой довѣритель окунулся въ большое идейное теченіе, но только минутно и пассивно, что въ этомъ омутѣ онъ не былъ настолько сообразителенъ, чтобы связать концы мысли съ концами, чтобы подойти даже къ избранному сюжету, такъ какъ не только о крестьянахъ Владимірской губ., но и о самой-то губерніи нѣтъ и помину въ статьѣ, а по размаху пера видно, что оно бы вышло, если бы планъ былъ выполненъ, большимъ произведеніемъ въ нѣсколько сотъ страницъ (меньше того Щепкинъ въ то время не писалъ), то есть создано было бы нѣчто, чего бы и самъ Щепкинъ въ чтеніи не осилилъ. Откидывая на будущее время разборъ вопросовъ о томъ, кто былъ вдохновителемъ новыхъ идей, кто изображалъ электрическую искру направленнаго чрезъ Щепкина тока, я останавливаюсь, обособляя предметъ, какъ это всегда бываетъ, когда

хочешь вещь анализировать, на этой начатой рукописи и задаю себѣ вопросъ: за это дѣло, за эти пролитыя чернила, за эту записанную бумагу какой участи можетъ подвергнуться Щепкинъ? Съ квалификаціею *возмутительнаго сочиненія* я не могу согласиться потому, что это покушеніе на написаніе чего-то революціоннаго, но прямо возмущающаго, вызывающаго на бунтъ оно ничего не содержитъ, оно только абсурдно и неприлично, оно начатая, но неоконченная мысленная экскурсія въ край запрещеннаго плода и утопій.

Блужданіе мысли вещь, нигдѣ и никогда не наказуемая съ римскихъ еще временъ: *cogitationis poenam nemo patitur*. Оно и у насъ не наказуемо какъ политическое преступленіе, а наказуемо только какъ полицейскій маловажный проступокъ.

Я полагаю, что эта рукопись не объявленіе и не воззваніе къ народу съ цѣлью возбудить бунтъ—слѣдовательно, что она не подходитъ подъ 251 ст. улож., но она преступный не осуществившійся умыселъ на распространеніе ученій оспаривающихъ, между прочимъ, права верховной власти и подвергающихъ сомнѣнію ихъ неприкосновенность, за что по 252 ст. (за одно составленіе) полагается не Богъ вѣсть какое тяжкое наказаніе: заключеніе въ крѣпости безъ лишенія правъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ.

Но если бы вамъ хотѣлось примѣнять и эту не Богъ вѣсть какую тяжелую статью уголовнаго закона, съ которою можно бы и помириться, то вамъ, какъ техникамъ уголовнаго дѣла, не могло бы не броситься въ глаза, что для примѣненія 252 ст. есть одно капитальное препятствіе: эта рукопись не сочиненіе, а покушеніе на сочиненіе столь далекое отъ осуществленія, какъ аккорды прелюдіи музыканта далеки отъ танца, или первыя подкладыванія красокъ отъ картины. Притомъ вспомнимъ, что по всей вѣроятности это сочиненіе, вызванное знакомствомъ съ Устюжаниновымъ осталось недоконченнымъ съ момента, когда Устюжаниновъ поселился въ Новинкахъ, значитъ, что это покушеніе, оставленное по волѣ самого покушавшагося. Если за сочиненіе совершенно пригодное для распространенія полагается наказаніе—заключеніе въ крѣпости, то за сочиненіе совершенно негодное для распространенія по 114 ст. улож. его вовсе нельзя наказывать. Если оно будетъ признано покушеніемъ, остановленнымъ по независѣвшимъ отъ Щепкина обстоятельствамъ, т. е. что не будь Щепкинъ арестованъ, онъ бы докончилъ сочиненіе, то и въ такомъ случаѣ, понижая наказаніе обязательно по 114 ст. на двѣ (а можетъ быть на 3 или на 4 степени), мы придемъ къ заключенію въ крѣпости отъ 4 недѣль до 4 мѣсяцевъ по 3 ст. 35 статьи; притомъ преступленіе это, о которомъ впервые заявлено на судебномъ слѣдствіи, а совершено оно въ началѣ 1875 г., только потому не покроется давностью, что для всякаго

проступка, влекущаго заключеніе въ крѣпости, требуется давность не 2-лѣтняя а 5-лѣтняя.

Рукопись о владимірцахъ, не дошедшая до владимірцевъ, есть собственно и единственная литературная неопрятность Щепкина, которой я опасаюсь: все остальное совершенно чисто и безвредно, даже въ цензурномъ отношеніи. Книга Іегера о соціализмѣ не можетъ колебать, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, основъ государственнаго порядка, коль скоро она пропущена цензурою, коль скоро съ разрѣшенія цензуры ее можно всякому желающему добыть.

Вопросъ о томъ, прошла ли бы эта книга въ русскомъ переводѣ для массы, который разрѣшаетъ записка главнаго управленія по дѣламъ печати за № 3143 отъ 3 іюня 1876 г., есть вопросъ совершенно праздный, потому что: 1) ни начавъ переводъ Устюжаниновъ, ни продолжая его Щепкинъ не отдавали рукописи въ цензуру и не пробовали ее печатать; 2) что по установившимся твердо въ судебной практикѣ правиламъ напечатаніе книги, впослѣдствіи внутреннею цензурою не пропущенной, есть приготовленіе къ преступленію, не наказуемое въ лицѣ переводчика или издателей (дѣло Павленкова и Полякова—сочиненія Луи Блана и Лекки); 3) что главное управленіе по дѣламъ печати, какъ оно само выразилось въ своемъ отношеніи, не потрудилось взглянуть на книгу Іегера въ цѣломъ составѣ, а выводило свои заключенія изъ начала перевода и его покоробило, что авторъ, хотя: а) не отвергаетъ собственности, но требуетъ регулированія отношеній между обладающими орудіями производства и рабочей силой; б) что онъ сочувствуетъ интернаціоналкѣ и восторгается ею; в) что онъ считаетъ отсталыми людьми катедеръ-соціалистовъ и г) что онъ космополитъ.

Чтобы доказать, насколько неосновательны эти обвиненія, я прошу просмотрѣть краснымъ карандашомъ обведенныя мѣста въ книжкѣ и одно сопоставленіе ихъ докажетъ, что Іегеръ противникъ соціализма и что вся его книга есть полемика противъ соціализма и полемика противъ революціи.

Родоначальникомъ соціализма считаетъ онъ Маркса, какъ формулирующаго мысль, что нѣтъ частной собственности по отношенію къ орудіямъ производства. Лассаль только ученикъ Маркса. Вотъ почему Іегеръ изучаетъ его интернаціоналку, чтобы въ концѣ концовъ заключить: „мы утверждаемъ рѣшительно, что институтъ частной собственности конечно ограниченный, съ ограниченіями болѣе нравственнаго свойства, составляетъ одинъ изъ главныхъ устоевъ (*Grundpfeiler*) цивилизаціи и что всякое нападеніе на этотъ столбъ соціалистично“.

Я не буду утомлять васъ разборомъ ученія Маркса въ 1 книгѣ, ни поучительною исторіею интернаціоналки во всѣхъ странахъ

Европы и Америки. Всѣ нити плана стекаются въ окончательныхъ выводахъ (*Schlussfolgerungen*) на 70 страницахъ; я попрошу взглянуть на красный карандашъ и убѣдиться въ томъ, что по мнѣнію Іегера соціализмъ вреденъ и опасенъ потому, что онъ есть міросозерцаніе, проявляющееся на религіозной почвѣ какъ атеизмъ, на политической какъ особаго рода республика, на экономической какъ коммунизмъ, чему Іегеръ вовсе не сочувствуетъ. Постигнувъ на политическомъ поприщѣ, что пропасть между владѣніемъ и невладѣніемъ не заполняется политическою свободою, соціальная демократія отдѣлилась отъ буржуазной и беретъ политическія свободы какъ одинъ только задатокъ и переходную ступень къ тому, чтобы не преобразовывать, а совсѣмъ разрушить государство (въ томъ-то ея отличіе отъ всѣхъ другихъ партій). Ея кумиръ—это всеобщая подача голосовъ, организованное рабство меньшинства подъ деспотіей *массы*. Масса легко заблуждается, ее на возжахъ ведутъ не вымирающіе никогда агитаторы. Она безусловно рѣшаетъ все, даже вопросы, которые не подлежатъ голосованію, начала высшаго порядка, добро и зло, нравственное и безнравственное. Если бы единогласно по всеобщему голосованію рѣшено было, что нравственно—безнравственно, то тому нельзя бы подчиниться. Государство съ всеобщимъ голосованіемъ никогда не будетъ государствомъ свободы (это не я говорю, это Іегеръ). Въ республикѣ и въ особенности съ всеобщею подачею голосовъ необходимы республиканцы, а они того не выражаютъ на почвѣ современнаго матеріализма и соціализма. На экономическомъ поприщѣ освобожденіе труда отъ капитала сводится къ уничтоженію частной собственности, т. е. къ коммунизму. А на частной собственности покоящаяся продукція и съ нею связанное распредѣленіе богатствъ есть несмотря на свои недостатки все-таки нѣчто относительно лучшее, потому что она—единственно возможный и состоятельный (*haltbar*) порядокъ. На религіозномъ поприщѣ положительная религія есть злѣйшій врагъ соціализма, оплотъ противъ революціонныхъ ученій. Посему соціалистомъ не можетъ быть работникъ, исповѣдывающій положительную религію. Соціализмъ интернаціоналенъ, правда, и космополитиченъ, и предохраняетъ отъ шовинизма, но это денаціонализированіе вредно и опасно.

Перескакивая черезъ десятки страницъ, я останавливаюсь на послѣднихъ 7-ми: *Die Bedeutung der socialistischen Bewegung*. Картина поистинѣ поразительная. Порча общества началась съ высшихъ классовъ, они выродились, порча перешла въ низшіе и вызвала соціалистическіе симптомы. Основанія права оставлены, нравственность попрана ногами, нѣтъ никакого уваженія къ договорамъ. Въ политикѣ — реализмъ, въ нравственности — утилитаризмъ, въ области общественности на всемъ лежитъ клеймо матеріализма, въ

естественномъ правѣ и политической экономіи пропали метафизическія начала. Соціализмъ борется съ частною собственностью.—*Und doch muss das Privateigenthum bestehen*,—и дальше выводъ, что не можетъ быть соціалистическаго общества, что оно не имѣетъ будущности. *Die socialistische Irrlehre muss auf geistigem und moralischem Gebiet überwunden werden* . . . тогда побѣдятъ порядокъ и свобода и исчезнетъ опасность для общества.

Оставимъ почтеннаго метафизика съ его вѣрою въ метафизику и въ какой-то естественный порядокъ вещей, отъ котораго отпали поочередно и постепенно всѣ классы общества. Для насъ его лицо не интересно, но важно то, что книга его въ высшей степени консервативна и что мы наталкиваемся на настоящую и неразрѣшимую загадку, какъ могли два человѣка—Устюжаниновъ и Щепкинъ, одинъ явный революціонеръ, а другой, плававшій въ этихъ теченіяхъ въ началѣ 1875 г., заинтересоваться этою книгою и найти ее столь полезною, что рѣшились ее переводить. Переводъ начатъ по иниціативѣ Устюжанинова и продолжаемъ былъ Щепкинымъ, что соотвѣтствуетъ и характеристикѣ этихъ лицъ, изъ которыхъ первый былъ болѣе рѣшительный, а второй—податливый на всѣ теченія. Но сдѣланный Устюжаниновымъ выборъ заставляетъ предполагать, что: а) либо Устюжаниновъ былъ иной человѣкъ, иныхъ убѣжденій и правилъ, нежели какимъ онъ являлся на слѣдствіи; б) либо что онъ, будучи ярымъ пропагандистомъ коммунизма, являлъ себя инымъ по отношенію къ Щепкину; либо, наконецъ, в) что это былъ человѣкъ искренно двойственный, т. е. что независимо отъ соціалистической работы, открытія мастерскихъ и ходьбы въ народъ и участія въ ручномъ трудѣ, онъ дѣлалъ вылазки и въ другія области мышленія, въ лагерь противниковъ соціализма, въ родѣ Іегера. Во всякомъ случаѣ я имѣю основаніе думать, что мысли Щепкина получили новое направленіе вслѣдствіе того, что онъ сталъ изучать Іегера, что его опытъ о владимірскихъ крестьянахъ долженъ былъ показаться ему самому плохимъ и дѣтскимъ и былъ оставленъ; я полагаю, что съ этого момента, т. е. со знакомства съ книгою Іегера, должно было прекратиться или поуменьшиться поклоненіе Щепкина Лассалю, который въ книгѣ Іегера является чѣмъ-то въ родѣ павлина въ чужихъ перьяхъ, популяризатора посредствомъ агитаціи идей Маркса и не болѣе. Вѣроятно, теперь Щепкинъ не сталъ бы подписываться подъ программою Лассаля: „вы камень вѣры, на которомъ построено царство будущаго“, хотя по источнику, изъ котораго взяты эти слова, сомнительно, чтобы Щепкинъ, писавшій ихъ, относилъ ихъ къ Лассалю.

Чтобы покончить со всѣмъ тѣмъ, что при выемкѣ найдено у Щепкина, я признаю, что у него найдены запрещенныя книги, тѣ самыя, которыя считаются особенно ходкими у молодого поколѣнія,

судимаго въ настоящее время, всего по 1 экземпляру, т. е. въ такомъ количествѣ, которое имѣетъ всякій желающій познакомиться съ литературою предмета. Щепкинъ ихъ никому не давалъ, какъ любящій собирать книги, записки и тетрадки и держать ихъ у себя. По послѣдней части ст. 252 улож. о наказ. это—проступокъ, влекущій за собою арестъ отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ. Я утверждаю, что за этотъ проступокъ достаточно поплатился Щепкинъ тѣмъ, что просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи во время слѣдствія.

Я покончилъ съ преступленіемъ, въ которомъ не обвинялся Щепкинъ, но въ которомъ онъ дѣйствительно виновенъ, проступкахъ ничтожныхъ и изъ которыхъ единственно важный—послѣдній, впервые обнаруженный въ началѣ 1875 г., покрытъ давностью, такъ какъ съ тѣхъ поръ обвиненіе въ этомъ проступкѣ (храненіе книгъ) не было противъ Щепкина поставлено въ теченіе многихъ лѣтъ.

Мнѣ остается другая и болѣе легкая часть задачи—опровергнуть существованіе преступленія, въ которомъ онъ обвиняется; а обвиняется онъ и въ революціонномъ сообществѣ по 251 ст., и въ распространеніи въ народѣ революціонныхъ книжекъ по 252 ст. улож. Обвиненіе это лаконично и выражено на 191 стр. обвинительнаго акта словами: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Щепкинъ и Панютина были вмѣстѣ съ Устюжаниновымъ членами революціоннаго кружка и что Щепкинъ игралъ главную роль въ той пропагандѣ, веденіе которой приняли на себя Устюжаниновъ и Панютина“. Устюжаниновъ и Панютина были орудіями Щепкина.

Первое изъ этихъ обвиненій не реальное, фантастическое. Присоединяясь къ моимъ товарищамъ, я утверждаю, что такого сообщества, которое предусмотрѣно въ 251 ст., вовсе не существовало, что оно создано воображеніемъ лицъ, писавшихъ обвинительный актъ, что его выводъ грѣшитъ слѣдующими логическими скачками: всякое знакомство есть кружокъ, достаточно въ этотъ кружокъ записаться одному человѣку съ революціоннымъ направленіемъ и вести бесѣды о революціи, чтобы по мнѣнію составителя обвинительнаго акта кружокъ окрестить въ революціонный, а разъ кружокъ такой называется революціоннымъ, то уже сообщество налицо—эта аргументація представляетъ до громадныхъ размѣровъ доведенное начало евангельское о молитвѣ: „гдѣ есть два или три собранные во имя мое . . .“ съ тою разницею, что если церковь какъ общество религіозное вѣрующихъ есть тамъ, гдѣ соединились 2 или 3 человѣка въ молитвѣ, то того нельзя сказать о бесѣдѣ 2 или 3 революціонеровъ, которые можетъ быть сошлись только, чтобы поспорить и навсегда разойтись.

Второе обвиненіе—реальное: книжки, но оно должно покоиться на реальныхъ данныхъ; какія же есть реальныя данныя, доказывающія, что: а) Устюжаниновъ съ Панютиной распространяли

книжки, сойдясь со Щепкинымъ и б) что Щепкинъ не только участвовалъ, но и игралъ главную роль въ этой пропагандѣ? Я полагаю, что ровно никакихъ, что и постараюсь объяснить.

Обращаюсь къ фактамъ. Изъ дѣла видно, что въ мартѣ 1874 г. въ Москвѣ Устюжаниновъ сблизился съ Глушковымъ и Сѣрышевымъ и пытался заводить мастерскія. Онъ еще не былъ знакомъ съ Панютиной, онъ не былъ знакомъ и со Щепкинымъ, который въ мартѣ 1874 г. только выбранъ въ кандидаты въ коммиссію пособія бѣднымъ студентамъ.

Въ сентябрѣ 1874 г. происходятъ два разныя событія: Щепкинъ поступаетъ въ дѣйствительные члены коммиссіи съ спеціальною задачею освѣдомиться о нуждахъ студентовъ медицинскаго факультета послѣднихъ курсовъ, и студентъ медицины послѣдняго курса Устюжаниновъ познакомился и сошелся съ Панютиной, которая у него и поселилась.

Изъ дознанія видно, что полиція съ іюня 1874 уже на слѣду Устюжанинова, что она разыскиваетъ его, но Устюжаниновъ пропалъ и слѣдъ его простылъ; полная неизвѣстность продолжается почти до момента его задержанія въ Новинкахъ 29 марта 1875 г. Въ этомъ промежуткѣ, во 2-й его половинѣ, есть только слѣдующія числа, раскрытыя впослѣдствіи, что 21 или 22 января на фабрику въ Москвѣ, гдѣ работалъ крестьянинъ Мураговъ, явился знакомый его, сынъ бывшаго барина, Владиміръ Щепкинъ, и убѣдилъ его пустить въ порожнюю его хату въ Новинкахъ двоихъ рабочихъ, брата съ сестрою за 7 рублей до Пасхи, а потомъ—26 января и привелъ ихъ на фабрику. Тутъ говорили на судѣ, Муратовъ—что Щепкинъ, а Щепкинъ—что Устюжаниновъ далъ задатку $3^1/_2$ рубля, послѣ чего отправились на билеты купленные Устюжаниновымъ втроемъ: Устюжаниновъ, именующая себя его сестрою и Муратовъ. У Устюжанинова было мало вещей и никакихъ книжекъ. Устюжаниновъ сталъ заниматься сапогами, но хозяйство у него не велось, было грязно. Тогда-то, въ первыхъ числахъ февраля, переселилась къ нимъ жить вмѣстѣ и убирать хату Фіонія Муратова. На первой недѣлѣ поста Муратова ѣздила въ Москву и впервые привезла книжки въ трехъ кипахъ. Еще разъ ѣздилъ въ Москву Устюжаниновъ одинъ и опять привезъ книги въ газетѣ.

По словамъ Муратовой, къ Устюжанинову и Панютиной не ходилъ вовсе народъ, никого они не совращали, не пропагандировали, а разговаривали промежъ собою. На Муратову и ея сынка они не могли произвести вреднаго впечатлѣнія, потому что какъ она, такъ и сынъ ея неграмотные. Фіонія, хотя и неграмотная, а все-таки поняла цѣну печатнаго, и такъ какъ о достоинствѣ она могла судить только по оберткамъ, то она и украла, какъ сама въ

томъ созналась, восемь красивѣйшихъ по оберткамъ книжекъ, благо у не признающихъ частной собственности нигилистовъ, да и снесла ихъ въ гостинецъ племяннику и Сафонову, который тотчасъ, раскусивъ въ чемъ суть дѣла, снесъ ихъ въ жандармское управленіе— вотъ вся исторія. Ни Сафонова, ни жандармское управленіе вы не сочтете лицами, между которыми Устюжаниновъ и Панютина распространяли книжки; Щепкинъ зналъ о проживаніи четы въ Новинкахъ, но никакого соприкосновенія съ книжками не имѣлъ, его пропагандизмъ построенъ на основаніяхъ менѣе твердыхъ, чѣмъ воздухъ, просто ни на чемъ, на выводѣ, что Устюжаниновъ ѣздилъ въ Москву, привезъ книжки, а ежели привозилъ, то конечно отъ Щепкина, у котораго и безъ того найдены запрещенныя книги. По симъ соображеніямъ я полагаю, что, держась почвы дѣйствительности и признавая фактомъ только доказанное, вы, гг. судьи, не признаете Щепкина пропагандистомъ книжекъ, не признаете по несуществованію самаго факта пропаганды, при отсутствіи хотя бы единаго какого бы ни было лица, которому бы не только Щепкинъ, но и Устюжаниновъ съ Панютиной сообщали, давали, совѣтовали читать книжки съ тѣхъ поръ, какъ при содѣйствіи Щепкина они поселились въ Новинкахъ.

Гг. судьи! Книжки запрещенныя нашлись у Щепкина по одному экземпляру; явный признакъ, что онъ ими пользуется какъ любознательный человѣкъ, а не для пропаганды; у него не было магазина, изъ котораго бы можно брать по нѣсколько экземпляровъ. Въ Москвѣ болѣе полумилліона жителей, а не одинъ Щепкинъ, отчего же на одного Щепкина наведено подозрѣніе? Устюжаниновъ былъ въ связяхъ съ необнаруженными Мышкинымъ и Рогачевымъ, въ мартѣ 1874 г. познакомился съ Щепкинымъ, соблазняя Глушкова и Сѣрышева, онъ ихъ подталкивалъ на открытіе мастерской и снабжалъ ихъ запрещенными книгами. Если взять и сопоставить эти факты съ обыскомъ у Щепкина, то правдоподобнѣе, что Щепкинъ позаимствовалъ что-либо у Устюжанинова, нежели Устюжаниновъ у Щепкина, хотя ни одно, ни другое не доказано и столь же прочно, какъ воздухъ, о которомъ я упоминалъ, то есть просто на просто ничто, а изъ ничего только Богъ, по словамъ библіи, могъ создать нѣчто, но никому изъ смертныхъ это не дано.

Остается опредѣлить роль Щепкина въ такъ называемой революціонной организаціи, въ которой Щепкинъ былъ якобы коноводомъ, слѣдовательно, главою кружка и якобы орудовалъ, а орудіями его были Устюжаниновъ и Панютина.

Случилось ли вамъ, гг. судьи, бывать на диспутѣ, когда докторантъ поставилъ тезисъ, составляющій очевидно выводъ заключительный, но не потрудился объяснить, а тѣмъ болѣе доказать посылокъ вывода, или поставилъ общее понятіе, а не доказалъ, чтобы

въ немъ вмѣщалось хотя одно видовое, изъ коихъ оно извлечено, напримѣръ, говорилъ—сотня тысячъ, а не доказалъ, что налицо есть хоть-бы одна сотня; сказалъ яйцо, а не доказалъ, что есть скорлупа, желтокъ, бѣлокъ; сказалъ человѣкъ, а не доказалъ, что въ данномъ тѣлѣ, принимаемомъ имъ за человѣка, были ноги, руки, животъ, голова. Однако, образецъ такой логики представляется намъ въ видѣ толкованія сообщества по 252 ст. уложенія.

Есть одно колоссальное дѣло съ развѣтвленіями на всю Россію о революціонной пропагандѣ, какъ одномъ сообществѣ, въ которое всѣ 193 члена включены. Включеніе ихъ въ одинъ обвинительный актъ доказываетъ, что еще 5 мая 1877 г. подписывавшій его товарищъ оберъ-прокурора считалъ подсудимыхъ не случайнымъ собраніемъ не имѣющихъ ничего общаго отдѣльныхъ лицъ или группъ, но единою пропагандою. Нынѣ онъ говоритъ, что завѣса разорвана, что дѣло сводится съ пьедестала но 1) зачѣмъ же оно поставлено на этотъ пьедесталъ обвинительнымъ актомъ и 2) притомъ это низведеніе дѣлается только на словахъ, а не на дѣлѣ, потому что не измѣнена квалификація преступленія, люди судятся по акту, въ которомъ обвиняются въ единомъ сообществѣ, практически на судѣ подраздѣленные на 17 группъ, произвольно сплоченные въ одну общую массу, въ одно якобы общее, называемое шайкою.

Не стану отрицать, что могутъ быть революціонныя шайки въ дѣйствительно революціонные моменты или когда страна находится въ состояніи хронической революціи, напримѣръ была въ Парижѣ коммуна, *camorra* и *maffia* въ Италіи, были повстанческія шайки въ Польшѣ въ 1863 г., есть ирландскія шайки, но все это шайки, которыя, составляя внутри общественнаго тѣла какъ карбункулы, вереды, нарывы, особые отдѣльные малые организмы въ большемъ, болѣзненные въ здоровомъ, являются отдѣльными клѣточками или собраніями клѣточекъ; но въ настоящемъ случаѣ не доказано, чтобы тайное сообщество составляло только *bandes*, а не *comptot*, не одинъ великій заговоръ. Не приняты въ соображеніе даже разъясненія уголовнаго кассаціоннаго департамента о томъ, что такое шайка, по классическому рѣшенію дѣла Ефимова 1869 г. за № 613, имѣющіяся во всѣхъ изданіяхъ уложенія Таганцева и др.

Итакъ, я полагаю, что уравненіе *comptot*'а, ежели таковой былъ, есть уравненіе неудачное, ниже критики, значитъ что слышали звонъ, но не знаютъ, гдѣ звонятъ. Могутъ быть политическія шайки, но не всякая политическая партія, не всякая даже амальгама коноводовъ съ увлеченными—есть шайка. Вы можетъ быть и установите сообщество между нѣкоторыми лицами, но не на тѣхъ признакахъ, на какихъ предлагаетъ его г. обвинитель.

Если отошла шайка, то можетъ быть эти группы могли бы

быть подведены подъ понятіе сообщества? Сообщество предполагаетъ все-таки общность состава изъ нѣкотораго числа лицъ. Необходимо вмѣсто одной шайки въ видѣ полипа допустить меньшей величины соединенія, напримѣръ, тѣ 17 группъ, на которыя вы сами раздѣлили дѣло практически, низводя его съ пьедестала ранѣе, чѣмъ сдѣлалъ о такомъ его низведеніи признаніе г. товарищъ оберъ-прокурора, практически доказывая, что въ сущности не нужно было ни васъ, ни насъ, ни подсудимыхъ томить, увеличивая сроки заключенія, сплоченіемъ этихъ 17 группъ въ одну массу. Но и при разборѣ этихъ отдѣльныхъ группъ вы не можете не убѣдиться, что и дѣленіе на группы произвольное, что и въ группѣ есть подсудимые между собою незнакомые и ничѣмъ кромѣ сопоставленія ихъ на одной страницѣ обвинительнаго акта и на одной скамейкѣ здѣсь не связанные, что вмѣсто группъ надо поставить *кружки*. Такъ и проходитъ по всему обвинительному акту это наименованіе кружковъ, но что такое кружокъ, какое опредѣленіе этого понятія, какіе признаки его,—намъ не сказано; мало того, пущена въ ходъ мысль, что русскіе революціонеры ухитрились организоваться безъ организаціи и что общее понятіе, которое до сихъ поръ отъ сотворенія міра считается совокупностью извѣстныхъ признаковъ, по изобрѣтенію этихъ революціонеровъ должно было быть безъ всякихъ признаковъ. Оно равняется такому разсужденію: доселѣ думали, что люди должны быть съ головою, а теперь оказывается, что они могутъ быть безъ головъ; полагали, что люди должны думать силлогизмами, а теперь оказывается, что нѣтъ. Это изобрѣтеніе, если бы оно было доказано, я бы назвалъ геніальнымъ, но оно не доказано и посему, такъ какъ съ нами играютъ въ прятки, то мы должны сами, предаваясь работѣ намъ несвойственной, поставить себѣ вопросъ, что же такое кружокъ?

Я полагаю, что признаковъ кружка во всякомъ случаѣ два: число и связь. Здѣсь были приводимы примѣры геніальнаго пренебреженія даже числомъ, до того, что являлись кружки, состоящіе изъ одного человѣка, напримѣръ, Воронцовъ, другой Робинзонъ Крузо. Я увѣренъ, что человѣкъ, если онъ вертится какъ дервишъ, изображая изъ себя на глазной сѣткѣ зрителей не опредѣленный предметъ, а какое-то пятно, похожее на кружокъ, то это вѣрно только въ физикѣ. Въ уголовномъ правѣ для кружка необходимо требуется, чтобы была единица плюсъ извѣстное число другихъ единицъ. Мы касаемся вопроса, который разрѣшается еще по старой логикѣ Аристотеля, именуемой *соритъ* или куча: одно зерно есть ли куча?—нѣтъ; два зерна?—нѣтъ, и такъ дальше до тѣхъ поръ, пока не скажутъ—да, это куча; но тогда затрудненіе въ томъ, что отъ одного какого-нибудь зерна не куча превращается въ кучу, слѣдовательно, вся сила якобы въ этомъ зернѣ. Не останавливаясь

на этомъ старомъ, схоластическомъ примѣрѣ умствованія, уже извѣстнаго древнимъ грекамъ, замѣчу, что едва ли два человѣка могутъ составить кружокъ. Даже сенатъ, по крайней мѣрѣ, по дѣлу Ефимова 1869 г. за № 613 высказалъ, что для понятія сообщества необходимо число не менѣе трехъ человѣкъ; есть старый афоризмъ—*tres faciunt collegium*. Итакъ, по крайней мѣрѣ, три человѣка, а я такъ полагаю—четыре, потому что взгляните на кучу физическую, вы изъ 3-хъ штукъ устойчиво ее не составите, возьмите ядра, надо имѣть ихъ три и только на нихъ можно поставить четвертое, иначе будутъ разсыпаться, какъ когда вы бросаете горсть песку, но не будетъ кучи.

Разсмотримъ же теперь спеціальный случай, относящійся къ Щепкину.

Съ сентября 1874 г. имѣло мѣсто тѣсное сожительство двухъ лицъ—Устюжанинова и Панютиной. Обвиненіе относится довольно презрительно къ женскому полу и утверждаетъ, что за исключеніемъ женщинъ-коноводокъ, къ числу которыхъ не принадлежала Панютина, остальныя, а въ томъ числѣ и Панютина, увлекались болѣе личностью учителя, нежели его ученіемъ. Если такова характеристика Панютиной, то въ группѣ Устюжанинова она является спутникомъ его какъ мѣсяцъ спутникъ земли, какія бы связи ни имѣлъ Устюжаниновъ съ кѣмъ бы то ни было. Слѣдовательно, хотя бы было доказано, что Щепкинъ видалъ Панютину, говорилъ съ нею, какъ съ необходимымъ спутникомъ Устюжанинова, даже обѣщалъ ей купить въ Москвѣ костюмъ, отъ котораго она чрезъ Устюжанинова въ его письмѣ отказывается, то не выходитъ никакой однако преступной политической связи между непреслѣдуемой Панютиной, живущей только съ Устюжаниновымъ, и Щепкинымъ, слѣдовательно надобно считать Панютину за одно съ Устюжаниновымъ, какъ считаютъ обыкновенно въ супружескомъ общежитіи двухъ сожителей за одну единицу. Устюжаниновъ и Щепкинъ только вдвоемъ не могутъ составить кружка *просто по своему числу*, даже если держаться теоріи правительствующаго сената. Но мнѣ могутъ сказать: а друзья Протопоповскаго переулка у Набилковой—ихъ Щепкинъ не открылъ, а напротивъ того тщательно скрываетъ, слѣдовательно, это революціонные единомышленники и сообщники.

Гг. сенаторы и сословные представители! Общіе друзья тоже, что знакомые, единомышленниками они могутъ быть, но они еще не сообщники. Ни Устюжаниновъ, ни Щепкинъ не настолько развиты, чтобы разрѣшать теорію о честныхъ гражданахъ, которую проводилъ г. товарищъ оберъ-прокурора. Я и самъ до пониманія ея не дошелъ. Если изъ рѣчи обвинителя видно, что былъ сдѣланъ большой промахъ, отъ котораго дѣло длилось 4 года до разорванія завѣсы, то понятно—почему и Щепкинъ желалъ, чтобы не

пострадали отъ этого признаннаго теперь промаха его знакомые и не желалъ стяжать имя доблестнаго гражданина. Нынѣ, по разорваніи завѣсы обнаружилось, что за нею не было цѣлой революціонной партіи организованной и опасной; я ему посовѣтовалъ не говорить, чтобы выдержать свой характеръ, и объяснилъ ему, что на немъ не лежитъ никакой обязанности говорить все, что онъ знаетъ, но что могло бы быть вредно и для него, и для другихъ Я ему объяснилъ, что законъ воспрещаетъ выводить изъ молчанія подсудимаго какіе-либо неблагопріятные для него выводы; я надѣюсь, что вы одобрите и его поведеніе, и мое собственное.

Итакъ, остаются одинъ на одинъ Устюжаниновъ со Щепкинымъ—два, человѣка, не кружокъ. Кромѣ числа необходима связь между ними; если бы связь общаго дѣла, а не помышленій, была доказана, то и тогда не было бы сообщества по связи. Общаго дѣла нѣтъ, а только связь помышленій; связь же помышленій можетъ быть установлена лишь тогда, когда мы доищемся—кто увлекающій и кто увлекаемый?

По мнѣнію обвинителя это даже не вопросъ: конечно, Устюжаниновъ былъ жертвою и орудіемъ Щепкина. По этому-то вопросу позвольте мнѣ поспорить съ обвиненіемъ: я берусь фактами доказать діаметрально противное и удостовѣрить, что оспаривать этого положенія нельзя, до того оно ослзательно и очевидно.

Моральное вліяніе человѣка на человѣка не есть вопросъ неразрѣшимый; напротивъ того, онъ разрѣшимъ, когда есть подходящія данныя, разъясняющія его съ точностью почти математическою. Возьмемъ круги разныхъ величинъ, чѣмъ измѣряются они? длиною своихъ радіусовъ: такъ точно и значеніе каждаго человѣка опредѣляется прежде всего его дѣятельностью. Но дѣятельность есть признакъ болѣе внѣшній; хвостъ кометы занимаетъ милліоны миль, и вѣситъ нѣсколько фунтовъ. Опредѣлить тяготѣніе другъ къ другу небесныхъ свѣтилъ можемъ только, когда они стоятъ на извѣстныхъ разстояніяхъ, вычисливъ ихъ массу, т. е. помноживъ объемъ на плотность и сравнивъ эти произведенія. Такъ точно и между людьми: возьмите умъ каждаго человѣка и постарайтесь его взвѣсить, приведите двухъ такихъ людей въ соприкосновеніе и тогда вы прямо скажете, кто на кого имѣлъ вліяніе. Если съ этой стороны взглянуть на обоихъ лицъ—Устюжанинова и Щепкина, то несомнѣнно, что не Щепкинъ, а Устюжаниновъ долженъ былъ оказывать вліяніе на Щепкина и силою тяготѣнія заставить его вращаться вокругъ себя по извѣстной орбитѣ. Щепкинъ — баринъ, практикою хожденія въ народъ не занимался до 1875 г., учился исправно и пошелъ по волѣ отца на торный путь мелкихъ земскихъ занятій; теперь онъ столь же исправно занимается то юриспруденціею у нотаріуса, то земствомъ. Къ соціальнымъ вопросамъ

онъ имѣлъ наклонность всегда, но таковы уже духъ времени и направленіе всего поколѣнія. Умственныя его упражненія происходятъ на легальной почвѣ, одинъ только былъ моментъ и при томъ краткій, когда магнитная стрѣлка его легальныхъ стремленій подверглась безпорядочнымъ и внезапнымъ колебаніямъ, точно при наступленіи магнитной бури, и этотъ моментъ совпадаетъ съ моментомъ знакомства съ Устюжаниновымъ, чрезъ друзей изъ Протопоповскаго переулка. Я не утверждаю, кто именно произвелъ перturбаціи: Устюжаниновъ, а можетъ быть не Устюжаниновъ, но друзья Протопоповскаго переулка у Набилковой.

Щепкинъ вышелъ изъ своей тарелки, въ которую потомъ опустился опять. Взглянемъ же теперь на Устюжанинова. Это настоящій апостолъ, смѣлый, вліятельный, заправлявшій, устраивавшій мастерскія, ходившій въ народъ и мозолистыми руками шившій мужицкіе сапоги, успѣвшій уже до извѣстной степени воспользоваться и умственной дѣятельностью Щепкина, то есть, давшій ему переводить Іегера. Вліяніе можетъ обнаружиться только при близкихъ разстояніяхъ или при соприкосновеніи. Какія же точки соприкосновенія? Ихъ только двѣ: а) Щепкинъ, обязанный и по званію члена студенческаго комитета и по просьбѣ друзей Протопоповскаго переулка, оказываетъ Устюжанинову уже преслѣдуемому важную услугу, даетъ ему пристанище въ Новинкахъ. Устюжаниновъ, скрываясь, не дѣлаетъ пропаганды, по обѣщанію ли Щепкину или такъ, по внушеніямъ благоразумія? это другой вопросъ и б) Щепкинъ заѣхалъ къ нему повидаться на одинъ часъ.

Сверхъ того, изъ письма Щепкина, составляющаго подтвержденіе другаго письма, Устюжаниновъ требовалъ отъ Щепкина, какъ исполнителя его порученія, тономъ вліяющаго человѣка,— приготовить ему костюмъ и устроить помѣщеніе въ Москвѣ. Люди авторитетные, апостолы въ родѣ Устюжанинова, привыкли распоряжаться чужими средствами, какъ своими собственными, и даютъ порученія, да и не дожидаются отвѣта. Сказано—сдѣлано. Исполнилъ ли бы порученіе Щепкинъ, далъ ли бы онъ извѣстныя денежныя средства или нѣтъ Устюжанинову, я не знаю, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Положимъ, онъ бы и далъ, какъ можетъ быть далъ $3^1/_2$ рубля за Устюжанинова Муратову, въ результатѣ выходитъ что же?—Личная услуга Устюжанинову, какъ гонимому, преслѣдуемому политическому неизвѣстно—преступнику или непреступнику, относительно котораго на вѣки вѣчные нельзя будетъ рѣшить, за его смертью, былъ ли онъ признанъ преступникомъ или нѣтъ. Я надѣюсь, что вы оправдаете Панютину, что вы Устюжанинова не признаете и не можете признать государственнымъ преступникомъ, слѣдовательно, Щепкинъ не можетъ быть обвиняемъ въ сокрытіи государственнаго преступника. Въ сущности

онъ хорошо сдѣлалъ, если принять въ соображеніе, что онъ спасалъ одного изъ предполагаемыхъ агентовъ всесвѣтной революціи въ томъ періодѣ, когда еще власть судебная искала этой революціи, слѣдовательно, до разорванія завѣсы, до сведенія дѣла съ пьедестала. Послѣ сведенія можетъ быть ни Устюжанинова, ни Панютина не преслѣдовались бы. Итакъ Щепкинъ, гг. судьи, всячески подлежитъ оправданію.

Я намѣренъ кромѣ того доказать, почему, по странному недоразумѣнію, баринъ, бѣлоручка, добрый, но мягкій какъ воскъ человѣкъ зачисленъ въ коноводы революціонной, если не партіи, то шайки. Результатъ зависѣлъ отъ того, что взять для вычисленія вліянія и дѣятельности человѣка? Товарищъ оберъ-прокурора бралъ показателемъ несоотвѣтствующіе признаки, ничего не доказывающіе; вмѣсто того, чтобы судить каждаго по доказанному апостольству и проповѣдыванію, онъ отдѣлялъ овецъ отъ козлищъ — коноводовъ отъ Панургова стада—по невѣрнымъ признакамъ. Первый признакъ—*возрастъ*; совершеннолѣтній человѣкъ несомнѣнно имѣлъ вліяніе, а несовершеннолѣтній—не имѣлъ и дѣйствовалъ безсознательно. Дальше—*состояніе*: люди денежные, по его мнѣнію, пользуются большимъ авторитетомъ. Рѣшающими признаками являлись затѣмъ *мѣсто* и *служба*, *мундиръ носимый*, *званіе* члена земской управы.

Такимъ образомъ въ коноводы попали не вожаки, а просто служащіе или имѣющіе больше 21-го года, или рецидивисты, или тому подобные. Я полагаю, что этотъ способъ все равно, что вычисленіе, которая изъ планетъ больше, по тому, какой она имѣетъ цвѣтъ — желтый или красный, или зачисленіе въ великіе люди людей просто высокихъ; тоже, что оцѣнка людей по платью; если за табльдотомъ или въ началѣ слѣдствія еще можно руководствоваться такими расчетами, то послѣ 4-хъ-лѣтняго разрыванія завѣсы можно бы послѣдовать пословицѣ: провожаютъ по уму, по уму—а еще болѣе по энергіи воли.

Эта поверхностность наблюденія при оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣятелей не можетъ не отразиться и на оцѣнкѣ пропаганды, какъ общественнаго факта, въ общей сложности взятаго. При этихъ выводахъ: революціонной партіи нѣтъ, опасности нѣтъ, а есть десятка два коноводовъ, да сотенъ нѣсколько дѣтей. Мнѣ такъ и вспоминаются юные годы, бывшій публицистъ Булгаринъ, бывшая „Сѣверная Пчела“ которая во время февральской революціи 1848 г. твердила, что Луи Бланъ, Ледрю Ролленъ, Ламартинъ - коноводы, а всѣ остальные дѣятели—овцы, а названіе всему сложному европейскому движенію—интрига. Я полагаю, что такое зажмуриваніе глазъ на крупный фактъ—тоже, что тактика страуса, который прячетъ голову подъ крыло, завидя врага.

Объясненіе происшествій посредствомъ интриги коноводовъ не устанавливаетъ: а) искренно или надувательски дѣйствуютъ миссіонеры; б) не даетъ средствъ предупредить повтореніе и все большее и большее распространеніе явленія; в) наконецъ не объясняетъ магической силы и обаянія этой проповѣди, вслѣдствіе которой все молодое поколѣніе расходуется на это хожденіе въ народъ, на побѣги въ безымянную Русь. Судить о явленіи слѣдуетъ не только по его поверхности, но по корнямъ, которые глубоки и таятся въ темной области безсознательнаго, въ тѣхъ неясныхъ потребностяхъ, пожеланіяхъ, которыя свойственны были душамъ поколѣнія и которыя пробуждаются съ неудержимою силою, когда произнесено магическое слово. Основанныя будто бы на опытѣ соображенія обвиненія имѣютъ видъ морщинистый и старый, а между тѣмъ вся сила ученій, бродящихъ въ головахъ сотенъ субъектовъ, которыхъ вы изучали, заключается въ молодости, и не въ той молодости, которая соединена съ извѣстнымъ возрастомъ, а въ юности духа, въ способности ловить, хотя и незрѣлые идеалы, но идеалы. Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ, блаженъ, кто юнъ духомъ и до гробовой доски, помяните это слово, гг. судьи.

Я прошу у васъ извиненія только за одно, за легкій тонъ, который я далъ моей рѣчи. Но тонъ всего меньше зависитъ отъ создателя произведенія, отъ литератора и оратора; чѣмъ же я виноватъ, что сюжетъ ужъ таковъ, что невольно рождались мысли болѣе игривыя, нежели пасмурныя.

Правительствующій Сенатъ, въ особомъ присутствіи установилъ, что въ 1872 году, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій, нѣсколько лицъ, по предварительному между собою соглашенію, составили въ Россіи противозаконное сообщество, съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства въ Россійской имперіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Сообщество это, въ составъ коего вступили, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, много лицъ разнаго званія и возраста, для достиженія указанной выше цѣли, предприняло распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи соотвѣтствующаго той цѣли ученія среди крестьянскаго населенія, рабочихъ людей и учащагося юношества, какъ путемъ устнаго наставленія, такъ и путемъ ввоза изъ-за границы и печатанія въ Россіи направленныхъ къ осуществленію той же цѣли сочиненій. Устныя наставленія производились частью на собираемыхъ для сего сходкахъ, частью въ устраиваемыхъ отдѣльными лицами мастерскихъ и учреждаемыхъ для обученія народа частныхъ школахъ. Ввозъ книгъ изъ-за границы производился какъ членами сообщества, такъ и посторонними лицами, по порученію означенныхъ членовъ и при ихъ содѣйствіи. Наконецъ, печатаніе книгъ вышеуказаннаго преступнаго содержанія производилось въ устроенной для сего въ Москвѣ типографіи, откуда отпечатанныя книги и не брошюрованные листы разосланы были въ разныя мѣстности Россіи, гдѣ и были задержаны въ 1874 году. Независимо отъ вышеизложенной дѣятельности сообщества, нѣкоторые изъ членовъ онаго, а также лица, въ составъ сообщества не вступавшія, распространяли въ народѣ

и среди учащагося юношества, съ цѣлью возбужденія ихъ къ явному неповиновенію власти верховной, сочиненія, по содержанію своему этой цѣли соотвѣтствующія.

Принимая во вниманіе: 1) долговременное содержаніе большей части подсудимыхъ въ одиночномъ заключеніи, во время предварительнаго ареста ихъ; 2) что въ таковомъ предварительномъ арестѣ многіе изъ подсудимыхъ провели время, превышающее тѣ сроки заключенія, въ предѣлѣ которыхъ они, по закону, могутъ подлежать лишенію свободы, соотвѣтственно мѣрѣ признанной нынѣ судомъ виновности ихъ; 3) что нѣкоторые изъ тѣхъ же подсудимыхъ заслуживаютъ особаго снисхожденія, какъ въ виду молодости ихъ, вовлеченія ихъ въ преступленіе лицами совершеннолѣтними, такъ и чистосердечности объясненій на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ и 4) что подсудимые, признанные виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ и подлежащіе, по закону, строгому уголовному наказанію, въ виду вышеуказаннаго долговременнаго одиночнаго заключенія, коимъ они отчасти искупили вину свою, заслуживаютъ также Монаршаго къ нимъ снисхожденія, *опредѣлилъ*: 1) Мышкина—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; 2) участь нижепомѣченныхъ подсудимыхъ повергнуть на Монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о смягченіи слѣдующаго имъ по закону наказанія и съ представленіемъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть: а) Войнарольскаго, Ковалика и Рогачева—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; б) Квятковскаго—лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Тобольскую губернію; в) вмѣнить въ наказаніе предварительный арестъ между прочимъ слѣдующимъ подсудимымъ: Грачевскому, Лебедевой, Морозову, Саблину, Щепкину и 3) оправдать, между прочимъ, слѣдующихъ подсудимыхъ: Желябова, Кадьяна, Ланганса, Панютину, Перовскую и Якимову.

1881.

II.

Дѣло о подкопѣ подъ улицу Малую Садовую.

4 марта 1881 года дворники дома графа Менгдена по Малой Садовой въ С.-Петербургѣ замѣтили, что оставлена хозяевами сырпая лавка въ подвалѣ дома, нанимавшими ее подъ фамиліями мужа и жены Кобезевыми. Въ самой лавкѣ найденъ начинающійся съ нея подкопъ подъ средину улицы Малой Садовой (нынѣ Екатерининской) для произведенія взрыва при содѣйствіи имѣющейся въ подкопѣ гальванической батареи и динамита. Замыселъ взрыва потому только не осуществился, что 1 марта Императоръ направился въ Зимній дворецъ не по Малой Садовой, а инымъ путемъ, на которомъ былъ убитъ брошенными въ него метательными снарядами.

Еще въ февралѣ лавка Кобезевыхъ возбуждала подозрѣнія полиціи, въ ней произведенъ обыскъ 28 февраля, не приведшій ни къ какимъ результатамъ. Вслѣдствіе сего были преданы суду за бездѣйствіе власти старшій техникъ при с.-петербургскомъ градоначальникѣ генералъ-маіоръ Мровинскій, бывшій приставъ 1-го участка Спасской части Теглевъ и начальникъ канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника Фурсовъ.

Разборъ дѣла производился въ уголовномъ департаментѣ с.-петербургской судебной палаты при закрытыхъ дверяхъ, при участіи присяжныхъ засѣдателей съ 25 по 29 ноября 1881 года. Обвинялъ подсудимыхъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защитниками были В. Д. Спасовичъ, В. П. Герардъ и А. Д. Пассоверъ.

Рѣчь въ защиту генерала МРОВИНСКАГО.

Какъ злодѣяніе, которому имени нѣтъ по тяжести, совершенное 1 марта въ $2^1/_4$ часа на Екатерининскомъ каналѣ, такъ и само дѣло объ этомъ злодѣяніи, не въ его подробностяхъ, а въ главныхъ и крупныхъ чертахъ, принадлежитъ исторіи. Къ такимъ общимъ и, я думаю, неоспариваемымъ чертамъ слѣдуетъ причислить то обстоятельство, что сговорившаяся на цареубійство шайка располагала двумя средствами, которыя могли бы быть употреблены либо альтернативно, либо совокупно: подкопъ на Малой Садовой и метательные снаряды, либо одно, либо другое, либо оба вмѣстѣ. Кобезевы были на своемъ посту, метальщики двигались по улицамъ и

набережнымъ. Чистый, но предвидѣнный случай — посѣщеніе покойнымъ Государемъ Михайловскаго дворца, послѣ чего уже не предстояло ѣхать по Малой Садовой, сдѣлалъ приготовленія въ взрыву безусловно лишними и произвелъ то, что эта вѣтвь чернаго замысла не осуществилась, хотя она могла имѣть столь же убійственныя, а можетъ быть и болѣе страшныя послѣдствія, чѣмъ на каналѣ; но она не возымѣла ихъ по независящимъ отъ злодѣевъ обстоятельствамъ. Вотъ почему многократно по дѣлу о цареубійствѣ 1 марта заявляемо было съ той и другой стороны, что подкопъ на Малой Садовой имѣлъ значеніе только эпизодическое, какъ одно изъ весьма многихъ не только неудавшихся, но остановившихся на простомъ приготовленіи предпріятій. Но если подкопъ на Малой Садовой не былъ причиною бѣдствія, которое постигло Россію, то изъ сего нельзя вывести никакого заключенія относительно необнаруженія во-время этого подкопа. Самъ подкопъ—фактъ положительный, стоитъ внѣ причинной связи съ бѣдствіемъ, но другой — отрицательный фактъ, а именно: необнаруженіе во-время этого подкопа—можетъ стоять въ этой связи, и эта возможность громовою тучею нависла надъ не невѣрными, но нерадивыми и оплошными слугами, у которыхъ подъ глазами, подъ носомъ—произошелъ этотъ фактъ, и они, можно сказать, руками до него могли бы дотронуться, но не дотронулись. Эта возможность давитъ ихъ какъ тяжесть многихъ тысячъ пудовъ, она уединила ихъ среди общества, она предрасполагаетъ противъ нихъ всѣхъ и отнимаетъ къ нимъ всякое сочувствіе. Всѣ они люди заслуженые и опытные, потому-то и были поставлены на тѣхъ постахъ, на которыхъ дѣйствовали оплошно. Въ одну минуту ихъ заслуги забываются; если бы ихъ оправдали, то ихъ будетъ непремѣнно винить еще одинъ судья—ихъ собственная совѣсть, которая имъ будетъ вѣчно представлять, вызывая щемящее чувство скорби, что они не досмотрѣли, не догадались, не пронюхали того, что при усиленной, свыше обыкновенной мѣры, человѣческой воспріимчивости и сообразительности могло бы быть раскрыто и обнаружено. Если они и не будутъ наказаны какъ слуги лѣнивые, не избѣжать имъ глубокихъ нравственныхъ страданій какъ вѣрноподданнымъ и людямъ честнымъ, если не какъ неисправнымъ, то какъ недостаточно смышленымъ носителямъ государственнаго и общественнаго долга, ради котораго они были взысканы довѣріемъ власти и поставлены высоко сравнительно съ толпою на ступеняхъ іерархической лѣстницы. Установляя эту причинную связь, обвинительный актъ и формулировалъ ее лаконически этими страшными для подсудимыхъ по своей сжатости словами: „это бѣдственное событіе явилось косвеннымъ послѣдствіемъ допущеннаго обвиняемыми неизмѣримо важнаго бездѣйствія власти“. Долгъ истины заставляетъ меня не только согласиться съ этимъ выводомъ

въ принципѣ, но даже, можетъ быть, его усилить. Я, признаюсь, не понимаю въ уголовномъ правѣ косвенныхъ послѣдствій, а слѣдовательно и косвенныхъ причинъ; я понимаю только прямыя, т. е. непосредственныя. Причины косвенныя, причины посредственныя, идутъ въ безконечную даль за всякіе предѣлы слабой и недостаточной и близорукой сообразительности отдѣльнаго, хотя бы и очень смышленаго лица. Косвенною причиною убійства является и тотъ, кто продалъ убійцѣ ножъ или мышьякъ или ружье, кто его накормилъ, кто сообщилъ ему отвѣчая на невинный вопросъ—гдѣ такая-то жертва живетъ? что такой-то человѣкъ дѣйствительно тамъ и тамъ. Косвенными причинами были и разводъ въ манежѣ и кони, мчавшіе карету Государя, и кучеръ, правившій ими, и полковникъ Дворжицкій, не убѣдившій Государя—немедленно, не выходя изъ кареты, уѣхать, и солдаты, и юнкера, не окружившіе Государя сплошною стѣною тѣлъ своихъ. Не только русскій но и всякій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ и послѣ событія 1 марта дѣйствія лицъ и властей, которымъ поручена охрана священной Государевой особы, были бы совершенно иныя. Но вопросъ ставится совершенно иначе, на совершенно различной почвѣ. Своевременное обнаруженіе подкопа 28 февраля либо 1 марта до выѣзда Государя изъ Зимняго дворца, либо до окончанія развода, либо до момента катастрофы въ $2^1/_4$ часа, повлекло бы за собою такое измѣненіе въ мірѣ вещей, вслѣдствіе котораго совершившееся можетъ быть бы не совершилось, преступный замыселъ можетъ быть оказался бы въ этотъ моментъ неосуществимымъ, оказія была бы потеряна, другая можетъ быть не подоспѣла бы, а между тѣмъ преступниковъ бы переловили, потому что уже Желябовъ сидѣлъ подъ замкомъ, уже производился обыскъ по комнатамъ въ квартирахъ на углу 2 роты Измайловскаго полка и Тарасова переулка, уже органы власти искали злодѣевъ, слѣдомъ слѣдили за ними, такъ сказать, по пятамъ. Здѣсь мы наталкиваемся на одинъ изъ тѣхъ гадательныхъ вопросовъ, которые окончательно неразрѣшимы, на которые нельзя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, а только: „можетъ быть“, и это неопредѣленное „можетъ быть“, болѣе или менѣе вѣроятное, никогда въ точности не узнаваемое, имѣющее видъ песчинки. Но если бы эта песчинка попала подъ вертящееся колесо судьбы, какъ ее изображали въ старину съ завязанными глазами, то, можетъ быть, это колесо завертѣлось бы иначе, можетъ быть, оно уклонилось бы подъ самымъ острымъ угломъ отъ своего направленія и обошло бы какимъ-нибудь образомъ и Екатерининскій каналъ, и разсѣянныхъ по Екатерининскому скверу, Малой Садовой и Большой Итальянской метальщиковъ. Курьезный и классическій примѣръ такихъ историческихъ гаданій о песчинкѣ, измѣняющей ходъ міровыхъ судебъ, представляютъ споры, занимавшіе нашихъ предшественниковъ за нѣсколько поко-

лѣній назадъ, для которыхъ величайшею историческою особою, подавляющею своихъ современниковъ, былъ великій Наполеонъ. Не будь на картѣ Ватерлоскаго поля пропущенъ ровъ, удайся кавалерійская аттака, печально окончившаяся въ этомъ рву, не заблудись и не запоздай Груши со своимъ отрядомъ и дѣла въ Европѣ получили бы иной оборотъ. Какъ знать? Можетъ быть, узнавъ о подкопѣ 28 февраля, покойный монархъ пожелалъ бы явить примѣръ личной и наслѣдственной въ его родѣ отваги, зная, что эта доблесть царская, успокаивающая населеніе, и все-таки поѣхалъ бы на разводъ, а съ развода возвратился бы очевидно не по Малой Садовой, а по тому же направленію, по Екатерининскому каналу. Очень можетъ быть, что онъ бы самъ поѣхалъ на обнаруженное мѣсто подкопа и приблизился бы еще скорѣе къ постамъ поджидавшихъ его въ своей засадѣ метальщиковъ. Но очень можетъ быть, что усердныя мольбы приближенныхъ взяли бы верхъ надъ первымъ рѣшительнымъ движеніемъ; очень можетъ быть, что, снисходя къ нимъ, Государь никуда бы не поѣхалъ, или что поѣхалъ бы на Малую Садовую, но оттуда уже исчезли бы разсѣявшіеся въ смущеніи и разстроенные въ своихъ планахъ заговорщики; или что на мѣстѣ подкопа, какъ и на мѣстѣ катастрофы, стояла бы условленная цѣпь солдатъ, которая бы отдаляла Государя отъ метальщиковъ и удерживала бы ихъ внѣ той сажени, на разстояніи которой, по заявленію экспертовъ, дѣйствіе снарядовъ было безусловно смертоносное. Во всякомъ случаѣ можно съ большою вѣроятностью заключить, что одно обнаруженіе подкопа еще не открыло бы метательныхъ снарядовъ, что дружина убійцъ, можетъ быть, и не была бы обнаружена, что она поджидала бы другой оказіи и что не совершившееся 1 марта могло совершиться если не 2-го, то восьмого или въ иной подходящій день. Сколько бы мы ни бились въ этихъ историческихъ потемкахъ, мы изъ нихъ не выйдемъ. Нельзя доказать, что необнаруженіе подкопа была причина и то не косвенная и посредственная, а прямая и непосредственная того, что совершилось злодѣяніе 1 марта. Можетъ быть была, можетъ быть не была, но могла быть и это одно уже и по закону и по обстоятельствамъ этого выходящаго изъ ряда, исключительнѣйшаго изъ исключительныхъ случая дастъ возможность примѣнять во всей строгости кару закона, указывающую по 341 статьѣ уложенія на случаи особенно важные (къ числу которыхъ прежде всего принадлежитъ настоящій) и дающую возможность по 343 ст. взыскать за бездѣйствіе власти, когда послѣдствія не были и не могли быть важными, а въ настоящемъ случаѣ они столь были важны, что могли дать иной оборотъ судьбамъ и будущности Россіи, потому что никогда не обнаружилась болѣе, какъ въ настоящемъ случаѣ, поразительная правдивость слѣдующаго отрывка

изъ величайшаго произведенія царя поэтовъ Шекспира (*Hamlet III, 3*):

«Монархъ не можетъ умереть одинъ.
Въ свое паденіе онъ увлекаетъ
Все близкое, какъ горный водопадъ.
Онъ колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотѣ горы.
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ.
Падетъ оно—ужасное паденье
Раздѣлятъ съ нимъ всѣ вещи мелочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ».

Итакъ допустимъ, что послѣдствія необнаруженныя могли быть важныя—самоважнѣйшія. Этимъ однимъ устанавливается громадная отвѣтственность за дѣйствіе отрицательное, иными словами—за бездѣйствіе, лишенное всякихъ элементовъ сознанія и воли, потому что если бы въ какой-нибудь изъ сотенъ тысячъ людей, приходившихъ въ роковое 1-е марта въ соприкосновеніе или въ близость къ Священной Особѣ Его Императорскаго Величества была малѣйшая крупинка этихъ психологическихъ примѣсей, если бы они знали, что произойдетъ и не пошевельнулись бы и не завопили бы и не задержали бы и не заслонили бы его своимъ тѣломъ, то каждому изъ этихъ знающихъ было бы мѣсто только возлѣ Рысакова, Кибальчича, Перовской и на этой скамьѣ и, можетъ быть, на Семеновскомъ плацу. Все народонаселеніе сѣверной столицы, по отношенію къ событію 1 марта, можетъ быть подраздѣлено на двѣ весьма неравныя группы: десятка два злодѣевъ, знающихъ, сговорившихся и дѣйствующихъ и многія сотни тысячъ ничего незнающихъ и потому бездѣйствующихъ. Почему же, спрашивается, изъ этихъ сотенъ тысячъ выхвачены только три лица и судятся? Да очень просто, потому что на другихъ не лежала, а на нихъ, по мнѣнію обвиняющей власти, лежала спеціально отъ государства на нихъ возложенная обязанность узнавать, а узнавъ—принимать мѣры и предупреждать о готовящемся ковѣ. Ихъ функція была розыскъ, на то имъ дана и извѣстная доля власти, которой они не употребили въ дѣло, почему ихъ преступленіе есть бездѣйствіе предоставленной имъ власти для предохраненія черезъ то государства, общества или какой-либо ввѣренной имъ части отъ ущерба или вреда. Обыкновенная власть дается и обязанности опредѣляются въ общихъ выраженіяхъ и въ извѣстныхъ условіяхъ или предѣлахъ. Такимъ образомъ относительно каждаго изъ лицъ обвиняемыхъ слѣдуетъ доказать, что: 1) существовали условія, при которыхъ 2) лицо это имѣло обязанность произвести розыскъ, 3) употребивъ на этотъ розыскъ предоста-

вленную ему долю власти ради предотвращенія опасности знаемой, вѣдомой, грозящей какому-нибудь лицу, обществу или государству.

Привлекаемые трое, дѣйствующіе не коллегіально, но съ совершенно отдѣльными функціями: центральный руководитель розысковъ по охранѣ Священной Особы Государя въ столицѣ, мѣстный полицейскій начальникъ и правительственный техникъ по части строительной. Хотя они функціонировали каждый въ своей сферѣ особо, но они состояли другъ съ другомъ въ тѣсныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ и дѣятельность ихъ соприкасалась, то, можетъ быть, они вовсе не виновны или всѣ, или нѣкоторые, или одинъ изъ нихъ виновны; если всѣ, то въ такомъ случаѣ мотивировка ихъ вины можетъ исходить изъ совершенно особыхъ основаній. Столь же различны и основанія, на которыхъ по существу дѣла должна строиться защита каждаго изъ подсудимыхъ; выгораживая своего, она можетъ порою задѣвать его товарищей по скамьѣ подсудимыхъ—крайне печальное и невыгодное положеніе, къ которому защита прибѣгать можетъ только въ крайнихъ случаяхъ, при полной невозможности раскрыть инымъ образомъ истину. Бываютъ случаи, когда отъ обоюдной замазки дѣла ставящими своею задачею выгораживать своихъ кліентовъ защитниками выходитъ только изъянъ для истины, а она то должна быть и для васъ, гг. присяжные, и для сторонъ руководящимъ началомъ и путеводною-звѣздою. Я съ своей стороны заявляю по совѣсти, что буду пользоваться моими средствами защитника противъ моихъ товарищей по защитѣ только при явной разноголосицѣ и капитальныхъ противорѣчіяхъ совиновниковъ, т. е. когда вина отклоняема была ими какъ мячикъ, откидываемый однимъ изъ играющихъ къ другому. Я буду прибѣгать къ этому средству только для критической оцѣнки истины, для опредѣленія, чье же изъ противорѣчащихъ другъ другу показаній вѣроятнѣе. Засимъ приступаю прямо къ дѣлу.

Дѣятельность моего кліента, Мровинскаго, по настоящему дѣлу очерчена прежде всего предѣлами его функціи служебной, а это функція спеціальная, техническая. Строительная часть въ имперіи вообще, а въ столицахъ въ особенности, подвергается весьма крупнымъ перемѣнамъ. Еще по Св. Зак. 1857 г. строит. устава въ 1 ч. XII т. Св. Зак. ст. 89, строительная часть въ С.-Петербургѣ возложена на министра путей сообщенія и на 1 округъ путей сообщенія; кромѣ того во всѣхъ губерніяхъ, а въ томъ числѣ и въ С.-Петербургѣ существовала особая строительная комиссія, подвѣдомственная двумъ министрамъ: путей сообщенія и внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ, какъ извѣстно, вся строительная часть принадлежитъ въ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, при коемъ состоитъ особый строительный техническій

комитетъ (1200 ст. учр. мин. прим. 2 по прод. 1876 г.), а въ губернскихъ правленіяхъ строительныя отдѣленія съ губернскимъ инженеромъ во главѣ (671 учр. губ. по прод. 1876 г.). Въ С.-Петербургѣ при градоначальникѣ имѣлись особые техники, образующіе въ совокупности техническую часть управленія градоначальника (481); изъ нихъ градоначальникъ могъ образовать, по своему усмотрѣнію, особыя совѣщательныя присутствія (487 ст. по прод. 1876 г.), независимыя отъ общихъ. Когда въ 1877 г. число этихъ техниковъ увеличилось до 4, изъ коихъ 3 по тремъ отдѣленіямъ города, а надъ ними старшій техникъ 6 класса, каковую должность и занималъ состоявшій уже съ 1873 г. техникъ при градоначальникѣ генералъ Мровинскій, то издана была и помѣщена въ приказѣ по полиціи 21 января 1877 г. № 22 инструкція, которою опредѣлены обязанности техниковъ вообще. Одинъ изъ нихъ, подъ названіемъ инспектора газоводопроводовъ—завѣдуетъ газоводопроводною частью города, другой—механическою частью во всемъ, подъ названіемъ инженеръ-механика. Старшій техникъ предсѣдательствуетъ въ совѣщательномъ техническомъ присутствіи, даетъ заключенія по общимъ техническимъ вопросамъ въ раіонѣ градоначальства, просматриваетъ фасады зданій плановъ, разрѣшаетъ общія мѣропріятія, имѣющія техническое значеніе, наконецъ, исполняетъ отдѣльныя порученія, на него градоначальникомъ возлагаемыя, какъ въ разныхъ техническихъ комиссіяхъ, такъ и по осмотру общественныхъ и другихъ зданій и сооруженій. Ни одно слово въ этой инструкціи не выходитъ изъ области полиціи благоустройства и не намекаетъ на роль техниковъ въ функціяхъ полиціи государевой безопасности, во 1-хъ, потому, что инструкція издана въ блаженное время—столь различное отъ смутнаго настоящаго, когда еще соціальная, революціонная партія не пошла поголовно въ бунтари; во 2-хъ—даже и теперь, если бы писалась инструкція, не было бы надобности включать въ нее обязанности техниковъ по розыскамъ, дознаніямъ и слѣдствіямъ. Возможность пользоваться ихъ услугами несомнѣнна, но участіе ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть безконечно различно, смотря по особенности случая, и не надобно его напередъ опредѣлять, а входитъ оно въ общую рубрику даваемыхъ градоначальникомъ порученій по осмотру зданій, сооруженій и тому подобное. По части составленія проектовъ, освидѣтельствованія прочности зданій, просмотра фасадовъ техникъ при градоначальникѣ несомнѣнно администраторъ въ одной изъ спеціальнѣйшихъ вѣтвей администраціи строительной, но по части розысковъ онъ уже не администраторъ, онъ не болѣе и не менѣе—какъ свѣдущій человѣкъ, помогающій розыску своими заключеніями по спеціально техническимъ вопросамъ его спеціальности, рѣшеніе коихъ немыслимо безъ спеціальныхъ по извѣстному дѣлу позна-

ній. Я думаю, что здѣсь лежитъ весь узелъ уголовнаго вопроса по отношенію къ Мровинскому, а посему я и позволяю себѣ остановиться подольше на заключеніи и задачахъ всякой какой бы то ни было судебной, розыскной или просто административной экспертизы. Когда приходится изучать какой-нибудь предметъ, недоступный простому не вооруженному искусственными средствами глазу, то по необходимости надо прибѣгать къ лупѣ, къ микроскопу, къ телескопу. По совершенно вѣрному замѣчанію Бонніе (*Traité des preuves*), экспертъ есть въ переносномъ значеніи та луна, съ помощью коей наблюдатель дѣлаетъ наблюденія надъ невидимымъ простому глазу. Онъ инструментъ, не больше, съ помощью котораго изслѣдователь можетъ и долженъ выжать изъ даннаго факта все узнаваемое, но которому онъ никакъ не подчиняется, которымъ онъ долженъ умѣло, но вполнѣ критически пользоваться, сохраняя полную свою независимость. Чинъ эксперта—его высшее положеніе въ обществѣ, его знаменитость и великая слава ничего не значатъ. Будь онъ генералъ, онъ со своими свѣдѣніями находится въ распоряженіи мирового судьи, слѣдователя или даже полицейскаго агента, производящаго розыскъ. Онъ не свидѣтель; глубокая разница между нимъ и свидѣтелемъ такъ велика, что я не буду ее и доказывать. Цѣлымъ рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній установлено, что не можетъ одно и то же лицо быть и свидѣтелемъ и экспертомъ. Онъ даетъ не показаніе, а мнѣніе, основанное на соображеніяхъ научныхъ, на повѣрку которыхъ у судей нѣтъ средствъ, нѣтъ возможности опредѣлить, которое изъ разныхъ мнѣній болѣе авторитетно. Мнѣніе его должно быть совершенно свободно, за неправильныя заключенія экспертовъ нѣтъ въ законѣ наказанія, а есть заручка только въ томъ, что экспертъ можетъ мѣнять и высказывать ихъ сколько угодно. Его нельзя назвать и помощникомъ судьи; помощникъ—предполагаетъ извѣстную долю судейской власти, а у него нѣтъ никакой; напротивъ того и законъ устранилъ совершенныя доказательства и предсѣдатели судовъ не разъ, можетъ быть, обращались и къ вамъ, внушая, что заключеніе эксперта для суда необязательно. Есть бездна такихъ рѣшеній, что экспертъ признавалъ раны легкими, а присяжные признавали ихъ тяжкими (Сусскій 1873 № 692), что экспертъ находилъ человѣка психически больнымъ, а присяжные вмѣнили однако тому человѣку преступленіе и осудили его (1867 г. № 571 Захарова, 1869 г. № 821 Алтынникова). Ни экспертъ не можетъ оскорбиться (его дѣло — умозаключать, а не рѣшать), ни общество не въ правѣ претендовать на эксперта за его мнѣніе столь же свободное отъ внѣшняго натиска, какъ и то, которое вы рѣшающимъ образомъ дадите на предложенные вамъ вопросы. Между экспертами нѣтъ никакого различія отъ того, что одни изъ нихъ частныя лица, другія—должностныя; они являются не какъ слу-

жащіе или неслужащіе, а скорѣе какъ понятые, исполняющіе извѣстную общественную и государственную повинность, похожую въ этомъ отношеніи на ту, которую и вы несете. Такова была бы роль Мровинскаго техника, если бы онъ былъ вызванъ въ судебное засѣданіе для объясненія по мѣрѣ познаній, присущихъ ему какъ технику, учившемуся своему искусству, и какъ городскому технику, имѣвшему уже 8-лѣтнюю (съ 1873 г.) практику въ разныхъ сложныхъ и сомнительныхъ дѣлахъ, подлежащихъ судебному разбирательству.

Я началъ такъ-сказать съ конца, съ дѣятельности эксперта въ послѣднемъ актѣ судопроизводства, рѣшающемъ и заканчивающемъ, потому только, что это вамъ наиболѣе знакомо, что роль и отвѣтственность эксперта наиболѣе въ этой стадіи вамъ понятны и наиболѣе безспорны. Но теперь прошу отодвинуться назадъ и остановиться на роли того же эксперта сначала при предварительномъ слѣдствіи, а потомъ при дознаніи, съ тѣмъ, чтобы убѣдить васъ, что въ сущности роль эта не мѣняется, а остается одна и та же. Въ стадіи предварительнаго слѣдствія—главнымъ и единственнымъ, если не дѣйствующимъ, то распоряжающимся лицомъ является судебный слѣдователь (288 у. у. с.), принимающій по 264 ст. всѣ мѣры, необходимыя для производства слѣдствія, то есть для обнаруженія уже заявленныхъ преступленій. Въ числѣ тѣхъ мѣръ, которыя предоставлены въ распоряженіе слѣдователя, но къ которымъ онъ можетъ быть и понуждаемъ предложеніями прокурорскаго надзора (278, 281), принадлежатъ обыски и выемки въ домахъ по 257 ст., къ коимъ слѣдователь по 357 ст. приступаетъ только тогда, когда есть основательное подозрѣніе, что въ домахъ скрыты: обвиняемый или предметъ преступленія или вещественныя доказательства (напр. въ данномъ случаѣ мина, отверстіе, проводы, взрывчатые снаряды и сама земля, вынутая изъ-подъ почвы). Рѣшаетъ о производствѣ обыска только слѣдователь съ тѣмъ, что неисполненное имъ предложеніе прокурора можетъ быть обжаловано окружному суду (493). Судебному слѣдователю предоставлено по его усмотрѣнію приглашать экспертовъ, когда для точнаго уразумѣнія обстоятельствъ дѣла требуются спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ или промыслѣ или въ какомъ-нибудь занятіи (325). Не подлежитъ сомнѣнію, что нашъ законъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и теорія (напр. *Mittermeier, Lehre vom Beweise*, 1834 г., стр. 183). Слѣдователь есть направитель изслѣдованія, онъ указываетъ экспертамъ,—что наблюдать; ихъ наблюденіе не есть главное, оно только средство къ выводу умозаключеній, которыя могутъ быть сдѣланы только имъ однимъ. Онъ предлагаетъ имъ словесные или письменные вопросы. Слѣдователь опредѣляетъ предметъ изслѣдованія, его назначе-

ніе и цѣль. Очевидно, что онъ опредѣляетъ и условія изслѣдованія. Эксперты, конечно, по 333 ст. должны обращать вниманіе и на такіе признаки, которые не указаны, но могутъ повести къ открытію истины; слѣдовательно, они могутъ просить о поставленіи ихъ и въ лучшія условія изслѣдованія, но дать имъ или не дать эти условія зависитъ отъ его усмотрѣнія, такъ какъ по всякому осмотру по 315 ст. онъ одинъ и только онъ одинъ, за исключеніемъ даже прокурора, распоряжается. Представьте себѣ, что въ лавкѣ Кобезева дѣйствовалъ не приставъ Теглевъ, а судебный слѣдователь, пригласившій казеннаго эксперта Мровинскаго по случаю, какъ бы онъ пригласилъ частнаго врача, если бы было убійство, и вспомнимъ то объясненіе Теглева, который глядитъ въ глаза Мровинскому, произнося: „вотъ деревянная обшивка, ваше превосходительство“, и впиваясь въ него глазами ждетъ не дождется приказаній, не прикажетъ ли Мровинскій эту обшивку отодрать, но къ несчастію такого приказанія не послѣдовало. Я охотно вѣрю и не въ правѣ не вѣрить словамъ г. Теглева; такъ могло быть, но выводъ тотъ, что надобно сожалѣть, что такимъ образомъ были понимаемы г. Теглевымъ его функціи, причемъ онъ мысленно обмѣнялся ролями и занялъ мѣсто эксперта, ставя Мровинскаго - эксперта въ роль слѣдователя. Если взять можетъ быть правильное и не очень лестное, но поразительно вѣрное сравненіе слѣдователя и эксперта съ охотникомъ и охотничьею собакою, то уже конечно не слѣдователь, а экспертъ—та собака, похожая на эксперта, которая ничѣмъ не располагаетъ и дѣйствовать не можетъ, а глядитъ въ глаза слѣдователю. Экспертъ не выходитъ изъ предѣловъ очерченнаго слѣдователемъ изслѣдованія и долженъ безусловно его указаніямъ подчиниться; не онъ—хозяинъ, а онъ приглашенный для изслѣдованія извѣстной спеціальности ассистентъ. Мнѣ могутъ возразить, что мой выводъ былъ бы вѣренъ, если бы производилось слѣдствіе, а мы имѣемъ дѣло только съ дознаніемъ, при которомъ отношеніе дѣйствующихъ лицъ, эксперта къ производящему дознаніе, могло измѣниться .Я буду доказывать, что оно не измѣняется и потому перейду къ дознанію и опредѣлю два его главныхъ вида: жандармское и простое полицейское.

Жандармское дознаніе по государственнымъ преступленіямъ введено правилами 19 мая 1871 г. и вошедшими въ новое изданіе Св. Зак. уст. угол. суд. ст. 1036—1045. Оно есть въ сущности другое точно такое же слѣдствіе, только не представляющееся формальнымъ, возлагаемое на особые органы государственной безопасности, при участіи прокурорскаго надзора подлежащей судебной палаты. Хотя производить дознаніе берется жандармскій офицеръ, по сообщеннымъ ему признакамъ преступленія, но власть его вполнѣ равна власти слѣдователя по самоважнѣйшимъ слѣдствен-

нымъ дѣйствіямъ съ правомъ по 1041 ст. производить осмотры, освидѣтельствованія, обыски (съ опечатаніемъ бумагъ) и выемки и снимать допросы, а также и съ правомъ заарестовывать подозрѣваемыхъ. Всякое подобное дознаніе представляется, какъ извѣстно, министру юстиціи, отъ коего зависитъ либо нарядить формальное предварительное слѣдствіе (1043), либо испросить Высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства. Жандармское дознаніе не есть необходимый эпизодъ, его въ настоящемъ случаѣ не было; дѣло о подкопѣ поступило прямо по его обнаруженіи 4 марта къ судебному слѣдователю Ламанскому Вся бѣда подсудимыхъ въ томъ, что они до катастрофы 1 марта не возбуждали ни жандармскаго дознанія, ни предварительнаго формальнаго слѣдствія, а барахтались въ простомъ полицейскомъ дознаніи, не давая ему дальнѣйшаго хода, между тѣмъ какъ у нихъ былъ или могъ быть богатѣйшій матеріалъ для возбужденія предварительнаго слѣдствія подъ руками. Это и заставляетъ меня перейти къ самому существенному вопросу: къ опредѣленію относительнаго положенія гг. Теглева и Мровинскаго въ фазисѣ дѣла зачаточномъ, во время производства простого полицейскаго дознанія о приготовленіи къ государственному преступленію въ лавкѣ Кобезева въ домѣ графа Менгдена.

Предварительное слѣдствіе не могло возникнуть безъ поводовъ, въ числѣ которыхъ есть (297) сообщеніе полиціи о возбужденіи дѣла по непосредственному усмотрѣнію слѣдователя. Но между возникновеніемъ потребности произвести слѣдствіе и приведеніемъ въ движеніе органовъ судебной власти могъ быть такой громадный промежутомъ времени и мѣста, что невозможно было ждать, а необходимо было установить въ видѣ промежуточной стадіи между зарожденіемъ подозрѣнія въ преступленіи и приступомъ къ слѣдствію что-то служащее подспорьемъ къ слѣдствію, пока оно не окончилось или подготовленіемъ для него сырого матерьяла насвѣжо, пока слѣды не сгладились, пока налицо и преступникъ, и вещественные слѣды преступленія. Эта промежуточная стадія и есть полицейское дознаніе, котораго вспомогательное, несамостоятельное значеніе явствуетъ уже изъ того, что оно включено въ раздѣлъ II у. у. с. о предварительномъ слѣдствіи и составляетъ отдѣлъ, озаглавленный; „участіе полиціи въ производствѣ предварительнаго слѣдствія“. Что касается до полицій—и наружной уличной, къ которой принадлежитъ г. Теглевъ, и сыскной, къ которой принадлежитъ г. Фурсовъ, какъ онѣ могли между собою размежевываться, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Вопросъ: можетъ ли полиція наружная прямо возбуждать слѣдствіе помимо сыскной—опять до меня не касается, а только я утверждаю, что въ составѣ ея по производству дознаній не состоялъ и не могъ состоять, хотя и служилъ при полиціи, но не какъ несущій какія бы то ни было обязанности

полицейской службы ни по предупрежденію преступленій, ни по преслѣдованію—техникъ Мровинскій. Законъ предусмотрѣлъ два существенно различные случаи, при которыхъ имѣютъ мѣсто двѣ различныя формы дознанія:

1) когда не только преступленіе не сомнительно, но оно, такъ сказать, накрыто, то есть, когда полиція застала преступленіе совершающимся или только-что совершившимся. Въ этомъ случаѣ по 258 ст. у. у с. полномочія полиціи обширны, законъ прямо разрѣшаетъ ей замѣнять слѣдователя, производить осмотры, обыски и выемки, даже допрашивать обвиняемыхъ и свидѣтелей, если кто нибудь изъ нихъ умирающій. Это такъ называемый *cas de flagrant délit;*

2) когда преступленіе не накрыто, а можетъ быть даже и сомнительно. Тогда полиція повѣряетъ извѣстія, собираетъ данныя разспросомъ или негласно, но (254) не производя ни обысковъ, ни выемокъ въ домахъ, и весь собранный матеріалъ передаетъ судебному слѣдователю, извѣщаетъ прокурора, а по государственнымъ преступленіямъ сообщаетъ жандармскому офицеру и прокурорскому надзору судебной палаты. Который же изъ двухъ случаевъ имѣлъ мѣсто 28 февраля? Очевидно второй; преступленіе не было открыто, ходили вокругъ него, да около, нюхали, чувствовали, что пахнетъ недобрымъ, но не находили и останавливались передъ обыскомъ. Такъ какъ полиція въ первомъ случаѣ замѣняетъ слѣдователя, а слѣдователю предоставлено призывать эксперта, то понятно, что и полиція могла приглашать экспертовъ, могла бы пригласить Мровинскаго. Такъ какъ и во второмъ случаѣ по 254 ст. полиціи разрѣшается собирать всѣ нужныя свѣдѣнія и дѣлать все, что дѣлаетъ слѣдователь, кромѣ обысковъ и выемокъ, то понятно, что и ей законъ разрѣшаетъ приглашать экспертовъ; такимъ экспертомъ приглашенъ Мровинскій. Затѣмъ, если г. Теглеву угодно было для прикрытія этого уголовнаго дѣйствія: осмотра при дознаніи о преступленіи, дать этому осмотру видъ чисто административный, т. е. видъ осмотра—нѣтъ ли сырости—при экспертизѣ Мровинскаго, то этотъ предлогъ не измѣнялъ существа вещей. Теглевъ былъ лицомъ, призваннымъ на осмотръ, входящій въ область дознанія, а Мровинскій его ассистентомъ-техникомъ, для доставленія нужныхъ свѣдѣній по технической части. Еще одно замѣчаніе, относящееся тоже исключительно къ Теглеву, по моему—существенное, по вопросу объ его отвѣтственности въ томъ случаѣ, если бы онъ рискнулъ въ противность закону на свою отвѣтственность произвести обыскъ и отодрать въ лавкѣ Кобезева деревянную обшивку. Если бы онъ это сдѣлалъ, то по стеченію обстоятельствъ онъ былъ бы великъ и славенъ и заслуженъ и, вѣроятно, почтенъ, потому что въ ст. 340 ул. сказано: не считается превышеніемъ власти, когда чиновникъ или

иное должностное лицо въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ возьметъ на свою отвѣтственность принятіе чрезвычайной болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, а потомъ докажетъ, что она въ видахъ государственной пользы была необходима или что по настоятельности дѣла онъ не могъ безъ видимой опасности или вреда для службы отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія. Такимъ образомъ успѣхъ бы оправдалъ дерзновеніе. А что, если бы не оправдалъ? О, въ такомъ случаѣ предстояла другая очень печальная перспектива Тогда бы было уголовное превышеніе власти по 349 ст. улож. Этотъ незаконно произведенный обыскъ имѣлъ бы различныя послѣдствія, смотря по тому—кѣмъ бы онъ былъ произведенъ: соверши его Теглевъ, должностное лицо, имѣющее все-таки власть производить обыски и могущее привести уважительныя причины (слѣдовательно, безъ соблюденія только условій для обысковъ), то онъ бы поплатился только выговоромъ или вычетомъ изъ времени службы. Но соверши этотъ обыскъ не имѣющій права дѣлать его Мровинскій, то по 2 ч. 349 ст. онъ подлежалъ бы строгому выговору, или отрѣшенію отъ службы, или отъ должности. Такова юридическая сторона дѣла, таковы нормы закона, которыя носились въ сознаніи дѣйствующихъ лицъ и вліяли на ихъ образъ дѣйствій. Я кончилъ анализъ функцій гг. Мровинскаго и Теглева въ день 28 февраля и опредѣлилъ соотношеніе этихъ функцій—это самое главное; результаты анализа я прошу имѣть постоянно въ памяти.

Засимъ я приступаю къ обзору личныхъ дѣйствій Мровинскаго по осмотру лавки Кобезева 28 февраля и времени, примыкающему къ этому осмотру, между моментомъ, когда Теглевъ пріѣхалъ на домъ къ Мровинскому послѣ 11 ч.—и 1 ч. дня, когда Мровинскій возвратился во-свояси, чтобы уже въ этотъ день никуда не выходить. Вся вина Мровинскаго, если она была, умѣщается въ этихъ $1^1/_2$ или 2 часахъ, но каждая минута въ нихъ имѣетъ свое значеніе и должна быть прослѣжена тщательно въ связи съ предшествующимъ и съ послѣдующимъ.

Начальнику наружной полиціи 1 уч. Спасской части статскому совѣтнику П. П. Теглеву не давала спокойно спать въ теченіе января и февраля сего года лавка Кобезева, какъ то единогласно удостовѣряютъ его товарищи по службѣ, которымъ онъ сообщалъ въ живыхъ краскахъ о своихъ тревогахъ, приставъ 1 уч. Литейной части маіоръ Юліанъ Милькевичъ (82), приставъ 1 уч. Нарвской части подполковникъ Василій Любимовъ (101) и полковникъ Валеріанъ Антоновъ (123). Если однако собрать и сопоставить всѣ данныя; которыя въ совокупности порождали къ концу февраля 1881 г. это безпокойство, то окажется, что ихъ было и не особенно много и по характеру они были крайне неясны и двумысленны. Несомнѣнно,

что полиція 1 участка состояла изъ людей не лѣнивыхъ и чуткихъ отъ Теглева до Лерепланда и Дмитріева, когда они по такимъ слабымъ и неяснымъ признакамъ могли волноваться. Кобезевъ не понравился по виду, онъ былъ слишкомъ развязенъ и боекъ; его жена курила папироски и носила ботинки и шляпку не такія, какъ простыя бабы. У простолюдина — скромная ѣда, а у нихъ апельсины, о которыхъ употребленіи умозаключали по апельсиннымъ коркамъ; странная при томъ торговля, почти безъ покупателей, при маломъ запасѣ и самаго товара. Торгуютъ на рубль, два, а за квартиру платятъ 100 руб. въ мѣсяцъ, а прокормиться надо, всего расхода бываетъ рублей на 5 въ день. Надобно признаться, что всѣ эти подозрѣнія очень легковѣсны и образуютъ такую тонкую дымку, которая не оплотнилась, а разсѣялась при предпринятой повѣркѣ, потому что и изъ 1 уч. Московской части дано извѣстіе, что Кобезевы люди состоятельные и паспорты ихъ оказались выданными изъ мѣста родины Кобезевыхъ и даже сыры оказались почтеннаго качества и недорогой цѣны. И мальчикъ Родіоновъ получилъ 27 февраля за свои 15 коп. по подсылкѣ Дмитріева очень порядочный кусокъ, и сидѣлецъ въ лавкѣ молочныхъ скоповъ купца Варламова—Ступкинъ, дважды заходившій къ Кобезеву, находилъ только, что сыръ продается имъ черезчуръ дешево, между тѣмъ какъ продать дешевле 12 руб. нельзя, развѣ себѣ въ убытокъ. Наконецъ Новиковъ, сосѣдъ, на углу Малой Садовой и Итальянской, вовсе не могъ быть того мнѣнія, что торговля идетъ плохо, такъ какъ онъ замѣтилъ, что у него убываютъ покупатели, которыхъ сталъ отбивать Кобезевъ. Ему пришло на умъ то, что не пришло бы изъ 10 человѣкъ 9-ти (кромѣ Теглева), что Кобезевъ ни то, ни се, что онъ торговать не умѣетъ, что онъ долго не наторгуется, а потому не можетъ быть опаснымъ конкурентомъ. Не только въ тайны его торговли проникали полицейскіе съ любопытствомъ, но безъ результатовъ, нюхали—что есть что-то неладное, но они проникали и въ тайны его жилища, въ ту жилую комнату, гдѣ сквозь темную и ситцевую занавѣсь по ночамъ свѣтился огонекъ, точно ночникъ. Какъ могло случиться, что входящіе не замѣтили ничего, я не понимаю, но Дмитріевъ говорилъ, что нѣсколько разъ былъ въ жилой комнатѣ, и хотя въ половинѣ февраля Кобезевъ и не пустилъ въ жилую комнату дворника Самойлова съ бетоннымъ мастеромъ („вы знаете, женское дѣло, я теперь съ бѣльемъ расположился“), но за недѣлю до 1 марта, т. е. около 21 февраля, другой дворникъ — Ульяновъ проникалъ въ жилую комнату тоже подъ предлогомъ бетоннаго мастера для осмотра асфальтоваго пола и ничего не нашелъ подозрительнаго. До 27-го февраля могли быть только праздные толки вокругъ и около фальшивыхъ бумагъ, либо тайной типографіи, но никакъ не подкопа.

27 пополудни произошло нѣчто болѣе крупное. Наблюдающіе были на настоящемъ, очевидномъ слѣду затѣяннаго цареубійства.

Въ 4 ч. въ лавку вошелъ замѣченный дворникомъ Самойловымъ человѣкъ, который былъ признанъ на судѣ за Желябова; объ этомъ было сообщено Лерепланду и Теглеву, но онъ улизнулъ, когда Дмитріевъ пошелъ переодѣваться, а Самойловъ послалъ вмѣсто себя Ульянова, а Ульяновъ, прослѣдивъ за нимъ до трактира „Фениксъ", не могъ войти въ этотъ трактиръ въ своей овчинкѣ, какъ человѣкъ, принадлежащій къ черному народу. Только-что выпустили Желябова, глянь, уже въ лавкѣ сидитъ второй, а потомъ послѣ ухода втораго и третій человѣкъ, котораго въ 11 час. потерялъ изъ вида Самойловъ на Малой Садовой. Со вторымъ произошла слѣдующая исторія часу въ 7-мъ: то былъ Тимофей Михайловъ, который шелъ озираясь и утираясь платкомъ и боясь погони сталъ нанимать къ Вознесенскому проспекту лихача, не далъ 3 руб. заломившему эту цѣну Никитѣ Сидорову, работнику у извозчика Василія Гардина, но подрядилъ за рубль другого лихача, брата Василія Гардина, на которомъ ускакалъ, не зная, что за нимъ поспѣваетъ переодѣтый Дмитріевъ на томъ же лихачѣ Сидоровѣ. На пути Михайловъ свернулъ Гардина въ 1 роту и затѣмъ въ Тарасовъ переулокъ и покинулъ его среди Тарасова переулка, давъ ему 3 р. 20 коп. Гардинъ утверждаетъ, что принялъ неизвѣстнаго за бѣглаго мазурика, но для полиціи, слѣдившей за удаляющимся были основанія полагать гораздо худшее, усмотрѣть гнѣздо заговора, конспираціонную квартиру. Дмитріевъ такъ и просидѣлъ всю ночь на тротуарѣ, карауля. Замѣтимъ, что будь эти факты переданы безъ задержки 27 или 28 по телеграфу правительству, либо чинамъ жандармскаго корпуса, либо товарищу прокурора Добржинскому, то разомъ они бы многое освѣтили и привели лавку Кобезева въ прямую связь съ производящимся жандармскимъ розыскомъ, а слѣдовательно повели бы къ заарестованію Кобезевыхъ. Вечеромъ 27 Желябовъ былъ арестованъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ, въ домѣ Лихачева, на углу Невскаго и Караванной; 28 вечеромъ исчезла изъ конспиративной квартиры на углу 2 роты и Тарасова переулка — Перовская, а съ самаго утра 1 марта уже обыскъ производился въ этой квартирѣ, въ которую завернулъ безъ сомнѣнія—Михайловъ (свѣдѣнія о конспиративной квартирѣ получены Добржинскимъ утромъ 1 марта изъ секретнаго отдѣленія; значитъ, они могли быть и должны были быть 28 у Фурсова). Сопоставленіе этихъ свѣдѣній съ фактомъ о Михайловѣ давало возможность дѣйствовать не зѣвая, быстро и рѣшительно. Наружная полиція не имѣла этихъ свѣдѣній, но самъ фактъ бѣгства Михайлова и исчезновеніе его въ Тарасовомъ переулкѣ довели чиновъ этой полиціи до настоящей тревоги. Тогда и въ 1 уч.

состоялся родъ военнаго совѣта, вызваннаго обнаруженіемъ подозрительныхъ обстоятельствъ при извѣстности о предположенной бытности Государя 1 марта въ манежѣ, о чемъ зналъ 28 числа только Фурсовъ. Я не знаю—какъ далеко идутъ полномочія участковыхъ приставовъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій. Теглеву еще 26 февраля № 949 данъ былъ строжайшій приказъ относительно Большой Итальянской и другихъ прилегающихъ мѣстностей, слѣдовательно и Малой Садовой, о принятіи всякихъ мѣръ къ отстраненію какихъ-либо случайностей по пути проѣзда Государя Императора, подъ личною отвѣтственностью; мѣры сводились къ 3 статьямъ: 1) подробному опредѣленію лицъ, живущихъ въ подвальныхъ этажахъ, чего въ настоящемъ дѣлѣ не требовалось; 2) осмотру подъ благовиднымъ предлогомъ подвальныхъ помѣщеній, для убѣжденія—не производятся ли земляныя работы; 3) къ осмотру нежилыхъ подваловъ. Достаточенъ ли былъ этотъ приказъ для предпринятія чрезвычайныхъ мѣръ, напр. для производства собственною властью обыска? Я полагаю, что недостаточенъ, что и заключаю изъ того, что никакія полномочія власти и начальства не могутъ простираться до предоставленія мѣръ незаконныхъ, а обыскъ—мѣра незаконная, коль скоро она полиціи не разрѣшается, кромѣ случаевъ *flagrant délit,* котораго не было. Не только Теглевъ, но и самъ генералъ Федоровъ не въ правѣ былъ бы принять эту мѣру, а долженъ былъ бы обратиться къ прокурорскому надзору и жандармскому чину, чему явнымъ доказательствомъ служитъ посылка чиновника Янковскаго къ г. Добржинскому 1 марта. Есть еще другое несомнѣнное этому доказателъство въ текстѣ приказа. Если бы Теглеву предоставлено было право чинить обыски въ жилыхъ помѣщеніяхъ, то не зачѣмъ было бы упоминать объ осмотрахъ подъ благовидными предлогами. Такой приказъ градоначальника ясно показываетъ, что по 254 ст. полиціи не дозволено было дѣлать обысковъ, слѣдовательно, ей разрѣшался только наружный осмотръ. Обыскъ поясненъ въ ст. 357 какъ обыскъ въ домахъ и другихъ жилыхъ помѣщеніяхъ, посему—что касается до осмотра въ подвалахъ нежилыхъ, то не упомянуто вовсе о благовидныхъ предлогахъ. За обыскъ въ нежиломъ подвалѣ нѣтъ и отвѣтственности: тутъ полиція — полный хозяинъ, но разъ подвалъ — жилой, то вопросъ ставится иначе и возникаетъ страшная для совѣсти должностного лица дилемма: либо рискнуть и сознательно нарушить права третьихъ лицъ и самъ законъ, подвергающій суду и увольненію изъ службы, если ничего не окажется, а тамъ могло и ничего не оказаться и даже вѣроятно, что не оказалось бы ничего. Конечно, можно было ничѣмъ не рисковать и попасть въ отвѣтъ за бездѣйствіе власти, какъ въ настоящее время попалъ Теглевъ, а можетъ быть попалъ бы и Лерепландъ и

даже Дмитріевъ. Положеніе по истинѣ трагическое и даже безвыходное. Оно безвыходное потому, что выходомъ изъ него я не назову то обстоятельство, которое въ видахъ самозащиты придумано *post factum* г. Теглевымъ и заключается въ томъ, чтобы, имѣя приглашеннаго эксперта, взвалить все на этого эксперта, который не только самъ не имѣетъ права дѣлать обыска, но не можетъ дѣлать осмотра, а только лишь приглашается для присутствованія при томъ или другомъ событіи. Не нахожу я выхода и въ томъ исполненномъ можетъ быть практической мудрости, но также и коварства совѣтѣ, который высказалъ товарищъ прокурора Добржинскій, который отлично понималъ роль техника, но присовокуплялъ: при техникѣ должна быть непремѣнно полиція, которая бы во время осмотра пошарила въ лавкѣ. Это „пошарить“ сводится уже на обыскъ, но не искренній и прямой, а замаскированный и лицемѣрный, чего по истинѣ агенты 1 уч. не могли взять на свою совѣсть и о чемъ они ожидали предписанія или разрѣшенія начальства. Безвыходность и трагизмъ положенія я усматриваю въ томъ, что въ душѣ каждаго происходила борьба не между чувствомъ усердія и опасеніемъ за послѣдствія его избытка, а между чувствомъ усердія и чувствомъ законности, которое, можно сказать, было насаждено въ сердцахъ агентовъ исполнительной власти покойнымъ Государемъ Императоромъ, какъ виновникомъ реформы и создателемъ судебныхъ уставовъ. Старинный полицейскій приставъ исполнительныхъ дѣлъ ни на минуту бы не поколебался и не только бы въ лавкѣ пошарилъ, но все бы въ ней взрылъ. Въ сущности они судятся за то, что не произвели обыска, т. е. дѣйствія завѣдомо противозаконнаго, между тѣмъ какъ ихъ вина ограничивается только тѣмъ, что они не передали усмотрѣнныхъ ими обстоятельствъ со своимъ убѣжденіемъ о необходимости обыска подлежащимъ властямъ, которыя закономъ вооружены правомъ производства обысковъ, каковымъ они, Теглевъ и Фурсовъ, вовсе не пользовались. Я и убѣжденъ, что вы ихъ не осудите за самое хорошее, что только они могли дѣлать, за наиболѣе общеполезное, за наиболѣе заслуживающее похвалы. О томъ, что обыска дѣлать нельзя гг. 1 участка знали, о производствѣ его не рѣшили ходатайствовать, но въ приказѣ № 949 они нашли то средство, которымъ они постановили сами воспользоваться, не безпокоя начальства. Послана была повѣстка технику Аникину объ осмотрѣ только относительно сырости, безъ всякихъ иныхъ поводовъ, кои не могли быть явно сообщены. Я ругнулъ пристава, пишетъ Аникинъ, зачѣмъ онъ зоветъ меня, когда для осмотра сырости есть губернскій архитекторъ, и не поѣхалъ, потому что имѣлъ оффиціальную работу въ другомъ мѣстѣ. Если бы Аникинъ явился, то такъ какъ онъ былъ нуженъ только какъ предлогъ для обхода лавки, а обходъ безъ обыска не далъ бы

никакихъ результатовъ, то положеніе дѣла было бы несомнѣнно такое же, съ тою разницею, что на этой скамьѣ сидѣлъ бы Аникинъ, а не Мровинскій. Но Аникинъ не пріѣхалъ; тогда въ 10 ч. утра, послѣ совѣщанія съ Лерепландомъ и Дмитріевымъ, изъ коихъ первый опять повторялъ свою просьбу объ обыскѣ, Теглевъ отправился около 11 ч. къ градоначальнику. Спрашивается: съ какими намѣреніями, зачѣмъ? Объ этомъ мы можемъ дѣлать только гадательныя заключенія, такъ какъ понятно, что этотъ фактъ, разъясняемый только показаніями Фурсова и Теглева, можетъ быть излагаемъ каждымъ изъ нихъ съ его точки зрѣнія и сообразуясь съ требованіями его личной защиты. Лерепландъ утверждаетъ, что онъ просилъ Теглева получить разрѣшеніе на обыскъ, но Теглевъ ему сказалъ, что обыскъ дѣлать не разрѣшено. Янковскій, который работалъ 28 февраля въ 11 ч. въ секретномъ отдѣленіи и былъ при разговорѣ Фурсова съ Теглевымъ, не слышалъ объ обыскѣ. На другой день Янковскій былъ посылаемъ къ Добржинскому съ запросомъ, не признаетъ ли Добржинскій возможнымъ произвести обыскъ у Кобезева. Эти данныя, совершенно независимыя отъ показаній Фурсова и Теглева, даютъ возможность возстановить истину въ слѣдующемъ видѣ.

Теглевъ признавалъ обыскъ необходимымъ, но, зная законъ, онъ не могъ ходатайствовать ни о томъ, чтобы ему разрѣшили сдѣлать обыскъ, ни о томъ, чтобы отъ градоначальника послѣдовало распоряженіе объ обыскѣ. Невѣрно, что говоритъ Фурсовъ, что по закону приставы могутъ производить самостоятельные обыски. У насъ принято, что на производство обыска приставы испрашиваютъ разрѣшеніе градоначальника. Желанія Теглева клонились къ тому, чтобы передаточная инстанція—секретное отдѣленіе, раздѣливъ его тревоги, передало чрезъ посредство градоначальника о необходимости обыска подлежащей жандармской власти и товарищу прокурора (со времени изданія судебныхъ уставовъ полиція отвыкла отъ производства обысковъ—дѣйствій рѣдкихъ и исключительныхъ). Теглевъ по всей вѣроятности передалъ обуревающія его сомнѣнія со всею свѣжестью, со всею живостью, съ тою горячностью, которой не скрывалъ и передъ другими лицами, не только о неподходящей подъ типъ мелкаго торговца личности Кобезева, но и о подозрительныхъ посѣтителяхъ онъ не могъ умолчать. Не будь передаточной инстанціи и будь Теглевъ обязанъ прямо обратиться къ жандармамъ и прокурору палаты, неминуемо лавка Кобезева была бы обыскана, потому что подозрительныя улики Теглева поразительнымъ образомъ стекались съ живыми слѣдами накрываемаго уже сообщества. Но тутъ-то и обнаруживается вредъ передаточныхъ инстанцій. Сыскная полиція сыграла роль тормоза, снаряда, задерживающаго впечатлѣнія; къ донесеніямъ наружной по-

лиціи она отнеслась холодно и скептически; только поразду̀мавъ день и ночь, она рѣшила удовлетворить требованія Теглева, но удовлетворить въ половину; она передаетъ его улики, но ослабленныя, охлажденныя, обезцвѣченныя, безъ указанія на подозрительныхъ посѣтителей, т. е. Желябова и Михайлова, безъ предваренія, что осмотръ съ техникомъ подъ предлогомъ сырости уже произведенъ. Миссія Янковскаго къ Добржинскому была запоздалымъ и только формальнымъ исполненіемъ обязанности; такимъ образомъ, главный результатъ, который былъ въ мысляхъ у Теглева, не былъ осуществленъ, а добился онъ ничтожнаго, слабаго, въ которомъ и отказать ему не могли. Ему только разрѣшалось съ Фурсовымъ пригласить именемъ градоначальника, котораго не было, и который потомъ одобрилъ эту мѣру, для осмотра старшаго техника Мровинскаго, не дѣлая обыска, а осмотръ произвести подъ предлогомъ сырости. Съ тѣмъ и поѣхалъ Теглевъ безъ всякой бумаги въ Ковенскій переулокъ 9, дабы взять съ собою Мровинскаго и ѣхать въ М. Садовую. Я долженъ прибавить, что вѣроятно ему внушено было дѣлать осмотръ крайне сдержанно. По крайней мѣрѣ онъ передавалъ въ Малой Садовой Лерепланду, что велѣно произвести осмотръ столь осторожно, чтобы никто не догадался, что онъ дѣлается съ цѣлью обнаруженія подкопа, чтобы ни малѣйшаго повода не подавать къ тому, чтобы подумали, что дѣлается нѣчто другое, кромѣ осмотра сырости стѣнъ.

Что было передано Теглевымъ Мровинскому въ квартирѣ сего послѣдняго отъ половины 12-го до 12-ти? Несомнѣнно, что Теглевъ сообщилъ и предлогъ и настоящую причину осмотра. Предлогъ — сырость, а причина—возможность злоумышленія на Государя Императора либо подкопомъ, либо инымъ способомъ. Съ 19 ноября 1879 г., то есть съ подкопа на Московско-Курской дорогѣ и въ особенности съ 5 декабря 1879 г., со времени взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, грезились съ отстраненіемъ на задній планъ другихъ предположеній—одни подкопы, такъ что, не скажи даже Теглевъ—*подкопъ*, уже у Мровинскаго возбуждалось представленіе о подкопѣ; только съ цѣлью подкопа произведено имъ изслѣдованіе въ подвалахъ Государственнаго банка, Публичной библіотеки и дома Тедески. Въ данномъ случаѣ, эта избитая, какъ общее мѣсто, цѣль—подкопъ, не подкрѣплялась ровно никакими уликами, спеціально къ подкопу относящимися; и на Кобезева было подозрѣніе, ровно какъ и на его знакомства, но никакъ не на занятія земляными работами, тѣмъ болѣе, что въ лавку ввозились бочки и ящики, но никто не видалъ, чтобы что-нибудь оттуда вывозилось. По неимѣнію ни малѣйшихъ признаковъ подкопа, задача осмотра ставилась Теглевымъ общѣе: нѣтъ ли подкопа или другихъ какихъ-либо приспособленій? Никакого предварительнаго соглашенія между Тегле-

вымъ и Мровинскимъ о томъ, какъ имъ дѣйствовать сообща, не состоялось, кромѣ того, что Теглевъ передалъ Мровинскому всѣ свои подозрѣнія, которыхъ сумма казалась мала самому Фурсову. Мровинскій зналъ, что онъ долженъ дѣлать, что дѣлалъ много разъ—быть ассистентомъ при осмотрѣ, дѣйствовать въ тѣхъ условіяхъ, въ какія былъ поставленъ производящимъ осмотръ не сырости, а иного—подъ видомъ сырости; въ этихъ условіяхъ онъ и готовился всѣми мѣрами содѣйствовать. Получи онъ малѣйшее указаніе: задержите подольше жильцовъ въ маленькой комнатѣ, чтобы мои люди могли пошарить въ лавкѣ или наоборотъ, онъ бы такъ и сдѣлалъ, но даже и городовыхъ не взяли, да и Дмитріева оставили подъ воротами. Хотя Мровинскій не разъ имѣлъ порученія, но еще никогда при столь особенныхъ обстоятельствахъ, которыя его стѣсняли. Когда онъ осматривалъ домъ Вейдле, домъ Тедески, подвалы Публичной библіотеки, то ему указывали прямо, безъ благовидныхъ предлоговъ: освѣдомьтесь—нѣтъ ли подкопа и онъ располагалъ мѣстомъ, зная, что оно нежилое, зная, что къ нему не примѣняются стѣсненія относительно обыска въ жильяхъ. Онъ и Аникину въ д. Тедески могъ сообщить, чего онъ ищетъ, и по свойству порученія могъ велѣть перетаскивать кирпичи, хламъ, полѣнья, велѣть даже рыть и копать. Осмотръ производился теперь въ жильѣ, въ чужой частной квартирѣ. Не могъ не передать ему Теглевъ, что передавалъ Лерепланду и Дмитріеву: что строжайше велѣно не подавать малѣйшаго виду, что производится обыскъ. Въ жилье введено какъ можно меньше людей, ни одного дворника съ топоромъ или лопатою; разумѣется, что не было и не могло быть никакихъ понятыхъ. Не только хозяину не объявилось по 364 ст. уст. угол. суд., что у него намѣрены поискать, но даже при самомъ входѣ въ лавку послѣдовали распоряженія, изъ коихъ Мровинскій не могъ не заключить—какъ строго намѣренъ Теглевъ держаться въ предѣлахъ законности. Законъ разрѣшаетъ по 365 ст. угол. суд. оцѣплять обыскиваемое мѣсто полицейскими. Въ виду сего, когда Теглевъ, пріѣхавъ въ лавку, увидѣлъ, что Лерепландъ поставилъ двухъ дворниковъ у чернаго входа въ лавку, а двухъ подъ ворота и что такимъ образомъ лавка оцѣплена, то Теглевъ распорядился эту цѣпь снять. По показанію Лерепланда, Теглевъ и вошелъ въ лавку только вчетверомъ, оставивъ даже Дмитріева подъ воротами. То были дворникъ Самойловъ, чтобы предупредить Кобезева объ осмотрѣ, Мровинскій техникъ—живой предлогъ входа, затѣмъ Теглевъ и Лерепландъ. Вслѣдъ за ст. 365 идетъ ст. 366 уст. угол. суд., разрѣшающая слѣдователю открывать запертое при обыскѣ и наоборотъ не разрѣшающая ломать и повреждать ничего въ домѣ при наружномъ осмотрѣ. Эта статья очевидно соблюдалась столь же строго, какъ и 364, въ настоящемъ случаѣ. Вообще

осмотръ происходилъ при условіяхъ строгой законности, Мнѣ не вѣрится, чтобы Теглевъ даже предполагалъ, что Мровинскій по одному намеку поможетъ ему выйти изъ границъ легальности, принимая очевидно всю вину на себя. Если такъ думалъ Теглевъ, то онъ дѣйствовалъ по странному недоразумѣнію, за которое и долженъ нести послѣдствія. Я вполнѣ вѣрю, что скажи Мровинскій самъ отъ себя, что ради осмотра сырости стѣны ему надо ломать обшивку, Теглевъ пригласилъ бы дворниковъ и велѣлъ бы ломать, но несомнѣнно также и то, что если бы Теглевъ сказалъ одно слово Мровинскому: не угодно ли вскрыть обшивку, то Мровинскій бы охотно поддакнулъ, въ особенности, если бы Теглевъ, взявъ его на сторону, предложилъ ему взять вину за нелегальность на себя сообща. Всякій, я думаю, согласится, что инициатива этого дѣла должна была идти отъ хозяина-распорядителя при обыскѣ, а не отъ техника-ассистента, производящаго осмотръ только ради сырости, которой вовсе не оказалось. Такимъ образомъ видимъ, что успѣшность обыска обусловливалась рѣшимостью: будемъ рыть и шарить. Рѣшимости мѣшали психологическія соображенія: законность. Устранить эти соображенія, по свойству функцій, подлежало Теглеву, а не Мровинскому. При неустраненіи—создались условія осмотра, при которыхъ, независимо отъ воли и вниманія Мровинскаго, нельзя было ничего открыть при обыскѣ, что и постараюсь доказать.

Внѣшнимъ образомъ искомаго—въ лавкѣ не нашли, сырости не было никакой. Графъ Менгденъ, послѣ 3-лѣтняго простоя погреба, отдѣлалъ его тщательно и основательно. Полъ былъ бетонный, слѣдовательно не допускалъ ломки: оставалось только прокапываніе съ явнымъ уже исканіемъ подкопа. Вдоль всѣхъ наружныхъ стѣнъ шло сооруженіе безусловно предотвращающее возможность просачиванія грунтовыхъ водъ, а именно,—утолщеніе стѣны посредствомъ кирпича шириною въ 9, а высотою въ 10 вершковъ (болѣе $^1/_2$ аршина), оштукатуренной тѣмъ же бетономъ изъ портландскаго цемента, который имѣетъ свойство превращаться въ камень даже подъ водою. Настоящее искомое было въ изобиліи, но въ состояніи скрытомъ, не открывавшемся по одному наружному осмотру. Оно состояло изъ слѣдующихъ предметовъ, которыхъ подозрительное свойство должно было броситься въ глаза либо эксперту, либо полиціи, либо и тому и другой вмѣстѣ: земля и кирпичи, проломъ въ стѣнѣ и проходъ для орудія, для копанія и просверливанія земли, минныя принадлежности.

Кирпичи отъ проломанной стѣны, обернутые въ рогожу, лежали подъ кроватью. Если бы полиція, вызвавъ Кобезева въ лавку и сама оставаясь въ жильѣ, потрудилась сдѣлать, что совѣтовалъ ей Добржинскій, то есть просто руками пошарила, то, не

развертывая рогожки, она бы нащупала кирпичъ и основаніе къ арестованію Кобезева было уже полное. Земли утрамбованной было довольно много, но въ мѣстахъ недоступныхъ наружному осмотру безъ перехода въ обыскъ. Количество ея общее не особенно велико, да не смущаетъ васъ цифра 109 футовъ, это вѣдь футы кубическіе, слѣдовательно—извѣстная только часть сажени $7\times7\times7=343$, а именно=0,316, немного меньше трети кубической сажени. Наибольшее количество земли (вѣроятно $^1/_2$, а можетъ быть $^2/_3$ саж.) заключалось въ большой бочкѣ въ средній ростъ человѣка въ лавкѣ; бочка имѣла сверху соломы на 3 вершка толщиною, а ниже была все земля; бочка носила надпись черною краскою и заперта была крышкой, обернутой деревянными обручами, прибитыми гвоздями. Была еще земля въ кадкѣ насупротивъ бочки, а также между поломъ и нижними полками, которыя стояли противъ входа, упираясь въ стѣну отъ одного угла и до другого, но все это пространство наглухо закрыто, крѣпко заколочено досками, которыя Мровинскій напрасно пытался отдернуть. Земля лежала не вплотную. Ни бочки, ни досокъ отъ полки не пришло никому въ голову открывать, ни Мровинскому, который не долго былъ въ лавкѣ, ни полиціи, которая постоянно тутъ оставалась. Самые характерные склады земли были въ первомъ ея пріемникѣ—жилой комнатѣ. Подъ кроватью, рядомъ съ рогожею, былъ ящикъ съ землею, прикрытою сѣномъ, а насупротивъ кровати были земля и камни подъ верхнею подушкою дивана, но диванъ надо было открывать, передвиженіе его не дало бы результата, какъ и передвиженіе сундука, кромѣ того, что оба были тяжелы. Наконецъ была еще земля въ тѣхъ, принадлежащихъ къ лавкѣ, нежилыхъ помѣщеніяхъ, которыя выходили на дворъ и на которыя невозможно было и обращать большого вниманія. Немыслимо было осматривать не только лицевыя части подвала на улицу, но еще и надворныя, изъ коихъ былъ бы начатъ подкопъ, такъ какъ проведеніе такого подкопа было бы безцѣльно. Изъ корридора направо въ кладовой было только немного сѣна на полу, зато налѣво, когда слѣдователь Ламанскій осматривалъ 5-го марта, въ одномъ углу лежала куча полѣньевъ и коксу, далѣе къ окну нѣсколько мѣшковъ съ остатками мокрой земли и тутъ же на полу—куча земли возлѣ сѣна, а еще дальше—въ три этажа 9 ящиковъ, изъ которыхъ верхніе пять пустые, а въ четырехъ нижнихъ — земля. Когда 28 февраля Мровинскій заходилъ въ эту клѣть, ящики стояли; но извѣстно, что нельзя было дѣлать обыска, а земли никакой не было, и это весьма вѣроятно; свѣжая земля высыпана изъ сырыхъ мѣшковъ послѣдней добывки, вѣроятно, добытой передъ происшествіемъ и брошенной безъ заботы о послѣдствіяхъ, уже тогда, когда Кобезевы собирались бѣжать и вовсе не думали о томъ, чтобы землю прятать и не бросать тутъ же на

виду колѣнъ отъ трубъ. Итакъ, Мровинскій, со своими средствами и въ предѣлахъ своей спеціальной функціи, на землю отъ подкопа не наткнулся и не могъ наткнуться.

Орудія для сверленія и копанія земли. Буравъ съ тремя колѣнами запрятанъ былъ въ диванѣ подъ подушкою; передъ диваномъ въ ящикѣ столика были винты съ гайками для скрѣпленія колѣнъ бурава. Гдѣ-нибудь хранилось въ томъ или другомъ мѣстѣ то колѣно трубы, которое 5 марта найдено въ кладовой. Въ прилавкѣ найденъ старый ломъ съ лапою.

Минныя принадлежности лежали вполнѣ недоступно для наблюденія, отчасти въ сундукѣ, который и былъ сдвигаемъ Мровинскимъ и оказался тяжелымъ, вѣсомъ отъ 2—3 пудовъ, но не былъ отворяемъ. Здѣсь, подъ одеждою и бѣльемъ—проводъ въ 3 аршина изъ 3 проволокъ, обтянутыхъ гуттаперчевою массою. Остальное—желѣзная лопатка, грабли, проволока, электрическій элементъ Гранье, наконецъ—мина въ самомъ подкопѣ за деревяннымъ щитомъ или такъ называемою обшивкою. Остановимся на этой обшивкѣ и покажемъ, почему сдѣлалась она непреодолимою преградою, помѣшавшею открытію подкопа при условіяхъ изслѣдованія 28 февраля.

Подкопъ. Когда графъ Менгденъ отдѣлывалъ свой ненарядный погребъ бетономъ, то, конечно, онъ и понятія не имѣлъ о лицевой его деревянной обшивкѣ. Мысль объ обшивкѣ явилась у нанимателя, онъ ее устраивалъ на свой собственный счетъ, распоряжаясь рабочими. Кобезевъ о ней хлопоталъ въ теченіе декабря, о чемъ Мровинскому не могло быть извѣстно, устраивалъ ее, когда ходилъ смотрѣть за работами и вѣроятно уже приспособлялъ, можетъ быть и незамѣтно для работающихъ, къ своимъ особеннымъ цѣлямъ. Всѣ думали вѣроятно тоже, что думалъ Самойловъ: обшиваютъ стѣну досками для красоты. Мровинскій говоритъ: я думалъ, что для благообразія. Обшивка была сплошная, отъ угла стѣны, отдѣляющей лавку отъ дворницкой, вдоль всего помѣщенія на улицу черезъ двѣ комнаты, шириною въ $1^3/_4$ аршина надъ 10 вершковымъ утолщеніемъ стѣны, что составитъ вмѣстѣ 10+28 верш.=38 вершковъ или 2 арш. $^3/_8$, почти въ ростъ средняго человѣка, до самаго начала сводовъ. Въ этой обшивкѣ, на малой высотѣ отъ утолщенія стѣны были прорѣзы оконные, подъ подоконникомъ—планка, прибитая и держащаяся на брускахъ. Въ лавкѣ самой обшивка была выкрашена въ желтый цвѣтъ масляною краскою довольно старою, не представляющая ни малѣйшихъ признаковъ, что ее трогали, но въ жилой комнатѣ она была покрыта свѣжими совершенно сухими и совершенно чистыми обоями желтыми подъ клеенку, безъ трещинъ, царапинъ, задѣлокъ. Такъ ее характеризуютъ всѣ видѣвшіе. Если при осмотрѣ 5 марта усмотрѣна подъ сводомъ про-

рванная бумага, подъ которою ничего не оказалось, то это обстоятельство — позднѣйшее, не бывшее 28 февраля. Въ цѣлой обшивкѣ важными оказались не верхнія части, простѣнки между окнами, а нижнія или такъ называемыя *стулья оконъ*, вѣроятно особыми штуками поверхъ обшивки прибитыя, отъ планки подоконника до бетоннаго утолщенія стѣны. Они служили деревянными щитами, маскировавшими подкопъ. Начатая и брошенная ломка кирпича въ окнѣ въ лавкѣ направо сама по себѣ навела бы только на мысль о подкопѣ; лавка не обращала и не могла обращать особеннаго вниманія, потому что, такъ какъ она была публичное мѣсто, всегда открытое для посѣтителей съ улицы, то немыслимо, чтобы подкопъ могъ имѣть это окно за исходную точку. Но это обстоятельство стѣсняло свободу дѣйствій; надобно было работать только по ночамъ и необходимо было тщательно маскировать слѣды въ рабочіе дни. Настоящій подкопъ былъ подъ единственнымъ окномъ, заслоненнымъ постоянно цвѣтною занавѣсью въ жилой комнатѣ. Когда это окно осмотрѣлъ 5 марта суд. слѣдователь Ламанскій, то не по внѣшнему виду, а по осязанію, прикосновенію къ стулу окна Ламанскій ощутилъ, что онъ укрѣпленъ не твердо. Но между 5 марта и 28 февраля былъ большой промежутокъ времени, въ теченіе коего, вѣроятно 1 марта, щитъ совсѣмъ убирался, когда злодѣи стояли въ засадѣ на своемъ посту, готовые сомкнуть электрическую проволоку и произвести взрывъ. Потомъ, послѣ 1 марта, имъ не было дѣла до работъ, а только до бѣгства; самый видъ комнаты и расположеніе предметовъ были измѣнены, а щитъ былъ уже приставленъ кое-какъ и не прикрѣпленъ, между тѣмъ какъ, согласно тому, что я постараюсь доказать, онъ былъ весьма крѣпокъ 28 февраля, такъ что его приходилось бы топоромъ или инструментомъ отдирать, слѣдовательно, переходить къ поврежденію предметовъ и обыску.

Лерепландъ и Дмитріевъ винятъ Мровинскаго и Теглева, что они не добрались до земли, но никто не отзывался о щитѣ. Мровинскій прикасался ко щиту, щупалъ его, стучалъ по немъ. Ощути онъ малѣйшую его нетвердость, онъ бы его тутъ же отодралъ, но щитъ не поддавался его мышечнымъ усиліямъ.

Итакъ, изъ общаго обзора мѣстонахожденія подозрительныхъ предметовъ оказывается, что они недоступны были наблюденію Мровинскаго безусловно, а доступны были бы полиціи дѣйствительно, если бы она рѣшилась пошарить, если бы Мровинскій занималъ Кобезева напр. въ лавкѣ, между тѣмъ какъ полицейскіе пощупали бы то, что было по угламъ и подъ кроватью. Къ довершенію сказаннаго, замѣчу, что войлокъ въ углу не могъ возбуждать подозрѣнія, такъ какъ, по отзыву Новикова, онъ употреблялся для упаковки сыровъ, а то, что онъ оказался и за щитомъ и

между щитомъ и отверстіемъ подкопа, объясняетъ, почему стукъ рукою Мровинскаго былъ глухой и не давалъ звуковъ подозрительныхъ.

Теперь отъ общаго перехожу къ частному, отъ описанія предметовъ къ повѣствованію о ходѣ дѣйствій, совершающихся въ жильѣ Кобезева, объ операціяхъ лицъ, выбранныхъ для осмотра Теглевымъ и идущихъ гуськомъ такъ: Самойловъ—предупредившій Кобезева, Мровинскій, самъ Теглевъ, Лерепландъ; изъ мелкихъ исполнителей не шелъ никто, даже Дмитріевъ, который былъ бы крайне полезенъ и можетъ быть полѣзъ бы туда, куда не рѣшился бы полѣзть даже Лерепландъ. Сколько времени занялъ весь осмотръ? Мровинскій и Теглевъ не помнятъ, Лерепландъ помнитъ осмотръ какъ мимолетное видѣніе, длившееся отъ 5 до 6 минутъ. Оно, конечно, длиннѣе показалось Дмитріеву, поджидавшему подъ воротами не болѣе $^1/_4$ часа. Но любопытно, что стоявшему вмѣстѣ съ Дмитріевымъ дворнику Ульянову оно показалось менѣе получасу, а принимавшему участіе въ осмотрѣ дворнику Самойлову отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ часа и во всякомъ случаѣ не болѣе получасу. Средняя пропорціональная переходитъ за $^1/_4$ ч., но будь это время и 6 минутъ, то эта кратковременность и спѣшность можетъ быть отнесена только къ винѣ полиціи, а не къ винѣ Мровинскаго. Мровинскій шелъ подъ *явнымъ* предлогомъ сырости, на что достаточно полминуты на комнату, нѣтъ ли пятенъ на сводѣ, воды на полу, плѣсени на стѣнахъ, запаху сырости въ воздухѣ? и подъ *тайнымъ* — не усмотритъ ли онъ купно съ полиціей, которая въ этомъ отношеніи одинаково съ нимъ компетентна, слѣдовъ явныхъ и видимыхъ подкопа, но не только не прибѣгая къ обыску, а даже не подавая виду, что ищутъ чего-нибудь другого, кромѣ сырости. Предупреди его полусловомъ Теглевъ: намъ нужно время, затягивайте осмотръ и онъ бы затянулъ, онъ никуда не спѣшилъ, въ жилой комнатѣ могъ бы постоять, выкурить папироску, отдохнуть, покалякать о новостяхъ съ мостовой, попробовать сырку, завести разговоръ о сыроварняхъ и о превосходствѣ иностраннаго сыра передъ русскимъ или наоборотъ. Если спѣшили, такъ только потому, что Теглевъ имѣлъ 19,000 человѣкъ въ участкѣ и его помощники имѣли страшную массу служебныхъ дѣлъ на рукахъ. Имѣлось въ участкѣ всего только 8 околоточныхъ надзирателей съ конца 1880 г. вмѣсто прежнихъ 11 (дѣла у нихъ дѣлались быстро, какъ на почтовыхъ).

Когда былъ вызванъ изъ жилой комнаты Кобезевъ, то, по словамъ Самойлова, онъ почернѣлъ въ лицѣ, по словамъ Мровинскаго —побѣлѣлъ какъ полотно, по впечатлѣнію Теглева смутился, но скоро оправился. Осматривавшій Мровинскій рѣшилъ, несмотря на его заявленіе: „сырости нѣтъ“, быстро войти, минуя лавку, гдѣ,

понятно, не могло быть приспособленій видимыхъ по доступности ея публикѣ, въ жилую комнату. Мгновенно вошли туда всѣ пятеро съ Кобезевымъ, лавка осталась пуста. Если бы тамъ остался хотя одинъ городовой или Дмитріевъ, то они бы добрались и до бочки, и до кадки, и до обшивки, отъ нижней полки стойки до полу.

Г. Теглевъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, что въ жилой комнатѣ, обращаясь къ Мровинскому, сказалъ ему: „вотъ, ваше превосходительство, деревянная обшивка“, думая, что Мровинскій прикажитъ ее отодрать. Что обшивка была, того не могъ не видѣть всякій, кто имѣетъ глаза, а глаза Мровинскаго какъ техника указали ему, что ежели есть подкопъ въ лавкѣ, такъ это только по улицѣ, въ жилой комнатѣ, отъ стѣны до стѣны. Всѣ другія стѣны были для него не важныя, изъ нихъ нельзя было вести подкопа подъ улицу, но ту сторону Мровинскій взялся осматривать тщательнѣйшимъ образомъ. Прежде всего онъ велѣлъ ее очистить отъ всѣхъ предметовъ, коими стѣна была обставлена для замаскированія подкопа. Подъ самымъ окномъ—столъ, дальше у стѣны—высокій сундукъ, еще дальше въ углу—куски войлока. Всѣ эти предметы были отодвинуты. Сундукъ отодвигали Кобезевъ и дворникъ. Мровинскій спрашивалъ: тяжело ли? Сундукъ былъ въ пуда 2—3, подъ сундукомъ было темное пятно, которое оказалось налетной пылью, его стеръ Кобезевъ пальцами. То не была земля, въ сундукѣ не было вовсе земли, но тамъ были минныя принадлежности подъ бѣльемъ и платьемъ. Кобезевъ поднялъ и войлокъ. Зажгли свѣчу. Мровинскій, нагнувшись къ полу, осматривалъ бетонную кладку и низъ обшивки. Всѣ свидѣтели говорятъ, что онъ стучалъ по обшивкѣ. Пошатнись обшивка, какъ пошатнулась она подъ рукою Ламанскаго и Мровинскій тотчасъ же указалъ бы—что тутъ есть фальшь, не ширма, а подкопъ и тогда не онъ, а Теглевъ распорядился бы тѣмъ, чтобы щитъ взломали. Но ни осязаніе, ни звукъ не давали никакихъ разъясненій относительно непрочности обшивки и дольше останавливаться на обшивкѣ Мровинскій не счелъ себя въ правѣ, не возбуждая подозрѣній въ томъ, что производится обыскъ. Мровинскій не имѣлъ повода ни ради сырости, ни ради подкопа – осматривать стѣны, кромѣ лицевой; въ присутствіи его и Кобезева полиція въ лицѣ Лерепланда не смѣла шарить, но послѣ осмотра жилья Самойловъ доложилъ, о чемъ не знали Теглевъ и Мровинскій, что къ лавкѣ принадлежатъ еще двѣ кладовыя съ улицы, не отдѣланныя бетономъ и въ которыхъ сырость гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Тогда дворникъ, Мровинскій, Кобезевъ и Теглевъ прошли въ корридоръ, а Лерепландъ остался въ жилой комнатѣ, и не только для него настало раздолье, но еще, по словамъ Теглева, ему дано было приказаніе отъ Теглева осмотрѣть, нѣтъ ли чего подъ кроватью, а

тамъ были кирпичи въ рогожкѣ, да земля въ ящикѣ подъ сѣномъ. Смѣлости и нѣсколькихъ секундъ времени достаточно было бы, судьба Кобезева, а можетъ быть и судьба Россіи, были въ рукахъ Лерепланда, но Лерепланду не хватило духу, онъ не посмѣлъ, онъ одѣяла не приподнялъ, руку только просунулъ подъ кровать и то мимоходомъ, не посылая туда глазъ, и ощупалъ одну пустоту, хотя загляни онъ—и увидѣлъ бы кирпичъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ жилую комнату, Лерепландъ смотрѣлъ въ корридоръ и кладовыя, гдѣ между тѣмъ происходило слѣдующее.

Въ кладовой направо изъ корридора была совершенная пустота, даже, и сѣна не найдено, а можетъ быть было сѣно съ соломою, которую приподнялъ Самойловъ, но не нашелъ тамъ ничего. Въ кладовую налѣво зашли только присутствующіе Мровинскій, Кобезевъ и дворникъ. Теглевъ столь мало интересовался, что даже не вошелъ. Въ одномъ углу лежалъ коксъ съ полѣньями и, по словамъ Теглева, наблюдавшаго изъ корридора, кто-то поднялъ при свѣчкѣ кусокъ кокса и бросилъ на полъ, сказавъ: „коксъ“. Потомъ происходилъ осмотръ сѣна въ 2 аршина въ діаметрѣ, на которомъ Мровинскій сталъ ногами и ощупалъ, что подъ сѣномъ ровный полъ. На вопросъ: „зачѣмъ сѣно?“—получилъ естественный отвѣтъ: „отъ упаковки сыровъ“. Ни трубы, ни земли сырой, ни мѣшковъ никто не видалъ; въ углу у окна стояли ящики сверху пустые, снизу наполненные землею, установленные регулярно; ихъ нельзя было вскрывать, не подавъ виду, что дѣлается обыскъ. Изъ корридора всѣ входившіе вернулись въ жилую комнату, гдѣ Лерепландъ кивкомъ головы далъ знать Теглеву, что исполнилъ (надо сказать мимоходомъ — дурно исполнилъ) порученіе — пошарить подъ кроватью, то есть что ничего не нашелъ.

Не останавливаясь уже въ жилой комнатѣ, всѣ пятеро прошли въ лавку, оставленную на самый конецъ; здѣсь не осматривали обшивки, но созерцали, и я долженъ сказать—внимательно насколько возможно безъ вскрытія и бочку, и ея надписи, при чемъ заходилъ разговоръ и о заводовладѣльцѣ Кобезева на Гутуевскомъ островѣ, и о дороговизнѣ найма, и о малой выручкѣ—съ отвѣтомъ: „завожу знакомства“; наконецъ изслѣдованіе, котораго иниціативу приписываютъ себѣ и Мровинскій, и Теглевъ, и Лерепландъ, обшивки досочной нижней полки на стойкѣ противоположной входу. Что касается до обивки стойки, то несомнѣнно Мровинскій читалъ нравоученіе о несообразности этого приспособленія, о томъ, что на полъ могутъ западать кусочки сыру, засорить низъ, производить гніеніе и заражать воздухъ. Мровинскій вложилъ даже палецъ въ щель и дернулъ обшивку, но она была крѣпка и не поддалась.

Если Теглевъ думалъ, что Мровинскій предложитъ отодрать обшивку, то жестоко ошибался. Гораздо логичнѣе заключалъ Мро-

винскій: я думалъ, что когда я скажу, что отъ обшивки происходитъ гніеніе сыровъ и зараженіе воздуха, то полиція сама уже, въ видахъ санитарныхъ, которые до него какъ инженера не относятся, позоветъ врача или безъ врача прикажетъ отодрать доски. И онъ въ этомъ случаѣ правъ: его какъ инженера и не касается вопросъ изъ области гигіены и домашняго хозяйства. А обратилъ онъ вниманіе на обшивку не потому, чтобы оттуда возможенъ былъ подкопъ, и даже не потому, чтобы догадывался, что тамъ земля, а потому, что въ головѣ его мелькнула мысль о взрывчатыхъ веществахъ, которыя здѣсь можно хранить, а потомъ бросать ихъ изъ этого мѣста на улицу.

Послѣ сего имѣлъ, по словамъ Мровинскаго, мѣсто еще одинъ эпизодъ, котораго ни Теглевъ и Лерепландъ, ни Самойловъ не замѣтили. Мровинскій еще разъ, но уже одинъ, вошелъ въ жилую комнату, еще разъ прикоснулся къ обшивкѣ, оперся на подоконникъ, пробовалъ отдернуть его рукою, но безуспѣшно. Кобезевъ послѣдовалъ за Мровинскимъ какъ тѣнь и стоялъ тутъ у самой стѣны, отвѣчая утвердительно на вопросъ, такъ ли все было, какъ теперь есть, уже при наймѣ квартиры. Долѣе мѣшкать не было повода и даже предлога, полиція сама торопилась и стояла у выхода, заключая, что результатъ осмотра вышелъ отрицательный. При выходѣ имѣлъ мѣсто разговоръ о томъ, какой сыръ лучше: русскій ли или пармезанъ? и наступило подчиваніе кускомъ сыру, очень жесткимъ, при чемъ Мровинскій замѣтилъ, что Кобезевъ, изъ блѣднаго, какъ полотно, сдѣлался краснымъ и что на губахъ его играла самодовольная улыбка.

По выходѣ изъ лавки, для виду, что дѣйствительно осматривается сырость, Мровинскій пошелъ за дворникомъ въ подвалъ, потомъ онъ очутился съ Теглевымъ подъ воротами. Послѣ того они разстались. Что они передали другъ другу на разставаньи и съ чѣмъ они разошлись? Всего вѣроятнѣе то, что передаетъ неподозрительный свидѣтель Самойловъ: Мровинскій Теглеву говорилъ, что кажется ничего опаснаго не должно тутъ быть, выражался неопредѣленно, далеко отъ увѣренности въ томъ, что всѣ стѣны цѣлы, а высказалъ простое лишь удостовѣреніе, что видимыхъ признаковъ подкопа не имѣется.

Тѣ заключенія, которыя они могли другъ другу передать, были общія, да и выработаны сообща; о сырости, разумѣется, не толковали, но за признаками подкопа слѣдили оба. Теглевъ даже за спиною Мровинскаго давалъ Лерепланду порученіе пошарить подъ кроватью. Результатъ опыта былъ при тѣхъ условіяхъ наблюденія, которыя имѣлись, и не могъ не быть—отрицательный, относительно подкопа, но Теглева онъ не успокоилъ, да и у Мровинскаго зародились сомнѣнія сильныя, которыя онъ тутъ же Теглеву сообщилъ.

Неоспоримо то, что 1) лицо Кобезева показалось ему въ высшей степени подозрительнымъ; 2) несомнѣнно, что была рѣчь и о стойкѣ въ лавкѣ, и уже конечно не со стороны гигіенической, а со стороны возможности ея служить приспособленіемъ для метательныхъ снарядовъ. И всѣмъ осматривающимъ агентамъ власти запала въ душу и память эта стойка. Кромѣ того, больше чѣмъ вѣроятно, что Мровинскій указывалъ и на большой сундукъ, и на большущую бочку, какъ на предметы, которые слѣдовало бы обыскать. Всѣ выводы хотя и состояли въ неоткрытіи положительныхъ результатовъ подкопа, но клонились къ необходимости производства обыска по подозрительности лица и людей. Затѣмъ, найдены ли были эти подозрѣнія настолько основательными, чтобы повести къ обыску, это его вовсе не касалось. Это его до такой степени не касалось, что онъ не счелъ себя обязаннымъ ѣхать къ градоначальнику съ докладомъ; онъ зналъ, что прямого порученія отъ начальства не получалъ, а по требованію участковаго пристава являлся замѣстителемъ Аникина при осмотрѣ, производимомъ по случаю возможности подкопа, но подъ предлогомъ сырости, и по иниціативѣ полиціи и средствами полиціи, на которой, а не на немъ, и лежала обязанность довести это дѣло, ею затѣянное, до желаемаго ею, а не имъ, результата. Собственно его служебная задача, ограничивавшаяся предѣлами двойного порученія—явнаго и тайнаго, кончилась выходомъ изъ-подъ воротъ дома Менгдена и на нее не могло вліять—ѣздилъ ли онъ или не ѣздилъ къ градоначальнику съ докладомъ о неоказавшемся. Но такъ какъ тутъ именно на событіяхъ, послѣдовавшихъ за осмотромъ съ 1—4 часовъ, сгущаются тѣни и выходитъ самое крупное разногласіе между Мровинскимъ и Теглевымъ, между Мровинскимъ и г. Фурсовымъ, то я долженъ постараться возстановить истину насколько въ событіяхъ припутано и выводится понапрасну имя г. Мровинскаго, а ему приписывается то, чего онъ вовсе не совершалъ.

Предложеніе было не формальное, а устное, не личное, а только именемъ градоначальника сдѣланное, и не сопровождалось, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Теглевъ, никакимъ спеціальнымъ присовокупленіемъ словъ: „а о результатахъ осмотра съ г. Теглевымъ лавки Кобезева лично мнѣ доложите“. Когда есть такое спеціальное внушеніе, то изъ него слѣдуетъ не то, что обязанности доклада переходятъ на ассистента, но только то, что начальникъ будетъ имѣть два доклада, одинъ отъ главнаго дѣйствующаго лица, другой отъ ассистента и будетъ повѣрять впечатлѣнія одного впечатлѣніями другого. Если нѣтъ подобнаго внушенія, то обязанность ассистента являться съ особымъ докладомъ объ осмотрѣ къ начальнику ограничена слѣдующими двумя условіями: а) отсутствіемъ протокола; б) разномысліемъ главнаго осматривающаго и

ассистента по существеннымъ вопросамъ, рождающимъ въ ассистентѣ опасенія, что его соображенія не будутъ доложены или будутъ не въ надлежащемъ видѣ доложены начальнику. Когда протоколъ есть; то ассистентъ можетъ требовать внесенія или самъ внести свои мысли и наблюденія, послѣ чего идти къ начальнику уже и нѣтъ надобности, за него будетъ говорить бумага. Когда нѣтъ протокола, то необходимость явки къ градоначальнику вытекала бы изъ разногласія, либо выяснившагося при обсужденіи результатовъ сообща, либо возможнаго, когда не сообщались осматривающіе и не знаютъ—кто какого мнѣнія. Въ данномъ случаѣ никакого разномыслія не вышло, оба были безусловно согласны, послѣ чего могли и разойтись, не сговариваясь насчетъ дальнѣйшаго, Мровинскій—къ себѣ, а Теглевъ съ докладомъ—къ градоначальнику. Такъ, вѣроятно, и сдѣлалось, послѣ чего Мровинскій зашелъ къ домохозяину—Менгдену, съ которымъ говорить о подозрительности Кобозева ему не пришлось вслѣдствіе спеціальнаго предупрежденія со стороны Теглева, чтобы о томъ не говорить.

Но выходя отъ Менгдена, Мровинскаго взяло раздумье—а все-таки не сходить ли къ градоначальнику—и направился онъ съ этою цѣлью не по пути въ свою квартиру, а прямо въ противоположномъ направленіи—на Невскій проспектъ, гдѣ случайно обогналъ Теглева, тоже шедшаго по тому же направленію и разговаривавшаго съ какимъ-то знакомымъ въ форменной фуражкѣ. Свидѣтелемъ встрѣчи и разговора былъ, неслышавшій однако разговора, околоточный Дмитріевъ. Теглевъ говоритъ, что Мровинскій взялся доложить градоначальнику, что онъ, Теглевъ, былъ задержанъ, получивъ телеграму о вызовѣ его 1 марта въ 8 ч. утра, что затѣмъ, являясь къ градоначальнику съ докладомъ, онъ о результатахъ осмотра доложилъ и Фурсову тогда же. Во всякомъ случаѣ, это странный образъ дѣйствія. Въ подобнаго рода дѣлахъ не возлагается порученіе на ассистента, который предшествовавшихъ обстоятельствъ не знаетъ, въ особенности—если осмотръ не привелъ къ открытію подкопа, но возникли подозрѣнія и, слѣдовательно, сдѣлать обыскъ еще болѣе было необходимымъ.

Мровинскій утверждаетъ, что отъ дальнѣйшаго похода къ градоначальнику онъ былъ удержанъ г. Теглевымъ, сообщившимъ ему, что градоначальника нѣтъ дома, а что онъ, приставъ, самъ поѣдетъ и доложитъ къ 2 часамъ. „Я понялъ“, сказалъ Мровинскій, „что Теглевъ считаетъ мое присутствіе лишнимъ и что хочетъ что-то передать градоначальнику по секрету“ и такъ какъ нужды въ личномъ докладѣ градоначальнику не настояло, то Мровинскій вернулся домой и съ часу дня до слѣдующаго утра 1 марта уже не выходилъ, что подтверждено двумя свидѣтелями: лакеемъ Иваномъ Смирновымъ и бывшею служанкою Маріею Коккуренъ.

Они помнятъ это обстоятельство по характеристическимъ признакамъ субботы, пріѣзда пристава до завтрака въ 11 ч. и потомъ завтрака въ часъ, да бытности двухъ дочерей Мровинскаго, которыя не живутъ при отцѣ, а при разведенной съ нимъ матери и пріѣхали въ этотъ именно день, да прогостили весь день.

Эти два свидѣтельскія показанія составляютъ, кажется, довольно прочное основаніе, становясь на которое, я считаю себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ возразить противъ части показанія достопочтеннаго лица, а именно - бывшаго градоначальника, генерала А. В. Федорова. При многочисленности своихъ служебныхъ функцій, достопочтенный начальникъ города заблуждается, память ему вѣроятно измѣнила; Мровинскаго онъ не видѣлъ и не слышалъ пріѣзжающимъ съ докладомъ между 2 и 4 часами; вѣроятно онъ смѣшалъ Теглева съ Мровинскимъ, а Теглева не могъ онъ не видѣть, неявка Теглева была бы столь важнымъ упущеніемъ обязанностей службы, что не могла бы пройти незамѣтно. Градоначальникъ Федоровъ говоритъ крайне неопредѣленно—между 2 и 4 часами, „навѣрно помню“, говоритъ онъ, „что ранѣе 1 марта, слѣдовательно, до 12 час. ночи“. Вѣроятно градоначальникъ имѣлъ свои часы для пріема, можно бы возбудить вопросъ—кто Мровинскаго впускалъ, кто вмѣстѣ съ нимъ былъ при докладѣ, послѣ какой бумаги или какого посѣщенія и при какой обстановкѣ Мровинскій являлся. Безъ этихъ данныхъ показаніе г. Федорора остается туманнымъ и не можетъ не пошатнуться отъ двухъ согласныхъ и не заподозрѣнныхъ въ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, удостовѣряющихъ *alibi* Мровинскаго,

Рѣшившись послѣ зрѣлаго раздумья, въ виду неизбѣжности и въ силу обязанностей, лежащихъ на защитѣ, оспаривать такое авторитетное слово и такого высокопоставленнаго лица, какъ градоначальникъ столицы, я, во избѣжаніе всякой двусмысленности, всякаго превратнаго толкованія моихъ намѣреній, заявляю, что я это несогласіе съ несомнѣнною для меня истиною объясняю только ошибкою, столь понятною въ вихрѣ мчавшихся событій, въ которомъ совсѣмъ утопало безслѣдно дѣло необнаруженія по наружному осмотру подкопа въ заподозрѣнной лавкѣ Кобезева.

Съ одной стороны, ловились крупные государственные преступники, въ родѣ Тригони и Желябова, съ другой—событіе 1 марта заставило упустить изъ виду все, въ явной связи съ нимъ не состоящее. Люди, стоявшіе къ этимъ событіямъ въ ближайшемъ отношеніи, могли все мелочное по ихъ мнѣнію перепутать и забыть, что слѣдуетъ отнести къ слабости и несовершенству силъ и способностей человѣческихъ; отъ человѣка нельзя требовать невозможнаго. Чтобы доказать вамъ—какъ значительны могутъ быть эти ошибки и неточности, допущенныя противъ воли и вполнѣ добро-

совѣстно, я поставлю вамъ на видъ два предмета, касающіеся косвенно и моего кліента: а) обстоятельство о сундукѣ въ лавкѣ Кобезева и б) обстоятельство объ испрошеніи у Добржинскаго и Никольскаго обыска г. Фурсовымъ въ самый день 1 марта 1881 г.

Г. А. В. Федоровъ утверждаетъ, что 28 февраля пополудни или вечеромъ явившійся неизвѣстно при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ Мровинскій сообщилъ ему, что личность Кобезева весьма подозрительна и что необходимъ *обыскъ*, но не сообщалъ ничего о другихъ уликахъ, а именно—ничего о сундукѣ, но что 1 марта въ 10 ч. утра, при докладѣ, г. Фурсовъ заявилъ, что найденъ весьма тяжелый сундукъ. Отчего же не осмотрѣть — „осмотрите нынче", отвѣтилъ Федоровъ. Это показаніе иной видъ имѣетъ въ жандармскомъ дознаніи, болѣе согласномъ съ несомнѣнною невозможностью полиціи, по ея убѣжденію, производить обыскъ: приставъ и его помощникъ обѣщались пойти осмотрѣть сундукъ негласно Съ другой стороны, Фурсовъ утверждаетъ, что не видавъ ни Мровинскаго, ни Теглева и не зная отъ нихъ ничего, не могъ вѣдать о сундукѣ, а слѣдовательно и докладывать. Тутъ явно что-нибудь не такъ: либо Мровинскій говорилъ и о подозрительности Кобезева и о новой уликѣ—сундукѣ и требовалъ обыска, либо Теглевъ говорилъ о томъ же Фурсову, а чрезъ Фурсова всѣ эти обстоятельства дошли до Федорова или, минуя Фурсова, Теглевъ говорилъ о всѣхъ обстоятельствахъ и о сундукѣ Федорову, а сундукъ - это обстоятельство, которое выдвинуто Мровинскимъ. Рѣчь о сундукѣ не можетъ быть съ вѣтру схвачена, подробныя свѣдѣнія могутъ спутаться, но вещь не можетъ запечатлѣться въ памяти безъ разговора и безъ основанія.

Если бы я имѣлъ въ виду только выгораживать Мровинскаго, то я бы: а) взялъ за фактъ, что Мровинскій говорилъ и подозрѣвалъ Кобезева и домогался обыска и б) что онъ указывалъ на сундукъ,—сумма этихъ данныхъ оправдываетъ Мровинскаго, потому что, значитъ, Мровинскій указалъ на необходимыя мѣры, которыя не могли быть приняты полиціею, но о которыхъ должно было быть сообщено по принадлежности; произошла задержка, въ коей Мровинскій не виноватъ; не будь задержки, подкопъ былъ бы открытъ; затѣмъ—событіе 1 марта могло явиться послѣдствіемъ не плохого осмотра и непринятыхъ при ономъ подлежащихъ мѣръ, по недоведенія до подлежащей власти данныхъ и заключенія осматривавшихъ лицъ, ставившихъ обыскъ—какъ требованіе. Но *suum cuique*, всякъ да стоитъ при своемъ. Мровинскій не докладывалъ градоначальнику; однако, не виноватъ, потому что и безъ того въ секретное отдѣленіе сообщены были свѣдѣнія, которымъ, если бы давно было надлежащее направленіе, то Кобезевы были бы обысканы вечеромъ 28 февраля или 1 марта утромъ до развода въ манежѣ.

Другой характерный фактъ тотъ, что г. Фурсовъ, съ половины января почти ежедневно видавшійся либо въ секретномъ отдѣленіи, либо въ жандармскомъ управленіи съ жандармскимъ полковникомъ Никольскимъ и товарищемъ прокурора Добржинскимъ, производившимъ розыскъ о государственномъ преступленіи и 23 числа докладывавшій графу Лорисъ-Меликову объ обнаруженномъ въ квартирѣ Тригони и о посѣщеніи его человѣкомъ, похожимъ на Желябова, а 1 марта утромъ сообщившій и констатировавшій квартиру Желябова въ Тарасовомъ переулкѣ, ни разу не намекнулъ Никольскому и Добржинскому ни о подозрительной лавкѣ Кобезева, ни о лицахъ, ее посѣщавшихъ 27-го, изъ коихъ одинъ такъ усердно заметалъ свои слѣды, бѣжа на рысакѣ. До 1 марта онъ ничего не дѣлалъ, но въ самый день 1 марта, почти въ роковой моментъ киданія бомбъ, далъ чиновнику Янковскому, котораго съ утра не видалъ, слѣдующее довольно странное порученіе, въ дѣйствительности коего нельзя сомнѣваться, въ виду совершенно согласныхъ показаній и Никольскаго, и Добржинскаго. „Передайте Добржинскому“, сказалъ онъ Янковскому, посылая его нарочно назадъ въ Тарасовъ переулокъ, „не признаетъ ли онъ возможнымъ произвести обыскъ у Кобезева; скажите еще, что можно осмотрѣть лавку при участіи техника“. Запросъ предрѣшалъ требованіе, очевидно будучи разсчитанъ на отрицательный отвѣтъ, то есть на тотъ, который и полученъ, что: а) нужны же основанія для обыска, а ихъ нѣтъ, б) что, слѣдовательно, надо сдѣлать осмотръ и при малѣйшемъ признакѣ преступной цѣли устройства магазина принять свои мѣры съ немедленнымъ сообщеніемъ о томъ Никольскому и Добржинскому, потому что по закону 19 мая 1871 г. только эти лица властны производить обыски, внѣ случаевъ *flagrant délit*. Почему Г. Фурсовъ скрывалъ, что уже осмотръ произведенъ и что онъ не далъ результатовъ, то для меня безусловно непонятно, развѣ предположить, что онъ забылъ и о наканунѣ данномъ разрѣшеніи осмотрѣть лавку, и о предшествовавшихъ событіяхъ весьма подозрительныхъ 27 февраля, въ особенности въ виду уже извѣстной квартиры Желябова въ Тарасовомъ переулкѣ. Такой забывчивости я не допускаю, она въ прямомъ противорѣчіи съ намекомъ на то, что только что былъ докладъ у градоначальника и что градоначальникъ не допускаетъ обыска. Я отказываюсь разрѣшить эту путаницу, она ко мнѣ и не относится, изъ нея только явствуетъ: а) что нити изслѣдованія подкопа не были оборваны, а были доведены до секретнаго отдѣленія; б) что это отдѣленіе посмотрѣло на нихъ слишкомъ свысока, слишкомъ критически и скептически; в) что эта передаточная инстанція, вмѣсто того, чтобы, не мудрствуя лукаво, только передавать, передала запоздавъ днемъ и то только половину своихъ свѣдѣній, удержавъ про себя остальное,

раздумывая и не рѣшая. Во всякомъ случаѣ, будетъ ли это темное пятно объяснено или нѣтъ, а перваго я искренно желаю, я утверждаю, что гроза уголовная должна миновать и эксперта Мровинскаго и наружную полицію и что она можетъ висѣть только надъ недостаточно организованнымъ секретнымъ отдѣленіемъ. Не будь его, полиція по 1035 ст. у. уг. суд. изд. 1876 г. не въ секретное отдѣленіе, а жандармской власти сообщила бы и о случившимся 27 февраля и о результатахъ 28 февраля и настоящее дѣло не могло бы возникнуть и, слѣдовательно, необнаруженіе подкопа не могло бы имѣть тѣхъ неизмѣримо важныхъ послѣдствій, о которыхъ гласитъ, конечно—гадательно обвинительный актъ.

Защита моя приближается къ концу, весь запасъ соображеній выложенъ, больше я сказать не въ состояніи, всѣ обстоятельства, касающіяся Мровинскаго, разобраны; всѣ, какъ ни разбирать ихъ, идутъ въ его оправданіе и ни одно въ его обвиненіе. Что-нибудь да значитъ сила вещей, логика сцѣпленія обстоятельствъ, она-то и должна подѣйствовать на вашу свѣжую и непредубѣжденную совѣсть. Не можетъ быть, чтобы я ошибся, не можетъ быть, чтобы вашею совѣстью руководило какое бы то ни было иное соображеніе, кромѣ строгаго, безразличнаго, высокаго правосудія и словъ присяги: „не оправдывая виновныхъ, не осуждая невинныхъ“. Смѣю надѣяться, что всего болѣе чужда вамъ будетъ мысль о томъ, чтобы сверхъ тѣхъ лицъ, которыя понесли должное возмездіе на Семеновскомъ плацу за злоумышленіе 1 марта, и тѣхъ, которыя еще за то же злоумышленіе могутъ быть по обнаруженіи наказаны, скорбная и окровавленная тѣнь великаго и цѣлымъ народомъ оплакиваемаго усопшаго требовала еще и еще искупленія. Каждый христіанинъ носитъ въ сознаніи образъ распятаго на крестѣ и всепрощающаго Бога. Память великаго пострадавшаго можетъ быть достойнымъ образомъ почтена не наказаніями, а добрыми дѣлами, развитіемъ насажденныхъ имъ въ народѣ чувствъ справедливости, законности и учрежденій, вѣнцомъ которыхъ для насъ, собравшихся нынѣ здѣсь для общественнаго дѣла, являются судебные уставы 20 ноября 1864 г. Вы знаете, что самое тяжелое и трудно рѣшимое въ настоящемъ дѣлѣ то, что обвиняемые, если согрѣшили, то не изъ корысти или иныхъ личныхъ видовъ и побужденій, но изъ опасенія преступить законъ, установленный самимъ же злодѣйски умерщвленнымъ вѣнценосцемъ, законъ, запрещающій вообще полиціи производство обысковъ и данный въ видахъ охраненія неприкосновенности частнаго жилища отъ ежеминутнаго на него нашествія власти безъ основаній и внѣ формъ, внѣ условій, при которыхъ разрѣшается употреблять это вторженіе съ разборчивостью и осторожностью.

Теперь настало такое тяжкое и смутное время, что порою приходится пожалѣть: о, кабы этотъ законъ былъ попранъ! и слышатся голоса: долой охрану личности, долой всѣ мысли о святости человѣческаго лица, его свободы, его жилища, такъ люди бы разомъ готовы были стереть съ лица земли все насажденное славными вѣнценосцами—Петромъ I, Екатериною II, Александромъ II Господа, не будемъ же увлекаться минутою, смута пройдетъ, добро восторжествуетъ, будемъ-те строить не на день, не на два, а въ долготу вѣковъ. Законъ изъялъ обыскъ изъ вѣдѣнія полиціи; нельзя, однако, отступить отъ этого закона, мы можемъ желать, чтобы движеніе органовъ власти было быстрое, чтобы, въ виду усиливающейся крамолы, по малымъ признакамъ производимъ былъ обыскъ, но обыскъ долженъ былъ производимъ все-таки лишь слѣдственною властью и съ соблюденіемъ формъ. Если отъ несовершенства учрежденія и недостаточно быстрой его игры случилось великое и всенародное несчастіе,—не кидаться же вспять въ безформенный произволъ и дикую силу. Васъ никто не заподозритъ, что вы хотѣли мирволить слугамъ лѣнивымъ и небрежнымъ, выдавшимъ Государя на ужасную кончину; скажутъ: несчастіе, судьба всего земнаго погибать..., да и то само послужитъ утѣшеніемъ, что одинъ, двое или трое подсудимыхъ окажутся вѣрными, добрыми и порядочными слугами, которымъ только потому не удалось предохранить Государя, что слабъ человѣкъ, пониманіе и прозорливость его ограничены.

Вы не можете осудить Мровинскаго, онъ былъ только позванъ для присутствованія какъ техникъ-ассистентъ; по отношенію къ нему нельзя даже и установить состава преступленія бездѣйствія власти по 339 и 341 ст. улож. непринятіемъ бывшихъ въ его распоряженіи мѣръ для открытія подкопа, потому что: 1) власти онъ не имѣлъ никакой, а только наблюдалъ при извѣстныхъ условіяхъ и сообщалъ, наблюдать же не полѣнился и ничего не утаилъ; 2) что въ его распоряженіи не было никакихъ мѣръ, такъ какъ не онъ производилъ осмотръ, а полиція, которая знала, въ какихъ этотъ осмотръ долженъ быть произведенъ границахъ. О, если онъ зналъ и не донесъ, то ему было бы мѣсто между цареубійцами, а не въ дѣлѣ о преступленіи по должности. Вы едва ли можете осудить и Теглева, у котораго, хотя онъ имѣлъ въ своемъ предупрежденіи средства розыска, одна общая защита съ Мровинскимъ—безусловный запретъ производить обыскъ, на законѣ основанный и Мровинскому сообщенный и растолкованный. Можетъ быть, наконецъ, вы оправдаете и самого Фурсова; въ томъ, въ чемъ онъ обвиняется, онъ едва ли виновенъ, и онъ не властенъ былъ обыскивать, слѣдовательно и не въ его силахъ было обнаружить подкопъ, а мо-

жетъ быть онъ виноватъ въ томъ, что не довелъ нити уликъ до надлежащей власти, на обыскъ отъ государства уполномоченной. Жду отъ правосудія вашего оправданія моего кліента — Мровинскаго.

С.-Петербургская судебная палата нашла, что признанная присяжными засѣдателями вина Мровинскаго, Теглева и Фурсова соотвѣтствуетъ признакамъ противозаконнаго бездѣйствія власти. Вслѣдствіе сего она опредѣлила: лишивъ ихъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать ихъ на житье въ Архангельскую губернію съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ихъ жительства, въ теченіе трехъ лѣтъ.

На этотъ приговоръ подсудимые принесли Правительствующему Сенату кассаціонныя жалобы. Разборъ происходилъ въ присутствіи уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената 16 февраля 1882 г.

Рѣчь въ защиту МРОВИНСКАГО въ Сенатѣ.

Являюсь послѣднимъ, всѣ мотивы товарищей Мровинскаго, по скамьѣ подсудимыхъ, идутъ ему впрокъ; если будетъ признано, что необнаруженіе подкопа въ данномъ случаѣ, произведеннаго казненными смертью преступниками, допущено Теглевымъ по нерадѣнію только и безъ умысла, т. е., что его дѣяніе подходитъ подъ 446 ст. улож., то только подъ эту статью подойдетъ и Мровинскій, тоже какъ человѣкъ, дѣйствовавшій безъ умысла и не сознававшій, что непринятыя имъ мѣры, за непринятіе коихъ онъ судится, слѣдовало принять. Во всякомъ случаѣ, что онъ могъ бы судиться за преступное нерадѣніе, но не за бездѣйствіе власти. Если будетъ признано, что всякая власть исходитъ (разумѣется, по Евангелію— отъ Бога, но затѣмъ, какъ подобаетъ въ самодержавной странѣ) отъ государя и по волѣ государя, объявленной, записанной, закрѣпленной въ формѣ закона, и если на основаніи этого закона будетъ оправданъ Фурсовъ, человѣкъ—никакой властью по закону не снабженный, закулисный дѣятель, стоящій за градоначальникомъ и пользующійся только закулиснымъ вліяніемъ на сего послѣдняго, то точно на томъ же основаніи не можетъ быть признанъ властнымъ лицомъ по части слѣдственныхъ дѣйствій Мровинскій—техникъ, котораго обязанности, опредѣленныя какъ закономъ, такъ и инструкціями градоначальника не даютъ возможности заключать, чтобы онъ могъ быть употребляемъ какъ органъ слѣдственный. Онъ, по инструкціи градоначальника отъ 21 января 1877 г. № 22, обязанъ исполнять отдѣльныя порученія градона-

чальника, разумѣется—порученія, относящіяся къ его спеціальности, къ той роли, какую въ административныхъ дѣлахъ долженъ занимать этотъ, по выраженію градоначальника Федорова, *техническій экспертъ*.

Если по выраженію моего товарища Пассовера, по сдѣланіи обыска въ 15 томахъ свода законовъ съ продолженіями—нельзя было найти ни одной статейки, изъ которой можно бы заключить о принадлежности одной дробинки власти секретному начальнику секретнаго отдѣленія, то точно такимъ же образомъ нельзя найти ни единой статейки, изъ которой можно бы вывести дѣятельную роль техника въ области розыска преступленія или слѣдствія. Розыскъ о преступленіи опредѣляется законами о разслѣдованіи преступленій, т. е. законами судопроизводства, которые должны имѣть по настоящему дѣлу рѣшающее значеніе. Съ ними въ рукахъ я утверждалъ и утверждаю, что техникъ и на судѣ и на слѣдствіи и при жандармскомъ дознаніи и при предварительномъ дознаніи—есть лицо не самостоятельное, употребляемое какъ органъ розыска или суда, дающее только заключеніе и что наибольшее—что ему разрѣшается по собственному усмотрѣнію и разумѣнію, это—обращеніе, по 333 ст. уст. уг. суд., вниманія производящей розыскъ власти на то, что она пропустила, требованіе, чтобы предприняты были имъ, слѣдователемъ, а не экспертомъ, мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы поставить ихъ обоихъ въ условія изслѣдованія искомаго предмета болѣе благопріятныя, нежели тѣ, при которыхъ ихъ заставляли производить изслѣдованіе. Я и предлагаю, не встрѣчая никакого нигдѣ возраженія (оно, по моему мнѣнію, даже немыслимо): судите Мровинскаго какъ эксперта по уголовному судопроизводству, а такъ какъ экспертъ по уголовному дѣлу не предполагается имѣющимъ власть, а изслѣдованіе производится только посредствомъ его, а не имъ—по 330 ст., то немыслима власть, немыслимо превышеніе власти и неправильно, противозаконно само преданіе Мровинскаго суду. Вся эта аргументація, противъ которой нельзя возражать, настолько, по моему глубокому убѣжденію, она крѣпка, солидна, что нельзя ее атаковать съ фронта, она просто не сдается, она — неприступная позиція.

Судебная палата и не думала ее атаковать, она ее обошла. Она построила свое обвиненіе Мровинскаго на нижеслѣдующихъ весьма тонкихъ соображеніяхъ, которыя хотя очень тонки, но въ сущности очень несостоятельны, что я и постараюсь доказать, а если докажу, то устранится возможность сомнѣваться въ ихъ неправильности.

Судебная палата разсуждаетъ въ сущности слѣдующимъ образомъ: Мровинскій не былъ экспертъ. Онъ отъ своего начальства получилъ слѣдующее порученіе: одно явное и входящее въ кругъ его

административныхъ обязанностей,—осмотрѣть подвалъ, нѣтъ ли сырости. По осмотру онъ былъ распоряжающимся, власть имѣющимъ лицомъ. Другое—секретное, подъ видомъ будто бы осмотра для сырости, розыскать—нѣтъ ли подкопа, а какъ на него возложено было такимъ образомъ подъ видомъ изслѣдованія сырости—произвести розыскъ о подкопѣ, то онъ и обязанъ былъ совмѣстно съ осмотромъ сырости произвести осмотръ о подкопѣ, причемъ уже являлся главнымъ по розыску лицомъ, техникомъ по части сырости и по части подкопа, разыскивающимъ этотъ подкопъ. Теглевъ могъ ему только содѣйствовать въ притворномъ отысканіи сырости, а слѣдовательно содѣйствовать и въ обнаруженіи подкопа, какъ второстепенное лицо. Оба они въ неодинаковой степени виновны въ непринятіи мѣръ для достиженія настоящей цѣли порученія. Если порученіе дано было—произвести розыскъ, т. е. обыскать лавку Кобезева, то Мровинскій и былъ настоящимъ розыщикомъ въ данный моментъ, потому что воля начальства выше всего; велятъ полицейскому—лечить и лечи, велятъ аптекарю—окрестить ребенка и крести его, велятъ телеграфисту—командовать отрядомъ и командуй, а ты, что это не твоя обязанность, не по твоимъ знаніямъ и способностямъ—не разсуждай, не разговаривай. Однимъ словомъ, когда прикажутъ лѣзть куда-нибудь, то хоть тресни, но полѣзай, а сплоховалъ или промахнулся, такъ неси полную за неудачу отвѣтственность. Въ этомъ умозаключеніи руководящая идея—та, что хотя бы данное лицо и не было квалифицировано для исполненія какъ слѣдуетъ извѣстной функціи, разъ на него функція возложена, онъ уже и несетъ всю эту пошу. Подобная идея не только существуетъ, но прорывается отчасти въ практикѣ судебной вообще и въ кассаціонной, въ особенности по дѣламъ о преступленіяхъ по должности, по вопросу о томъ,—могутъ ли совершать не должностныя лица, никогда на государственную службу не опредѣленныя и не присягавшія, преступленія по должности. Кажется, здравый смыслъ какъ будтобы подсказываетъ: не могутъ. Между тѣмъ признано по дѣлу Вериго 1869 г. № 982 и по дѣлу Кирилова 1873 г. № 554, что отвѣтственность по должности зависитъ вовсе не отъ того, состоялъ ли человѣкъ на службѣ по назначенію отъ правительства или по выборамъ или просто по найму, а составляло ли его дѣяніе нарушеніе обязанностей на него возложенныхъ, хотя бы по вольному найму. Даже лишенные правъ и тѣ могутъ быть судимы какъ за преступленія по должности. Есть цѣлый рядъ подобныхъ же рѣшеній, проводящихъ тѣ же правила детально о главныхъ воротилахъ дѣлъ въ крестьянскомъ мірѣ, о волостныхъ писаряхъ.

Итакъ, по настоящему дѣлу, главная, по понятіямъ судебной палаты, работа была та, чтобы констатировать, что на Мровинскаго сверхъ явнаго порученія о сырости было тайно возложено

обязательное для него, хотя и за предѣлы его служебныхъ функцій выходящее, порученіе о подкопѣ. Какъ эту послѣднюю особенность констатировать? Дѣло было довольно трудное, такъ какъ и порученіе-то было крайне безформенное, спѣшное. словесное. Палата эта удостовѣреніе совершаетъ, такъ сказать, двумя отдѣльными чертами, по проведеніи которыхъ она полагала, что, все уже фиксировано и окончательно закрѣплено: 1) въ вопросѣ присяжнымъ она поставила—виновенъ ли Мровинскій, что бывъ техникомъ и бывъ приглашенъ Теглевымъ отъ имени градоначальника произвести техническій осмотръ въ лавкѣ Кобезева подъ предлогомъ сырости, *но зная*, что настоящею цѣлью осмотра есть обнаруженіе подкопа или слѣдовъ онаго съ цареубійственною цѣлью, не принялъ мѣръ, которыя, соотвѣтствуя дѣйствительной цѣли, т. е. обнаруженію подкопа, могли годиться и для кажущейся цѣли — обнаруженія сырости. Укажу на умышленную и странную неопредѣленность слова „*зная*“. Зная стороною, зная отъ другихъ, зная, потому что я догадываюсь или умозаключаю, какъ умозаключаю я, не видавъ того, что земля кругла, что она вокругъ солнца вертится и т. д. Опредѣленнѣе и нельзя было сказать. Оффиціально приставъ Теглевъ передавалъ только порученіе о производствѣ осмотра ради сырости, а затѣмъ только частнымъ образомъ онъ ему передавалъ свои нераздѣляемыя Фурсовымъ и Федоровымъ догадки о возможности либо подкопа, либо приспособленій для метательныхъ снарядовъ. Такова формулировка вопроса присяжнымъ; изъ нея нельзя вывести порученія на обыскъ подкопа, въ ней только намекъ, что такой обыскъ для начальства былъ бы желателенъ.

2) Затѣмъ, въ окончательныхъ выводахъ, въ пунктѣ 4-мъ, палата уже на основаніи вердикта присяжныхъ, сомкнувъ не сходившіеся концы—*бывъ приглашенъ* и *зная* и образуя изъ ихъ одно непрерывное кольцо, полагаетъ слѣдующее: Мровинскій—не чинъ полиціи въ тѣсномъ смыслѣ слова (т. е. не человѣкъ, производящій розыскныя дѣйствія), но такъ какъ по настоящему дѣлу рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей признано, что на него было возложено спеціальное порученіе—произвести техническій осмотръ подвальнаго помѣщенія Кобезева съ цѣлью обнаружить подкопъ или слѣды онаго, но подъ предлогомъ сырости, то въ данномъ случаѣ къ его обязанности относилось и обнаруженіе означеннаго преступленія въ предѣлахъ даннаго ему, какъ технику, порученія. Заключеніе отъ начала до конца въ этомъ выводѣ несогласно съ истиною, невѣрно и скажу больше – противозаконно.

1) Невѣрна, праздна и неумѣстна—ссылка на присяжныхъ, которые будто бы признали, что на Мровинскаго возложено властью спеціальное порученіе по обнаруженію подкопа. Ничего подобнаго въ вердиктѣ нѣтъ. Спайка изобрѣтена самою палатою, но концы

согнутаго прута, все-таки, несмотря на спайку, не сходятся. Изъ вердикта видно, что: 1) Мровинскій былъ призванъ осматривать сырость и 2) зналъ, что цѣль осмотра, не у него, конечно, а у тѣхъ, которые его призывали, иная, не сырость, а обнаруженіе подкопа. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь порученіе по подкопу, а слѣдовательно не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ обязанъ принять мѣры къ обнаруженію подкопа. Онъ единственно долженъ былъ ограничиться изслѣдованіемъ сырости, а по подкопу—ждать, пока ему не укажутъ что дѣлать, пока его, призваннаго какъ эксперта по сырости, не употреблятъ на обнаруженіе подкопа, тоже какъ эксперта. Возьмемъ примѣръ изъ жизни. Есть два лица — Иванъ и Петръ, которые находятся въ сильнѣйшей и для всего общества вредной враждѣ. Друзья соглашаются ихъ примирить. Трудность та, что ни Иванъ, ни Петръ не хотятъ сдѣлать перваго шага. Тогда друзья рѣшили устроить свиданіе на нейтральной почвѣ. Общій знакомый обоихъ— Алексѣй даетъ раутъ, зная, что цѣль раута—содѣйствовать тому, чтобы враги сошлись и помирились. Самъ онъ ихъ къ миру не склоняетъ, не беретъ на себя почина; соглашенія не состоялось, – слѣдуетъ ли Алексѣя винить въ неудачѣ потому, что, зная о цѣли раута, онъ не вступился самъ лично въ примиреніе враждующихъ; да это не входило въ соглашеніе, это не было на него возложено, онъ зналъ, но не брался помирить. Итакъ, не касаясь еще вопроса о томъ, могли ли Мровинскому, какъ технику, быть поручены дѣйствія техническія по другой спеціальности, а именно—производство обыска, я утверждаю, что тутъ есть легкая передержка, что присяжными вовсе не признано, чтобы Мровинскому поручено было подъ видомъ осмотра сырости—производство техническаго осмотра по обнаруженію подкопа, а ими признано, что Мровинскій былъ командированъ для осмотра сырости, причемъ онъ зналъ, что будутъ искать еще и подкопа или слѣдовъ его, причемъ его, можетъ быть, употребятъ какъ техника и по этой части, но никакихъ однако дальше порученій онъ не получалъ и остался при простомъ знаніи о цѣляхъ— не своихъ, а полиціи, которая его приглашала.

Если эта аргументація убѣдительна, а я полагаю, что она убѣдительна, потому что очевидна, достаточно сопоставить начало вывода съ его серединою, вопросы присяжнымъ съ 4-мя мотивами, чтобы 4-й мотивъ отвалился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на соотвѣтствующія средства, т. е. власть мѣропріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая отвѣтственность Мровинскаго.

Но та трещина въ рѣшеніи, которую можно такъ сказать пальцами ощупать, заключается въ томъ, что не сходится вердиктъ присяжныхъ съ описаніемъ содержанія этого вердикта въ 4-мъ мо-

тивѣ. Это крупный недостатокъ, но можетъ быть только поверхностный, наружный? Нѣтъ, онъ не наружный,— онъ глубокій, коренной; трещина проходитъ чрезъ всю, такъ сказать, толщу дѣла; за невѣрною подгонкою вердикта къ мотивамъ идетъ другой порокъ рѣшенія: ссылка на присяжныхъ засѣдателей для опредѣленія обязанностей, лежавшихъ на Мровинскомъ по розыску подкопа какъ на техникѣ, признаніе, что присяжные разрѣшили вопросъ, лежавшій внѣ ихъ компетенціи, взваливаніе на ихъ плечи въ чемъ они не повинны и не могутъ быть повинны. Возложеніе на присяжныхъ не подобающей имъ функціи по рѣшенію находится въ прямомъ противорѣчіи съ образомъ дѣйствія предсѣдателя во время судебнаго слѣдствія, какъ о томъ можно удостовѣриться, справившись съ протоколомъ судебнаго засѣданія и на что указано и въ моей кассаціонной жалобѣ. Вся суть дѣла состояла въ разграниченіи свойства обязанностей и предѣловъ власти двухъ должностныхъ лицъ, двухъ, можно сказать, техниковъ, техника по строительной и техника по слѣдственной части, о которыхъ въ 1-мъ мотивѣ суда сказано: изъ общаго смысла рѣшенія присяжныхъ явствуетъ, что всѣ подсудимые не приняли мѣръ къ обнаруженію подкопа. Уяснить эти предѣлы сторонамъ не было дано при судебномъ слѣдствіи; по моему требованію прочитанъ былъ, правда, приказъ градоначальника № 22, но это чтеніе могло вести къ результату только отрицательному, то есть что обязанности техника при розыскѣ вовсе не опредѣлены. Когда затѣмъ я хотѣлъ допрашивать техниковъ юристовъ, напримѣръ слѣдователя Ламанскаго о власти слѣдователя, который въ данномъ случаѣ замѣняетъ полицію, объ отношеніяхъ его къ технику, о томъ — кто при слѣдствіи, либо при дознаніи—главное лицо, г. предсѣдатель меня прервалъ и заявилъ, что онъ, предсѣдатель, эти вопросы, не фактическіе, не житейскіе, а чисто юридическіе, объяснитъ присяжнымъ въ своемъ заключительномъ словѣ, послѣ преній сторонъ, въ которомъ будутъ ссылки сторонъ на законы. Я докажу, что предсѣдатель въ данномъ дѣлѣ этой функціи не исполнилъ, и докажу это притомъ не протоколомъ засѣданія, а 4-мъ мотивомъ рѣшенія, въ которомъ законъ остался въ сторонѣ, а принято за руководящее правило, что коль скоро дано по службѣ порученіе, то уже оно обязательно и возлагаетъ отвѣтственность за бездѣйствіе власти. Но именно вслѣдствіе изъятія этого вопроса о свойствѣ правъ и обязанностей каждаго служащаго лица по закону и предоставленія его исключительно себѣ, суду изъ техниковъ по истолкованію закона, судебная палата преградила себѣ возможность ставить присяжнымъ вопросы о томъ, что техникъ обязанъ былъ по закону дѣлать и чего не обязанъ былъ дѣлать. Палата совершила крупное смѣшеніе функцій и нарушила коренныя основы судопроизводства,

она вмѣстѣ съ тѣмъ обошла и правила, установленныя кассаціонною практикою Правительствующаго Сената по классическому дѣлу Ушакова мирового посредника (1872/1123), о которомъ, вопреки закону, с.-петербургскою судебною палатою поставлены были вопросы присяжнымъ, что онъ, не сдѣлавъ, какъ бы то слѣдовало по закону, надлежащаго постановленія и не имѣя права наказывать тѣлесно волостныхъ старшинъ, сѣкъ ихъ розгами и ставилъ на колѣни. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ по должности присяжные засѣдатели могутъ разрѣшать вопросы только о томъ: совершено ли подсудимымъ извѣстное дѣяніе и должно ли оно быть ему вмѣнено въ вину. Затѣмъ, вопросъ о томъ, имѣлъ ли подсудимый право совершить дѣяніе по предоставленной ему закономъ власти, а равнымъ образомъ не составляетъ ли такое дѣяніе неисполненія возложенныхъ на него обязанностей по службѣ, подлежитъ (какъ юридическій, а не практическій вопросъ) рѣшенію самого суда, потому что рѣшеніе его состоитъ въ прямой зависимости отъ толкованія закона и опредѣленія значенія поступка подсудимаго по отношенію его къ служебнымъ обязанностямъ.

Но и этимъ крупнымъ нарушеніемъ закона вопросъ не разрѣшается, оно не есть послѣдній порокъ въ рѣшеніи. Если мы зададимся вопросомъ—почему, выгородивъ для себя всецѣло въ судебномъ слѣдствіи разрѣшеніе вопроса объ исполненіи или неисполненіи обязанностей, судебная палата затѣмъ такъ упорно въ рѣшеніи слагаетъ съ себя это разрѣшеніе и выводитъ его изъ того, что признано рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей, то мы не можемъ не усмотрѣть, что этотъ пріемъ есть опять спайка, прикрывающая пробѣлъ, маскируемый этою ссылкою на присяжныхъ. Мы найдемъ, что палата натолкнулась на вопросъ сложный, котораго не хотѣла или не могла разрѣшить, вслѣдствіе чего вывела, что онъ присяжными разрѣшенъ, между тѣмъ какъ онъ не разрѣшенъ, не могъ быть по закону разрѣшенъ и даже не разобранъ вовсе палатою. Этотъ третій крупный порокъ палатскаго рѣшенія состоитъ въ слѣдующемъ.

Допустимъ то, чего въ настоящемъ случаѣ не было, то есть, что дѣйствительно подлежащею властью, напр. градоначальникомъ черезъ пристава возложено было на техника Мровинскаго спеціальное порученіе—сдѣлать осмотръ съ цѣлью не—обнаруженія подкопа, какъ неправильно сказано въ вопросахъ присяжнымъ, а разысканія есть ли въ этой лавкѣ подкопъ, и допустимъ затѣмъ, что Мровинскій не то—что не произвелъ всего того, что могло вести къ обнаруженію подкопа, но совсѣмъ и не приступалъ къ производству, просто бы на этотъ осмотръ не пошелъ, ни одного почему-либо изъ дѣйствій, изъ коихъ осмотръ состоитъ, не совершилъ, слѣдовало бы ли *eo ipso*, изъ за того, что онъ своей обя-

занности не исполнилъ, считать его виновнымъ не въ неисполненіи требованій по службѣ, и въ бездѣйствіи власти? Я полагаю, что нѣтъ. Могло быть ему дано порученіе и несмотря на то могла на немъ не лежать обязанность исполнить порученіе, потому что по 329—337 ст. улож. преслѣдуется должностное лицо только за неисполненіе указовъ, предписаній и законныхъ по службѣ требованій, а по 339 ст. бездѣйствующимъ оказывается только лицо, не употребившее всѣхъ ему закономъ указанныхъ средствъ, наконецъ, что ни жизнь наша, ни законъ не ведутъ къ заключенію, чтобы всякія требованія и порученія, какія могутъ только быть даны, такъ-таки и подлежали исполненію потому только, что они свыше даны. Механика общественная и государственная немножко сложнѣе и хитрѣе того. Частный человѣкъ когда получитъ приказаніе или порученіе отъ власти *ad faciendum*, спроситъ и не можетъ не спросить: а въ силу какой повинности и на основаніи какого закона онъ это долженъ сдѣлать? Что касается до лицъ служащихъ, то положеніе ихъ было бы проще, если бы все совершалось по той механикѣ, что если поручено что-нибудь, то и дѣлай а больше не спрашивай. Но къ сожалѣнію—есть законъ. Не говоря о 77 ст. основ. зак., по которой начальство, даже получивъ отъ министра предписаніе, отмѣняющее законъ, изданный за собственноручнымъ подписаніемъ Императора, обязано, не исполняя, сдѣлать представленіе министру, а если предписаніе повторено, то представить Правительствующему Сенату, я нахожу, что въ томъ же III т. свод. закон. о службѣ гражд. и въ той же главѣ 6-й общихъ обязанностей служащихъ, раздѣлъ III, откуда палата извлекла изъ ст. 712—обязательность извѣстной степени благоразумія или проницательности, въ каковой статьѣ говорится только о качествахъ, требуемыхъ отъ служащаго, и въ числѣ ихъ поставленъ здравый смыслъ, есть еще очень важныя статьи: 717, 718 и 719. Статья 717: Никто изъ служащихъ не долженъ простирать своей власти за предѣлы, предоставленные ей закономъ"; 718: „Всякій обязанъ исправлять свое дѣло по точной силѣ и словамъ законовъ" и 719: „Если данное отъ начальства повелѣніе кто сочтетъ незаконнымъ или противнымъ интересу Его Императорскаго Величества, тотъ обязанъ неупустительно исполнить то, что на подобные случаи и въ учрежденіи занимаемой имъ должности предписано". Итакъ, не всякое порученіе слѣдуетъ исполнять; исполнить его можно только сообразивъ, что оно законное, слѣдовательно мысленно его провѣривъ и затѣмъ акцептовавъ, безъ чего—рискуешь попасть подъ судъ, не въ одиночку, а вмѣстѣ съ другими, вмѣстѣ съ начальствомъ, отъ чего подсудимому не легче. Такъ какъ приказаніе было незаконное, то оно—недѣйствительное, если оно—недѣйствительное, то исполнившій его безъ законныхъ основаній дѣйство-

валъ какъ бы его не было, то есть дѣлая не свое дѣло, превысилъ свою власть, такъ что онъ рискуетъ быть судимымъ за превышеніе власти. Признаюсь—выборъ трудный и если изъ двухъ золъ выбирать, то лучше судиться за бездѣйствіе, нежели за превышеніе власти, по крайней мѣрѣ отъ отрицательнаго поступка и зло можетъ быть только отрицательное. Независимо отъ этихъ опасеній — какъ бы не повредить кому отъ избытка служебнаго усердія, есть и другого рода препятствіе: неумѣнье техника по одной спеціальности совершать техническія дѣйствія по другой спеціальности: прикажите-ка лекарю построить мостъ или фронтовому офицеру поступить въ телеграфисты. Повторяю непремѣнно извѣстный разговоръ Гамлета съ Гильденштерномъ („сыграйте на флейтѣ—не умѣю. Принцъ—прошу васъ.—Не знаю какъ взяться за нее.—Это такъ легко, пусть пальцы и клапаны управляютъ отверстіями, дайте инструменту дыханіе изъ вашихъ устъ.—Не владѣю искусствомъ извлекать гармонію“). Итакъ, всякому исполненію даваемаго порученія могутъ воспрепятствовать боязнь отвѣтственности за дѣйствіе внѣ сферы служебной дѣятельности и неумѣнье дѣйствовать. Оба эти препятствія могутъ ли быть устранены (вполнѣ или отчасти, это еще—вопросъ) акцептованіемъ порученія. Хотя оно не по моей части, но я берусь исполнить, значитъ—отвѣчаю; можетъ быть, попадусь за превышеніе власти, во всякомъ случаѣ могу отвѣчать и за бездѣйствіе. Это-то значеніе принятія на себя порученія и составляетъ юридическое основаніе принятаго въ житейской практикѣ начала отвѣтственности неслужащаго человѣка за преступленіе по должности, которую онъ занималъ не надлежащимъ можетъ быть порядкомъ, безъ личныхъ, требуемыхъ для того условій, безъ присяги, не по назначенію отъ правительства и не по выборамъ, а по вольному найму: взялся, такъ и терпи и отвѣтствуй. Но это начало отвѣтственности неслужащаго на государственной службѣ какъ за преступленіе по должности не только не идетъ къ настоящему дѣлу и положенію Мровинскаго, но оно и совсѣмъ не можетъ быть примѣнено даже по аналогіи, даже по выводу изъ него отдаленнѣйшихъ его послѣдствій. Допустимъ, что неслужащему лицу ввѣрена была должность казначея, секретаря, волостного писаря, а ему поручатъ исправленіе обязанностей школьнаго учителя, медика или инженера; ясно, что акцептовавъ должность кассира, секретаря или писаря, онъ можетъ отвѣчать за исполненіе обязанностей только по этой должности, а не по какой-либо иной. Ясно, что если бы на него возложили не ту функцію, на которую онъ былъ нанятъ и если бы онъ отказался ее исполнить или исполнилъ плохо, боясь отвѣтственности или не умѣя дѣйствовать, то и въ такомъ случаѣ едва ли бы онъ могъ быть судимъ за бездѣйствіе власти, потому что само порученіе было незаконно, а слѣдовательно

несмотря на принятіе—недѣйствительно. Но отклонимъ это осложненіе, не имѣющее значенія, такъ какъ Мровинскій хотя и не чинъ полиціи, а все-таки человѣкъ служащій, и остановимся прямо на Мровинскомъ. По отношенію къ нему возникали важные вопросы, чрезъ которые перескочила судебная палата; вопросы эти были слѣдующіе.

Если допустить (чего въ сущности не было, и что виситъ и въ рѣшеніи не на словѣ *требуя*, а на словѣ *зная*), что Мровинскому порученъ былъ техническій осмотръ лавки Кобезева съ цѣлью обнаруженія подкопа или слѣдовъ онаго, то было ли бы это порученіе законно и могло ли бы быть акцептовано? было ли въ самомъ дѣлѣ акцептовано Мровинскимъ? взялся ли онъ его исполнять? исполнилъ ли онъ его какъ слѣдуетъ или не исполнилъ? Изъ этихъ вопросовъ затруднителенъ только первый. Относительно акцептованія не возбуждалось и спора, ничѣмъ не выразилось, чтобы Мровинскій акцептовалъ это предложеніе, сама палата предполагаетъ, что онъ долженъ былъ безъ всякаго акцептованія его исполнить или въ силу прямыхъ предписаній закона или въ силу предписаній начальства, а если не въ силу предписаній закона или начальства, то въ силу предполагаемой закономъ извѣстной степени благоразумія должностного лица, будто бы для него обязательной по 712 ст.—Мровинскій ничего не акцептовалъ, слѣдовательно не принялъ къ исполненію, а слѣдовательно и не исполнилъ, за что и судится. Что касается до перваго изъ этихъ вопросовъ, то онъ подлежитъ обсужденію съ двухъ сторонъ: а) былъ ли способенъ помимо всякаго акцептованія къ исполненію этого порученія Мровинскій юридически, то есть могъ ли онъ взяться за исполненіе, не выходя за предѣлы своихъ обязанностей и власти, не нарушая чьихъ-либо правъ, не подвергаясь отвѣтственности за превышеніе власти? и б) былъ ли способенъ Мровинскій къ исполненію этого порученія физически, фактически, годенъ ли онъ въ музыканты, чтобы сыграть на этой флейтѣ, ему предложенной, какъ предлагалъ Гамлетъ Гильденштерну (требуется немногое: перебирать пальцами по клавишамъ и отверстіямъ и пропустить струю воздуха въ инструментъ—спрашивается, вышла ли бы у Мровинскаго гармонія).

Что касается до перваго изъ этихъ критеріевъ, то есть до порученія техническаго осмотра съ цѣлью обнаруженія слѣдовъ подкопа, то надлежитъ по рѣшенію палаты сообразить, что она подъ этимъ заглавіемъ понимаетъ? Надлежитъ сличить заглавіе съ содержаніемъ. Слово осмотръ—невиннѣйшее, какое только можно себѣ представить; оно происходитъ отъ глагола смотрѣть; поручалось Мровинскому при полиціи просто на просто подѣйствовать *oculis non manibus*, какъ выразился однажды одинъ инквизиторъ,

для виду—нѣтъ ли сырости, а для настоящаго дѣла—не видно ли слѣдовъ подкопа. Полиція обвиняется палатою въ томъ, что она не рѣшилась произвести обыскъ и ограничилась мѣрами негласнаго наблюденія, причемъ только и могъ быть наружный осмотръ *oculis non manibus* и притомъ не искренній, а подъ маскою. Отчего же и не участвовать въ томъ осмотрѣ Мровинскому, но все-таки участвовать могъ онъ—какъ техникъ, посредствомъ котораго производится осмотръ, не имъ, а только чрезъ него по ст. 331 у. у. с.—или, лучше сказать, не осмотръ, а въ этомъ осмотрѣ только изслѣдованіе и освидѣтельствованіе технически-строительное въ области осмотра—дѣйствія тоже техническаго, но уже юридически-техническаго. Все это Мровинскимъ и совершено даже съ избыткомъ, онъ не только очами дѣйствовалъ, онъ даже щупалъ стѣну и щитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было отверстіе, въ тайной надеждѣ—авось щитъ поддастся, но щитъ не поддался. Но очевидно, что палата подъ именемъ наружнаго осмотра разумѣетъ нѣчто иное и гораздо большее. Она предполагаетъ большее, нежели предполагалъ товарища прокурора Добржинскій, который утверждалъ, что когда бы осматривалъ техникъ, то полиціи надлежало бы пошарить. Палата выложила, такъ сказать, на столъ свое пониманіе обыска въ вопросѣ 1 присяжнымъ въ пунктахъ а, б и в, перечисляющихъ, что долженъ былъ сдѣлать Мровинскій и чего не сдѣлалъ, изъ чего видно, что въ техническій осмотръ входило поручаемое Мровинскому.

а) Въ задней комнатѣ подвальнаго помѣщенія 28 февраля—ему слѣдовало поднять въ углу сѣно, подъ которымъ 4 марта оказалась наваленная земля, вслѣдствіе чего означенный подкопъ не былъ обнаруженъ 28 февраля. Прошу обратить вниманіе на отсутствіе всякой причинной связи между первою посылкою и выводомъ. Подъ кучею сѣна нашлась 4 марта земля, причемъ не слѣдуетъ, чтобы она была тамъ подъ сѣномъ 28 февраля, а если она, по отвѣту присяжныхъ, оказалась только 4 марта, и можетъ быть и не была 28 февраля, то значитъ, что сдвинутіе или несдвинутіе сѣна не могло имѣть никакого вліянія на обнаруженіе или необнаруженіе подкопа, и весь этотъ пунктъ отпадаетъ, то есть—изъ того, что г. Мровинскій не пошарилъ подъ сѣномъ, въ кладовой на задахъ лавки Кобезева, нельзя вывести, что онъ бы открылъ подкопъ, потому что слѣдъ подкопа—земля оказалась подъ сѣномъ 4 марта, но могла не быть 28 февраля. Это устраненіе тѣмъ необходимѣе, что полиція, пригласившая Мровинскаго только въ лавку, не пошла вовсе въ заднія кладовыя, куда Мровинскій направился только самъ отъ избытка усердія.

б) Въ самой лавкѣ онъ не отодралъ досокъ, прибитыхъ вдоль нижнихъ полокъ, вдоль задней стѣны лавки, за которыми 4 марта

оказалась земля. Эта вина взваливается уже на Мровинскаго одного, Теглевъ ни причемъ. Независимо отъ того, что отвѣтомъ не констатировано—была ли тамъ земля уже 28 февраля и не была ли она положена послѣ 28-го, такъ что между неотодраніемъ досокъ и необнаруженіемъ подкопа отсутствуетъ причинная связь, я утверждаю, что никакой техническій осмотръ для сырости не можетъ доходить до порчи вещей въ помѣщеніи, до поврежденія хранилищъ, до мѣръ, которыя, положительно не согласуясь съ цѣлью исканія сырости, имѣющей источникомъ—просачивающуюся изъ другихъ сосѣднихъ подваловъ, т. е. грунтовую воду, шли бы гораздо дальше того, до вскрытія кадокъ, бочекъ, до раздѣванія до нага самого Кобезева, до открыванія силою запертыхъ вмѣстилищъ, то есть до дѣйствій, разрѣшаемыхъ только слѣдователю при обыскѣ по 366 ст. и притомъ только—когда хозяинъ не сдѣлаетъ того добровольно, вслѣдствіе чего и это дѣйствіе безъ обращенія предварительно къ хозяину—есть беззаконіе и превышеніе власти.

в) Наконецъ Мровинскій, что всего важнѣе и что ставится ему прежде всего въ вину и въ чемъ онъ обвиняется опять-таки одинъ и совершенно одинъ, безъ переноса малѣйшей частицы вины на Теглева, является только безмолвнымъ ассистентомъ, такъ сказать, понятымъ, и виноватъ будто бы въ томъ, что не распорядился отодрать въ лавкѣ Кобезева и въ жилой комнатѣ, если не вдоль всей стѣны, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, бывшей ея деревянной обшивки, гдѣ вслѣдъ затѣмъ—4 марта обнаруженъ въ жилой комнатѣ подкопъ, а въ лавкѣ слѣды начатаго пролома стѣны. Опять та же неопредѣленность: что обнаружено 4 марта, могло не существовать 28 февраля; но независимо отъ сего, приказаніе отодрать въ двухъ—трехъ мѣстахъ обшивку могло и не повести къ открытію отверстій, потому что эти два—три мѣста могли и не совпадать съ мѣстомъ, откуда шли замаскированные обшивкою проломы стѣны. Затѣмъ слѣдуетъ соображеніе, что этого отдиранія обшивки нельзя было сдѣлать безъ поврежденія всего устройства комнаты и приспособленій, сдѣланныхъ въ ней для жильцовъ и на средства жильцовъ,—опять вопросъ объ отвѣтственности, о вознагражденіи за поврежденіе, объ отвѣтственности за производство обыска, котораго полиція дѣлать не въ правѣ была, какъ она сама сообщаетъ технику, опять по 366 ст., которая запрещаетъ взломъ безъ предварительнаго предложенія хозяину, чтобы онъ самъ это сдѣлалъ или указалъ, какъ сдѣлать.

Такимъ образомъ судебная палата установила: 1) что и Теглевъ и Фурсовъ виновны въ бездѣйствіи власти тѣмъ, что, имѣя достаточно данныхъ для производства обыска въ лавкѣ Кобезева, не произвели такого въ силу принадлежавшей имъ власти розыска, дознанія, даже слѣдствія, на основаніи устава уголовнаго судопро-

изводства. Въ то же время палата 2) взыскиваетъ съ Мровинскаго за то, что онъ не произвелъ самъ своею властью этого обыска, не въ силу закономъ предоставленныхъ ему правъ и даже не въ силу порученія отъ начальства, а только зная, что такой обыскъ для полиціи желателенъ; что онъ изъ простой угодливости не сталъ вытаскивать голыми руками каштаны изъ огня для полиціи, чиня безправіе даже если бы дѣйствовалъ и по незаконному порученію, потому что это порученіе на слѣдственныя дѣйствія не передается лицамъ, которыя закономъ на то не уполномочены. Онъ обвиняется въ томъ, что не совершилъ превышенія власти (по 2 п. 349 ст. улож.).

Таково четвертое крупное правонарушеніе палаты, открывающее путь безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Чужими руками жаръ загребать всегда удобно и легко. Разъ—та полиція, которая такъ совѣстлива и нерѣшительна въ производствѣ обысковъ, усмотритъ, что можно и не приступая къ обыску взвалить его цѣликомъ на техника, и разъ усвоено будетъ то начало, что техникъ, если не производилъ обыска, отвѣчаетъ за бездѣйствіе власти, хотя и произведя обыскъ, онъ виновенъ въ превышеніи власти, что слѣдовательно и такъ и сякъ онъ виноватъ, то въ данномъ случаѣ онъ вѣроятно предпочтетъ избытокъ усердія его недостатку и выйдутъ слѣдующія несообразности. Чтобы пошарить въ денежномъ огнеупорномъ шкафу, членъ торговой управы будетъ повѣрять—нѣтъ ли тамъ гнилыхъ съѣстныхъ припасовъ; будутъ вскрывать запечатанныя письма; врачъ, подъ видомъ отысканія зачумленныхъ предметовъ или людей, будетъ раздѣвать до-нага все населеніе квартала и перебирать всю рухлядь. Обыски будутъ производиться на всѣ лады и притомъ безъ тѣхъ правилъ и ограниченій, которыми законъ ихъ обставилъ, чтобы они были какъ можно менѣе стѣснительны; будутъ дѣйствовать безъ понятыхъ, безъ осторожности, съ оглашеніемъ обстоятельствъ, не относящихся къ слѣдствію. Возьмемъ любой учебникъ теорія судопроизводства и найдемъ, что все судопроизводство есть система согласованія свободы личной съ требованіями государственной необходимости, что всякая мѣра какъ арестъ, обыскъ, выемка—обставлены гарантіями, которыми законъ снабжаетъ страдающее лицо, чтобы оно не пострадало безвинно. Всѣ эти гарантіи присущи сознанію слѣдователя и полиціи, на сколько она замѣняетъ слѣдователя и должна быть знакома съ уст. угол. суд., но отъ врача, отъ инженера—какъ вы можете ихъ требовать? Профаны бродятъ впотьмахъ и будутъ дѣйствовать наугадъ, по чутью, то есть по чистѣйшему произволу, руководимому только страхомъ отвѣтственности за превышеніе власти и страхомъ отвѣтственности за бездѣйствіе власти, безъ малѣйшаго пониманія — гдѣ граница того или другого? Взгляните съ этой точки

зрѣнія на Мровинскаго, со стороны его способности и умѣнья взяться за порученіе. Онъ былъ военный, онъ былъ строитель—и только; представьте, что ему приказываютъ дѣлать обыскъ, предупреждая, что сама полиція, которая знаетъ какъ обыски производить, боится отвѣтственности, что и обыскъ не разрѣшенъ. Такой господинъ, не знающій какъ производить обыски, либо воздержится отъ всякаго дѣйствія, либо пойдетъ распарывать матрацы, взламывать всѣ сундуки, всѣ шкафы, шкатулки и искать въ нихъ не только слѣдовъ подкопа, но и веществъ и приспособленій къ цареубійству, въ родѣ проволокъ, динамита и т. п. Не хотѣлъ бы я быть въ рукахъ такого господина, не поздоровится никому послѣ такого обыска, будетъ послѣ него, что было послѣ татарскаго нашествія или еврейскаго погрома въ Кіевѣ.

Мровинскій не умѣлъ и не могъ произвести обыска, котораго ему даже и не поручали. Не могъ онъ и не умѣлъ произвести его изъ простой угодливости по отношенію къ полиціи, угадывая ея пожеланія. Мровинскій въ этомъ дѣлѣ нисколько не виновенъ. Я написалъ въ кассаціонной жалобѣ, что онъ можетъ быть подведенъ подъ 411 ст. за нерадѣніе или упущеніе, Я долженъ сказать, что я въ этомъ случаѣ просто смалодушничалъ, что я употребилъ это средство только потому, чтобы на мнѣ не лежала отвѣтственность, что какое-нибудь средство къ защитѣ Мровинскаго осталось не употребленнымъ; но въ данномъ случаѣ, при этихъ обстоятельствахъ, въ виду полиціи, которая говоритъ, что она не въ правѣ обыскивать, не могъ Мровинскій даже и предложить ей совершить то, что составляетъ обыскъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ всѣ могли быть виновны, но только не Мровинскій. Посудите сами: цѣлое несчастное дѣло о подкопѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ моментъ обманчиваго успокоенія, подобнаго, можетъ быть, настоящему, когда господствовало общее расположеніе къ тому, чтобы избѣгать крутыхъ мѣръ и лишнихъ стѣсненій и никого не раздражать, устраивается при наличности весьма основательныхъ подозрѣній, могущихъ оправдать самый суровый обыскъ, вмѣсто обыска—одна безполезная и, я долженъ сказать, недостойная комедія: осмотръ сырости въ лавкѣ Кобезева. Комедія эта устраивается властями полицейскими, безъ всякаго участія въ замыслѣ техниковъ. Мало того, она устроена плохо, вмѣсто Мровинскаго—техника можно было позвать любаго изъ сыщиковъ; съ сыщиками бы вошли, тогда бы порядкомъ пошарили, и пошаривъ--нашли. Когда пришлось дѣйствовать, захватываютъ невзначай и внезапно малоспособнаго для этой комедіи техника Мровинскаго, который долженъ въ ней играть главную роль, похожую на роль принца Гамлета въ трагедіи. Не дали ему никакой инструкціи; предупреждая, что подозрѣваютъ государственное преступленіе, но предупредили, что обыска дѣлать

не разрѣшено. Затѣмъ, когда осмотръ производили, осмотръ при этихъ условіяхъ—безрезультатный, то фигурировавшаго въ представленіи въ качествѣ актера—Мровинскаго казнятъ и за что же? Даже не за то, что онъ плохо сыгралъ роль принца Гамлета, что явившись отыскивать сырость, онъ не отыскалъ этой сырости, которой и не было, но что онъ вдобавокъ не сыгралъ другой роли, которой ему и не поручали, что не взялъ флейты и не сыгралъ на ней концерта, между тѣмъ какъ онъ и играть-то на флейтѣ никогда не учился.

Настоящее дѣло исполнено поученій; мало дѣлъ, которыя были бы столь поучительны; главный результатъ тотъ, что все у насъ есть, а порядка—нѣтъ и никто не знаетъ и не исполняетъ своихъ обязанностей; смѣшеніе власти, антагонизмъ жандармскихъ органовъ на каждомъ шагу. Прежде всего—антагонизмъ офицеровъ и секретнаго отдѣленія съ его сыщиками, вслѣдствіе котораго признаки подозрѣній весьма существенныхъ, обнаруженныхъ Тетлевымъ, не доведены чрезъ посредствующее звено Фурсова до чиновъ жандармскаго вѣдомства, которые, по сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ въ связи съ уже у нихъ имѣющимися, произвели бы обыскъ и открыли бы готовящееся преступленіе. Во-вторыхъ, антагонизмъ секретнаго отдѣленія съ его агентами и наружною участковою полиціею, вслѣдствіе котораго сія послѣдняя ими ни во что была ставима и наблюденіямъ ея не давали ходу, а секретное отдѣленіе являлось не центромъ, проводящимъ впечатлѣніе къ мозгу, а центромъ—его задерживающимъ. Въ третьихъ, полное смѣшеніе между нервами и мускулами, между снабженною до извѣстной степени слѣдственною властью полиціею и не снабженнымъ этою властью техникомъ, вслѣдствіе чего полиція по своему почину совершила предварительное дѣйствіе, а затѣмъ и успокоилась и опочила, пустивъ въ лавку техника, въ увѣренности, что этотъ техникъ, какъ гончая собака, только и дожидается того, чтобы ее спустили съ цѣпи, что онъ такъ и пойдетъ нюхая по слѣдамъ дичи, что было бы и правильно, если бы вмѣсто Мровинскаго былъ сыщикъ, а не инженеръ-техникъ, не обладающій свойственнымъ сыщикамъ обоняніемъ. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ отступленій и смѣшенія власти и было неоткрытіе подкопа на Малой Садовой, которое могло имѣть, а могло и не имѣть вліянія на исходъ катастрофы 1 марта 1881 г., вопросъ — никогда не рѣшимый и крайне проблематическій. Несчастіе какъ бы то ни было случилось, приходится дѣйствовать заднимъ умомъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы взыскать, наказать (задача суда) и, ощупавъ корень безпорядка, поставить твердое, предупреждающее его на будущія времена правило (задача законодательная и административная). Эта задача, по моему, не исполнена судебною палатою, ее можетъ исполнить нынѣ касса-

ціонный департаментъ. Не исполнена она потому, что карая всѣхъ безъ разбора и различія вины, и виновныхъ и невинныхъ, достигается одна цѣль только—удовлетвореніе можетъ быть общественному мнѣнію, возбужденному противъ подсудимыхъ, которое тѣмъ больше возбуждено, чѣмъ выше рангъ подсудимыхъ, и которое требуетъ острастки. Но острасткой достигается только преходящій результатъ, а не выяснено—кто настоящій виновный или настоящіе виновные, и почему они виноваты; не выяснено—при комъ была власть, которая бездѣйствовала, не выяснено, и не можетъ быть выяснено, какъ два лица, исправляющія совершенно разнородныя дѣйствія, могутъ быть одновременно виновны въ бездѣйствіи власти; значитъ—они въ одно и то же время имѣли власть совершать одно и то же дѣйствіе, значитъ, было въ данномъ случаѣ какое-то странное и непонятное раздвоеніе властей, ведущее къ смѣшенію отвѣтственности, юридическій абсурдъ, вещь невозможная, не могущая быть допущенною.

Всякая власть истекаетъ во всякомъ общественномъ организмѣ отъ одного источника—правительства, т. е. власти по преимуществу, власти предержащей, и идетъ изъ этого источника по закономъ установленнымъ каналамъ, посредствомъ цѣлой системы этихъ капаловъ, точно при орошеніи полей. Помимо канала она не можетъ пройти: если она не доходитъ куда слѣдуетъ, то значитъ она преграждена на извѣстномъ пунктѣ своего теченія, гдѣ и произошло бездѣйствіе власти. Главная магистральная труба или главное властепроводное русло по его розыску о государственномъ преступленіи есть несомнѣнно департаментъ государственной полиціи со всѣми жандармскими чинами, производящими дознанія, и съ прикомандированными чинами прокурорскаго надзора, власть обыска регулярная, когда случай допускаетъ малѣйшее отлагательство, то по этому руслу должно быть направляемо дознаніе и предпринимаемы старанія къ обнаруженію всякихъ подкоповъ. Отъ департамента государственной полиціи въ видѣ вспомогательныхъ вѣтвей или питательныхъ рукавовъ отдѣляется часть органовъ чрезъ градоначальника и секретное отдѣленіе, доходящая до участковаго пристава и подчиненныхъ ему лицъ, до околоточнаго включительно. Они обысковъ не производятъ, они только доводятъ о своихъ наблюденіяхъ до свѣдѣнія жандармскихъ чиновъ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ они могутъ и должны предпринамать не терпящія отлагательства дѣйствія; они по закону снабжены всѣми полномочіями власти, которая свойственна жандармской части и слѣдователю. Оказывается, что въ данномъ случаѣ секретное отдѣленіе дѣйствовало какъ тормозъ, мѣшающій самостоятельной дѣятельности участковаго пристава, который не смѣлъ и распоряжаться не испросивъ разрѣшенія на обыскъ. Онъ и обвиняется

въ томъ, что недостаточно настойчиво требовалъ этого обыска, хотя эта вина крайне проблематическая. Хотя бы онъ и настаивалъ, можетъ быть ему бы не разрѣшили обыска. Мнѣ кажется, что вопросъ дурно поставленъ. Если могло служить тормозомъ секретное отдѣленіе, вслѣдствіе чего произошла остановка въ передачѣ власти, то участковые не виноваты. Но если, какъ я думаю, этотъ тормозъ былъ произвольный, практикою установленный, но на незаконномъ основаніи, то струя власти, протекая чрезъ секретное отдѣленіе, обрѣталась и въ лицѣ Теглева; не будь Теглева, его мѣсто занялъ бы Лерепландъ и околоточный, и каждый изъ нихъ былъ бы подходящимъ органомъ для производства обыска, но внѣ этихъ нервныхъ волоконъ, власть ни по порученію, ни по найму, ни инымъ образомъ не могла переходить ни на кого, ни на лицо служащее, ни на неслужащее. Сохрани Боже насъ отъ превращенія органовъ администраціи въ розыскные органы; то-то будутъ оргіи розыска. Сохрани Боже и власть отъ непризванныхъ розыщиковъ; отъ нихъ двойной вредъ, во первыхъ—отъ ихъ неумѣнья, во вторыхъ—отъ того, что понадѣявшись на постороннихъ розыщиковъ, настоящіе носители розыскной власти до околоточнаго включительно будутъ дремать, будутъ бездѣйствовать, въ нихъ будетъ притупленіе чувства ихъ прямой личной отвѣтственности за то, что они только сдѣлать могутъ и чего никто кромѣ нихъ не въ правѣ дѣлать. Посему я прошу уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената отмѣнить самое преданіе Мровинскаго суду.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: жалобы подсудимыхъ: Фурсова и Мровинскаго оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. уст. уг. суд.; въ отношеніи подсудимаго Теглева—приговоръ с.-петербургской судебной палаты отмѣнить, за неправильнымъ примѣненіемъ къ нему 339 и 341 ст. улож. о наказ., передавъ дѣло въ другой департаментъ той же палаты, для постановленія новаго о Теглевѣ приговора, на основаніи послѣдовавшаго о немъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей.

1883.

III.

Дѣло Юрія Богдановича и другихъ или такъ-называемое дѣло о 17 лицахъ.

Приговорами, состоявшимися въ 1880 и 1881 гг. какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ судебныхъ установленіяхъ, признано существованіе тайнаго преступнаго сообщества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей» или «партіей народной воли», стремящагося, путемъ насильственнаго переворота, къ ниспроверженію государственнаго порядка и общественнаго отроя и учинившаго, для достиженія означенной цѣли, рядъ преступленій, завершившихся злодѣяніемъ 1 марта 1881 года.

Значительное число членовъ означеннаго сообщества было уже осуждено въ 1880 г. (дѣло о 16 лицахъ), въ 1881 г. (дѣло о злодѣяніи 1 марта) и въ 1882 г. (дѣло о 20 лицахъ). Нѣкоторымъ, однако, удалось скрыться и продолжать свою дѣятельность. Вслѣдствіе направленныхъ съ конца 1881 года къ ихъ преслѣдованію розысковъ, задержано между прочимъ, 17 лицъ, по отношенію къ которымъ установлено, что, независимо отъ общаго для всѣхъ обвиненія въ принадлежности къ террористическому сообществу, на нѣкоторыхъ изъ нихъ падаютъ еще обвиненія въ участіи въ иныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ для достиженія цѣлей сообщества.

Означенныя отдѣльныя преступныя дѣянія относились къ періоду времени съ 1877 года по 1882 годъ, а именно:

а) организація въ 1877 году преступнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, имѣвшаго цѣлью — насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежащихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ, для раздѣла таковыхъ земель между крестьянами (черный передѣлъ, Стефановичъ);

б) покушенія на цареубійство и приготовленія къ нему, предпринятыя: 1) близъ гор. Александровка, Екатеринославской губ. 18 ноября 1879 года; 2) близъ города Москвы, 19 ноября того же года и 3) въ гор. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года (Телаловъ, Златопольскій, Грачевскій);

в) покушеніе на кражу изъ кишиневскаго губернскаго казначейства, въ декабрѣ 1880 г., въ видахъ доставленія сообществу денежныхъ средствъ (Лисовская);

г) злодѣяніе 1 марта 1881 года;

д) преступная дѣятельность сообщества послѣ 1 марта 1881 года, которая выразилась:

1) въ сближеніи террористическаго сообщества съ дѣятелями народнической фракціи, такъ называемыми — чернопередѣльцами (Стефановичъ);

2) въ учрежденіи „общества краснаго креста Народной Воли", могущаго служить орудіемъ для освобожденія изъ заключенія и ссылки наиболѣе полезныхъ членовъ сообщества и для возвращенія послѣднихъ къ ихъ прежней преступной дѣятельности (Богдановичъ, Клименко);

3) въ убійствѣ генералъ-маіора Стрѣльникова, 18 марта 1882 года въ городѣ Одессѣ (Клименко);

4) въ устройствѣ въ квартирѣ супруговъ Прибылевыхъ, по 11 линіи В. О. въ д. № 24, въ С.-Петербургѣ, лабораторіи, въ которой приготовлялись динамитъ и метательные снаряды.

На основаніи всего вышеизложеннаго, были преданы суду особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ 17 человѣкъ, а именно въ томъ числѣ: дворянинъ Юрій Богдановичъ, мѣщанинъ Савелій Златопольскій, сынъ дьякона Михаилъ Грачевскій, мѣщанинъ Петръ Телаловъ, сынъ священника Яковъ Стефановичъ, мѣщанинъ Иванъ Калюжный, дочь священника Надежда Смирницкая, крестьянинъ Антонъ Борейша, ветеринарный врачъ Александръ Прибылевъ, его жена Раиса Прибылева, дочь священника Марія Юшкова, лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Клименко, жена пот. поч. гр. Анна Корба, дворянка Антонина Лисовская, отст. лейтенантъ флота Александръ Буцевичъ, дочь купца Христина Гринбергъ, дочь священника Парасковья Ивановская.

Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ—Грачевскій лѣтомъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ обсужденіи плана посягательства на цареубійство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго моста при проѣздѣ Императора Александра II. а, Юрій Богдановичъ—нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобезева подвальную лавку въ д. гр. Менгдена по Малой Садовой улицѣ и провелъ изъ нея подъ означенную улицу подкопъ съ устроенною въ немъ миною, которая не была взорвана лишь потому, что въ назначенный для цареубійства день 1 марта 1881 г. Императоръ прослѣдовалъ не по Малой Садовой ул., а по набережной Екатерининскаго канала, гдѣ вооруженные метательными снарядами единомышленники и причинили посредствомъ этихъ снарядовъ Императору тяжкія поранения, повлекшія за собою смерть.

Разборъ дѣла происходилъ съ 28 марта по 5 апрѣля 1883 г.

Рѣчь въ защиту супруговъ ПРИБЫЛЕВЫХЪ.

Когда при уголовномъ состязаніи факты, подпадающіе подъ обвиненіе, не отрицаются, когда они допускаются обѣими сторонами настолько, что можно бы обойтись безъ судебнаго слѣдствія, задача защиты суживается; она касается не матеріала, а самаго плана постройки обвиненія, она становится спеціальной и въ высшей степени технической, мало даже интересующей подсудимыхъ, настолько она уходитъ въ отвлеченности юриспруденціи,—до того она общая и безличная, такъ сказать, безкровная. Я заранѣе прошу извиненія, что я главнымъ образомъ буду вращаться въ этой именно

отвлеченной области; я имѣю честь говорить передъ судилищемъ, для большинства котораго рѣшать подобные вопросы—дѣло обыденное, привычное. Вамъ, по вашему званію сенаторовъ, главнымъ образомъ и приходится рѣшать такіе отвлеченные и безличные вопросы. Главный, по моему мнѣнію, недостатокъ въ техническомъ отношеніи всего обвиненія, въ томъ видѣ, какъ оно было выражено въ обвинительномъ актѣ и ведено здѣсь на судѣ, заключается, по моему убѣжденію, въ томъ, что, во 1-хъ, обвиненіе считаетъ настоящее дѣло прямымъ продолженіемъ всѣхъ прежнихъ дѣлъ послѣднихъ 3-хъ лѣтъ, а приговоръ, имѣющій послѣдовать, прямымъ продолженіемъ приговоровъ, состоящихся въ 1880 и 1881 гг., какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ судебныхъ установленіяхъ, такъ что для суда и для сторонъ онъ будто бы будетъ обязательно обвинительный, потому что онъ будетъ закрѣплять всѣ прежніе, вступившіе въ силу закона приговоры по всѣмъ вопросамъ, касающимся тайнаго преступнаго сообщества, мутившаго спокойствіе Россіи въ теченіе послѣднихъ 5 или 6 лѣтъ. Уже осужденное сообщество будетъ продолжать судиться въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, въ лицѣ сообщниковъ, которые либо не могли быть преданы своевременно суду, хотя и были обнаружены, либо вновь открыты, либо уже примкнули къ сообществу послѣ прежнихъ приговоровъ, точно новыя вѣтви, выросшія у полипа послѣ того, какъ прежнія были урѣзаны. Ошибка обвиненія заключается въ томъ, что сообщество по его понятіямъ дѣло окончательно рѣшенное по прежнимъ приговорамъ, которые уже вырыли глубокую и большую площадь, имѣющую готовое отверстіе, а въ это готовое отверстіе надлежитъ только уложить всѣхъ перѣшенныхъ еще сообщниковъ. Коль скоро можно установить, что они когда-либо и гдѣ-либо приходили съ сообществомъ въ соприкосновеніе, то и баста, то и придется укладывать ихъ въ эту рамку. Она составлена по ст. 242 улож., а ст. 242 допускаетъ одну только мѣру для сообщниковъ—смертную казнь. Расправа, конечно, скорая, легкая, экспедитивная. Тѣ 17 подсудимыхъ по настоящему дѣлу—осколки отъ прежнихъ дѣлъ, они въ большей части случаевъ и должны бы судиться отдѣльно. Ихъ совершенная несолидарность и разрозненность явно доказывается уже тѣмъ, что по установившейся съ 1879 г. съ дѣла о 193-хъ подсудимыхъ практикѣ особаго присутствія, противъ которой сначала возражала защита, но теперь, по безполезности протестовъ, даже и не возражаетъ, подсудимыхъ и сажаютъ при предварительномъ слѣдствіи группами и уводятъ группами, послѣ же ввода ихъ имъ даже и не сообщается о томъ, что происходило во время ихъ небытности по дѣламъ о другихъ подсудимыхъ, очевидно до нихъ не касающихся. Изъ 17 лицъ, обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, только противъ восьми (Богдановичъ, Златопольскій, Грачевскій,

Телаловъ, Стефановичъ, Клименко, Лисовская и Ивановская) предъявляются сверхъ общаго еще особыя самостоятельныя обвиненія, а всѣ остальные девять, къ числу коихъ принадлежатъ и мои кліенты, укладываются въ прорытую прежними приговорами шахту и относительно ихъ даже не потрудился обвинительный актъ указать, что обыкновенно бываетъ въ обвинительномъ актѣ, статью закона, по которой они будутъ караемы *am Hals*, „горломъ", по выраженію литовскаго статута, т. е. должны пойти на висѣлицу. Я полагаю, что этотъ быстрый способъ обвиненія грѣшитъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ томъ, что не могутъ судиться юридическія лица (аксіома въ уголовномъ правѣ); не судятся и собирательныя лица, цѣлыя тайныя общества и заговоры; о нихъ можетъ и долженъ судья имѣть свое мнѣніе, когда онъ составляетъ приговоръ, но это мнѣніе о сообществѣ и его дѣятельности есть и останется всегда мнѣніемъ, мотивомъ—для сужденія объ отдѣльномъ сообществѣ, но само никогда не вступаетъ въ силу судебнаго рѣшенія (*auctoritas rei judicatae*), какъ не вступаетъ въ силу закона никакой мотивъ, никакія соображенія; соображенія могутъ никуда не годиться, а результатъ только непоколебимъ; 2) потому что, хотя тайное сообщество есть явленіе преступное или, говоря языкомъ физіологіи и новой соціологіи, патологическое, болѣзненное, но оно несомнѣнно есть явленіе жизненное, постепенно развивающееся, видоизмѣняющееся, теряющее одни качества и пріобрѣтающее другія, а не такое неподвижное и плотное, какъ камень, какимъ оно было бы, если бы его опредѣлять по приговорамъ давно прошедшаго времени, а именно 1880, 1881 и 1882 г.; если же оно явленіе жизненное, то въ высшей степени важно и существенно знать и моментъ, къ которому относится участіе въ немъ того или другого лица, котораго наказуемость за это участіе непосредственно зависитъ отъ этого момента. Организація не возникаетъ вдругъ. Та протоплазма, изъ которой образуются тайныя общества—суть идеи, разныя направленія въ области этихъ идей и естественная сплоченность единицъ одной масти, одного направленія, которая не есть еще сообщество, но есть уже партія и, какъ таковая, не подходитъ еще подъ дѣйствіе никакого закона, даже подъ дѣйствіе относительно мягкой статьи 318 уложенія по ред. прод. св. зак. 1876 г. Идеи наполняютъ, можно сказать, всю общественную атмосферу, какъ тѣ пылинки, которыя носятся въ воздухѣ, которыя вдыхаются нами и которыя содержатъ безчисленное множество сѣмянъ и зародышей будущихъ организмовъ. Воспріимчивость людей по отношенію къ идеямъ зависитъ, отъ пола, возраста, темперамента, равно какъ и отъ температуры воздуха. Замѣчено, что молодежь всегда прогрессивнѣе и радикальнѣе стариковъ, что интеллигентные классы прогрессивнѣе, нежели черноземная сила, нежели му-

жикъ; идеи реформы и даже перевороты созрѣваютъ скорѣе, когда общество своимъ состояніемъ недовольно, когда оно страдаетъ, когда оно смущено. Чѣмъ развитѣе общество, чѣмъ болѣе оно сосредоточено, чѣмъ болѣе въ немъ самосознанія тѣмъ болѣе способности въ массахъ откликаться дружно на общія явленія, тѣмъ болѣе привычно людямъ одной масти дѣйствовать безъ всякаго соглашенія общими силами, скопомъ, во всѣхъ оказіяхъ, когда затронуты интересы всѣхъ людей той же масти, того же направленія. Ничто не содѣйствуетъ болѣе выработкѣ этихъ привычекъ партій, какъ періодическая печать. Такова протоплазма; для нея еще уголовный законъ не писанъ, уголовная отвѣтственность начинается съ образованія первой клѣточки, посвященной достиженію преступной цѣли, перваго кружка. При извѣстныхъ условіяхъ клѣточекъ этихъ зарождается безчисленное множество, онѣ плодятся независимо однѣ отъ другихъ, послѣ чего онѣ срастаются, но могутъ и раздѣляться. Внутри организаціи можетъ произойти расколъ, вслѣдствіе котораго часть организаціи пойдетъ своимъ путемъ, подпадая только подъ 318 ст. какъ сообщество, имѣющее цѣлью противодѣйствіе распоряженіямъ правительства или возбужденія неповиненія установленнымъ отъ онаго властямъ; другая подъ 249 ст., то-есть подъ бунтъ или намѣреніе ниспроверженія правительства, а третья—подъ цареубійство или 241 ст. уложенія; очевидно, что каждая можетъ отвѣчать только за то, къ чему она стремилась. Примѣромъ такого раскола могутъ служить извѣстныя столкновенія чернопередѣльцевъ и террористовъ до и послѣ Липецкаго съѣзда. Безъ всякаго раскола, сообщество преступное по 318 ст., вслѣдствіе либо внѣшнихъ обстоятельствъ, либо особенностей своего внутренняго развитія, можетъ превратиться въ заговоръ на бунтъ или въ злоумышленіе противъ особы Его Императорскаго Величества и, наоборотъ, послѣ неудачъ, послѣ выловленія главныхъ вожаковъ, оно можетъ опять превратиться въ сообщество по 318 ст., вслѣдствіе того, что взявшіе верхъ террористы окажутся опять въ меньшинствѣ, а вступитъ въ силу и получитъ преобладаніе умѣренная средина, которая предполагаетъ къ тѣмъ же цѣлямъ стремиться, но иными, болѣе мирными, болѣе медленными, но и болѣе вѣрными путями. Невозможно сваливать въ одну кучу всѣхъ 17 подсудимыхъ, какъ террористическое сообщество, извѣстное подъ именемъ „Народной Воли“ и проявившееся въ полномъ блескѣ. Съ „Народною Волею“ совсѣмъ не тождественна та партія, которая образовала „красный крестъ Народной Воли“. Въ ней нѣтъ признаковъ, подводящихъ подсудимыхъ подъ цареубійство или сближающихъ ихъ съ соціалистическимъ движеніемъ Чигиринскимъ 1877 г., въ чемъ обвиняется Стефановичъ. Несмотря на эту очевидность, ихъ всѣхъ пристегиваютъ къ террористамъ и цареубійцамъ, что явно несправедливо.

Та же самая полнѣйшая невозможность существуетъ и по отношенію къ разнымъ лицамъ, а между прочимъ къ Прибылевымъ, которые пришли въ соприкосновеніе, какъ это я постараюсь доказать, не съ сообществомъ, уже переставшимъ существовать, а съ плавающими единичными обломками этого сообщества, то есть, какъ въ данномъ случаѣ — съ Грачевскимъ. Я допускаю, что въ Грачевскомъ, какъ въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей террористической фракціи, бывшемъ сообщникѣ „Народной Воли", продолжали жить всѣ преданія этой фракціи, что онъ былъ ихъ живымъ воплощеніемъ и носителемъ, но все-таки онъ не сообщество; сообщество—не онъ, для сообщества нужно множественность. Если съ нимъ вступили въ переговоры и дали себя склонить къ дружному дѣйствію Прибылевы, то это не вступленіе въ старое сообщество, которое до тла было разрушено и изъ котораго уцѣлѣлъ одинъ только Грачевскій, но образованіе новаго заговора для достиженія цѣлей, положимъ — революціонныхъ, положимъ — насильственныхъ, положимъ—динамитнаго и пироксилиноваго свойства, но, тѣмъ не менѣе, долженствующихъ быть обсуждаемыми не потому, на что Кибальчичъ, Перовская, Желябовъ согласились когда-нибудь съ Грачевскимъ, а о чемъ Грачевскій согласился съ Прибылевымъ и другими лицами, которыхъ, какъ напр. Клименко, онъ приводилъ въ ихъ квартиру № 24 по 11 л. Вас. О. Съ этой точки зрѣнія если посмотрѣть на дѣло, то оно получитъ иную и, я полагаю, болѣе справедливую, болѣе соотвѣтствующую дѣйствительности окраску. Съ этой точки зрѣнія я постараюсь прослѣдить за Прибылевыми въ краткій періодъ ихъ жизни, за который они теперь расплачиваются и который продолжался съ конца апрѣля 1882 г. по ночь съ 4 на 5 іюня 1882 г., когда ихъ накрыли вмѣстѣ съ динамитною лабораторіею, т. е. за какихъ-нибудь $1^1/_2$ мѣсяца. До конца апрѣля 1882 г. Прибылевы и Грачевскій другъ друга не знали, въ этотъ роковой для Прибылевыхъ моментъ—они сошлись. Необходимо остановить вниманіе на этомъ моментѣ и уяснить, кто такой былъ въ этотъ именно моментъ Грачевскій и кто Прибылевы. Этимъ я и займусь.

Я, кажется, не скажу ничего противнаго ни истинѣ, ни интересамъ защиты подсудимаго Михаила Федоровича Грачевскаго, когда заявлю, что во всей этой группѣ, которая судится теперь, Грачевскій—самый крупный, мощный, вліятельный человѣкъ, головою превосходящій, не въ обиду будь сказано, моихъ кліентовъ, гг. Прибылевыхъ. За Грачевскимъ есть революціомное прошлое, не длинное, всего съ 1878 г., когда по приговору особаго присутствія онъ былъ сосланъ въ Архангельскую губ., но затѣмъ онъ, какъ утверждаетъ обвинительный актъ, бѣжалъ, и былъ однимъ изъ трехъ членовъ техническаго отдѣла, дошедшаго до изобрѣтенія системы взрыва

посредствомъ трубки съ сѣрною кислотою. За нимъ, слѣдовательно, и второе качество—*техника*, ученика Кибальчича. Въ третьихъ, онъ и организаторъ, но организаторъ послѣ крушенія организаціи; я ссылаюсь на найденныя у него бумаги съ его идеями объ организаціи, наконецъ, на его показанія на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ. Предъ вами онъ изобразилъ себя во весь ростъ, во всей силѣ своихъ сложившихся непоколебимыхъ убѣжденій. Та самая записка, которая найдена у Грачевскаго и имѣется налицо, даетъ полную возможность опредѣлить съ достовѣрностью и фактъ погрома, который извѣстенъ намъ и изъ другихъ источниковъ, и полноту этого погрома, который поглотилъ два, три состава общества цѣликомъ, вслѣдствіе того, что центральный кругъ вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ, превратился въ главную группу, въ которой руководители перемѣшались съ людьми дѣла; вся организація получила боевой характеръ и была принесена въ жертву террористамъ. Организація была безъ нормальной группировки. Нормальная группировка—такая, въ которой подгруппы слушаются учредившихъ ихъ группъ, а группы—центра, причемъ по мѣрѣ приближенія къ центру растетъ и посвященность въ организаціонныя тайны. Планъ этотъ Грачевскій носилъ въ головѣ, но изъ головы его этотъ планъ не вышелъ, не осуществился. Несмотря на свою революціонную опытность, на то, что на Прибылевыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на наивныхъ дѣтей, онъ не зналъ и не подозрѣвалъ, что за нимъ такъ-сказать слѣдомъ слѣдятъ тѣ околоточные переодѣтые, въ числѣ 18 человѣкъ, которые, смѣняясь, наблюдали за малѣйшимъ движеніемъ его и ближайшихъ его знакомыхъ, не изъ часу въ часъ, а изъ минуты въ минуту. Если бы онъ это зналъ, онъ бы не держалъ въ квартирѣ бумагъ, изобличающихъ его самые тайные помыслы и надежды, не могущія еще осуществиться, пока не будетъ организовано его тайное общество. Заговоръ—это былъ онъ одинъ, щупающій грунтъ съ осторожностью и сговаривающійся по одиночкѣ то съ тѣмъ, то съ другимъ, то съ третьимъ либо изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ отъ прежней организаціи, либо изъ людей новыхъ, которыхъ онъ, неутомимый боецъ, предполагалъ завербовать въ свое таинственное подземное дѣло. Есть и другой способъ повѣрить, что организація не существовала, а существовалъ одинъ одинешенекъ Грачевскій, вращавшійся среди элементовъ, которые онъ потомъ надѣялся сплотить въ подгруппы, затѣмъ въ группы и установить наконецъ можетъ быть и центральную группу, но пока никакой такой клѣточки онъ еще не создалъ. Существуютъ рапорты 18 околоточныхъ надзирателей, которые вписаны цѣликомъ въ ихъ показанія и изъ которыхъ можно положительно вывести, что Грачевскій сносился съ квартирой Прибылевыхъ, № 5 дома № 24 по 11 линіи Васильевскаго острова,

одинъ и только впослѣдствіи въ помощь себѣ сталъ приводить Клименко. Приводъ Клименко для работъ не измѣнилъ въ сущности дѣла; то было тайное общество для дѣятельности на будущее время, особая статья, но никакъ не бывшее прежнее сообщество, отъ коего остался одинъ обломокъ—Грачевскій, пригласившій уже потомъ на устроенную динамитную фабрику другого обломка, по личности и прошедшему совершенно Прибылевымъ неизвѣстнаго, который и пріобщенъ былъ къ ихъ работамъ, отъ воли ихъ независимо, по распоряженію руководителя Грачевскаго. Таковъ главный элементъ, входящій въ дѣло устройства динамитной мастерской, таковъ зачинщикъ, основатель и руководитель этого дѣла—Грачевскій.

Другой элементъ новаго сообщества составляютъ—Прибылевы, люди, за которыми нѣтъ никакихъ счетовъ съ правительствомъ, никакого революціоннаго прошлаго, никакихъ такъ-сказать актовъ соостоянія революціонерскаго, то есть никакого умышленнаго или вынужденнаго нелегальнаго положенія. Прибылевъ былъ ветеринаръ, она курсистка, онъ сынъ священника, истый славянинъ и пермякъ, она, Раиса Гросманъ, еврейка съ дальняго юга, съ береговъ Чернаго моря. Оба сошлись въ учрежденіи, въ которомъ получали образованіе, въ медико-хирургической академіи и на сходкахъ и вечеринкахъ, которыя бываютъ въ ходу и обычаѣ у этого своеобразнаго учащагося люда. Они сошлись послѣ тяжкой болѣзни брюшного тифа, которую вынесла Раиса Прибылева осенью 1881 г. Сдѣлано было предложеніе Прибылевымъ, оно было принято Раисою Гросманъ, свадьба предполагалась въ неопредѣленномъ будущемъ, женихъ собирался въ Пермь, гдѣ умеръ его отецъ,—собрать кой-какія крохи состоянія и затѣмъ обзавестись хозяйствомъ. Было препятствіе особаго рода—принятіе православія Раисою, которое имѣло значеніе болѣе формальное. Нельзя было обойтись безъ принятія православія. Семья Гросманъ, хотя и іудейская, но ладила съ этимъ условіемъ и есть въ ней уже, кромѣ Раисы, члены, принявшіе христіанство. Примѣняться къ вѣроисповѣданію для людей образованныхъ и стоящихъ внѣ вѣроисповѣдныхъ различій—весьма легко; форма вѣроисповѣданія почти то же, что предразсудокъ. Вмѣсто медленнаго подхода къ общей цѣли—основанію супружескаго сожитія, тотчасъ послѣ сближенія въ концѣ апрѣля съ Грачевскимъ, наступила рѣшимость повѣнчаться немедленно. Съ Прибылевою Грачевскій вовсе не былъ знакомъ, Прибылевъ видѣлъ его весною 1881 г., но только мелькомъ. Знакомство и сближеніе произошли чрезъ третьихъ лицъ, вѣроятно чрезъ женщинъ, очень можетъ быть, что чрезъ знакомую Прибылева – госпожу Корба, какъ это она утверждаетъ. Между Прибылевыми мужъ споритъ съ женою, кто кого увлекъ; каждый изъ нихъ бралъ на себя пріоритетъ. Но это вопросъ, праздный, они оба безусловно солидарны, дѣйствуютъ душа въ душу, оба были

одинаково къ воспріятію предложеній Грачевскаго подготовлены. Прибылевъ жилъ на Петербургской сторонѣ, по Введенской ул. № 12, кв. 10, а Раиса или Розалія Гросманъ—въ Манежномъ переулкѣ № 13/15, кв. 25. 2 мая совершилось вѣнчаніе жениха и невѣсты въ Адмиралтейскомъ соборѣ, послѣ чего на другой день вѣнчавшіеся отправились будто бы въ Ямбургъ, гдѣ якобы получилъ или надѣялся получить мѣсто Прибылевъ. Цѣль поѣздки была—заметаніе слѣдовъ своихъ передъ родными не Прибылева (таковыхъ не было), но Прибылевой—передъ ея сестрами, изъ коихъ ни одна не будетъ уже ходить къ ней и отыскивать ее, коль скоро онѣ ее проводили на Балтійскій вокзалъ. Въ Ямбургъ прибыли Прибылевы вечеромъ 2 мая, остановились въ дрянной чухонской гостинницѣ, гдѣ нельзя было достать даже чаю, 3-го опоздали на возвращавшійся въ С.-Петербургъ поѣздъ и только 4-го числа достигли С.-Петербурга и остановились въ Серапинской гостинницѣ. Опять послѣдовало свиданіе съ Грачевскимъ, подъ дозоромъ, такъ сказать, полиціи. Квартиру на Васильевскомъ острову пріискали скоро; 7 мая туда Прибылевы переселились (показаніе дворника Чистякова). Вещами они раздобылись не вдругъ, не скоро они устроились, они вели жизнь затворническую, никуда не ходили. Юшкова поселилась у нихъ только 17 мая, Клименко сталъ появляться только въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая, по рапортамъ наблюдателей (Юшкова сама говоритъ, что переѣхала только 21, по домовой книгѣ въ Гончарной ул. она прописана выбывшею 24 мая, слѣдовательно, ошибочно показана по книгамъ прибывшею 12 мая). Пока Прибылевы—одни, пока они медленно заводятъ мастерскую и изучаютъ науку о взрывчатыхъ веществахъ у пиротехника и динамитъ-мастера Грачевскаго по доставленнымъ имъ брошюрамъ и книжкамъ. Опредѣлимъ взаимныя отношенія супружеской четы къ завербовавшему ихъ крупному и выдающемуся по уму и энергіи лицу.

Всякая роза имѣетъ шипы, всякое званіе—свои болячки. Одна изъ самыхъ острыхъ болячекъ званія революціонера — заключается въ той заразѣ, въ той чумѣ, которую онъ съ собою носитъ и сообщаетъ всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ и въ особенности кого онъ пріобщилъ къ своимъ замысламъ и вовлекъ. Вовлекалъ онъ людей, сошедшихъ съ рельсовъ, уже нелегальныхъ: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. Но онъ вовлекъ людей, которые, если бы не встрѣтились съ нимъ, то пошли бы каждый торною дорогою и не сошли бы съ почвы законности. Я думаю, что будь онъ закаленъ какъ нельзя болѣе, а все-таки онъ не можетъ освободиться отъ нѣкотораго тоскливаго, грустнаго чувства, соображая, что онъ былъ виновникомъ ихъ судьбы, въ особенности, если эти жертвы, какъ въ настоящемъ случаѣ, были совершенно напрасны. Да успокоится однако г. Грачевскій; онъ отъ меня не услышитъ ни одного упрека. Прибыле-

выхъ онъ не трудился подговаривать, обработывать, подготовлять для дѣла; его слово пало на почву рыхлую, уже подготовленную и сдѣлка состоялась безъ всякихъ почти переговоровъ; предложено—принято, сказано—сдѣлано. Прибылевъ сказалъ на первомъ же допросѣ: „Я принадлежу къ партіи „Народной Воли", желающей измѣнить государственный строй по программѣ этой партіи". „Я не принадлежу ни къ какой партіи, хотя сочувствую вполнѣ партіи „Народной Воли", сказала Прибылева. Повидимому супруги говорятъ разное, а между тѣмъ въ сущности—одно и то же, а именно, не участіе свое въ опредѣленномъ тайномъ организованномъ сообществѣ, а просто свое присутствіе въ средѣ извѣстнаго идейнаго теченія, свою идейную общность съ этимъ теченіемъ, свою не дѣловую, а моральную солидарность со всѣми другими единицами, атомами, которыхъ уноситъ потокъ извѣстнаго направленія. Несправедливо и не критически было бы судить подсудимыхъ по однимъ ихъ заявленіямъ, по ихъ признаніямъ о томъ, какой они масти. Ихъ признанія зависятъ отъ ихъ темперамента. Трусливый субъектъ—какъ улитка запрячется съ головою и рожками въ свою раковину, а тотъ, который побойчѣе, поотважнѣе, когда пойманъ и накрытъ, бодрится и храбрится и наговариваетъ на себя больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ было, зная, что его отрицанію все-таки не повѣрятъ, и желая спасти по крайней мѣрѣ если не свою шею, то по крайней мѣрѣ—свое человѣческое достоинство. Сотни людей отвѣчали то же по настоящему дѣлу и не были привлечены къ суду, и поплатились много-много—административною ссылкою. Цѣлыя тысячи отвѣчали бы то же, если бы спросить поголовно все это молодое учащееся поколѣніе—недовольное настоящимъ, какъ мы всѣ, но кромѣ того демонстрирующее свое неудовольствіе, чего мы, старые и искусившіеся, не дѣлаемъ. Они демонстрируютъ, но въ сущности они дѣлаютъ только видъ демонстраціи, въ сущности большинство ихъ на сторонѣ не террористовъ, а медленной органической работы. Вотъ почему, я полагаю, что вы ихъ судить не будете по изреченіямъ, которыми они опредѣляютъ въ сущности свою масть, масть, мѣняющуюся съ годами; когда придетъ раздумье, то обнаружится полнѣйшая безполезность революціонныхъ затѣй и предпріятій. Придется судьямъ вникнуть не въ то, чему они сочувствуютъ, а въ то, къ чему они обязались и что они дѣлаютъ. Для рѣшенія этого вопроса вы должны будете устранить точно такъ же внушающее такого же рода мысли заявленіе Грачевскаго: „Я получилъ отъ исполнительнаго комитета чрезъ одного изъ членовъ технической группы приказъ организовать въ С.-Петербургѣ пиротехническую школу миннаго искусства и метательныхъ снарядовъ".

Даже въ цвѣтущія времена существованія и развитія цареубійственнаго заговора, кончившагося метательными снарядами

1 марта 1881 г., когда во главѣ его стоялъ Желябовъ, а техническая часть была въ рукахъ у Кибальчича, исполнительный комитетъ былъ только миѳъ, а не дѣйствительно существующее нѣчто, миѳъ,— совершенно похожій на ту будто бы существовавшую священную римскую имперію, которая не была ни священна, ни римская, ни имперія, пустое слово, нѣчто воображаемое, но не реальное. Подъ печатью тайны, подъ покровомъ таинственности передавалось и нашептывалось, что есть тысячи разсѣянныхъ повсюду подгруппъ, что эти подгруппы стягиваются въ узлы, въ замкнутыя сплоченныя группы, числомъ много сотенъ, а эти сотни группъ стекаются въ одномъ центрѣ, въ самомъ главномъ узлѣ изъ нѣсколькихъ умныхъ, талантливыхъ, всѣмъ заправляющихъ головъ.

Съ неопровержимыми доказательствами въ рукахъ мы можемъ теперь сказать: ничего подобнаго не было. Свидѣтель—записка, найденная у Грачевскаго. Этотъ документъ свидѣтельствуетъ, что исполнительный комитетъ не былъ и тогда центральною группою, что онъ и заправлялъ, что онъ и дѣйствовалъ, что онъ лѣзъ въ самый огонь битвы, что онъ вбиралъ въ себя не талантливыхъ организаторовъ, а просто людей скораго дѣла, простыхъ солдатъ, отважныхъ и дерзкихъ, что онъ дышалъ битвой, что интересы организаціи приносились въ жертву задачѣ терроризировать, что вслѣдствіе того, послѣ каждаго, хотя бы и успѣшнаго съ ихъ точки зрѣнія похода—два, три состава исполнительнаго комитета гибли или попадались въ руки правительству. Одинъ такой комплектъ исполнительнаго комитета судился въ 1881 г. и пошелъ на висѣлицы съ Желябовымъ—главою, Кибальчичемъ—техникомъ, Перовской и Рысаковымъ—исполнителями. Кое-кто остался еще; эти уцѣлѣвшіе остатки, уже не образовавшіе организаціи, но глубоко сидѣвшіе во всѣхъ предыдущихъ злоумышленіяхъ, судились въ концѣ 1882 г. съ Михайловымъ—организаторомъ, Исаевымъ—техникомъ и второстепенными исполнителями въ родѣ Якимовой и Колодкевича въ группѣ 20 лицъ.

Послѣ того какъ пропалъ и сошелъ со сцены этотъ вторымъ уловомъ добытый контингентъ государственныхъ преступниковъ, остались отдѣльно плавающія единицы, послѣдніе могикане конспираціи, въ числѣ ихъ Грачевскій, который могъ говорить о заговорѣ то, что сказалъ Людовикъ XIV о себѣ и о государствѣ: „*L'état—c'est moi!*“ Грачевскій дѣйствовалъ въ томъ смыслѣ, что „заговоръ—это я!“, а въ сущности на немъ оправдывалось, что одинъ въ полѣ не воинъ. Онъ былъ одинъ какъ палецъ, совсѣмъ одинъ; преданія исполнительнаго комитета онъ могъ носить съ собою, въ будущемъ онъ могъ надѣяться возстановить исполнительный комитетъ, но тѣмъ не менѣе исполнительный комитетъ въ 1882 г. былъ просто на

просто небылица, а слѣдовательно нельзя допустить, чтобы лица, которыхъ вербовалъ Грачевскій, сидѣли въ этомъ тайномъ обществѣ, были зародышами новыхъ тайныхъ обществъ. Можно разсуждать такъ: Грачевскій и Прибылевы, Грачевскій и Буцевичъ, Грачевскій и Корба, но это сочетанія самостоятельныя, которыхъ цѣль и назначеніе, а слѣдовательно и преступленія должны быть опредѣляемы безо всякаго соотношенія съ Желябовымъ, Рысаковымъ и *tutti quanti*, уже погибшими и унесенными потокомъ времени людьми и событіями. Грачевскій могъ выдавать и выдавалъ себя за члена или можетъ быть только за агента исполнительнаго комитета „Народной Воли“. Деньгами, которыми онъ несомнѣнно располагалъ и которыя достались ему отъ бывшаго исполнительнаго комитета, онъ могъ ссужать маіора Тихоцкаго и другихъ лицъ, напр. Прибылевыхъ. Прибылевы могли думать, что онъ получилъ эти средства и порученія отъ исполнительнаго комитета; тѣмъ не менѣе если сего комитета не было, а ни малѣйшій слѣдъ его не проскакиваетъ въ рапортахъ агентовъ маіора Судейкина, то очевидно, что засадить ихъ въ исполнительный комитетъ и сдѣлать ихъ агентами этой небылицы или субъисполнителями было бы фальшиво и напрасно. Грачевскій и теперь продолжаетъ утверждать, и если бы его вели на смерть, утверждалъ бы, что онъ членъ исполнительнаго комитета, что за его плечами исполнительный комитетъ; онъ жрецъ таинственной кровавой революціи, а какой жрецъ, не отрекшійся отъ своего Бога, можетъ толпѣ, народу, обществу повѣдать, что его божество вымыселъ и обманъ, что его культъ былъ всегда въ половину легенда или сказка, а въ половину только правда, что онъ былъ въ сущности лишь мечта воображенія, одна мечта и миѳъ безъ всякой реальной подкладки.

Я полагаю, гг. сенаторы, что вы не доставите Грачевскому величайшаго въ его положеніи наслажденія, повѣривъ въ существованіе исполнительнаго комитета и организованнаго тайнаго сообщества въ 1882 году, а если вы не повѣрите, то вы не допустите вступленія въ апрѣлѣ 1882 г. въ это именно сообщество Прибылевыхъ. Былъ сговоръ между ними и Грачевскимъ иного рода и самостоятельный; родъ контракта, который можно установить до мельчайшихъ подробностей и по каковому контракту вы и должны судить Прибылевыхъ, причемъ виновность ихъ видоизмѣнится въ сравненіи съ обвинительнымъ актомъ и требованіями прокурорскаго надзора. Контрактъ заключался въ слѣдующемъ:

Изъ свидѣтельства тайнаго совѣтника Вильчковскаго 2 іюля 1882 г. видно, что Раисѣ, а теперь Розаліи, Гросманъ, въ виду перенесеннаго ею тифа, разрѣшено держать курсовые экзамены осенью; все лѣто такимъ образомъ пропадало и было мертвое время. Точно такимъ же мертвымъ временемъ явилось оно для А. Прибы-

лева, кончившаго курсъ наукъ съ 26 ноября 1881 г., но никуда не опредѣлившагося, а лѣтотъ всего труднѣе опредѣляться. Бракосочетаніе предполагалось осенью 1882 года. Какъ женихъ, такъ и невѣста принадлежали къ ряду недовольныхъ, которые подъ вліяніемъ событій 1881 г. и принятыхъ мѣръ правительствомъ не струсили, но по чувствамъ подвинулись ближе къ террористамъ и озлобились. Имъ сдѣлано было предложеніе отъ Грачевскаго, дѣятельности котораго они сочувствовали, но съ которымъ засимъ не имѣли ничего общаго, оказать и ему и изображаемому имъ дѣлу извѣстную услугу, временную, срочную, какъ разъ въ то время, которое у нихъ пропадало и было мертвое, всего въ какіе-нибудь $1^1/_2$ или 2 мѣсяца. Что уговоръ былъ краткосрочный, на $1^1/_2$, 2 мѣсяца, то не подлежитъ сомнѣнію, подсудимые не могли сговариваться, а между тѣмъ показали вполнѣ согласно: Прибылевы, Грачевскій и Корба. Поработавъ лѣтомъ, оказавъ требуемую услугу, Прибылевы бы съѣхали и вышли бы изъ своихъ отношеній къ Грачевскому и къ его революціонному дѣлу; ни въ какія подробности конспираціи они не были и не хотѣли быть посвящены. Они бы оказали услугу и опять зажили бы легально, не только съ внѣшней стороны, которая требовала законнаго вида, но и съ внутренней, требующей легальныхъ заработковъ и образа жизни законнаго.

Услуга, которую согласились оказать Прибылевы, несомнѣнно преступнаго и весьма преступнаго характера. Динамитъ, пироксилинъ, нитроглицеринъ, метательныя снаряды, вещи неизвѣстные до 1 марта 1881 г., пріобрѣли громкую и зловѣщую извѣстность послѣ 1 марта, какъ одно изъ самыхъ адскихъ изобрѣтеній ума человѣческаго. Въ будущихъ вѣкахъ человѣчество ими воспользуется, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ динамитомъ пользуются для взрыва скалъ при прокладкѣ дорогъ въ Герцеговинѣ и Черногоріи; нынѣ ими пользуются и въ средѣ террористовъ, въ особенности при взрывѣ зданій и убіеніи людей. Забудемъ политическую окраску, остановимся на фактѣ, какъ на преступленіи обыкновенномъ. Приготовлены снаряды для убійства съ стеклянными трубками, наполненными сѣрною кислотою. Воспламеняется сначала стопинъ, а сей послѣдній воспламеняетъ гремучую ртуть, а гремучая ртуть воспламеняетъ патронъ изъ пироксилина или нитроглицерина. Снарядъ вѣситъ 3 фунта и носится на груди, но сотрясеніе его достаточно, чтобы превратить въ ничто все окружающее, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ. Это—приготовленіе къ убійству по 1457 ст. уложенія. Есть и массы готоваго нитроглицерина и пироксилина и въ жидкомъ видѣ и въ прессованныхъ шашкахъ; возможенъ взрывъ зданій; за взрывъ максимумъ того, что полагается за поджогъ, а за приготовленіе къ поджогу, равно какъ и ко взрыву по 1611 ст. это—ссылка на житье въ Сибирь или арестантскія роты по 4 или

5 ст. 31 улож. Конечно, на этихъ статьяхъ остановиться нельзя; приготовленіе имѣетъ политическую окраску, а въ государственныхъ преступленіяхъ не только приготовленіе, но и самъ умыселъ и составленіе сообщества съ цѣлью переворота — наказываются какъ совершеніе. Но если необходимо это приготовленіе по политическому характеру замысла пріурочить къ государственному преступленію, то къ какому именно? Къ какому угодно, только не къ преступленіямъ по 241 и 242 ст. улож., т. е. не къ злоумышленію противъ священной особы его Императорскаго Величества. Участвовалъ ли или не участвовалъ Грачевскій въ злоумышленіи противъ особы Императора—это для меня безразлично. Я защищаю Прибылевыхъ, а Прибылевы заднимъ числомъ не могутъ быть пріобщены къ преступленію, которое за годъ до того совершено въ моментъ, когда они сошли съ торнаго легальнаго пути. Для подведенія ихъ подъ 241 ст. необходимо доказать, что въ апрѣлѣ и маѣ 1882 г. Грачевскій замышлялъ посягательство на жизнь не инаго лица, а именно главы государства, и о такомъ замыслѣ сообщалъ Прибылеву или что Прибылевъ могъ догадываться, хотя и безъ прямого сообщенія, что замышляется преступленіе противъ священной особы Императора.

Вспомнимъ, каково могло быть положеніе дѣлъ въ маѣ 1882 г.: волновалась ли партія, готовилась ли или могъ ли готовиться новый походъ на вѣнценосца? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! По словамъ записки Грачевскаго оказалось, что покушенія на вѣнценосца трудны, а въ эту эпоху сдѣлались совсѣмъ невозможными; вѣнценосца окружаетъ дневно и нощно вѣрная и недремлющая стража; злоумышленники, въ родѣ Грачевскаго, должны были принимать всевозможныя предосторожности, бѣгая отъ собственной тѣни, влача жизнь свою изо дня въ день, изъ часу въ часъ, да и то не догадывались, что и этими часами свободы они обязаны благоразумному долготерпѣнію детективной полиціи, сдѣлавшей послѣ 1 марта изумительные успѣхи и озабоченной накрыть подозрѣваемыхъ только тогда, когда они будутъ всѣ въ неводѣ, когда она поймаетъ всѣ нити заговора. Я прослѣдилъ по газетамъ за внутренними политическими событіями конца мая и первыхъ чиселъ іюня и вотъ что я нашелъ: Государь жилъ безвыѣздно въ Петергофѣ, гдѣ Государыня Императрица разрѣшилась отъ бремени 1 іюня, о чемъ объявилъ народу подписанный того же числа въ Александріи манифестъ. Въ то же время произошла перемѣна важная въ административномъ мірѣ, мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ послѣ графа Игнатьева занялъ графъ Д. Толстой, который того же числа вступилъ въ управленіе министерствомъ и котораго дѣятельность еще не опредѣлилась. Затишье въ политикѣ было полное, не въ кого было въ С.-Петербургѣ метать снаряды, развѣ въ околоточныхъ

надзирателей и частныхъ приставовъ. При столь несомнѣнно установленныхъ внѣшнихъ условіяхъ, совершенно независимо отъ показаній подсудимыхъ (Грачевскаго и Прибылевыхъ), цѣль нанятія квартиры не можетъ не быть установлена вполнѣ согласно съ этими, какъ мнѣ кажется, вполнѣ правдивыми показаніями: 1) квартира должна была принять въ себя и хранить всѣ остатки, уцѣлѣвшіе отъ прежнихъ лабораторій, всѣ запасы подвергшагося разгрому тайнаго сообщества, очутившіеся въ распоряженіи Грачевскаго; 2) она должна была служить мѣстомъ, гдѣ бы заготовлялись пробные метательные снаряды для усовершенствованія теоріи метательныхъ снарядовъ, согласно указаніямъ практики, не въ виду какого-нибудь опредѣленнаго и отмѣченнаго, хотя бы въ далекомъ будущемъ предпріятія, а такъ, ради самаго искусства; 3) на ней надлежало бы работать про запасъ, на всякій случай, для будущихъ возможныхъ и еще нисколько не рѣшенныхъ предпріятій, наибольшее количество столь потребныхъ для цѣлей современныхъ соціалъ-революціонеровъ, не только нашихъ, но и французскихъ, англійскихъ, ирландскихъ, бельгійскихъ,—динамита или иныхъ сродныхъ съ нимъ взрывчатыхъ веществъ, далеко оставившихъ за собою невинныя, дѣтскія изобрѣтенія пороха или взрывчатой хлопчатой бумаги. Остановимся на нѣкоторое время на каждой изъ этихъ обнаруженныхъ цѣлей сообщества Грачевскаго съ Прибылевымъ и еще съ двумя введенными въ это сообщество помимо Прибылевыхъ лицами, согласившимися съ нимъ (Юшкова и Клименко) устроить магазинъ сперва для имѣющихся запасовъ. Сюрьма, бертолетова соль, нитроглицеринъ и пироксилинъ, даже динамитъ, все, чѣмъ начиняется метательный снарядъ, были пріобрѣтены или сдѣланы вновь. Но шашки прессованнаго пироксилина вѣсомъ 5 фунт. 90 золотниковъ, но каучуковая подушка съ динамитомъ, сходная съ тѣми, какія были подложены подъ Каменный мостъ, очевидно происходили отъ прежнихъ складовъ. Къ этимъ случайно попавшимъ въ квартиру Прибылевыхъ частямъ гардероба конспиративнымъ или бутафорскимъ я причисляю и малый приборъ *rossignol* въ 2-хъ ясеневыхъ ящикахъ съ наборомъ бланка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи „Народной Воли“. Такъ какъ листки съ бланками такими же найдены при обыскѣ у Гринбергъ, то очень вѣроятно, что и приборъ принесенъ Грачевскимъ, какъ утверждаетъ Прибылевъ. По спеціальности своихъ занятій, по затворнической уединенности, на которую они себя обрекли, по относительно малому кругу ихъ знакомыхъ, нельзя предположить ни чтобы Прибылевы занимались сами сборами на „Народную Волю“, ни чтобы ихъ на эту работу снарядилъ Грачевскій. Къ числу веществъ, происходившихъ изъ старыхъ запасовъ, принадлежитъ и старый негодный съ изъѣденными отъ кислотъ стѣнками снарядъ эллиптическій съ двумя отверстіями,

похожій на снаряды, дѣйствовавшіе 1 марта 1881 г. Что касается до второго назначенія квартиры Прибылевыхъ, какъ школы пиротехническаго искусства, то заявленіе Грачевскаго о существованіи такой школы и о читаемыхъ имъ въ маѣ лекціяхъ — я отношу къ тому напусканію тумана и мистификаціи *bona fide* со стороны Грачевскаго, къ которому принадлежитъ и поддержка имъ мнѣа исполнительнаго комитета. Квартира Прибылевыхъ была съ начала мая подъ такимъ крѣпкимъ присмотромъ, что не могла ее посѣтить собака или кошка, не то что человѣкъ, безъ того, чтобы ихъ посѣщеніе не было записано. До 17 мая Грачевскій могъ бы читать лекціи только Прибылевымъ, съ 17 мая – и Прибылевымъ и Юшковой, если бы Юшкова этимъ дѣломъ занималась, но она просто нашла, какъ нелегальная, желанный пріютъ въ заведеніи и только съ конца мая сталъ бывать приведенный Грачевскимъ Клименко, просиживалъ по цѣлымъ днямъ и работалъ. Больше никого, развѣ разъ или два Гринбергъ. Но если предположеніе о школѣ устранить и согласиться съ мнѣніемъ эксперта Смирнова, что весь снарядъ метательный былъ изготовленъ цѣликомъ на мѣстѣ изъ матеріаловъ, частью купленныхъ въ Андреевскомъ рынкѣ, частью въ Демидовомъ пер. у Ниппе или въ Казанской № 35, то и въ такомъ случаѣ необходимо заключить, что снарядъ, составляя новое усовершенствованіе въ сравненіи со снарядомъ 1 марта, имѣя сравнительную легкость, возможность утайки отъ глазъ наблюдателей, возможность дѣйствія безъ наружныхъ пистоновъ, не былъ предназначенъ для дѣйствія, а только для опытовъ и для безвреднаго употребленія во время этихъ опытовъ, слѣдовательно, что входя въ область научныхъ опытовъ, а не приготовленія орудій къ убійству или зажигательству, онъ не влечетъ за собою на этомъ основаніи наказанія. Несмотря на отрицаніе эксперта Смирнова, я утверждаю, что снарядъ предполагался для демонстраціи, а не для дѣйствія, и считаю, что характерная и убѣждающая въ томъ особенность, это—полное отсутствіе мастики для закупорки скважинъ. Никакого похода не предвидѣлось, значитъ, если бы приготовляли снарядъ на болѣе отдаленное будущее, то его слѣдовало бы такъ охранить, какъ охраняютъ торговцы отъ порчи консервы. Лѣто было весьма жаркое; въ серединѣ лѣта между бѣльемъ г. Смирновъ призналъ, что динамитъ былъ влаженъ и что по гигроскопичности этого азотнокислаго аммонія, если бы количество влаги усилилось, то и сила взрыва могла бы быть ослаблена и самъ взрывъ могъ бы не послѣдовать. Допустимъ осень, допустимъ даже при сухой погодѣ транспирацію носителя; отъ одного его пота могъ снарядъ не предохраненный мастикою сдѣлаться негоднымъ; этотъ выводъ не ослабляется нисколько найденною въ лабораторіи петлею на шнуркѣ. Снарядъ задуманъ былъ по идеѣ, что его надо носить

на груди, слѣдовательно необходимую часть его составляетъ шнурокъ съ петлею. При примѣриваніи, которое происходило въ лабораторіи, его надлежало надѣвать, послѣ чего шнурокъ такъ и остался въ лабораторіи, а снарядъ помѣщенъ въ комодѣ въ бѣльѣ. Если бы Прибылевы завели квартиру только для опытовъ надъ веществами, а не для приготовленія веществъ, долженствующихъ пойти въ дѣло, то ихъ отвѣтственность была бы не только не велика, но не опредѣлима по уложенію. Она бы заключалась только въ знаніи и недонесеніи о вредномъ образѣ мыслей Грачевскаго. Гораздо важнѣе то, что они выдѣлывали не динамитъ, а нитроглицеринъ, который въ значительномъ количествѣ найденъ готовымъ въ сосудахъ подъ слоемъ воды въ ихъ заведеніи. Въ этомъ участвовали и Прибылевы и Юшкова (промывка нитроглицерина). И такъ, жильцы квартиры участвовали въ выработкѣ взрывчатыхъ веществъ, которыя должны были поступить къ лицу или къ лицамъ, разсчитывающимъ этими средствами пользоваться для смуты, для произведенія переворота въ государствѣ, для того, что по 249 ст. улож. называется бунтомъ, возстаніемъ, скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, для производства общевреднаго промысла съ революціонною антиправительственною цѣлью. Допустимъ, что такую фабрику динамита нашли бы прежде взрыва въ *Westminster*'ѣ, въ *Monceaux les-Mines*, въ *Monte Carlo*—при входѣ въ игорное заведеніе; ясно что можно бы виновныхъ судить, если такія приготовленія запрещены, но нельзя было бы никого привлекать къ отвѣтственности по предположенію, что всякій динамитъ предназначенъ для изведенія королевы Викторіи или *Jules Grévy* или вообще главы государства, или даже для изведенія должностныхъ лицъ (обвинительный актъ). По нашимъ законамъ, это преступленіе подводится не подъ 241, а подъ 249 ст.—*бунтъ*, принятіе участія въ заговорѣ дѣйствіями, которыя въ той же статьѣ обозначены: сборъ, храненіе и раздача оружія и др. *приготовленія къ бунту*... Мнѣ можно сказать—какая же вамъ польза, что вашихъ кліентовъ будутъ наказывать не по 241, а по 249 ст., и за то и другое — наказаніе одно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь.

На это возраженіе у меня готовъ отвѣтъ, отвѣтъ неопровержимый. Для защитника, назначеннаго отъ суда исполнять тяжелую повинность, при ограниченности его средствъ, когда притомъ фактъ преступленія не оспаривается, вліяніе его на дѣло — безконечно мало и оно уже успѣшно, когда онъ достигнетъ того, чтобы подсудимый былъ по всѣмъ правиламъ искусства наказанъ по надлежащей статьѣ уложенія и съ соблюденіемъ всѣхъ въ пользу подсудимаго установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства. Со мною не согласятся мои кліенты, для которыхъ все равно подъ какимъ соусомъ будутъ они сервированы, но вы, гг. судьи, оцѣните

значеніе этого положенія. Не для настоящаго процесса, такъ для будущаго пойдетъ въ прокъ, если практика перестанетъ производить всѣ будущіе процессы отъ цареубійства 1881 г., какъ не производятся они отъ дѣла Соловьева, Гартмана, Нечаева и Каракозова, какъ не производятся всѣ дѣла объ убійствѣ отъ убіенія Авеля—Каиномъ. Сверхъ того достигнется для меня одинъ важный, пока идеальный, результатъ, что мои кліенты будутъ судимы только за бунтъ, а не за посягательство на лицо государя. Разница громадная; рядъ весьма мало явственныхъ, почти незамѣтныхъ ступеней отдѣляетъ неудовольствіе и опытъ отъ демонстраціи оппозиціонныхъ, демонстрацій отъ сопротивленія властямъ, сопротивленіе отъ тайныхъ обществъ, тайныя общества отъ бунта и приготовленія къ бунту. Бунтующій противъ правительства возстаетъ противъ правительства Его Величества, то-есть противъ его системы, не противъ особы; при измѣнившихся обстоятельствахъ иногда осужденный входитъ въ силу и власть, какъ то сдѣлалось напр. съ министромъ Андраши, но цареубійца иного десятка человѣкъ, сжегшій свои корабли. Кромѣ этой идеальной прибыли есть еще другая, матеріальная. Если Прибылевы судятся за приготовленіе къ бунту, то они подходятъ не подъ 249, а подъ 250 статью вполнѣ и безусловно, такъ какъ не только преступленіе не дозрѣло и не только было открыто заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни другихъ вредныхъ послѣдствій не произошло, но и сама цѣль бунтовщическая лелѣема была только какъ нѣчто весьма и весьма отдаленное: виновные готовились къ бунту, но не условились приступить къ исполненію и дѣйствовать насильственно, слѣдовательно, не подходятъ даже подъ 1 ч. ст. 250, а только подъ 2-ю ч., присовокупленную закономъ 4 іюня 1874 г. (по прод. 1876 г.), смягчившимъ значительно драконовскую суровость первоначальной 250 ст.—о бунтѣ и 318—о тайныхъ обществахъ. Притомъ при опредѣленіи мѣры наказанія вамъ даны чрезвычайно великія, широкія и упругія полномочія. Вы можете положить каторгу до 6 лѣтъ, но вы можете положить и поселеніе, вы можете положить даже ссылку на житье, вы можете положить даже крѣпость на 1 г. 4 мѣсяца. Громадны—ваши полномочія, данныя вамъ государствомъ для расправы съ преступниками государственнаго порядка; мало того, они еще громаднѣе въ виду 775 ст. у. у. с., предоставляющей вамъ право ходатайствовать за осужденныхъ о пониженіи наказанія въ размѣрахъ, превосходящихъ норму установленную закономъ. Вы—владыки жизни и смерти многихъ людей, потому что для нѣкоторыхъ, для нервно-больныхъ, чахоточныхъ и слабыхъ многолѣтняя каторга равна медленной и мучительной смертной казни. Мои юридическія познанія помогли мнѣ опредѣлить предѣлы вашей власти, очерченныя закономъ по примѣненію къ частному

случаю, къ судьбѣ, ожидающей супруговъ Прибылевыхъ. Внутри этихъ предѣловъ будетъ опредѣляемо наказаніе качественно и количественно—тутъ то и начинаю я смущаться, тутъ перестаетъ юриспруденція быть моимъ руководителемъ; задача моя, чувствую, что не окончена, остается расположить васъ убѣдительною рѣчью къ мягкосердечію, къ снисходительности, къ состраданію — по отношенію къ этимъ преступникамъ, несмотря на ихъ твердость и кажущуюся повидимому нераскаянность. Я отчаяваюсь, сумѣю ли я сдѣлать все, что возможно въ теперешнемъ моемъ положеніи; я не привыкъ и не умѣю *жалкія слова* произносить, но я думаю, что жалкія слова недостойны ни васъ, ни дѣла, которое серьезно, ни подсудимыхъ, которые были бы и въ вашихъ глазахъ менѣе заслуживающими облегченія ихъ участи, если бы держали себя приниженно и являли бы собою видъ, въ которомъ каждый подозрѣвалъ бы только лицемѣріе, внушаемое надеждою—притворнымъ самоосужденіемъ достигнуть облегченія своей участи. Врагъ, какъ врагъ явный, лучше затаеннаго и скрытнаго. Да будетъ же мнѣ позволено въ заключеніе моей защиты повергнуть на ваше усмотрѣніе не жалкія слова, а нѣсколько изъ сердца идущихъ, убѣдительныхъ, какъ мнѣ кажется, и для ума—соображеній, не къ оправданію, а къ облегченію участи и этихъ молодыхъ людей, которыхъ я защищаю, и всего того молодого поколѣнія, котораго они являются далеко не единственными представителями.

Лѣтъ слишкомъ десять тому назадъ я участвовалъ въ первомъ политическомъ процессѣ, такъ-называемомъ Нечаевскомъ. Законы о политическомъ преступленіи были куда какъ строже; по 250 ст. злоумышленіе къ бунту, открытое заблаговременно, влекло наказаніе отъ 15 лѣтъ каторги въ рудникахъ и до 10 л. въ крѣпостяхъ. И тому же, безусловно тому же наказанію подвергались всякія сообщества, имѣющія вредную для спокойствія и цѣлости государства или цѣль—противную установленнымъ закономъ образу и порядку правленія. Нынѣ по закону 4 іюня 1874 г. и то и другое измѣнилось. Идутъ они по видамъ сообщества и ихъ цѣлямъ, а также по степени участія отъ 6 лѣтъ каторжныхъ работъ до простого ареста на время отъ 7 дней до 3 недѣль. Наказанія смягчились и сдѣлались человѣчнѣе, но преступленія обострились и сдѣлались темнѣе и кровавѣе. На моихъ глазахъ за распространеніе въ простомъ народѣ тенденціозной книжечки, сказки въ родѣ „Хитрой механики“ судились люди какъ за бунтъ и воззваніе къ бунту, а за храненіе съ цѣлью распространенія—какъ за тайное сообщество, то-есть попадали подъ 10 или 15-лѣтнюю каторгу. Успѣхи революціонныхъ мыслей были ужасно быстры; соціализмъ начала 70 годовъ является невинною идиліею передъ народовольцами и „Черный передѣлъ“ съ „Землею и Волею“ самъ какъ партія

стушевывается и исчезаетъ передъ подвигами организаціи „Народной Воли“ и террористами Носильщики снарядовъ выручали какъ обыкновенно болѣе умѣренныхъ своихъ собратьевъ, которымъ и давался отдыхъ вслѣдствіе того, что ихъ затѣи блѣднѣли передъ затѣями террористовъ. Это одновременное съ одной стороны смягченіе слишкомъ жестокихъ законовъ, съ другой быстрое возрастаніе преступности — доказываютъ только, что преступленіе не зависитъ отъ системы наказанія и что наказанія весьма мало способствуютъ къ ихъ укрощенію, и съ этимъ согласится всякій, кто наблюдалъ жизнь общественную у насъ и за границею въ послѣднее время—въ странахъ, обладающихъ наилучшими уголовными системами. Вездѣ на очереди террористы, соціалисты и динамитчики, всюду дымятся малые вулканчики, сопки. Движеніе захватываетъ все молодое поколѣніе интеллигентнаго слоя, все учащееся, треть поколѣнія сидитъ въ немъ, остальныя двѣ трети безсознательно испытываютъ вліяніе тѣхъ же идей. Судъ констатируетъ только отдѣльные случаи этого громаднаго и развѣтвленнаго событія, обусловливаемаго всѣмъ ходомъ жизни современной и нашею неспособностью его предупредить. Мы заднимъ умомъ крѣпки, но предусмотрительностью совсѣмъ не богаты. Далека отъ меня мысль доказывать безполезность суда и казней политическихъ преступниковъ. Они—печальная необходимость и нѣтъ еще государства, которое бы могло безъ нихъ обойтись, но излеченіе не достигается казнями, да и при пользованіи этимъ сильнымъ средствомъ надлежитъ обращать вниманіе, чтобы не дѣлать лишняго, зла, чтобы не губить того, что можетъ быть избавлено и пощажено, чтобы дѣйствовать хладнокровно, безъ страсти, по сознанію долга и съ полнымъ знаніемъ цѣны жизни человѣческой и ея страданій. Я лично никогда не могъ помириться съ образомъ Ѳемиды съ завязанными глазами, то есть слѣпой, а думалъ и думаю, что она должна быть зрячая и что остроту зрѣнія она должна употребить на то, чтобы каждому воздать должное, отвѣсить ему индивидуально по его качеству слѣдующее. Она иначе отнесется къ главнымъ крупнымъ дѣятелямъ, извергаемымъ бездною; оцѣнивая ихъ силу, отдавая должное даже ихъ характеру, она приметъ мѣры, чтобы эти крупные и закаленные въ своемъ дѣлѣ люди были сняты со сцены дѣйствія, были лишены всякой возможности вредить государству, котораго прямыми врагами они себя заявили. Она отнесется иначе къ рабочимъ, завербованнымъ въ послѣдній часъ, увлеченнымъ примѣромъ и поддавшимся тому волшебству, тому обаянію, которое распространяютъ смѣлые, убѣжденные руководители. Замѣчательно готовый примѣръ такого увлеченія находится въ запискахъ Алексѣя Михайлова: „Я не знаю человѣка, который такъ былъ бы награжденъ дешевымъ счастіемъ. Я спокоенъ и веселъ“, писалъ

онъ, „прошлое полно и цѣльно, будущее достойно борца. Предо мною прошло все великое моего времени. Я жилъ съ лучшими людьми. Идея способна фанатизировать меня“. Идея способна фанатизировать и меньшихъ дѣятелей, въ родѣ Прибылева, и его жены, съ тою разницею, что нѣкоторые ушли въ нее цѣликомъ и сожгли свои корабли, не оставляя себѣ возвратнаго пути, иные же сдѣлали это лишь въ половину. Вы оцѣните всѣхъ по совѣсти и я думаю, что вы причислите къ послѣднимъ Прибылевыхъ, несмотря на большой привѣсокъ на ихъ сторонѣ тяжкой вины, заключающейся въ устройствѣ динамитной мастерской. Индивидуализируя наказаніе, вы, я думаю, сообразите его и съ силою сопротивленія и съ выносливостью субъекта, а если такъ, то, осуждая супруговъ, вы большую долю прикинете на мужа, а меньшую, значительно меньшую, на жену. Въ семействѣ—онъ глава, онъ мужчина, онъ человѣкъ смирный, терпѣливый и мягкій; за него можно быть спокойнымъ, онъ успѣетъ сдѣлаться полезнымъ и въ ссылкѣ и при наказаніи. Меня пугаетъ она, существо порывистое и нервное, страдавшее съ малолѣтства психопатическимъ расположеніемъ, происходящимъ отъ склоннаго къ заболѣваніямъ семейства, и такое, что нѣсколько мѣсяцевъ уединеннаго и тяжелаго заключенія могутъ быть для нея, при отсутствіи въ будущемъ какой-нибудь надежды, равносильны смертному приговору. Женскій полъ принималъ значительное участіе въ движеніи общественномъ современномъ и наше общество стоитъ вообще за равноправность женщины. Изъ этой равноправности есть однако исключеніе; я не могъ и не могу помириться съ идеею равноправности безусловной и полной женщины передъ наказаніемъ. Рискуя прослыть ретроградомъ, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою о признаніи и вами того начала большаго уголовнаго снисхожденія для женщины, чѣмъ для мужчины. Я все, кажется, сказалъ и уступаю мѣсто другимъ моимъ товарищамъ по истинно печальной настоящей защитѣ.

Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ*: 1) подсудимыхъ—дворянина Юрія Богдановича, мѣщанина Петра Телалова, мѣщанина Савелія Златопольскаго, сына дьякона Михаила Грачевскаго, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Михаила Клименко и отставного лейтенанта флота Александра Буцевича, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни черезъ *повѣшеніе*; 2) сына священника Якова Стефановича и дочь священника Прасковью Ивановскую—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы безъ срока; 3) жену потомственнаго почетнаго гражданина изъ дворянъ Анну Корба—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 25 лѣтъ; 4) подсудимыхъ крестьянина Антона Борейшу, мѣщанина Ивана Калюжнаго, ветеринарнаго врача *Александра Прибылева*, дворянку Антонину Лисовскую, дочь купца Хасю Гринбергъ, дочь священника Надежду Смирниц-

кую, дочь священника Марію Юшкову и жену ветеринарнаго врача *Раису Прибылеву*—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы *на 15 лѣтъ*, Борейшу, Калюжнаго и *Прибылева*—въ рудникахъ, а Гринбергъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и *Прибылеву*—на заводахъ; 5) участь подсудимыхъ—Борейши, Гринбергъ, Юшковой и *Прибылевой*, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ, подвергнуть въ порядкѣ, указанномъ въ статьѣ 775 у. у. с., на Монаршее Его Императорскаго Величества милосердіе съ ходатайствомъ для *Прибылевой* – о ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 4 года.

1884.

IV.

Дѣло о Вѣрѣ Филипповой (ур. Фигнеръ), Любови Чемодановой и другихъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ государственныхъ.

Изъ обвинительнаго акта видно, что со второй половины 1878 г. среди русской соціальной партіи начинаетъ развиваться мысль сведенія борьбы съ почвы чисто экономической на политическую съ такъ-называемою пропагандою «факта», т. е. насильственными дѣйствіями.

Это новое направленіе возникло среди членовъ петербургскихъ кружковъ, въ «центральной петербургской группѣ», члены которой присвоили себѣ къ тому времени названіе—«исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи». Послѣдствіемъ сего былъ рядъ посягательствъ на жизнь высшихъ государственныхъ сановниковъ, какъ то: 4 августа 1878 г.—убійство шефа жандармовъ *Мезенцева;* 9 февраля 1879 г.—убійство харьковскаго губернатора князя *Кропоткина;* 13 марта того же года—покушеніе на жизнь шефа жандармовъ генералъ-адъютанта *Дрентельна*, а также—посягательство 2 апрѣля того же года на Императора *Александра II.*

Новое направленіе, не соотвѣтствуя прежней программѣ народнической партіи, вызвало въ средѣ ея расколъ и привело членовъ соціально-революціонной партіи къ заключенію о необходимости съѣзда – для обмѣна мнѣній и пересмотра прежней программы. Вслѣдствіе сего въ 1879 году послѣдовали два съѣзда: первый въ іюлѣ—въ г. *Липецкѣ*, Тамбовской губ., и второй вслѣдъ за первымъ—въ г. Воронежѣ. Изъ русской соціально-революціонной партіи выдѣлилась группа, признавшая необходимость политической борьбы и, образовавъ отдѣльную фракцію, присвоила себѣ названіе «террористовъ» или «партіи Народной Воли». Въ октябрѣ 1879 г. подпольною типографіею въ г. С.-Петербургѣ выпущенъ былъ первый нумеръ новаго изданія «Народная Воля», каковое изданіе явилось литературнымъ представителемъ образовавшейся фракціи. Типографія «Народной Воли» обнаружена была въ ночь съ 17 на 18 января 1880 г., когда печатался третій нумеръ изданія, содержащій программу дѣятельности партіи.

Организація террористической фракціи состояла въ томъ, что фракція распадалась на „распорядительную комиссію", „исполнительный комитетъ" и „агентовъ разныхъ степеней".

„Распорядительная комиссія" должна была находиться въ Петербургѣ. Она должна была завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, причемъ послѣднія могли совершаться только съ ея вѣдома и по ея иниціативѣ. Веденіе же активной полити-

ческой борьбы лежало на обязанности агентовъ и исполнительнаго комитета, члены котораго пребывали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ интересахъ фракціи представлялась въ томъ надобность.

Выраженіемъ дѣятельности террористической фракціи въ послѣдующій за Липецкимъ съѣздомъ періодъ времени были: 1) два покушенія въ ноябрѣ 1879 г. на жизнь Императора Александра II въ г.г. Москвѣ и Александровскѣ; 2) приготовленія къ такому же посягательству въ 1879 и 1880 г. вблизи гор. Одессы; 3) взрывъ, произведенный 5 февраля 1880 г. въ Зимнемъ дворцѣ и 4) злодѣяніе 1 марта 1881 г., повлекшее за собою кончину Императора Александра II.

Большинство лицъ, виновныхъ въ совершеніи вышеупомянутыхъ злодѣяній, были открыты и понесли должное наказаніе. Избѣжавшіе, однако, наказанія продолжали дальнѣйшую дѣятельность. Они вновь стали заниматься привлеченіемъ новыхъ членовъ; въ особенности они поставили себѣ задачею привлеченіе въ свои ряды офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Привлечены къ уголовной отвѣтственности 14 человѣкъ, а именно: дворянка Вѣра *Филиппова*, урожденная Фигнеръ; дочь священника—Любовь *Чемоданова*; сынъ священника—Аполлонъ *Немоловскій*; сынъ священника - Дмитрій *Суровцевъ*; купеческій сынъ—Афанасій Спандони-Басманджи; дворянинъ Владиміръ Чуйковъ; купеческій сынъ Василій Ивановъ; жена врача Людмила Волькенштейнъ; подполковникъ Михаилъ Ашенбреннеръ; штабсъ-капитанъ Николай Похитоновъ; поручикъ Николай Рогачевъ; лейтенантъ флота Александръ Штромбергъ; прапорщикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Иванъ Ювачевъ и подпоручикъ Александръ Тихоновичъ.

Разборъ дѣла происходилъ въ с.-петербургскомъ *военно-окружномъ Судѣ*, на основаніи 17 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, Высочайше утвержденнаго 14 августа 1881 г., причемъ засѣданіе было открыто *24 сентября 1884 г.*

Рѣчь въ защиту подсудимой Л. В. ЧЕМОДАНОВОЙ.

Всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, являющихся не единично, а въ видѣ общераспространенныхъ болѣзненныхъ явленій и внутренняго броженія, отличаются тѣмъ, что подъ одинъ общій обвинительный актъ подводится обыкновенно множество дѣйствій—разрозненныхъ и множество лицъ, соединенныхъ связью не общаго участія въ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ, а связью простого, иногда очень далекаго, знакомства.

Что касается до моей кліентки—Чемодановой, то по отношенію къ ней не существуетъ даже и этой тонкой связи между нею и остальными подсудимыми.

Въ ихъ средѣ она безусловно чужая, ни съ кѣмъ не дѣйствовавшая, никому неизвѣстная. Я не отрицаю, что она водила знакомства, которыя и придется вамъ, гг. судьи, взвѣсить, съ государственными преступниками: въ 1881 г. 2 марта—она заходила на квартиру Софіи Перовской; въ 1883 г. въ іюнѣ взята

подъ ложными фамиліей и именемъ Маріи Гулько, въ Харьковѣ, у темныхъ людей – Анастасіи Осинской и Алексѣя Воскресенскаго, вмѣстѣ съ проживавшимъ тамъ же Давидовичемъ. Извѣстно, что Давидовичъ отпущенъ, Осинская повѣсилась въ домѣ предварительнаго заключенія, а Воскресенскій бѣжалъ изъ вагона Николаевской желѣзной дороги 25 іюня 1883 г., послѣ чего принималъ участіе въ убійствѣ маіора Судейкина и опять бѣжалъ. Ея изолированность такъ велика, что все происходившее можетъ быть раздѣлено на 2 неравныя части, не соприкасающіяся ни въ единомъ пунктѣ: а) о Чемодановой и б) объ остальныхъ 13 подсудимыхъ. Ея отчужденіе отъ другихъ подсудимыхъ столь велико, что ее удаляли изъ засѣданія судя все время, кромѣ только того, которое было посвящено судебному о ней слѣдствію. Эта изолированность, я не скрою, выгодна для защиты, она зато затрудняетъ судей, она требуетъ особенно осторожнаго отношенія къ этой подсудимой, стоящей въ безусловно исключительномъ положеніи.

Было и есть несомнѣнно соціалистическо-революціонное движеніе; на этомъ фонѣ, на этой волнѣ обрисовываются и нѣкоторыя лица, которыхъ виновность только и можетъ быть опредѣлена тѣмъ, насколько они къ этой волнѣ пристали, насколько они были революціонерами дѣйствительно. Какъ провѣрить эту дѣйствительность? Она въ настоящемъ случаѣ можетъ быть познана только изъ двухъ источниковъ:

а) изъ дѣяній подсудимой, не только тѣхъ, которыя отмѣчены въ обвинительномъ актѣ и которыя весьма немногосложны, но изъ всей массы уголовно-слѣдственнаго матеріала, обнаруживающаго ея участіе въ революціонномъ движеніи, и

б) изъ ея не дѣяній собственно, а только однихъ словъ.

Я долженъ теперь опредѣлить точнѣе, что я разумѣю подъ „словами“, которыя не суть дѣянія. Есть масса случаевъ преступнаго свойства, когда единственнымъ орудіемъ дѣйствія является слово, не только въ оскорбленіи или въ богохуленіи, но напр. въ подстрекательствѣ. Зачинщикъ заговора можетъ управлять и распоряжаться всѣмъ заговоромъ, самъ не прикладывая руки къ осуществленію замысла. То „слово“—дѣло, но есть „слово“—не дѣло, а только слово: туда я отношу всѣ слова, всѣ заявленія словесныя и даже письменныя, дѣлаемыя послѣ того, какъ подозрѣваемый достался въ руки юстиціи и когда онъ не дѣйствуетъ на другихъ, а только передъ государственною властью раскрываетъ свои мысли, свои чувства и становится въ извѣстную, хотя бы и не истинную, вызывающую позу. Бываютъ случаи и не очень рѣдкіе, что подсудимый самъ наклепалъ на себя напрасно, что онъ представилъ себя чернѣе, чѣмъ былъ, что онъ взвалилъ на себя небывалыя и не совершенныя имъ дѣйствія. Вотъ почему въ прежнемъ дореформен-

номъ, отмѣненномъ нынѣ судопроизводствѣ, было мудрое правило, что собственное признаніе считается лучшимъ доказательствомъ въ мірѣ и только тогда можетъ быть принято, если оно согласно съ обстоятельствами дѣла, если оно, бывъ повѣрено, подтвердилось.

Раздѣленіе, которое я предлагаю сдѣлать,—не только логически правильно, но и практически необходимо, потому что, какъ я постараюсь доказать, второй разрядъ данныхъ долженъ быть, при отсутствіи дѣяній, безусловно исключенъ, какъ категорія доказательствъ мнимыхъ, либо ошибочныхъ, кажущихся, либо совсѣмъ негодныхъ. Когда перваго рода доказательства суть доказательства, то второго, то есть слова—до извѣстной степени могутъ служить еще слабымъ отблескомъ первыхъ, далекимъ и косвеннымъ ихъ подтвержденіемъ. Установивъ такимъ образомъ несостоятельность личныхъ заявленій подсудимой, сдѣланныхъ на судѣ, отдѣльно и самостоятельно взятыхъ, я пока оставлю всѣ эти заявленія въ сторонѣ и займусь дѣйствіями Л. В. Чемодановой. Ставлю вопросъ—какія есть данныя въ дѣлѣ, что Чемоданова была активнымъ, не только членомъ организаціи, извѣстной подъ именемъ „Партіи Народной Воли“, но членомъ той спеціальной ея террористичечкой фракціи, совершившей рядъ посягательствъ на Священную Особу Государя Императора Александра II, закончившихся злодѣяніемъ 1 марта 1881 г., а равно продолжающей совершать того же рода злодѣянія вплоть до настоящаго времени, каковое участіе и составляетъ предметъ обвиненія Чемодановой, такъ какъ противъ нея поставлена только одна, но обнимающая все, начиная отъ смертной казни, статья 249 уложенія.

Первый фактъ. Чемоданова заарестована 3 марта 1881 г., черезъ два дня послѣ цареубійства, въ квартирѣ Желябова и Перовской во 2 ротѣ Измайловскаго полка, значитъ—она была съ ними въ сношеніяхъ. Да, была не съ Желябовымъ, а съ Перовскою въ сношеніяхъ, но не въ сношеніяхъ преступнаго характера, и съ женщиною, къ которой еще не былъ приклеенъ, по раскрытому позже ея участію, ярлыкъ участницы въ цареубійствѣ, знаменующій высочайшую степень уголовщины. Противъ Чемодановой ничего обвиняющаго по этой части не собрано. Желябовъ, какъ извѣстно, арестованъ 28 февраля; на слѣдующій день, 1 марта, было приступлено къ осмотру и обыску въ его квартирѣ. Во время происходившаго обыска брошены были смертоносныя бомбы въ 2 часа, на Екатерининскомъ каналѣ; метаніемъ бомбъ распоряжалась Перовская, убравшаяся изъ квартиры и затѣмъ въ нее не возвращавшаяся (это фактъ—историческій). Если бы Чемоданова принадлежала къ кружку, который затѣялъ цареубійство и стремился его осуществить подъ командою Перовской, то она не могла бы не знать 1-го, а тѣмъ болѣе 2-го, а тѣмъ паче 3-го, что Же-

лябовъ арестованъ, что квартира его перемѣнила хозяина. Развѣ бы она осмѣлилась сунуться добровольно въ то мѣсто, которое въ то время имѣло значеніе западни, мышеловки? Найдено ли у Чемодановой что-нибудь подозрительное? Въ карманѣ нѣсколько дамскихъ сработанныхъ воротничковъ; въ ея бѣдныхъ пожиткахъ въ Галерной Гавани, на Васильевскомъ острову, у мѣщанки Даниловой—ровно ничего. Нѣтъ данныхъ, которыя бы исключали возможность и правдоподобіе разсказа Чемодановой, что она была курсистка, что она бывала на вечеринкахъ и другихъ обыкновенныхъ, не конспиративнаго свойства собраніяхъ молодежи, что она на университетскомъ балу познакомилась съ женщиною, оказавшеюся нынѣ Перовскою, но извѣстною ей подъ именемъ не Софіи, а Лидіи Платоновны или Антоновны, что эта Лидія обѣщала ей работу, дала свой адресъ, ввела ее въ свою, оказавшуюся потомъ конспиративной, квартиру, но о конспиративности которой Чемоданова не имѣла понятія, что эта Перовская и дала ей сшить нѣсколько воротничковъ, съ которыми потомъ и явилась ничего не подозрѣвавшая Чемоданова.

Все такъ происходило какъ описано въ показаніи Чемодановой, данномъ 3 марта, но когда затѣмъ нашли Перовскую и сдѣлали обѣимъ женщинамъ очную ставку 11 марта, то, по протоколу 11 марта 1881 г., онѣ другъ друга не узнали. Я объясню потомъ связь этой очной ставки съ компрометирующимъ Чемоданову показаніемъ ея того же 11 марта. Теперь я объясню, что Чемоданова нынѣ убѣждена, что эта была Перовская, но на балу она увидѣла Перовскую въ шляпкѣ и головномъ уборѣ, совершенно измѣнившихъ и скрадывавшихъ тотъ необыкновенно высокій лобъ, который составлялъ характерную черту облика казненной. Что касается до Перовской, то она могла не узнать, могла не желать никого узнавать, а между тѣмъ поставила Чемоданову въ чрезвычайно трудное положеніе, лишивъ ее возможности доказать совпаденіе показанія Перовской съ ея показаніемъ, что она заходила въ Измайловскій полкъ только за воротничками.

Второй фактъ. Письмо яко бы Чемодановой къ Лучининой, найденное у Колодкевича. Одинъ изъ соучастниковъ въ цареубійствѣ, кончившемся злодѣяніемъ 1 марта, Николай Колодкевичъ, былъ арестованъ еще за 5 дней до событія—26 февраля 1881 г., въ занятой полиціею конспиративной квартирѣ Алафузова и назвался Сабанѣевымъ. Въ протоколѣ о заарестованіи значится, что у него найдены два письма: 1) къ Маріи Гавриловнѣ съ подписью Л. Тураева; признано, что оно подозрительнаго содержанія, и 2) письмо безразличнаго содержанія отъ 9 января 1881 г. безъ подписи, въ конвертѣ на имя Маріи Гавриловны Лучининой. Подозрительность перваго письма, какъ видно изъ постановленія жан-

дармскаго штабъ-офицера, заключалась въ томъ, что Тураева рекомендуетъ въ Вяткѣ проживающей Лучининой одну отъѣзжающую въ Вятку особу и проситъ оказать этой особѣ (полъ не опредѣленъ—мужчина или женщина) содѣйствіе. Вскорѣ потомъ, 28 января 1881 г., произведенъ обыскъ въ пожиткахъ Колодкевича, на его квартирѣ, по Фонтанкѣ № 47, при которомъ никакихъ новыхъ писемъ къ Лучининой не найдено. Таковы указанія на вещественныя доказательства, въ которыхъ нѣтъ помину о Чемодановой, а установлено только отношеніе письма къ курсисткѣ Тураевой, которая дала объясненія такого рода, что оно писано для женщины, для одной изъ курсистокъ, отправлявшейся въ Вятку не для революціонной пропаганды, а чтобы тамъ пристроиться и получить занятія. Между тѣмъ имѣется отзывъ департамента полиціи отъ 31 декабря 1883 г., что Чемоданова, дочь священника села Ухтыма Вятской губ., была привлечена къ дознанію по найденному у Колодкевича предосудительнаго содержанія ея письму за подписью Л. Ухтымская на имя Лучининой. Такъ какъ никакого письма отъ Ухтымской къ Лучининой у Колодкевича не найдено—ни при немъ, ни на его квартирѣ, то самое существованіе этого-то именно письма, якобы уличающаго Чемоданову и якобы предосудительнаго, становится болѣе чѣмъ проблематическимъ, и остается одно изъ двухъ: либо добыть тѣ самыя вещественныя доказательства, оба письма къ Маріи Гавриловнѣ Лучининой, найденныя у Колодкевича, послѣ чего можетъ быть будетъ обнаружено, что одно изъ нихъ подписано—„Ухтымская“, а по сличеніи почерка окажется, что оно писано Чемодановою, либо совершенно исключить это письмо изъ числа уликъ, найденныхъ у Колодкевича, и судить Чемоданову, какъ будто бы оно не существовало, такъ какъ существованіе его сомнительно.

Изъ того же сообщенія департамента полиціи видно, что Чемоданова содержалась 10 мѣсяцевъ въ заключеніи и безъ суда, 9 декабря 1881 г. отправлена въ Западную Сибирь въ административную ссылку въ Курганъ, подъ полицейскій надзоръ на 5 лѣтъ. Я не отношу къ числу уликъ противъ Чемодановой въ государственномъ преступленіи то, что 20 декабря 1882 г., пробывъ годъ въ Курганѣ, она оттуда бѣжала, причемъ ей помогъ ссыльный Кржеминскій, вывезшій на лошадяхъ и ее, и ссыльныхъ Иванова и Талузатова. Побѣгъ съ мѣста административной ссылки есть мелкій проступокъ, предусмотрѣнный 63 ст. улож. о наказ. налаг. миров. судьями (за самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жительства по законному распоряженію подлежащей судебной или правительственной власти—арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ или денежное взысканіе не свыше 300 руб.). И по 1032 ст. уст. уг. суд. изд. 1876 г., и по военно-судебному уставу 1183 ст. (по редакціи

1884 г.)—судъ экстраординарный для государственныхъ преступленій вполнѣ компетентенъ и для стекающихся съ ними не государственныхъ, но дѣло въ томъ, что и преслѣдованія за этотъ проступокъ не возбуждено и возбудить нынѣ его невозможно за 6-ти мѣсячною давностью, установленною 21 ст. уст. о наказ. налаг. миров. судьями („когда эти проступки въ теченіе 6 мѣсяцевъ не сдѣлаются извѣстными мировому судьѣ или полиціи, или когда въ теченіе этого времени не было никакого по нимъ производства"). Не было о проступкѣ этомъ производства, такъ какъ Чемоданова и не спрошена въ качествѣ обвиняемой по 63 ст. устава. Прибавлю, что для Чемодановой тяжела эта 63 ст. не по аресту до 3 мѣсяцевъ, а по концу: независимо отъ взысканія, виновные возвращаются въ мѣста, опредѣленныя для ихъ жительства.

Третій и послѣдній фактъ. Заарестованіе Чемодановой 22 іюня 1883 г. въ Харьковѣ, въ квартирѣ пропагандистовъ и вѣроятно народовольцевъ, назвавшихъ себя Воскресенскими; этотъ фактъ подраздѣляется на два: проживаніе по фальшивому паспорту на имя Гулько и предполагаемое ея участіе въ затѣяхъ этихъ темныхъ лицъ.

По дошедшимъ до жандармскаго начальника слухамъ о подозрительномъ образѣ жизни обитателей Грековской улицы д. № 13, верхняго этажа, произведенъ былъ обыскъ въ этой квартирѣ, состоящей изъ 4 комнатъ и кухни. Одна комната—гостинная, другая—квартирохозяевъ—Александры и Алексѣя Воскресенскихъ, третья—жильца, готовящагося къ испытанію на аттестатъ зрѣлости—Давидовича, изъ духовнаго званія, платящаго по 20 руб. за столъ и квартиру и четвертая—ничего не платившей, но и ничего не получавшей кухарки, якобы свѣрженской мѣщанки — Гулько, оказавшейся Чемодановою. Въ гостинной и въ комнатѣ Гулько ничего не нашли, но въ спальнѣ Воскресенскихъ, а отчасти и въ ящикахъ шкапа комнаты Давидовича найдены въ порядочномъ количествѣ конспиративные матеріалы, предназначавшіеся для распространенія, для пропаганды; тутъ были рукописи и замѣтки всевозможнаго содержанія, гектографическія копіи рѣчей террористовъ въ прежнихъ процессахъ, фальшивыя печати и паспорты, указывающіе на маскированіе жильцами своей нелегальности этимъ средствомъ, наконецъ—шрифты, давно не употребляемые и видимо не бывшіе въ употребленіи въ этой квартирѣ, а только лежавшіе на складѣ до болѣе удобнаго будущаго. Шрифты эти—разнокалиберные, сборъ изъ разныхъ типографій съ значительными неполнотами въ отдѣльныхъ буквахъ (ф, р, і, м). Вся обстановка была такова, что поселяла убѣжденіе въ существованіи тайной, не установленной и не бывшей еще въ ходу типографіи. Алексѣй Воскресенскій показалъ, что, дѣйствуя по порученію властей партіи „Народной Воли", онъ

съ своею предполагаемою женою имѣли у себя имъ принадлежащіе станки и шрифты, но ими ничего не печатали. Анастасія Осинская показала, что занималась приготовленіемъ къ печатанію революціонныхъ изданій и разборкою шрифтовъ и что у нихъ былъ запасный складъ типографскихъ вещей, на коихъ предполагалось печатать мелкія изданія. Хозяева—Воскресенскіе выгораживали Давидовича: „Мы стѣснялись имъ", показываютъ они, „если бы мы рѣшились печатать, то прежде выслали бы его, но за двѣ недѣли до ареста, т. е. около 8 іюня—у насъ было рѣшено не приступать къ печатанію и оставить квартиру". Показанія эти настолько были правдоподобны, что несмотря на нахожденіе въ комнатѣ Давидовича и даже въ его корзинѣ съ бѣльемъ и платьемъ подозрительныхъ предметовъ, онъ былъ отпущенъ и въ этомъ процессѣ не участвуетъ.

Что касается спеціально до Гулько—Чемодановой, то она найдена прописанною по фальшивому паспорту свѣрженской мѣщанской управы, Минской губерніи. Такъ какъ печать свѣрженской мѣщанской управы найдена въ квартирѣ Воскресенскихъ, въ ихъ вещахъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что давъ ей пріютъ, укрывъ ее въ своемъ пристанищѣ, эти лица вмѣстѣ виновны были по 976 ст., въ поддѣлкѣ, а Чемоданова по 977 ст. улож.—въ проживательствѣ по подложному виду (наказаніе по 976 ст.—лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ отдаленнѣйшія губерніи, кромѣ сибирскихъ). Эта уголовная ссылка, если бы она состоялась, поглотила бы и послѣдствія административной ссылки по 63 ст. мирового устава. Она можетъ быть была бы даже благодѣяніемъ; обыкновенное преступленіе, все равно—за кражу ли, мошенничество или за иное не особенное дѣло, доставляетъ подсудимому по наказуемости положеніе относительно лучшее, нежели положеніе государственнаго преступника.

Но ежели откинуть эту безпаспортность, то вытекаетъ ли изъ одного факта бытности у Воскресенскаго съ 15 мая по 22 іюня 1883 г. и изъ выяснившихся между ними отношеній, что Чемоданова солидарна во всемъ съ Воскресенскими? что она должна отвѣчать за то, что дѣлаютъ и думаютъ Воскресенскіе, что она террористка изъ партіи „Народной Воли"? Я думаю, что—нѣтъ. Прежде всего сама прикосновенность Воскресенскихъ къ террористической фракціи есть вопросъ не разрѣшенный; типографія ихъ не печатала, записки у нихъ разныя и относятся онѣ къ черному передѣлу и къ народовольцамъ прежняго времени, до раскола, обрисовавшагося на Липецкомъ съѣздѣ, и вообще до недовольныхъ настоящимъ, какихъ тьма-тьмущая въ Россіи, гдѣ больше недовольныхъ, чѣмъ довольныхъ. Сочувствіе, гг. судьи, не богопротивное, не грѣховное и не преступное дѣло; сочувствуетъ нашъ просто-

людинъ, когда даетъ копѣйки отправляющимся въ Сибирь съ бубновымъ тузомъ на спинѣ. Во всеобщемъ, охватывающемъ массу движеніи есть нѣкоторое основаніе, есть крупица правды, часто среди громаднаго зла; я могу сочувствовать этой маленькой крупицѣ не раздѣляя увлеченій, ни излишествъ и осуждая практическую дѣятельность попавшихся. Наконецъ, я утверждаю, что основаніемъ сочувствія можетъ быть даже и не идея, а аналогія положенія. Чемоданова нелегальная, Воскресенскіе тоже нелегальные люди, они дали ей пріютъ, у нихъ есть общіе интересы, связь ихъ основана на личныхъ мотивахъ, а не на идеѣ. Не можетъ она на нихъ донести по чувству самосохраненія, потому что она бы на себя донесла. Она знала, что они люди политически темные, но они одни въ данномъ случаѣ ея спасители; въ откровенность ей нечего было пускаться. Будь они и террористы, не видно, чтобы она знала, что они что-нибудь другое—какъ простые пропагандисты. Если бы даже вы нашли возможнымъ по знакомству и сожительству съ Воскресенскими отнести Чемоданову къ большой революціонной партіи, что весьма сомнительно, то на принадлежность ея къ террористической фракціи нѣтъ уже ровно никакихъ доказательствъ. Подведемъ итоги части процесса, относящейся къ Чемодановой.

Дѣлъ заговорщическихъ—никакихъ, ровно никакихъ. Есть только слова, такъ сказать—исповѣданія террористической вѣры и слова сочувствія злодѣяніямъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи XIX вѣка. Вотъ къ этой-то части защиты, и самой легкой, повидимому и самой трудной и опасной въ дѣйствительности, я теперь и подхожу; выслушайте меня терпѣливо въ виду, какъ замѣтилъ, открывая судебное слѣдствіе, предсѣдатель, необычайной тяжести взводимыхъ на подсудимыхъ и въ томъ числѣ на Чемоданову обвиненій.

Мое положеніе было бы самое легкое, если бы мы разсуждали въ предѣлахъ области чистой науки. *Cogitationis poenam nemo patitur*—говоритъ римское право, и это начало вошло во всѣ европейскіе кодексы и даже въ нашъ, но съ единственнымъ исключеніемъ, относящимся къ государственнымъ преступленіямъ; однако даже и въ этихъ преступленіяхъ по ст. 242 улож. наказуемость умысла обусловливается приступомъ къ приготовленію чрезъ словесное или письменное изъявленіе своихъ о томъ мыслей,—конечно заявленіе передъ людьми, способными воспріять это сѣмя. Въ 249 ст. предусматривается еще принятіе участія въ составленномъ на бунтъ заговорѣ. Умыселъ предполагаетъ ясное и отчетливое представленіе о существѣ преступленія, хотя бы какъ возможнаго дѣйствія, хотя бы какъ желанія дѣйствовать преступнымъ образомъ. Но въ показаніи Чемодановой 11 марта 1881 г. выражено одно только со-

чувствіе злодѣйствамъ, ничего больше; выражено оно передъ производящею дознаніе властью, брошено оно въ видѣ бравады, въ видѣ вызова—вотъ я какая! Намъ слѣдуетъ теперь опредѣлить не только по закону (законъ въ пользу Чемодановой), но разумно и по человѣчески—какъ судить и казнить это изъявленіе чувства, это—„прорвалось“, будемъ ли мы его разсматривать какъ изліяніе невольное или какъ вызовъ... И вотъ самая трудная часть задачи, задача чисто психологическая, требующая напряженія всего вниманія, чтобы попасть въ надлежащую точку.

Прежде всего я долженъ возстать и самымъ положительнымъ образомъ возразить противъ той психологіи, которая положена въ основаніе первыхъ страницъ обвинительнаго акта. По обвинительному акту виною всего дурного, всѣхъ смутъ и крамолъ, посягательствъ на власть и цареубійство, омрачавшихъ настоящее Россіи, есть соціальное западно-европейское движеніе, къ намъ перекочевавшее, какъ заразная болѣзнь. Все зло идетъ отъ идей, которыя, когда распространяются въ умахъ, то рождаютъ между проникнутыми ими людьми сочувствіе другъ къ другу и содѣйствіе ихъ общей идеѣ. Все, что съ начала семидесятыхъ годовъ и даже прежде того, съ злодѣйства Каракозова въ 1866 году, совершилось, то все идетъ въ счетъ, слагается въ кучу, вмѣняется какъ отвѣтственность совокупности лицъ, сочувствовавшихъ другъ другу и идеѣ, такъ что, напр., сегодня къ движенію примкнулъ кто-нибудь, когда оно измельчало, когда оно своими террористическими излишествами доведено до нелѣпости, онъ, несмотря на свое запоздалое пришествіе, судится какъ цареубійца, судится за участіе заднимъ числомъ въ дѣйствіяхъ террористической фракціи, рядомъ злодѣяній дошедшей до событія 1 марта 1881 года.

Я не ошибаюсь, я могу демонстрировать, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Чемодановой, что таково логическое построеніе обвиненія по обвинительному акту. Въ 1883 году найдена женщина, проживавшая у народовольцевъ, можетъ быть у террористовъ, а можетъ быть и нѣтъ, по всей вѣроятности—у простыхъ пропагандистовъ, которые въ данный моментъ даже не пропагандировали. Ее подводятъ по 249 ст. улож. подъ смертную казнь и ей купно со всѣми ставятъ вопросъ: виновна ли она въ принадлежности къ террористической фракціи соціально-революціонной партіи, совершившей рядъ злодѣйствъ, завершенныхъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 г.? Въ этомъ выводѣ есть двѣ коренныя, осязательныя, очевидныя ошибки: 1) предположеніе о происхожденіи всѣхъ посягательствъ на государство и главу его, какъ одной, родившейся въ головѣ чьей-нибудь сначала идеи, готовой и законченной, о государственномъ переворотѣ и 2) возложеніе на голову каждаго прикосновеннаго къ революціонному движенію—всѣхъ, уже прежде

всякаго участвованія его, совершенныхъ злодѣйствъ, въ которыхъ онъ ни умомъ, ни волею, ни рукою, ни помышленіемъ не участвовалъ, на которыя онъ не сговаривался.

Жизнь и дѣйствительность говорятъ иное. Начало всякому и психологическому, и историческому процессу, даютъ впечатлѣніе и чувство. Есть у каждаго недѣлимаго и въ цѣлыхъ массахъ и пожеланія лучшаго и страданія, то, что мы называемъ неудовлетворенными потребностями и что составляетъ стимулъ, толчокъ, побуждающій къ дѣйствію. Начало движенія кроется въ безсознательномъ состояніи; потребность выясняется и приводитъ человѣка къ сознанію, тогда она становится идеею: идея можетъ самобытно возникнуть изъ потребности, можетъ быть заимствована и извнѣ. Будь она по происхожденію европейская, азіатская или американская, когда почва готова, то всякое сѣмя даетъ обильные всходы. Разъ появилась сознательная практическая идея объ удовлетвореніи потребности, идея о преобразованіи общества или государства, то она въ самое движеніе вноситъ расколъ, который такъ рельефно подмѣченъ въ показаніи Гольденберга. Движеніе подраздѣляется на рукава: легальное и нелегальное; въ нелегальномъ—на наступательное, мирное, пропагаторское и на насильственное (терроръ).

Когда возникъ этотъ расколъ, то между расходящимися рукавами движенія, которые другъ къ другу ближе, нежели къ остающейся внѣ движенія массѣ, продолжается сочувствіе, а тѣмъ болѣе состраданіе, но нѣтъ общности умысла и дѣйствій, нѣтъ условій для совиновности въ преступленіяхъ, которыя одна вѣтвь совершаетъ по своему почину; однимъ словомъ—продолжается сердечное отношеніе по идеѣ, которую вы слышали въ исповѣди представителя кающихся террористовъ, напримѣръ—Гольденберга, при полномъ неодобреніи и рѣзкомъ осужденіи средствъ и способовъ дѣйствія. Пойдемъ дальше. Даже въ слояхъ консервативныхъ, не сочувствовавшихъ движенію, не можетъ не обнаружиться не то сочувствіе, а извѣстная меньшая его степень, состраданіе. Я не могу себѣ представить русскаго гражданина, который бы не болѣлъ и не страдалъ при видѣ того, какъ гибнутъ безплодно, какъ растрачиваются молодыя силы, къ какимъ нулевымъ и отрицательнымъ результатамъ ведутъ страшныя усилія этихъ отчаянныхъ головъ. Начнемъ же теперь анализъ отношеній къ революціоннымъ соціальнымъ идеямъ террористовъ—не принадлежащихъ дѣломъ къ ихъ партіи лицъ.

Состраданіе—есть чувство и гуманное и христіанское, за него не только взыскивать нельзя, но и порицать его не подобаетъ. Сочувствіе идеямъ и цѣлямъ движенія можетъ совмѣщаться съ неодобреніемъ средствъ дѣйствія. Смѣю утверждать, что это сочувствіе и не наказуемо и не преступно. Иду дальше. Извѣстное лицо,

не состоящее въ заговорѣ съ государственными злоумышленниками и не принимавшее никогда никакого активнаго участія въ ихъ дѣйствіяхъ, вдругъ, не въ собраніи революціонеровъ, а передъ властью, заявляетъ больше, нежели сочувствіе,—оно говоритъ: я солидаренъ съ терроромъ, я принимаю на себя всю отвѣтственность за поступки террористовъ, я принимаю на свою голову и отвѣтственность даже за событіе 1 марта 1881 г. Какъ отнестись къ такой выходкѣ? Она можетъ быть—самообличеніе настоящаго заговорщика, котораго только похожденія были неизвѣстны. Слѣдуетъ поискать и если окажется, что онъ составилъ заговоръ или принялъ участіе въ составленіи заговора, увеличивъ тѣмъ его силы или, не вступая въ заговоръ, принялъ участіе въ какомъ либо-отдѣльномъ его дѣйствіи, зная о революціонной цѣли этого дѣйствія,—тогда и подводите его подъ 249 ст. улож. Но если этого нельзя сдѣлать, то ясно, что однимъ своимъ заявленіемъ передъ властью этотъ человѣкъ заговорщикомъ не сдѣлался, что какъ бы онъ ни старался, будучи подъ ключомъ въ тюрьмѣ, сдѣлаться государственнымъ преступникомъ, онъ имъ быть не можетъ. Хотя бы онъ хотѣлъ, наскучивъ жизнью, покончить съ нею и попасть на висѣлицу, однако не попадетъ; не всякому дается каторга, она слишкомъ дорого стоитъ. Государственное преступленіе —вещь серьезная и нельзя вдругъ по произволу создать въ полномъ его составѣ государственное преступленіе. Тогда и придется разбирать, что такой-то вызывающійся на казнь—опасный человѣкъ, обнаруживающій постоянное активное направленіе своей воли; тогда его надобно сдѣлать безвреднымъ, административно сослать или иную мѣру употребить, мѣру предупрежденія, а не юстиціи. Или это была только съ его стороны шальная вспышка, результатъ минуты отчаянія и озлобленія, которое миновало, когда къ нему возвратилось самообладаніе. Защита старалась объяснить, какъ могла случиться подобная выходка съ Чемодановой, сказавшаяся въ подписаніи ею протокола 11 марта 1881 г. Я надѣюсь, что защита убѣдила васъ, потому что юридическія ея данныя и весьма вѣски и непоколебимы и не могутъ быть опровергнуты со стороны обвиненія никакими иными данными противоположнаго свойства. Я надѣюсь, что къ такому выводу должно бы привести изученіе Чемодановой на судебномъ слѣдствіи, какъ лица весьма своеобразнаго и такого, котораго характеристическія черты ума и характера бросаются тотчасъ въ глаза. Вы ей вѣроятно простили ея велерѣчивость; въ одиночномъ заключеніи нѣкоторые разучиваются говорить, а у другихъ является неудержимая потребность говорить. Чемоданова изъ послѣднихъ. Она много говорила, но вы замѣтили, что ея рѣчь исполнена фактическаго содержанія, что она—хорошій наблюдатель, что она имѣетъ превосходную память и что она воспроизводитъ свои воспоминанія

точно, толково, съ такою обстоятельностью, въ которой дышетъ правдивость, безъ малѣйшей фантазіи, со складомъ ума весьма положительнымъ. Она самоучка, всѣмъ себѣ обязанная; она со своею слабостью и мягкостью вынесла борьбу жизни, борьбу за существованіе—съ энергіею, которая сдѣлала бы честь любому мужчинѣ. Бѣглянка изъ родительскаго дома, гдѣ ей не давали учиться, то компаньонка, то учительница, то экономка, то фельдшерица и сестра милосердія, она добилась ближайшей цѣли своего стремленія—имѣла надежду попасть на женскіе врачебные курсы. Хотя умственныя ея занятія держали ее вдали отъ всякаго фантазерства, но соціальное движеніе захватило ее поневолѣ, заставило ее страдать и заставило ее вдумываться порою въ его суть и содержаніе. Мужъ ея сестры Синегубъ сосланъ на каторгу. Сватавшійся къ ней самой человѣкъ попалъ въ каторжныя работы. Не вникая во внѣшнюю сторону ихъ дѣйствій, она умомъ постигала, что революціонеры имѣютъ свои идеалы—съ оттѣнкомъ, который для нея, дочери священника, воспитанной религіозно, имѣлъ нѣкоторый видъ христіанства—усиленнаго и очищеннаго. Заарестованіе ея въ конспиративной квартирѣ, обнаруженіе знакомства съ окончательно скомпрометированными лицами, невозможность доказать, — зачѣмъ она заходила на конспиративную квартиру, послѣ очной ставки съ Перовской, обстановка новая, обращеніе не нѣжное, привели ее въ отчаяніе, въ раздраженіе, въ болѣзненное состояніе, въ которомъ ее потомъ и свидѣтельствовали. Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ допросамъ, она дала показаніе 11 марта 1881 г. Она въ точности и не помнила, что она тогда писала, что и не удивительно, если сообразить ея болѣзнь, ея расположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ, къ воспаленію оболочекъ головного и спинного мозга (*meningitis*). Ея болѣзнь произвела то дѣйствіе, что ее порѣшили административнымъ порядкомъ и сослали на житье въ Курганъ. Ея протоколъ 11 марта не оказался, значитъ, достаточнымъ въ 1881 г. для подведенія ея подъ 249 ст. по одному этому протоколу, какъ онъ ни рѣзокъ и рѣшителенъ; ее не сочли возможнымъ признать государственною преступницею. Ея ссылка въ 1881 г. возбуждаетъ вопросъ: какъ относится нынѣ суду къ этому протоколу? За 1881 г. счеты государства съ Чемодановою были покончены, достаточною была признана ссылка административная; она погасила и тѣ дѣйствія Чемодановой, которыя ее вызвали и которыя ею покрыты. Вы и не въ правѣ входить въ разсмотрѣніе отношенія Чемодановой къ дѣянію 1 марта; роль Чемодановой въ дознаніи по процессу 1 марта очерчена въ обвинительномъ актѣ только для свѣдѣнія. Таково одно изъ возможныхъ рѣшеній вопроса.

Есть и другое рѣшеніе: въ концѣ 1881 г. данныя не оказались достаточными для преданія Чемодановой суду, слѣдствіе пре-

кращено по недостаточности уликъ, но прекращенное можетъ быть возобновлено при появленіи новыхъ; новыми являются — поимка Чемодановой въ Харьковѣ въ 1883 г. и эта поимка возбудила прекращенное слѣдствіе и подвергла участіе Чемодановой въ преступленіи 1 марта новому обсужденію. Такъ, кажется, понимаетъ свою задачу судъ, что я заключаю изъ вопросовъ, предложенныхъ предсѣдателемъ Чемодановой. Я и на то согласенъ; но если распоряженіе департамента полиціи не устраняетъ обсужденія дѣйствій Чемодановой за 1881 г. и разсмотрѣнія ихъ судебною властью, то во всякомъ случаѣ я полагаю, что оно должно имѣть значеніе весьма вѣской и авторитетной экспертизы. По протоколу 11 марта департаментъ полиціи не нашелъ возможнымъ отнести Чемоданову къ числу заговорщиковъ. Нынѣ Чемоданова на судѣ. Нынѣ оказывается, что если она виновна въ обыкновенномъ преступленіи: бѣгствѣ съ мѣста ссылки и проживательствѣ по фальшивому виду, то въ заговорѣ, въ преступленіи по 249 ст. она ничѣмъ не уличена, кромѣ протокола 11 марта 1881 г., который по точному смыслу 249 ст. безусловно недостаточенъ, чтобы подвести ее подъ эту статью. И вы ее, гг. судьи, не подведете подъ эту статью, вы убѣдились несомнѣнно, что она не террористка, какая же она и заговорщица? Я отъ васъ прошу не милости для Чемодановой, я прошу строгаго, непредубѣжденнаго и безпристрастнаго правосудія.

(У меня не сохранилось отмѣтки, чѣмъ кончилось это дѣло о Чемодановой. Мнѣ помнится, что она была присуждена къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. В. С-чъ).

1885.

V.

Дѣло о польскомъ сообществѣ, именующемъ себя соціально-революціонною партіею „Пролетаріатъ".

Въ 1879 и 1880 гг. въ Петербургѣ существовалъ кружокъ молодежи, именовавшій себя „Польской Гминой" и преслѣдовавшій по словамъ обвинительнаго акта по настоящему дѣлу противуправительственныя цѣли.

Въ 1880 г. гмина распалась и изъ ея остатковъ осенью 1881 г. образовалась такъ называемая „Польско-литовская соціально-революціонная партія", центральными кружками которой были такъ называемые: „Огниско" и „Секретный Совѣтъ". Партія старалась объединить польскую молодежь въ разныхъ городахъ Россіи (Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Вильна) и установить связь съ русскимъ обществомъ „Народная Воля". Одинъ изъ главныхъ кружковъ ея въ Варшавѣ носилъ названіе „Центральнаго Комитета". Независимо отъ сего въ Варшавѣ лѣтомъ 1882 г. существовалъ такъ называемый „Рабочій Комитетъ" съ Варынскимъ во главѣ.

Для выработки одной общей всѣмъ кружкамъ программы, рѣшено было созвать съѣздъ представителей образовавшихся группъ, каковой и состоялся въ январѣ 1883 г. (мѣсто его не обнаружено) и выработалъ такъ называемыя: „Общія основанія программы и организаціонной дѣятельности Центральнаго Комитета соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ".

Въ началѣ 1883 г. Плоскій, какъ членъ Центральнаго Комитета, вошелъ въ сношенія съ главою „Рабочаго Комитета" Варынскимъ. Въ серединѣ февраля состоялось соглашеніе этихъ двухъ комитетовъ, такъ что Варынскій, оставаясь въ главѣ Рабочаго Комитета, сдѣлался агентомъ Центральнаго Комитета. Рабочій Комитетъ имѣлъ секціи въ Варшавѣ, Лодзи, Згержѣ, Бѣлостокѣ и Вильнѣ и отдѣльныхъ агентовъ въ другихъ городахъ (фабричныхъ центрахъ).

Въ свою очередь Центральный Комитетъ имѣлъ своихъ агентовъ 1-й и 2-й степени; первые, наравнѣ съ членами, посѣщали общія собранія комитета, выйти изъ организаціи не могли и исполняли всѣ порученія, предлагаемыя большинствомъ; вторые—сами опредѣляли срокъ и дѣло, на которое предлагали свои услуги.

Въ половинѣ марта 1883 г. отъ партіи „Пролетаріатъ" отдѣлилась соціально-революціонная партія „Солидарность", во главѣ которой стоялъ Пухевичъ, утверждавшій, что осуществленіе соціально-революціонныхъ

цѣлей можетъ быть достигнуто одной лишь пропагандой, безъ проявленія террористической дѣятельности.

Цѣль партіи „Пролетаріатъ“ и отношеніе ея къ русской революціонной партіи объясняется содержаніемъ двухъ документовъ подъ названіемъ: „*Общія основанія программы*“ и „*Конфиденціальное соглашеніе*“. Программа партіи заключалась въ полномъ экономическомъ и политическомъ освобожденіи трудящихся массъ отъ давящаго ихъ гнета, путемъ распространенія среди рабочихъ сознанія ихъ классовой обособленности, пропаганды, агитаціи массъ и организованной борьбы за нихъ съ привилегированными классами и правительствомъ, стоящимъ на сторонѣ этихъ классовъ, послѣдствіемъ чего должна быть дезорганизація существующаго государственнаго механизма. Для успѣха своей дѣятельности партія предполагала: а) для усиленія *экономической борьбы*—возбуждать рабочихъ противъ всякой формы эксплоатаціи, вызывать стачки, образовывать тайные рабочіе союзы, терроризировать капиталистовъ и ихъ подчиненныхъ, б) *въ политической борьбѣ*, руководствуясь принципомъ что все, что ослабляетъ и подрываетъ „Царское“ правительство, должно быть эксплоатируемо, партія стремилась возбуждать народъ не платить податей, противодѣйствовать распоряженіямъ правительства, открыто заявлять сочувствіе всѣмъ ведущимъ борьбу съ „деспотическимъ русскимъ правительствомъ“, участвовать во всѣхъ противоправительственныхъ демонстраціяхъ, если онѣ не имѣютъ религіознаго или національнаго характера, наконецъ карать шпіоновъ и измѣнниковъ. Дезорганизація государственаго механизма предлагаема была польскому пролетаріату, какъ средство вырвать политическую власть изъ рукъ правительства. Въ этой борьбѣ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ средствъ въ рукахъ партіи предполагается терроръ экономическій и связанный съ нимъ—политическій, проявляющійся въ разныхъ формахъ... Такъ какъ партія сознавала, что польскій пролетаріатъ можетъ вышибить власть изъ рукъ русскаго правительства только при помощи революціонныхъ силъ остальныхъ частей Россійской имперіи, то и предположено было, чтобы центральный комитетъ вступилъ въ полное соглашеніе съ исполнительнымъ комитетомъ „Народной Воли“; въ подготовительной работѣ оба комитета должны были *помогать* другъ другу имѣющимися въ ихъ распоряженіи людьми, средствами, сношеніями и полезными свѣдѣніями.

Одна изъ главныхъ заботъ партіи заключалась въ пріобрѣтеніи сочувствія рабочихъ и народа вообще къ соціалистическому движенію. Средствами для сего служили: *1) устная пропаганда* между рабочими; *2) распространеніе въ народѣ изданій соціально-революціоннаго содержанія*. Соціально-революціонныя изданія получались сначала исключительно изъ-за границы контрабандными путемъ. Кромѣ этихъ изданій „Пролетаріатъ“ издавалъ газету „Proletaryat“; издавались также прокламаціи, посылались предостереженія фабрикантамъ и мастерамъ. Появленіе всѣхъ этихъ изданій, въ которыхъ, за рѣдкими исключеніями, значилось, что они напечатаны „въ Варшавѣ, въ типографіи партіи „Пролетаріатъ“, ясно указываетъ на то, что въ рукахъ сообщества была тайная типографія. 13 октября 1884 г. была открыта полная типографія, хранившаяся въ складѣ на 13-й верстѣ отъ Варшавы, въ домѣ плотника Василевскаго.

Признавая терроръ необходимымъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей, сообщество „Пролетаріатъ“ озабочивалось и пріобрѣтеніемъ оружія, имѣло въ своемъ распоряженіи револьверы, кинжалы, кастеты, яды; нѣкоторые члены его ходили вооруженные; наконецъ была организована изъ среды привлеченныхъ въ него рабочихъ такъ-называемая „боевая дружина“ для выполненія террористическихъ дѣйствій.

Партія проявила свою дѣятельность между прочимъ въ нижеслѣдующихъ кровавыхъ фактахъ:

1) Вечеромъ 2 октября 1883 г. въ Згержѣ, Петроковской губ., совершено покушеніе на убійство рабочаго Сиремскаго, подозрѣваемаго сообщниками „Пролетаріата“ въ измѣнѣ. Сиремскій получилъ ударъ кинжаломъ въ спину, причинившій ему лишь легкую рану. Виновный въ этомъ покушеніи Шмаусъ задержанъ.

2) Въ мартѣ 1884 г. въ г. Згержѣ, Петроковской губ., совершено новое покушеніе на жизнь вышеупомянутаго рабочаго Сиремскаго, не имѣвшее послѣдствій. Покушавшіеся на убійство Бугайскій и Томашевскій задержаны.

3) Въ маѣ 1884 г., въ томъ же Згержѣ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера рабочій Гельшеръ, подозрѣваемый сообщниками „Пролетаріата“ въ измѣнѣ.

4) Вечеромъ 26 іюля того же года, на улицѣ гор. Варшавы, въ вагонѣ конно-желѣзной дороги, былъ смертельно раненъ кондукторъ Михаилъ Скржипчинскій, вскорѣ умершій, а 26 августа вблизи кондитерской Тура была найдена печатная прокламація „Центральнаго Комитета“, извѣщавшая, что Скржипчинскій казненъ, какъ измѣнникъ и что та-же участь ждетъ каждаго измѣнника.

На основаніи всего вышеизложеннаго, командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа, въ порядкѣ § 31 положенія государственной охраны, къ слѣдствію и суду варшавскаго военно-окружнаго суда было привлечено 29 человѣкъ, а именно: Варынскій, 29 лѣтъ; Рехневскій, 22 л.; Куницкій, 24 л.; Шмаусъ, 30 л.; Томашевскій, 26 л.; Петрусинскій, 20 л.; Бліохъ, 43 л.; Дегурскій, 54 л.; Иванъ Гельшеръ, 22 л.; Поплавскій, 24 л.; Пацановскій, 20 л.; Осовскій 21 л.; Домбровскій, 24 л.; Сѣрошевскій, 22 л.; Форминскій, 40 л.; Глабышъ, 23 л.; Кмѣцикъ, 34 л.; Словикъ, 27 л.; Яновичъ, 25 л.; Госткевичъ, 23 л.; Конъ, 20 л.; Маньковскій, 21 года.; Бардовскій, 38 л.; Люри, 27 л.—по обвиненію въ томъ, что принадлежали къ тайному соціально-революціонному сообществу, именующему себя „Пролетаріатъ“, которое бывъ вполнѣ солидарно съ революціонной партіей „Народная Воля“, преслѣдуя тѣ же преступныя цѣли, что и названная партія, т. е. ниспроверженіе путемъ насилія существующаго государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, употребляя для достиженія сихъ цѣлей одинаковыя съ этой партіей средства, вошло съ нею въ соглашеніе, состоявшееся въ 1883 г. чрезъ посредство „Исполнительнаго Комитета“, какъ представителя партіи „Народная Воля“, съ „Центральнымъ Комитетомъ“, какъ представителемъ сообщества „Пролетаріатъ“, и оформленное въ особомъ письменномъ документѣ, въ силу котораго, между прочимъ, одинъ изъ членовъ сообщества „Пролетаріатъ“ несъ обязанности делегата партіи „Народная Воля“, причемъ сообщество это для болѣе успѣшнаго достиженія вышеупомянутыхъ цѣлей:

во 1) прибѣгало къ пропагандѣ устной и письменной, организовавъ въ фабричныхъ центрахъ Привислинскаго края рабочіе кружки и сходки, на которыхъ произносились рѣчи, возбуждающія къ явному неповиновенію власти верховной, раздавались и разъяснялись печатныя прокламаціи, брошюры и вообще сочиненія такого же содержанія, тайно печатаемыя въ Россіи и водворенныя изъ-за границы;

во 2) имѣло тайную типографію для печатанія своихъ сочиненій помянутаго содержанія;

въ 3) издавало періодическую газету „Пролетаріатъ“ такого же направленія;

въ 4) устроило свою конспиративную квартиру и складъ соціально-революціонныхъ изданій: писанныхъ, гектографированныхъ и печатныхъ;

въ 5) организовало кассу и періодическіе сборы и выдачи денегъ, и, наконецъ,

въ 6) имѣя въ своемъ распоряженіи револьверы, кинжалы (въ томъ числѣ—отравленные), кастеты и яды, и исходя изъ того положенія, что терроръ наиболѣе дѣйствительное средство для достиженія преслѣдуемыхъ цѣлей, оно, чрезъ посредство центральнаго комитета, какъ своего представителя, приговаривало заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ ему, а также должностныхъ лицъ, къ смерти, для чего составляло приговоры, печатало ихъ, прикладывало къ нимъ особыя печати и приводило эти приговоры въ исполненіе, результатомъ чего былъ цѣлый рядъ убійствъ и покушеній на убійства.

Всѣ подсудимые подведены по обвинительному акту подъ 249 ст. улож. о наказ.

Изъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ совокупно въ принадлежности къ „Пролетаріату“, нѣкоторые привлекаемы были къ отвѣтственности спеціально за извѣстныя отдѣльныя дѣйствія. Изъ нихъ обвинялись:

Ѳаддѣй Юліевъ *Рехневскій*—въ томъ, что въ половинѣ 1883 года, уже состоя членомъ центральнаго комитета, находился въ то же время въ постоянныхъ сношеніяхъ съ партіей „Народная Воля“; въ качествѣ члена центральнаго комитета имѣлъ рѣшающій голосъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ партіи „Пролетаріатъ“, былъ однимъ изъ ея „вожаковъ“; на немъ лежала обязанность организовать интеллигентныя силы партіи, иными словами, онъ выполнялъ § 13 „конфиденціальнаго соглашенія“ исполнительнаго и центральнаго комитетовъ, вслѣдствіе чего, въ концѣ 1883 г., онъ, пребывая въ Петербургѣ, склонилъ бывшаго тамъ членомъ „Огниско“—Загурскаго отправиться въ гор. Варшаву для работъ въ тайной типографіи и для техническихъ занятій, что Загурскимъ и было исполнено; редактировалъ въ 1833 г. газету „Пролетаріатъ“ и сотрудничалъ въ ней, причемъ двѣ рукописи: „Корреспонденція изъ С.-Петербурга“ и „Za dawnych czasów“ доставлены имъ для помянутой газеты; былъ уполномоченъ какъ партіей „Пролетаріатъ“, такъ и партіей „Народная Воля“ для сбора денегъ въ кассы названныхъ партій; распространялъ изданія партіи „Народная Воля“ и „Пролетаріатъ“.

Петръ Васильевичъ *Бардовскій*—въ томъ, что, принадлежа съ 1884 г. къ партіи „Пролетаріатъ“, онъ, проживая сперва на Гожей, а потомъ на Закрочимской улицахъ, устроилъ въ своемъ помѣщеніи—*конспиративную квартиру*, въ которой при обыскѣ найдены: складъ изданій „Народной Воли“ и „Пролетаріата“, всего около 3000 заземпляровъ, въ томъ числѣ: разныя газеты, прокламаціи, листки и т. п. печатныя сочиненія, проекты отдѣльныхъ статей, прокламацій, стихотвореній, разсказовъ и проч., предназначавшихся для печати въ типографіи „Пролетаріата“; типографскія принадлежности, какъ-то: шрифтъ, типографская краска, готовый наборъ статей, изданныхъ партіей „Народная Воля“; 19 разныхъ печатей „Пролетаріата“ и „Народной Воли“, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій; снимки на восковой бумагѣ печатей, штемпелей и подписей разныхъ фабричныхъ заведеній и ихъ владѣльцевъ и пр. и пр.; въ этой же квартирѣ собирались главные руководители „Пролетаріата“ для совѣщаній по дѣламъ партіи, а равно и для общихъ собраній центральнаго комитета, на которыхъ обсуждались, между прочимъ, способы осуществленія террористическихъ дѣйствій. Независимо отъ сего онъ, Бардовскій, завѣдывалъ денежными средствами партіи, при чемъ выдавалъ знакомымъ ему лицамъ, изъ находившагося у него склада, книги для прочтенія, за что получалъ плату, каковую и обращалъ въ кассу „Пролетаріата“; въ маѣ 1884 г. принялъ отъ Люри 140 руб. для Куницкаго, въ пользу „Пролетаріата“; совмѣстно съ Люри отправилъ

(въ іюнѣ 1884 г.) по почтѣ въ Петербургъ 452 р. Дежбскому, ѣздившему туда по порученію центральнаго комитета; далѣе, онъ, заботясь о расширеніи круга дѣятельности партіи, стремился провести пропаганду въ войска, для чего, при содѣйствіи Люри, написалъ предназначавшееся для напечатанія „Воззваніе къ воннымъ", въ которомъ, возбуждая офицеровъ измѣнить присягѣ и примкнуть къ революціи, онъ говоритъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ воззванія, въ чемъ служатъ порукой имена Дубровина, Суханова и др. (государственные преступники, нынѣ казненные).

Дѣло слушалось въ варшавской цитадели въ закрытомъ судебномъ засѣданіи варшавскаго военно-окружнаго Суда съ 11 ноября по 8 декабря 1885 г.

Подсудимыхъ Рехневскаго и Бардовскаго защищалъ присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ.

Рѣчь въ защиту Ѳ. Ю. РЕХНЕВСКАГО.

Гг. судьи! Мой кліентъ, дѣйствительный студентъ с.-петербургскаго университета Рехневскій находится въ нѣсколько особомъ положеніи по отношенію къ своимъ товарищамъ по обвиненію въ томъ смыслѣ, что хотя ему въ противоправительственномъ заговорѣ приписывается главная, первостепенная роль, но сравнительно съ ними онъ меньше компрометированъ уликами, что имѣется весьма мало несомнѣнно уясняющихъ эту роль данныхъ, что онъ притомъ вины своей не призналъ ни на одинъ моментъ, а потому и не бралъ назадъ своихъ предшествующихъ, якобы откровенныхъ признаній, что найденное при немъ поличное онъ объясняетъ почти случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, что эти рукописныя произведенія хотя и обнаружены въ главной квартирѣ заговора и мирового судьи Бардовскаго, но таковое литературное, письменное сотрудничество не можетъ быть поставлено на одномъ ряду съ активнымъ участіемъ въ киданіи пылающихъ угольевъ пропаганды въ толпы темныхъ, малограмотныхъ или совсѣмъ неграмотныхъ рабочихъ, долженствующихъ составлять боевыя силы арміи переворота. Я не имѣю нисколько намѣренія обѣлять Рехневскаго и представлять его ни въ чемъ неповиннымъ агнцемъ; онъ и по убѣжденіямъ—чистый соціалистъ и я не могу сказать, чтобы онъ былъ раскаявшійся соціалистъ. Онъ сравнительно меньшимъ числомъ данныхъ уличается можетъ быть потому, что былъ арестованъ раньше того времени, когда бы проявилась вполнѣ его дѣятельность. Онъ пойманъ на пути въ Варшаву, онъ можетъ быть меньше запутанъ потому, что содержался въ Кіевѣ не допрошенный, что здѣсь онъ не ставился на очныя ставки со всѣми тѣми рабочими и посѣтителями сходокъ, которые теперь имѣются налицо или которые уже административно сосланы. Но съ другой стороны онъ

можетъ быть защищаемъ и потому, что этихъ данныхъ къ обвиненію его и нѣтъ и не можетъ быть больше, что его дѣятельность меньше, что она по объему далеко не столь экстенсивна. Если онъ дѣйствовалъ, то рѣдко и издали. При такихъ условіяхъ, его первостепенное значеніе могло бы быть основываемо только на страшной интенсивной силѣ его вліянія; эта сила—все таки должна быть измѣряема какими бы то ни было внѣшними признаками, какими бы то ни было—достовѣрными данными. Онъ силу вліянія своего отрицаетъ, ее надобно установить и доказать. Этихъ признаковъ вліянія тоже мало; для объясненія его будто бы первенствующей роли надо дополнять многое воображеніемъ, догадками, предубѣждаясь, рискуя ошибиться, т. е. дѣйствуя, какъ не долженъ дѣйствовать судья, которому слѣдуетъ при сомнѣніи воздерживаться, не поддаваться поспѣшнымъ обманчивымъ сужденіямъ, потому что сужденія обманчивы столь же часто, какъ и впечатлѣнія чувствъ.

Случалось ли вамъ ѣхать въ сырую погоду по низменнымъ мѣстамъ, когда встававшіе туманы заволакивали луга и застилали ихъ бѣлою пеленою, похожею на море. Всходило солнце и туманъ разрѣшался весьма небольшимъ количествомъ падающей на низъ влаги. Я полагаю, что при разборѣ вины Рехневскаго критическая оцѣнка всѣхъ свидѣтельствующихъ противъ него данныхъ будетъ имѣть значеніе того солнечнаго луча, превращающаго общія и неопредѣленныя подозрѣнія въ сравнительно малое количество несомнѣнной вины. Я полагаю, что при этой холодной, всесторонней, безпристрастной оцѣнкѣ, признано будетъ, что не для такой величины преступниковъ установлена смертная казнь по 349 ст. улож., что и составъ-то преступленія не тотъ, а иной.

Обвинительный актъ допускаетъ, что люди, состоящіе въ одномъ противозаконномъ сообществѣ, смотря по разной степени знанія объ общемъ дѣлѣ и волевого въ немъ участія, могутъ быть судимы по разнымъ статьямъ, кто по 249, кто по 250 или 251, а можетъ быть и по 318 статьѣ. Если каждая изъ уликъ недостаточна къ обвиненію по 249 ст., если и всѣхъ въ совокупности не хватаетъ для построенія обвиненія тѣхъ весьма большихъ размѣровъ, то я полагаю, что и справедливость и законъ потребуютъ установленія пониженнаго уровня преступности. Обращаясь къ разбору единичныхъ уликъ, я буду держаться хронологіи, прослѣжу жизнь этого якобы только заговорщика, а въ то же время и учившагося и занятаго женитьбою человѣка, по годамъ и даже по мѣсяцамъ.

Ѳаддѣй Рехневскій держалъ въ самомъ концѣ 1883 г. выпускной экзаменъ на ученую степень, котораго конецъ былъ отсроченъ до времени послѣ каникулъ. Онъ поступилъ въ университетъ въ 1879 году. Онъ уроженецъ не Минской губерніи, какъ сказано

въ обвинительномъ актѣ, а Петербургской, родившійся въ С.-Петербургѣ въ 1862 г. отъ Юлія Рехневскаго, бывшаго редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, а потомъ присяжнаго повѣреннаго, и Леокадіи Игнатовичъ. Его дѣдъ по матери, Игнатовичъ, былъ директоромъ 1-й гимназіи въ С.-Петербургѣ и когда вышелъ въ отставку, то это мѣсто занялъ отецъ второго моего кліента—Бардовскаго. Уже одно то обстоятельство дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ знакомство между двумя домами, устраняя такимъ образомъ предположеніе возникновенія этого знакомства на конспиративной почвѣ. Они на это знакомство не ссылаются; о знакомствѣ своихъ восходящихъ они знали, но лично они знакомы не были и Ѳаддѣй Рехневскій у Бардовскаго не бывалъ, что я постараюсь потомъ объяснить и доказать. Пока, указывая только на то, что по университетскому уставу лишь имѣя 17 лѣтъ отъ роду Рехневскій могъ поступить въ университетъ, что 17-ти лѣтняго возраста онъ достигъ только въ 1879 г. и въ этомъ году онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, прямо изъ либавской гимназіи, гдѣ, какъ извѣстно, соціализмъ не процвѣталъ, что и теперь на 23-мъ году жизни, будучи женатымъ человѣкомъ, онъ крайне моложавъ, а тогда былъ мальчикомъ, что въ продолженіе перваго и даже второго курсовъ студенты еще—новички и только впослѣдствіи, на 3-мъ и 4-мъ курсахъ пріобрѣтаютъ вѣсъ между товарищами и становятся вожаками,—я утверждаю, что дѣятельнымъ членомъ въ 1879 и 1880 г. польской гмины до мартовскихъ арестовъ и распаденія ея въ 1881 г., ея руководителемъ и кассиромъ, какъ утверждаютъ Загурскій и Плоскій, Рехневскій не былъ. Само названіе *Polska Gmina* - даетъ кружку извѣстную націоналистическую окраску. Если она названа въ обвинительномъ актѣ антиправительственной, то вѣроятно какъ не русскій, а польскій кружокъ на исключительно національной и совсѣмъ уже не соціалистической подкладкѣ. Итакъ о Рахневскомъ, какъ объ агитаторѣ, можно только разсуждать съ половины 1881 г., когда растроенная и сведенная до наименьшаго числа членовъ—гмина, такъ сказать, линяла и явилась въ новой кожѣ съ новою кличкою *польско-литовско-бѣлорусской гмины*. Первый періодъ его дѣятельности по обвинительному акту и его источникамъ начинается съ половины 1881 г. и простирается до половины 1883 года, когда, по показанію Загурскаго Рехневскій яко бы уже сдѣлался членомъ центральнаго комитета. Были прежде въ этомъ комитетѣ: Варынскій, Плоскій, Александра Ентысъ, а 17 сентября вошли Куницкій, Дембскій и Ѳ. Рехневскій. Займемся же теперь исключительно этимъ первымъ періодомъ приготовительныхъ дѣйствій, не входящихъ въ область обвиненія, потому что Рехневскій преслѣдуется только какъ руководитель партіи „Пролетаріатъ“. Прежде всего я долженъ замѣтить, что положеніе Ѳаддѣя

Рехневскаго крайне невыгодно въ томъ отношеніи, что не по его винѣ, а по независящимъ отъ него обстоятельствамъ онъ обрѣтался въ С.-Петербургѣ, уже не будучи воспитанникомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, въ то время, когда въ другомъ высшемъ заведеніи, у путейцевъ, существовалъ революціонный кружокъ съ Загурскимъ и Купицкимъ, а въ технологическомъ институтѣ дѣйствовалъ Дембскій и что его товарищемъ по университету и факультету, выше только однимъ курсомъ (1878—1882), былъ Эдмундъ Плоскій, игравшій довольно видную роль въ „Пролетаріатѣ“. Они знали другъ друга, они видались и сообщались; Рехневскому случалось бывать на собраніяхъ молодежи и вечеринкахъ, въ смѣшанныхъ мужскихъ и женскихъ кружкахъ, слушать и читать рефераты, участвовать въ студенческихъ кассахъ взаимной помощи, знакомиться съ такими лицами, какъ Плоскій, какъ Виталисъ Карпинскій, какъ Якубовичъ и многіе другіе, какъ напримѣръ—Макульскій, жившій на Петербургской сторонѣ, который отмѣченъ въ показаніяхъ, а не въ обвинительномъ актѣ и не привлекался къ отвѣтственности. Представимъ себѣ раздѣленіе этой молодежи на безчисленное множество кружковъ—польскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и ихъ болѣе дробныхъ развѣтвленій по губерніямъ и чуть ли не по уѣздамъ, по гимназіямъ. На этой общей, естественной и не имѣющей ничего уголовнаго подкладкѣ, какая существовала въ такомъ почти видѣ еще, когда мы, старые студенты, 30 или 40 лѣтъ тому назадъ, учились въ университетѣ, обозначились слѣдующія попытки организаціи, съ которыми насъ знакомитъ обвинительный актъ: 1) польско-литовская соціально-революціонная партія съ ея подраздѣленіями: „Огниско“ и „Секретная Рада“, появившимися на развалинахъ „Гмины“, по закону химическаго, такъ сказать, сродства—соединяются съ варшавскими произрастеніями Рабочей Комиссіи и Центральнаго Кружка въ Варшавѣ, при посредствѣ двухъ главныхъ дѣятелей Плоскаго и Варынскаго. Такъ какъ нѣтъ ни намека, ни указанія на программу этой партіи, а приведена только ея кличка (соціально-революціонная), можетъ быть по догадкамъ, то по пословицѣ *l'habit ne fait pas le moine*, я сомнѣваюсь была ли это партія въ самомъ дѣлѣ революціонная въ положительномъ смыслѣ этого слова. Я выражу только сомнѣніе относительно того—возникла ли она изъ обломковъ „Гмины“, потому что гмина распалась, какъ кажется, по обвинительному акту сама собою въ 1880 году отъ внутреннихъ раздоровъ. Между тѣмъ произошла громадная по своимъ послѣдствіямъ мартовская катастрофа, случились аресты, которые поражали и террористовъ, и „Черный Передѣлъ“, и русскихъ, и не русскихъ людей. Этотъ подавляющій розыскъ, по всѣмъ направленіямъ, соединенъ былъ съ общимъ народнымъ ожесточеніемъ противъ виновниковъ неслыханнаго злодѣянія. Не знаю, какъ въ Варшавѣ, но въ

С.-Петербургѣ было не только революціонерамъ и заговорщикамъ, но и простымъ товарищамъ кружковцамъ жутко и небезопасно. Вѣроятно произошло то, что совершается послѣ всякихъ катастрофъ, когда каждый человѣкъ уединяется въ своей норкѣ и сидитъ въ ней, не подавая признаковъ жизни. При такихъ условіяхъ, когда уцѣлѣвшіе народовольцы были ловимы, когда подполковникъ Судейкинъ устраивалъ на новыхъ началахъ и съ новыми пріемами полицію, не могла образоваться особая партія, не могла она получить два центра или выдѣлить изъ себя двѣ системы органовъ „*Rada Sekretna*“ и „*Ognisko*“, въ особенности не могли эти организаціи, какъ самыя ихъ названія указываютъ, возникнуть на національной подкладкѣ. Либо образованіе ихъ слѣдуетъ отодвинуть раньше того, во время далеко отстоящее отъ катастрофы, но на то нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, либо надо допустить, что и литовско-польская партія и „Огниско“ и „Секретная Рада“ были миѳы, созданные досужимъ воображеніемъ съѣдаемыхъ скукою одиночнаго заключенія тюремныхъ сидѣльцевъ. На то, что они—миѳы, указываетъ еще то обстоятельство, что они мгновенно пропали, какъ только они чрезъ Плоскаго пришли якобы въ соприкосновеніе съ варшавскими произведеніями—рабочей комиссіею и центральнымъ комитетомъ. Они такъ и пропали безъ остатка, между тѣмъ какъ лицъ, вошедшихъ въ „Пролетаріатъ“, оказывается немного: Загурскій, Куницкій, Плоскій, Демскій—да и только. Или эта четверка, а съ присовокупленіемъ къ ней Рехневскаго—пятерка, составляла всю партію и невѣдомо для чего пересаживалась, какъ музыканты въ квартетѣ Крылова, образуя—то „Огниско“, то „Секретную Раду“, или были еще многіе другіе участники (по показанію Плоскаго—25 человѣкъ въ „Секретной Радѣ“); тогда ихъ сборищу незачѣмъ было прекращать существованіе, оно бы вошло въ союзъ съ „Пролетаріатомъ“ черезъ своихъ представителей—5 или 6 человѣкъ и продолжало бы дѣйствовать, послѣ чего это сборище было бы обнаружено, или бы ликвидировалось и разошлось. Оно бы тѣмъ менѣе могло прекратить свое существованіе, что, въ противность „Пролетаріату“, оно имѣло обширный раіонъ дѣйствія: С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, Вильна. Наконецъ замѣчу, что установленіе на 1 стр. обвинительнаго акта связи литовско-польскаго кружка и „Огниска“ и „Секретной Рады“ съ „Народной Волей“ весьма сомнительно и ничѣмъ не подтверждается. Итакъ, идея—искать одновременно корней „Пролетаріата“ и въ Петербургѣ и въ Варшавѣ мнѣ кажется неудачною; корни, расходясь, врастаютъ въ землю, но не сходятся, не образуютъ одного ствола, что и противоестественно. Естественнѣе предположить слѣдующее: въ умахъ учащагося юношества въ Россіи было соціалистическое броженіе; имъ были заражены и польскіе и русскіе юноши въ С.-Петербургѣ. Молодежь польская, отрѣшающаяся отъ національной

особности и склоняющаяся скорѣе къ чисто экономическому, а не политическому движенію, чему доказательствомъ служитъ сама программа „Пролетаріата“, и находя, что въ С.-Петербургѣ невыносимо тяжелы условія существованія для соціалиста, по мѣрѣ окончанія наукъ переселялась, ища практической соціалистической дѣятельности, въ Варшаву и Царство Польское. Здѣсь они полагали, что найдутъ почву, для своихъ теорій и утопій между людомъ фабричнымъ въ промышленно-фабричныхъ центрахъ этой болѣе развитой экономически страны. Посмотримъ на постепенный ходъ этой эмиграціи единицъ.

Обращаю ваше вниманіе, гг. судьи, что всѣ дѣятели—поляки, игравшіе главную роль руководителей въ „Пролетаріатѣ“, состоятъ изъ пріѣзжихъ петербуржцевъ, таковы: Варынскій, Куницкій, Плоскій, Дембскій, Загурскій, Онуфровичъ и даже Яновичъ, который, хотя и не петербуржецъ, но вышелъ изъ московской Петровской академіи. Причина—почему они направлялись въ Варшаву и Царство Польское, можетъ быть та (я дѣлаю предположеніе только гадательное), что въ 1882 г. преслѣдовался соціализмъ сильно во внутренней Россіи, но существовало и существуетъ отчасти до сихъ поръ убѣжденіе, что въ Царствѣ Польскомъ почва мало подходящая для соціализма, что по историческимъ причинамъ жители этого края скорѣе способны къ политическимъ національнымъ движеніямъ или по крайней мѣрѣ къ сепаратизму. Это общераспространенное мнѣніе давало возможность, не испытывая противодѣйствія, вести подземныя, саперныя работы въ Царствѣ Польскомъ.

Первымъ по времени дѣятелемъ былъ Варынскій, немолодой уже человѣкъ, бывшій студентъ-технологъ до конца 1875 г., съ 1877 г. уже пропагандистъ въ Варшавѣ, но поселившійся въ Варшавѣ постоянно лишь съ декабря 1881 г. Въ половинѣ 1882 г. уже образовался его усиліями довольно развѣтвленный рабочій котитетъ, или лучше сказать—онъ самъ сдѣлался гланокомандующимъ рабочаго союза, при содѣйствіи нѣсколькихъ окружающихъ его адъютантовъ, каковы: Дулемба, Госткевичъ, Шмаусъ. Они же въ совокупности и составили фиктивный рабочій комитетъ,—таинственное имя, дѣйствующее на воображеніе и заставляющее предполагать, что за плечами у главнокомандующаго и его адъютантовъ есть еще и посылавшіе ихъ таинственные и мудрые невѣдомые опекуны дѣла и соправители. Съ 1877 г. Варынскій ввелъ нѣкоторые практическіе пріемы въ организацію, дѣленіе на кружки, сообщеніе кружковъ тонкими нитями—единицами, клички, секретъ, іерархическое отношеніе кружковъ и правильныя ихъ собранія. Всѣ эти учрежденія и пріемы нашелъ уже пріѣхавшій осенью 1882 г. въ Варшаву Плоскій, почти въ то время, когда 1 сентября 1882 г. появилась „*Odezwa Komitetu Roboczego*“. Теперь приступаю къ са-

мой трудной и загадочной, къ самой путанной по обвинительному акту статьѣ, а именно къ опредѣленію возникновенія, состава и организаціи *центральнаго комитета*.

Для осязательнаго обнаруженія противорѣчій въ актѣ на этотъ счетъ—достаточно сопоставить слѣдующія 2 или 3 мѣста обвинительнаго акта: 1) Въ 1882 г. Варынскій вступаетъ въ сношенія съ секретнымъ совѣтомъ (центральнымъ комитетомъ), занимаясь главнымъ образомъ пропагандою въ рабочей средѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что центральный комитетъ образовался въ С.-Петербургѣ и выработался изъ „Секретной Рады", что вся дирекція, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени находилась въ С.-Петербургѣ и Варынскій былъ только уполномоченнымъ отъ нея лицомъ въ Варшавѣ. 2) Согласно конфиденціальнаго соглашенія—центральный комитетъ, стоя во главѣ партіи и имѣя одного члена, постоянно проживавшаго въ С.-Петербургѣ, велъ конспиративныя дѣла, изъ чего слѣдуетъ, что центральный комитетъ есть учрежденіе варшавское, въ связи съ чѣмъ весьма послѣдовательно сказано далѣе, что у Варынскаго, заарестованнаго въ сентябрѣ 1883 г., происходили сходки центральнаго комитета (названы даже лица: Плоскій, Янчевскій, Ульрихъ, Пухевичъ, Александра Ентысъ). Замѣтимъ, что Пухевичъ произвелъ расколъ своею „Солидарностью" въ мартѣ 1882 г. и потомъ уже очевидно не могъ принадлежать къ центральному комитету. Итакъ, въ самомъ началѣ 1883 г., раньше чѣмъ, по свѣдѣніямъ обвинительнаго акта и показанію Загурскаго, вступилъ Рехневскій въ комитетъ, этотъ центральный комитетъ уже былъ въ Варшавѣ. Разумѣется, что только послѣ ареста Варынскаго могъ этотъ комитетъ собираться у Бардовскаго.

Если задать себѣ вопросъ, откуда произошла такая путаница, то мы и натолкнемся на мутный источникъ этого противорѣчія, находящійся въ явномъ несогласіи съ раскрытыми здѣсь, въ Варшавѣ, обстоятельствами. Этотъ источникъ—показаніе Плоскаго. Лѣтомъ Плоскій, въ качествѣ яко бы делегата „Секретной Рады" въ числѣ 25 человѣкъ, совѣщался въ Варшавѣ съ Варынскимъ. Они могли не сходиться во мнѣніяхъ, Варынскій отрицалъ всякую пользу привлеченія интеллигенціи въ рабочее движеніе, онъ федералистъ и автономистъ. Позднею осенью Плоскій отправился опять въ С.-Петербургъ, гдѣ „Секретная Рада" уже превратилась въ центральный комитетъ, предложилъ свои услуги центральному комитету и убѣждалъ его назначить своимъ агентомъ въ Варшавѣ—Варынскаго; въ февралѣ 1883 г., т. е. почти одновременно съ расколомъ „Солидарности", Варынскій является уже агентомъ центральнаго комитета, но и послѣ сего рабочій комитетъ и цетральный комитетъ продолжаютъ имѣть свои особыя устройства. Но въ такомъ случаѣ надо покинуть и всякую мысль и о существованіи центральнаго

комитета въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, до осени 1883 г., до ареста Варынскаго, и о держаніи особаго члена для сношеній съ „Народною Волею“ въ С.-Петербургѣ. Путаница, вносимая этимъ показаніемъ, столь велика, что по необходимости рождается слѣдующее предположеніе: 1) либо были два центра и два совершенно отдѣльные центральные комитеты—петербургскій и варшавскій (тогда нельзя вмѣнять одному, что дѣлаетъ другой; притомъ остается не выясненнымъ—откуда возникъ варшавскій: когда разрушился петербургскій или быть можетъ онъ и до сихъ поръ существуетъ, тогда можно дополнить его исторію); 2) либо существуетъ одинъ только петербургскій, комитетъ, тогда надобно похѣрить варшавскій; тогда нѣтъ и сходокъ у Бардовскаго, нѣтъ особаго члена при „Народной Волѣ“; 3) либо существуетъ одинъ варшавскій комитетъ, вслѣдствіе того, что организуемому Варынскимъ „Рабочему Союзу“ далъ свое содѣйствіе слой петербургскихъ интеллигентовъ. Это послѣднее предположеніе невыгодно для Рехневскаго, но оно болѣе согласно съ истиною; всѣ крупные дѣятели центральнаго комитета по обвинительному акту—петербургскіе интеллигенты: Варынскій—отличный технологъ, Плоскій и Дембскій, хотя изъ Плоцка по происхожденію, но прошедшіе петербургскую школу, Куницкій петербургскій полякъ, южанинъ и плохо владѣющій польскимъ языкомъ, Загурскій, даже Яновичъ—почти петербуржцы, а послѣдній—бывшій москвичъ. Одинъ Пуховичъ—исключеніе, но извѣстно, что едва въ февралѣ 1883 г. успѣли Плоскій съ Варынскимъ смастерить центральный комитетъ при „Рабочемъ Союзѣ“ и вовлечь туда Пухевича, уже въ мартѣ 1883 г. Пухевичъ отдѣляется и образуетъ свою „Солидарность“. Рехневскій былъ тоже петербуржецъ, проникнутый тою же атмосферою, какъ и люди, вошедшіе въ центральный варшавскій комитетъ. Онъ былъ изъ способныхъ и горячихъ соціалистовъ, онъ долженъ былъ за ними и вмѣстѣ съ ними туда же стремиться. Это—вѣрно, это—возможно, это—правдоподобно, если бы подтверждалось фактами, если бы можно было доказать его сближеніе съ центральнымъ комитетомъ, его хотя бы одну поѣздку въ Варшаву, но то-то и есть, что до осени 1883 г. Рехневскій въ Варшавѣ не былъ, въ сношеніяхъ видимыхъ съ варшавскими соціалистами не состоялъ, редакторомъ „Пролетаріата“ не могъ быть, такъ какъ 1-й № явился только 15 сентября 1883 г., вожакомъ партіи „Пролетаріата“ тоже не могъ быть.

Я не предрѣшаю вопроса о послѣдующемъ, я только разбираю время до сентября 1883 г. Я даже и не берусь опровергать неизвѣстно откуда заимствованное, ни на чемъ не основанное, съ воздуха взятое обвиненіе Рехневскаго въ томъ, что онъ уже якшался съ „Народною Волею“ и былъ при ней представителемъ центральнаго комитета. Это—догадки, это—фантазія, а не фактъ и не

улика. Я же напротивъ того имѣю громадный запасъ фактовъ, удостовѣряющихъ, что онъ не былъ свободенъ, что у него были *deux boulets aux pieds,* два тяжелые камня на шеѣ, мѣшавшіе свободѣ его движеній и не дававшіе ему никакой возможности дѣятельно заниматься ни соціализмомъ, ни литературою, ни политикою. Эти два камня были — во-первыхъ, замышляемая имъ женитьба противъ воли родителей и во-вторыхъ, экзамены, несчастные экзамены, необходимая ступень для будущей дѣятельности житейской, практической, для возможности устроиться и зарабатывать на жизнь.

У отца Рехневскаго, члена городской управы въ Либавѣ, двое сыновей, три дочери, состояніе скромное, малое, едва хватающее на то, чтобы дать дѣтямъ воспитаніе и сказать сыновьямъ: теперь помышляйте сами о себѣ. Отецъ ничего не зналъ, что сынъ его, студентъ, познакомился съ курсисткою, окончившею Бестужевскіе курсы, Витольдою Карповичъ, дочерью врача, проживавшею въ Тифлисѣ. Знакомство относится къ 1882 г.; въ началѣ 1883 г. влеченіе усилилось и видимо помѣшало Рехневскому въ его занятіяхъ. До каникулъ онъ экзаменовъ не кончилъ, а въ с.-петербургскомъ университетѣ есть такое правило, что частичный переносъ нѣкоторыхъ экзаменовъ на время каникулъ не допускается, нужно всѣ экзамены съ двухъ курсовъ сдать разомъ въ концѣ перваго семестра, до Рождественскихъ праздниковъ. Положеніе Рехневскаго осложнялось еще тѣмъ, что въ ноябрѣ онъ долженъ былъ явиться въ Либаву для отбыванія воинской повинности, отсроченной только до окончанія университетскаго курса. Онъ могъ ожидать, что въ либавскомъ воинскомъ присутствіи почти навѣрняка его не примутъ, такъ какъ онъ до безобразія близорукъ. Но между весенними и зимними экзаменами есть лѣто и осень, можетъ быть въ этотъ-то промежутокъ времени Ѳаддѣй Рехневскій предавался соціалистической агитаціи? Нисколько. Лѣтомъ онъ затѣялъ большую штуку: уломать не уломать, а по крайней мѣрѣ подготовить родителей къ своей уже мысленно рѣшенной женитьбѣ, представить имъ свою невѣсту, хотя и не въ видѣ невѣсты, а такъ просто, въ видѣ знакомой, которая недурна и имѣетъ всѣ качества порядочной женщины. Съѣхались они лѣтомъ въ Либавѣ, якобы невзначай, она осталась у знакомыхъ своихъ Бѣльскихъ, онъ у родителей; у этихъ родителей стала она бывать почти ежедневно и даже понравилась матери. Она купалась въ морѣ, потомъ уѣхала въ іюлѣ якобы въ С.-Петербургъ экзаменоваться на Бестужевскихъ курсахъ, онъ же пробылъ дома еще нѣсколько времени и затѣмъ отправился въ С.-Петербургъ. Я довелъ исторію Рехневскаго отъ начала приготовительнаго къ началу дѣятельнаго періода, когда онъ и экзаменъ держалъ и отъ воинской повинности освобождался и женился и якобы, по

обвинительному акту, редактировалъ въ С.-Петербургѣ варшавскій „Пролетаріатъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ двигалъ якобы и центральный комитетъ.

Пространство времени короткое—съ сентября 1883 г. до конца января 1884 г., всего 5 мѣсяцевъ. Это то время, когда по обвинительному акту Рехневскій уже—членъ варшавскаго центральнаго комитета съ рѣшающимъ среди него голосомъ аккредитованный при представительствѣ „Народной Воли“, редакторъ въ то же время газеты „Пролетаріатъ“, былъ можетъ быть главное лицо всей организаціи и воротило имъ же все бысть. Посмотримъ, какъ къ этому воображаемому герою относится скромная дѣйствительность.

Рехневскій долженъ былъ работать и сильно работать; 22 октября—уголовное право, 8—10 ноября—уголовное судопроизводство, поѣздка въ Либаву для отбыванія воинской повинности, затѣмъ около 26 — 28 ноября — экзаменъ по международному праву, въ началѣ декабря — гражданское право (4 — 7 число), 12 декабря—исторія философіи права, 19—21 гражданское судопроизводство, 20—судебная медицина, итого семь капитальныхъ и весьма сложныхъ предметовъ. Отъ массы заучиваемаго матеріала голова можетъ лопнуть, независимо отъ того были и мѣшающія работать развлеченія. Одно было—поѣздка въ Либаву, другое—совсѣмъ непредвидѣнное: телеграма, вызвавшая его 21 сентября въ Варшаву по болѣзни жены, откуда возратился онъ 4 октября.

Жена его очутилась въ Варшавѣ. Въ дополнительной перепискѣ прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда есть домовыя отмѣтки о Витольдѣ Карповичъ, изъ которыхъ видно, что она проживала на Злотой улицѣ съ 31 мая по 28 іюня 1883 г., отмѣтилась въ Тифлисѣ и показана на Іерусалимской улицѣ, якобы поселившеюся въ Варшавѣ 6 сентября по 12 октября. Если бы она не была на особомъ положеніи, если бы она не была выслана нынѣ изъ Кіева административнымъ порядкомъ въ Сибирь, въ Ишимъ, то могли бы быть даны ею подробныя объясненія о томъ, что ее заставило вызвать жениха въ самую горячую для него пору. Для меня не было неожиданностью и сопоставленіе этой мнимой, по мнѣнію обвинительной власти, болѣзни—съ важными соціалистическими событіями въ Варшавѣ: 17 сентября далъ себя преглупымъ образомъ поймать Варынскій, 18 сентября арестована Ентысъ, а съ Ентысъ была знакома Витольда Карповичъ. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, Рехневскій поставленъ былъ въ необходимость свою невѣсту выручать, при чемъ онъ устраивалъ ея дѣла, а не свои собственныя. Его никто не видалъ, въ обвинительномъ актѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на эту его бытность въ Варшавѣ, онъ не былъ и записанъ здѣсь, онъ пробылъ всего нѣсколько дней у

разныхъ знакомыхъ, отправилъ будущую жену въ деревню къ роднымъ ея, въ Синяву, Кіевской губ., на сахарный заводъ, гдѣ она проживала у Козликовскихъ (у своей тетки), а самъ вернулся въ С.-Петербургъ на экзамены 22 октября. Когда между 10 и 26 ноября, между экзаменами уголовнаго судопроизводства и международнаго права, Рехневскій ѣздилъ въ Либаву, то тутъ, несмотря на свое рѣшеніе, онъ не могъ, такъ сказать, перейти черезъ Рубиконъ, т. е. объявить отцу о своей женитьбѣ. Тяжело было положеніе отца, о его чувствахъ я могу свободно говорить потому, что оно прошедшее, нынѣ послѣ обрушившагося на сына несчастія, онъ дѣтямъ простилъ. Въ то время онъ боролся съ сыномъ, не воспретилъ, но и не благословилъ брака (дѣлайте, какъ хотите). Свадьба должна была состояться послѣ экзаменовъ, т. е. въ началѣ января. Скорбнымъ выраженіемъ чувствъ отца было то характерное письмо отъ 3 января 1884 г., которое было найдено у В. Карповичъ и которое приложено къ дѣлу. Въ этомъ письмѣ человѣкъ степенный, пожилой, считаетъ безумнымъ эту женитьбу двухъ особъ безъ средствъ и способовъ къ жизни, необдуманнымъ и неблагоразумнымъ этотъ бракъ настоящихъ пролетаріевъ.

Кости были брошены, надо было ѣхать. Рехневскій ѣдетъ къ родителямъ въ Либаву, пробылъ тамъ до Крещенія, а затѣмъ поѣхалъ въ Вильну. Есть запись въ гостинницѣ Нишковскаго, что онъ пріѣхалъ 10 января и уѣхалъ 11 въ Гродну. Швейцаръ Михалевичъ и лакей Петрусевичъ подтверждаютъ тоже, что онъ пробылъ въ Вильнѣ всего 1 день. Затѣмъ, есть слѣдъ Рехневскаго въ Варшавѣ. Отмѣтка о пріѣздѣ его туда 13 января 1884 г.—вѣрная, но невѣрная другая о выѣздѣ того же дня, такъ какъ онъ пробылъ еще въ Варшавѣ всего однако не болѣе недѣли. 22 января онъ женился въ Синявѣ; на другой день, 23 онъ отправился съ женою въ Кіевъ и послѣ краткаго тамъ пребыванія былъ арестованъ съ женою же на первой станціи отъ Кіева—въ Жилянахъ, съ цѣлымъ транспортомъ весьма и весьма нелегальныхъ изданій.

Такова хронологическая густая сѣтка удостовѣренныхъ событій, въ теченіе роковыхъ 5 мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ Рехневскій совершилъ всѣ тѣ беззаконія, за которыя во всей ихъ сложности и совокупности онъ подводится подъ смертную казнь. Скажемъ, что это возможно, но только подъ условіемъ, чтобы то, что гадательно приписывается Рехневскому, не порывало и не разрушало очковъ и клѣточекъ этой сѣтки обвиненія. Между тѣмъ на мой взглядъ—это немыслимо, сѣтка отъ предположеній рвется и надо выбирать либо предположенія, опровергаемыя фактами, либо факты—противные предположеніямъ. Разберемъ же критически, который изъ двухъ выводовъ надобно предпочесть. Станемъ перебирать одно за другимъ всѣ зерна уликъ, нанизанныя на нить об-

виненія и по обвинительному акту и по окончательнымъ выводамъ г. прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда.

Защищая Рехневскаго, я долженъ считаться съ двоякаго рода уличающими его доказательствами: а) вещественными, которыя неотразимы, но споръ возможенъ о томъ, что они удостовѣряютъ, и б) съ оговорами другихъ обвиняемыхъ, которые я подраздѣляю на три категоріи: 1) оговоры умершихъ или сбѣжавшихъ обвиняемыхъ, которые должны быть прочитаны, хотя они даже даны не при жандармскомъ, а всякомъ какомъ угодно дознаніи, если лица умерли до слѣдствія и ихъ показанія имѣются только въ этомъ сыромъ и первоначальномъ видѣ; 2) показанія другихъ живыхъ сообвиняемыхъ, которые сосланы административнымъ порядкомъ и значатся вызванными только на бумагѣ, а на дѣлѣ не вызваны, хотя по закону 19 мая 1871 г. отъ воли власти зависѣло ихъ сюда доставить для повѣрки этихъ показаній, которыя по ихъ неявкѣ и читаться даже едва ли могли, такъ какъ по закону, въ видѣ исключенія изъ кореннаго начала устности, допускаются только показанія, отобранныя на предварительномъ слѣдствіи, а не на дознаніи, если слѣдствіе было возможно; а оно было возможно, однако же не произведено; 3) оговоры наличныхъ сообвиняемыхъ по настоящему дѣлу, часто разнящіеся отъ тѣхъ, какіе даны на предварительномъ слѣдствіи и вошли въ обвинительный актъ.

Къ первой категоріи показаній принадлежатъ показанія Агатона Загурскаго. Такихъ показаній Загурскаго, вредныхъ для Рехневскаго, два: 1) первое показаніе—16 ноября 1884 г. Въ гминѣ, говоритъ Загурскій, которую я посѣщалъ, Рехневскій развивалъ, на Петербургской сторонѣ—у Микульскихъ, мысль о необходимости возстановленія прерванныхъ сношеній съ „Народной Волей“, послѣ чего *Ognisko* слилось съ „Пролетаріатомъ“; то было въ началѣ 1883 г., но только въ половинѣ этого года Рехневскій вошелъ въ комитетъ. Его, Загурскаго, вербуютъ, сначала Куницкій—отъ „Народной Воли“, ѣхать устраивать типографію въ Москву, затѣмъ Рехневскій—отъ центральнаго комитета, ѣхать въ Варшаву для устройства техническихъ занятій, что Загурскій и сдѣлалъ и вошелъ въ сношенія съ Дембскимъ; 2) второе показаніе Загурскаго гласитъ, что за двѣ недѣли до смерти Судейкина, слѣдовательно 2 декабря 1883 г., Рехневскій, по словамъ Загурскаго, пріѣхалъ въ Варшаву, привезъ матеріалъ для 5 № „Пролетаріата“ и въ типографіи на улицѣ Валицовъ подъ № 8 говорилъ о предполагаемомъ убіеніи Судейкина. Наконецъ, въ томъ же показаніи записано, что 10 января 1884 г. въ Вильнѣ, когда Рехневскій жилъ въ гостинницѣ Нишковскаго, были въ Вильнѣ и Загурскій и Куницкій, а также пріѣхалъ Онуфровичъ.

Если дать вѣру показанію Загурскаго, то рѣчь Рехневскаго у

Микульскихъ составляла бы полнѣйшее доказательство того, что въ то время о существованіи сношеній „Народной Воли“ съ петербуржцами Рехневскій ничего не зналъ, или ихъ не было вовсе. Я предполагаю первое, потому что и Куницкій и Загурскій были оба настоящіе дегаевцы, слѣдовательно—что ни на есть народовольцы, чего не отрицаетъ и Куницкій, а затѣмъ, что было послѣ бесѣды у Микульскихъ, то покрыто мракомъ неизвѣстности и о томъ мы не въ правѣ разсуждать; мы бы не судили, а фантазировали. Затѣмъ, какъ древній *Deus ex machina*, является Рехневскій, не двигавшійся доселѣ въ Варшаву, членомъ центральнаго комитета и посылающимъ туда Загурскаго. Когда Рехневскій былъ принятъ и зачѣмъ въ этотъ кружокъ мѣстный, состоящій изъ самаго малаго числа прямо дѣйствующихъ лицъ? кто ему привезъ мандатъ? былъ ли такой мандатъ?—въ томъ мы должны вѣрить на слово Загурскому; но ему вѣрить нельзя, онъ положительно говоритъ неправду, когда заставляетъ Рехневскаго быть въ Варшавѣ въ первыхъ числахъ декабря. Если Рехневскій не могъ быть въ Варшавѣ, то не могъ ни посѣщать типографіи на улицѣ Валицовъ № 8, ни говорить о предстоящемъ убіеніи Судейкина. Что касается до матеріаловъ для 5 № „Пролетаріата“, то легко убѣдиться въ томъ, что либо ихъ не было, либо они не были приняты и были забракованы. 5-й номеръ явился 1 мая 1884 г., т. е. черезъ 3 мѣсяца по заарестованіи Рехневскаго, въ немъ есть объявленіе отъ центральнаго комитета, отрекающееся отъ всякаго народническаго патріотизма (*z charakterem naszym jako szermierzów sprawy robotniczej niezgodnym jest udział w konspiracyach natury patryotycznéj*); эта фраза написана по поводу дѣла объ убійствѣ купчихи Боговской,—что названо: *pewnem czynem noszącym cechy przestępstwa kryminalnego* *). Есть затѣмъ передовая статья отъ 24 апрѣля, есть продолженіе статьи 4-го №. „Пролетаріата“—„*My i rząd*“, очевидно написаноое почти одновременно съ началомъ этой статьи и, слѣдовательно, уже лежавшее какъ матеріалъ въ редакціи, есть переводъ одного нецензурнаго стихотворенія въ прозѣ Тургенева: „Порогъ“, котораго оригиналъ найденъ у Поль, написанный ея рукою, есть наконецъ хроника текущихъ событій 1894 г.—наполненная фактами, послѣдовавшими за арестованіемъ Рехневскаго, и въ томъ числѣ майская корреспонденція изъ С.-Петербурга, позднѣйшая, чѣмъ заарестованіе Рехневскаго, посвященная убіенію Судейкина, но обстоятельная, резонированная, гораздо болѣе солидная и полная, нежели тѣ на живую нитку сколоченныя строки—несомнѣнно писанныя Рехневскимъ, которыя найдены у Бардовскаго и которыя обличаютъ въ писавшемъ большую

*) Дѣло это слушалось во псковскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 16—22 апрѣля 1887 г.

неловкость и неумѣлость въ репортерскомъ искусствѣ Тутъ приплетены къ разсказу о Судейкинѣ и г. Анучинъ, и государственный преступникъ Неустроевъ, тутъ много реторики и много ходившихъ по городу весьма сомнительнаго свойства анекдотовъ, напр., что былъ одинъ кружокъ изъ 5 лицъ, въ которомъ оказались 4 шпіона, другъ за другомъ слѣдившіе. Помарки иными чернилами цѣлыхъ страницъ доказываютъ, что редакція „Пролетаріата“, если эта рукопись была у нея на просмотрѣ, не нашла ее въ техническомъ отношеніи удовлетворительною, то-есть признала ее просто на просто литературно негодною для помѣщенія въ газетѣ. Я долженъ сказать одну вещь непріятную для самолюбія автора, т. е. Рехневскаго: статья его слаба и если Пацановскій, со словъ якобы Куницкаго, былъ наслышанъ о томъ, что Рехневскій отличный литературный талантъ, то рукопись Рехневскаго не даетъ основанія къ выводу такого заключенія. Изъ всего показанія Загурскаго безусловно вѣрнымъ оказывается только одинъ фактъ: бытность Рехневскаго въ Вильнѣ 10 января 1884 г., одновременно съ пріѣхавшими туда же Куницкимъ, Загурскимъ и Онуфровичемъ; всѣ они видѣлись, можетъ быть и заходили къ Рехневскому въ гостинницу Нишковскаго. Но само то обстоятельство, что Рехневскій уже 11-го выѣхалъ, а 12-го записанъ въ Дрезденской гостинницѣ въ Варшавѣ, доказываетъ, что важныхъ и сложныхъ дѣлъ у него не было, а случайно пересѣкались только въ Вильнѣ въ это число пути въ разныя стороны направлявшихся лицъ.

Есть еще одно обстоятельство, которое подрываетъ всякую вѣру въ показанія какъ Загурскаго, такъ и изъ наличныхъ подсудимыхъ—Куницкаго. Въ настоящемъ дѣлѣ они (Загурскій и Куницкій) только двое настоящіе дегаевцы, они одни настоящіе чрезъ Дегаева—народовольцы; участіе въ „Народной Волѣ“ другихъ лицъ основано на однихъ темныхъ слухахъ и догадкахъ. Дегаевъ проходитъ какъ тѣнь по настоящему дѣлу, онъ одна изъ тѣхъ страстныхъ, увлекательныхъ натуръ, которыя заразительны, подобно дифтериту; ими заражаются юноши, проникаются ихъ ядомъ и начинаютъ подражать. Въ засѣданіи 12 ноября, на разсказъ одного изъ подсудимыхъ, господинъ предсѣдатель суда задалъ ему вопросъ: чѣмъ же вы увлеклись въ дѣятельности людей 1 марта? Я увлекался, былъ отвѣтъ, дерзостью и смѣлостью опыта.—Этого рода обаяніемъ обладалъ и Дегаевъ въ своей двумысленной роли, будучи съ одной стороны правою рукою Судейкина, доставившій правительству по дѣлу 15 лицъ, судившихся 24 сентября 1884 г., Фигнеръ, Волькенштейнъ, Рогачева, Штромберга, Ашенбреннера и другихъ офицеровъ, а съ другой стороны—служившій „Народной Волѣ“ и готовившій самому Судейкину кончину. Куницкій какъ южанинъ, какъ энтузіастъ и сильно увлекающійся человѣкъ, попалъ цѣликомъ

въ эту сферу притяженія Дегаева, что и выразилось въ его, во время слѣдствія, неискреннихъ предложеніяхъ услугъ правительству, чтобы войти въ сыскную полицію и потомъ ей же измѣнить. Куницкій несомнѣнно былъ въ с.-петербургской „Народной Волѣ“ одинъ изъ дегаевцевъ въ то время, когда по обвинительному акту еще Рехневскій не былъ агитаторомъ. Куницкій былъ больше народоволецъ, чѣмъ впослѣдствіи, потому что, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, осенью 1882 г., возвратившись съ Ивангородско-Домбровской желѣзной дороги, онъ, впервые встрѣтившись съ Варынскимъ, былъ имъ *увлеченъ* до того, что хоть сейчасъ идти на барикады; съ тѣхъ поръ, очевидно подъ разными вліяніями—изъ политическаго онъ становится скорѣе экономическимъ агитаторомъ, но всякія связи его съ Петербургомъ порваны; въ мартѣ 1883 г. онъ бѣжалъ за границу чрезъ Варшаву, возвратился въ августѣ 1883 г., ѣздилъ въ Ригу, 10 января 1884 г. отправился опять за границу, возратился въ мартѣ 1884 г., уже послѣ заарестованія Рехневскаго и попалъ въ руки полиціи на квартирѣ у Бардовскаго. Его исповѣди, его объяснительныя записки и показанія, которыя онъ давалъ то жандармамъ, то прокурору судебной палаты и бралъ затѣмъ немедленно назадъ, столь мало по своей тенденціозной двусмыслености внушаютъ довѣрія, что даже обвинительная власть на нихъ ничего не строитъ. Изъ словъ его къ другимъ лицамъ, касающихся Рехневскаго, я отмѣчу развѣ то, что онъ говорилъ Пацановскому. По словамъ послѣдняго, Куницкій, не называя ему Рехневскаго по фамиліи, а употребляя его кличку—Оскаръ Танскій, говорилъ ему, что это лицо въ январѣ 1884 г. пріѣхало вступить въ комитетъ или намѣрено было вступить въ партію „Пролетаріатъ“, т. е. опять-таки, что въ январѣ Рехневскій еще не былъ въ „Пролетаріатѣ“, значитъ—не могъ быть и членомъ центральнаго комитета. О его рѣшающемъ голосѣ въ комитетѣ Пацановскій заявилъ на судѣ, что не говорилъ, а что обстоятельство это вставлено было въ дознаніе по догадкамъ лица, производившаго дознаніе.

Затѣмъ остаются только оговоры двухъ обвиняемыхъ: Гандельсмана и Пацановскаго. Я не причисляю къ нимъ показанія по обвинительному акту—Плоскаго, что въ С.-Петербургѣ былъ членъ центральнаго комитета для сношеній съ „Народною Волею“, изъ чего обвинительный актъ выводитъ, не знаю—почему, что несомнѣнно (а по моему—крайне сомнительно) Рехневскій и есть то самое лицо. Но надобно доказать, что Рехневскій былъ членомъ центральнаго комитета и опредѣлить—когда онъ вступилъ въ комитетъ. Надобно еще установить, что онъ намѣренъ былъ жить и дѣйствовать въ С.-Петербургѣ; извѣстно же, что Рехневскій уѣхалъ,

чтобы жениться и поселиться въ Варшавѣ, совсѣмъ покинувъ городъ Петербургъ.

Начнемъ съ Гандельсмана. Кто такой — Вацлавъ Іосифовъ Гандельсманъ? Недоучившійся ученикъ гимназіи, попавшій въ дѣятельные соціалисты. Онъ живъ, онъ попалъ въ списокъ подлежащихъ вызову на судебное слѣдствіе; отмѣчено, что онъ не вызывается по дальней отлучкѣ; я заключаю, что—по отлучкѣ не добровольной, а невольной, потому, что онъ, насколько мнѣ извѣстно, находится въ административной ссылкѣ. Онъ могъ быть сюда доставленъ для спроса, а не доставленъ. Мало того, въ обвинительномъ актѣ прямо сказано, что отъ данныхъ имъ показаній Гандельсманъ отказался, значитъ, что онъ призналъ, что они были ложныя. Ссылать и не ставить на судебное слѣдствіе — это дѣло администраціи, но читать или не читать показанія находящихся въ распоряженіи правительства лицъ административно сосланныхъ— это вопросъ судебный и я полагаю, что онъ разрѣшается отрицательно; эти лица находятся нынѣ въ распоряженіи власти, которая не сочла нужною ихъ доставку, а все-таки показанія ихъ не могутъ быть прочитаны, потому что они не отобраны при предварительномъ слѣдствіи, потому что они не формальны, потому что по закону, по 1035^7 уст. угол. суд. изданія оффиціальнаго судебныхъ уставовъ Императора Александра II, они только были предварительныя. Позвольте мнѣ объяснить мою мысль. По ст. 1035^7, то есть по закону 19 мая 1871 г. чинамъ прокурорскаго надзора и жандармамъ при производствѣ такъ называемаго жандармскаго дознанія предоставлено производить осмотры, обыски и выемки и снимать *предварительные* допросы. Что значитъ — предварительные? А только то, что послѣ дознанія производится все-таки предварительное слѣдствіе (обыкновенно членомъ судебной палаты), согласно 1037 ст. уст. уг. суд. и тогда показанія отбираются уже не предварительныя, а настоящія; показанія—а не допросы. Если допрашиваемый умеръ или сбѣжалъ, то, конечно, за невозможностью снять съ него показаніе, читается допросъ, произведенный при дознаніи, но если предварительнаго слѣдствія совсѣмъ не было, тогда на основаніи 1031 ст. уст. уг. суд. къ нему примѣняется общій уголовный порядокъ, а по общему уголовному порядку (625 ст.) судебное слѣдствіе производится только изустно, съ изъятіемъ только указаннымъ въ 626 ст. уст. уг. суд., по которой не воспрещается чтеніе въ судебномъ засѣданіи не тѣхъ предварительныхъ только допросовъ, а письменныхъ показаній свидѣтелей, хотя и вызывавшихся, но не явившихся за дальнею отлучкою. Мнѣ могутъ возразить, что это—порядокъ общегражданскій, а не порядокъ военно-уголовнаго суда по государственнымъ преступленіямъ, но на это я имѣю два возраженія: 1) намъ не сообщено—по чьему

распоряженію и на какомъ основаніи это дѣло, въ которомъ судятся на 29 человѣкъ только 3 военные, предоставлено военно-уголовному суду и на какихъ основаніяхъ, можетъ быть съ изъятіемъ этого дѣла изъ общихъ правилъ судопроизводства или нѣтъ, слѣдовательно мы имѣемъ право предполагать, что оно судится на общемъ основаніи и 2) что и по Высочайше утвержденному 13 мая 1884 г. уставу военно-уголовному (ст. 1186) предварительное слѣдствіе и по судимымъ военнымъ судомъ государственнымъ преступленіямъ—обязательно и производится либо однимъ изъ постоянныхъ членовъ военно-окружнаго суда, либо особою слѣдственною комиссіею, а слѣдовательно и по 797 ст. того же устава, составляющей буквальное повтореніе 626 ст. уст. уг. суд. общегражданскаго, возможно только прочтеніе настоящихъ показаній изъ предварительнаго слѣдствія, а не предварительныхъ допросовъ свидѣтелей, которые существуютъ и могли бы быть въ судъ доставлены.

Итакъ показаніе Гандельсмана должно бы быть совсѣмъ устранено, но оно было прочитано и я не знаю—согласится ли судъ его забыть и игнорировать. По причинѣ этой неизвѣстности, я долженъ его опровергать на случай неуваженія моего ходатайства. Гандельсманъ говоритъ, что онъ познакомился съ нѣкіимъ лицомъ, которое называлось *Крулемъ*, что оно давало ему даже свои рукописи литературныя на просмотръ, что онъ съ нѣкіимъ проблематическимъ Юліаномъ бывалъ у больного Рехневскаго въ началѣ 1884 г. на конспиративной квартирѣ у Ивана Выгановскаго (Новолипѣ 51). Но тотъ же Гандельсманъ даетъ 24 сентября 1884 г. собственноручное показаніе, что онъ ошибся, что онъ смѣшалъ Рехневскаго, котораго карточку только видѣлъ, съ другимъ лицомъ, которое встрѣтилъ въ X павильонѣ Варшавской цитадели и которое было вѣроятно Загурскій. То же показываетъ Пацановскій. Копъ также показалъ, что вообще Крулемъ называли Загурскаго. Итакъ, показаніе Гандельсмана отпадаетъ.

Что касается до Пацановскаго, то у насъ былъ жаркій споръ относительно чтенія его показанія на судѣ. Показаній наличныхъ подсудимыхъ нельзя читать, развѣ по ихъ прямому требованію, противное—противозаконно, а слѣдовательно и судъ не долженъ былъ основываться на ихъ письменныхъ показаніяхъ, отвергнутыхъ ими на судѣ. Но въ данномъ случаѣ это безразлично и въ показаніяхъ и на судѣ Пацановскій утверждалъ, что въ январѣ 1884 г. онъ встрѣтился на сходкѣ въ кондитерской съ молодымъ человѣкомъ, котораго называлъ приведшій его Дембскій Оскаромъ Танскимъ. Оскаръ пробылъ 2, 3 дня, говорилъ только съ Дембскимъ, рѣчей не произносилъ; имя Рехневскаго Пацановскій узналъ только изъ обвинительнаго акта; онъ отъ Куницкаго только слышалъ, что это—человѣкъ, намѣревающійся вступить въ партію. Итакъ, вотъ къ

чему сводится это показаніе. Молодой человѣкъ, ѣдущій жениться, проѣздомъ въ Варшавѣ натолкнулся на товарищей—легальныхъ и нелегальныхъ, любопытствовалъ, разспрашивалъ о рабочемъ движеніи, изъ любопытства пошелъ взглянуть на сходку. Вводившій его товарищъ, хотя бы и Дембскій Олекъ, зная, какъ надо быть осторожнымъ, какъ надо секретничать, назвалъ его Тапскимъ Оскаромъ. Такова вся исторія.

Остаются показанія, отобранныя отъ Поль, отъ которыхъ она двукратно отказалась, здѣсь—въ Варшавѣ и въ московской пересыльной тюрьмѣ. Поль несомнѣнно душевно страдающая женщина, которой присутствіе было бы необходимо, но противъ чтенія показаній которой я протестую. Поль догадывалась, что Дзянковская прислана Рехневскимъ изъ Кіева; это не фактъ, а догадка. По показанію Поль, Рехневскій приходитъ въ ея отсутствіе на квартиру для отдачи на храненіе своихъ вещей, что опять — догадка. Поль говоритъ, что „стихотвореніе въ прозѣ“ Тургенева она списала съ листка, привезеннаго Рехневскимъ. Показаніе не важное. Стихотворенія въ прозѣ были написаны Тургеневымъ, они присылаемы были для отпечатанія въ „Вѣстникъ Европы“, но Тургеневъ давалъ ихъ списывать и знакомымъ въ Парижѣ, они ходили по рукамъ, нѣкоторыя не были цензурны, но слегка нецензурны, въ нихъ не задѣвалось правительство, а только немногими штрихами обрисована фигура русской женщины — заговорщицы. Преслѣдованіе за этотъ отрывокъ, хотя и нецензурный, великаго писателя, по характеру было бы совершенно тождественно съ преслѣдованіямъ за нецензурные стишки Пушкина, Лермонтова, графини Растопчиной или Алексѣя Толстого въ былыя времена. Поль не говоритъ, что получила „Порогъ“ отъ Рехневскаго, а что его привезъ Рехневскій. Несекретничанье обыкновенно практикуется по отношенію къ людямъ не темнымъ, легальнымъ, которымъ нечего скрытничать; если бы и не скрытничалъ Рехневскій, то едва ли бы его можно было привлекать за „Порогъ“. Его можно бы привлечь за его польскую рукопись, указанную госпожею Поль. Она не утверждаетъ, что Рехневскій при ней принесъ рукопись, что онъ таковую ей передалъ, такъ что ея указаніе равносильно указанію, что она слышала, что это—рукопись Рехневскаго. Эта рукопись дѣйствительно Рехневскаго, онъ ее призналъ, она его уличаетъ, но спрашивается—въ чемъ? Мы прямо теперь подходимъ къ вопросу уже не о показаніяхъ и допросахъ живыхъ лицъ, но о вещественныхъ доказательствахъ.

Мнѣ кажется, что уже отчасти моими объясненіями разсѣянъ тотъ туманъ, который облекалъ извѣстною таинственностью роль Рехневскаго не въ партіи, въ которой онъ если и былъ, то не въ ядрѣ ея, а въ дальнѣйшей оконечности хвоста этой кометы, а только роль его въ настоящемъ дѣлѣ. Онъ не теоретикъ, витающій въ

отвлеченностяхъ и принципахъ, онъ не организаторъ хладнокровный, разсудительный, стойкій, умѣющій эксплоатировать людей и двигать ими, какъ пѣшками, какъ напр. Варынскій; онъ и не трибунъ народный, не олицетворяемая страсть, не агитаторъ, нѣтъ у него темперамента, каковъ напримѣръ—у Куницкаго. Не располагаютъ его къ тому и его физическія качества, его близорукость, его застѣнчивость; онъ—пылкій юноша, но краснѣетъ—какъ дѣвушка. Товарищи были о немъ такого мнѣнія, какъ Тверской, что онъ долженъ быть профессоромъ, онъ—*Bücherwurm* и книжникъ, свихнувшійся на соціализмѣ, ушедшій весь въ заманчивыя экономическія утопіи. Большой литературный талантъ, какъ опредѣляетъ его Куницкій. Пацановскій опредѣлялъ его такимъ образомъ: „еще неопытное и начинающее, но много обѣщающее перо". Это перо и сослужило ему плохую услугу; имъ написаны листки, найденные въ складѣ вещей и архивѣ у Бардовскаго, тѣ пять или шесть разгопситыхъ листиковъ корреспонденціи изъ Петербурга, перечеркнутыхъ отчасти, причемъ начата передѣлка перечеркнутаго *„Za dawnych czasów"*. Для самолюбія Рехневскаго было бы предпочтительнѣе, если бы его произведеніе не читалось, оно весьма плохое: къ главной темѣ—убійство Судейкина—припутано много совсѣмъ посторонняго, фактовъ новыхъ, подлинныхъ, бросающихъ какой-нибудь свѣтъ на происшествіе—почти нѣтъ, одна реторика, пѣна хлесткихъ фразъ; за этотъ опытъ можно было ему поставить *единицу*, но изъ содержанія этого неудачнаго произведенія легко убѣдиться въ томъ, что писалъ его человѣкъ совсѣмъ непричастный къ дѣлу, у него не стоявшій, даже о роли Дегаева въ этомъ происшествіи не знавшій. Это было литературное упражненіе, вѣроятно предназначавшееся для помѣщенія гдѣ-нибудь, напр. за границею. Очевидно, что время писанія—послѣ 16 декабря, т. е. послѣ убійства Судейкина, и даже послѣ 22 декабря—конца экзаменовъ. Писано оно раньше 18 января, т. е. раньше отъѣзда Рехневскаго изъ Варшавы, всего правдоподобнѣе—между 12 и 18 января въ Варшавѣ, въ попыхахъ. Ѣдучи на свадьбу, Рехневскій попалъ въ омутъ варшавскій, къ знакомымъ легальнымъ и нелегальнымъ, которые можетъ быть затащили его и на сходку и навѣрное приставали къ нему: „изъ петербурга пріѣхалъ, напиши же что-нибудь о самомъ свѣжемъ петербургскомъ событіи". Вмѣсто подробностей, которыхъ онъ не зналъ, Рехневскій далъ свои разсужденія, не зная куда они пойдутъ, бросилъ ихъ на произволъ судьбы, не зная, чьимъ онъ будетъ сотрудникомъ. Онъ и не сдѣлался ни чьимъ, статья нигдѣ не была напечатана, такъ и осталась въ издательскомъ хламѣ „Пролетаріата". Ея передача, даже съ заявленіемъ о ея назначеніи въ „Пролетаріатъ", была бы только приготовленіемъ къ сотрудничеству; но по какимъ угодно литературнымъ правамъ—редакція

отвѣчаетъ только за тѣ произведенія своихъ сотрудниковъ случайныхъ, разовыхъ или даже постоянныхъ, которыя она напечатала въ своемъ изданіи. За сотрудничество въ „Пролетаріатѣ“ Рехневскій судимъ быть не можетъ, коль скоро во всѣхъ пяти нумерахъ „Пролетаріата“ нѣтъ ни одной строчки, имъ написанной. Судите же его за рукопись, какъ за преступленіе самостоятельное, по всей строгости законовъ. Статья эта не есть воззваніе къ бунту или явному неповиновенію верховной власти; она только задорная, дерзкая критика, дерзостное—по 252 ст. улож.—порицаніе образа правленія въ Россіи или въ крайнемъ случаѣ—письменное сочиненіе такого рода по 245 ст. улож. Виновные въ составленіи сочиненій сего рода, но не въ ихъ распространеніи (по 252 ст.) подлежатъ заключенію въ крѣпости—на время отъ 4 лѣтъ до 1 г. и 4 мѣсяцевъ, а по статьѣ 245 отъ 2 л. 8 мѣс. до 1 г. и 4 мѣс.

Неосторожность молодого человѣка, оставившаго свой видимый слѣдъ въ опасномъ мѣстѣ между бумагами нелегальными своихъ коллегъ, усугубилась еще тѣмъ, что онъ, уѣзжая изъ Варшавы, обременилъ себя багажомъ самаго противозаконнаго содержанія, разными бунтовщическими произведеніями, прокламаціями, изданіями—не только „Пролетаріата“, но и „Народной Воли“, манифестами даже на жмудскомъ языкѣ, съ которыми онъ и былъ пойманъ въ Жилянахъ, близъ Кіева. Навьючены были оба супруга. Очевидно, то была услуга, оказываемая кому-нибудь изъ нелегальныхъ знакомыхъ, перевозка изъ одного мѣста въ другое, передача изъ рукъ въ руки. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы транспортированіе со стороны Рехневскаго было дѣлаемо для личной имъ самимъ раздачи, для распространенія этихъ изданій. Опять, обращаясь къ закону, я подвожу это дѣйствіе подъ послѣднюю часть ст. 251, т. е. арестъ до 3 мѣсяцевъ и отдача подъ надзоръ полиціи до 3 лѣтъ, въ крайнемъ случаѣ — административная ссылка по закону о государственной охранѣ, та мѣра, которой уже подверглась жена Рехневскаго, съ которой было бы для него счастіемъ соединиться, они бы блаженствовали, хотя бы и за Ураломъ, въ Ишимѣ или другомъ мѣстѣ. Если бы онъ былъ изобличенъ даже въ распространеніи противозаконныхъ изданій, то и за это ему слѣдуетъ не смертная казнь, а каторжныя работы. Мнѣ могутъ сказать: этотъ молодой человѣкъ былъ до мозга костей пропитанъ демократически-соціально-революціоннымъ ядомъ, онъ находился на самомъ скользкомъ пути. Онъ ѣхалъ въ Варшаву, въ самый центръ злокачественнаго движенія. По его связямъ, онъ бы неминуемо попался и сидѣлъ бы въ этомъ дѣлѣ столь же глубоко, какъ товарищи его по С.-Петербургу или по университету: Плоскій, Куницкій и другіе. Быть можетъ, это такъ, но то, что возможно—не всегда сбывается, не равносильно тому, что есть. Вы призваны судить только по тому, что есть, по положи-

тельнымъ фактамъ, а не по тому, что могло бы быть, и не къ субъективнымъ предположеніямъ вы должны прилагать строгую норму уголовнаго закона, въ особенности—когда эта норма единая и крайняя: висѣлица или разстрѣляніе. Счастіе Рехневскаго, что онъ былъ рано арестованъ, и вы поступили бы противозаконно, если бы вы лишили его этого счастія. Онъ не былъ съ вами откровенъ, но онъ и не лицемѣрилъ; онъ вамъ сказалъ: „я не принадлежу къ „Протетаріату“ какъ къ партіи, но идеямъ этихъ людей я сочувствовалъ“ и вы не въправѣ осудить его какъ члена партіи, по его идеямъ и желаніямъ, а не по его дѣламъ; дѣла же его таковы, что при всей преступности и наказуемости нельзя этого человѣка признать дѣятельнымъ членомъ заговора или сообщества, направленнаго къ ниспроверженію основъ общества и власти. Я глубоко убѣжденъ, что при отсутствіи дѣйствій внѣшнихъ, направленныхъ къ осуществленію по предварительному соглашенію цѣлей и программы партіи, вы не осудили бы его даже, если бы онъ вамъ сказалъ: я членъ партіи, я нахожу, что она превосходно дѣлала то, что она сдѣлала. Исповѣданіе убѣжденій, хотя бы и радикально противныхъ существующему порядку, еще не содержитъ въ себѣ состава уголовнаго преступленія. Вы бы на слово этому человѣку не повѣрили, а если бы даже и повѣрили, то прикинули бы къ его винѣ юридическій аршинъ, вы бы стали взвѣшивать, въ какомъ противозаконномъ сообществѣ участвовалъ этотъ человѣкъ. Законъ предусматриваетъ ихъ много по разнымъ цѣлямъ, по мѣрѣ злокачественности, по 249, 250 или по 318 статьямъ уложенія. Я затрагиваю здѣсь вопросъ, въ которомъ участь Рехневскаго соприкасается съ участью всѣхъ 29 или по крайней мѣрѣ съ участью всѣхъ тѣхъ 26, которые гуртомъ и не разбирая ихъ провинности подводятся подъ 249 статью. Я утверждаю, что и Рехневскій, не признавшій своей принадлежности къ партіи „Пролетаріата“, и его почти всѣ товарищи, признавшіе себя принадлежащими къ этой партіи, неправильно привлечены къ отвѣтственности по 249 ст. уложенія. Они должны быть судимы по другимъ статьямъ этого уложенія. Таково будетъ содержаніе послѣдней части моей защитительной рѣчи.

Если бы то была правда, что написано на 127 стр. обвинительнаго акта, что тайное сообщество „Пролетаріатъ“ было вполнѣ солидарно съ другимъ сообществомъ „Народная Воля“ и составляло съ нимъ какъ бы одно сплошное тѣло съ совершенно тождественными цѣлями, то мнѣ бы пришлось только преклониться предъ этимъ фактомъ и признать полную неизбѣжность смертной казни для членовъ „Пролетаріата“ по 249 ст. Въ исторіи Россіи нѣтъ знамени болѣе чернаго, нѣтъ имени болѣе зловѣщаго. Отъ жестокихъ послѣдствій его мы не можемъ на исходѣ 5 лѣтъ оправиться, оно со-

здало тяжелыя условія для новаго царствованія, оно отодвинуло Россію назадъ на какихъ-нибудь сто лѣтъ и болѣе, выведя ее изъ колеи мирнаго развитія. Обвинительный актъ по настоящему дѣлу основанъ на томъ, что есть люди, которые въ организаціи центральнаго комитета „Пролетаріата“ участвовали, бывъ несомнѣнно народовольцами, что есть международный, такъ сказать, трактатъ этого союза, найденный въ библіотекѣ у Бардовскаго подъ именемъ *конфиденціальнаго соглашенія*, наконецъ, что обѣ программы сходятся въ пунктѣ насилія и террора, а слѣдовательно — онѣ одинаково революціонны и тождественны. Съ этимъ выводомъ невозможно согласиться. Расчетъ уголовный съ лицами, которые одною ногою стояли въ одной организаціи, другою въ другой, долженъ быть произведенъ по каждой организаціи особо, отдѣльно за „Пролетаріатъ“, отдѣльно за „Народную Волю“. На различіе терроровъ—экономическаго, какой былъ въ программѣ „Пролетаріата“, и политическаго, которымъ дѣйствовала „Народная Воля“, указывали одинъ за другимъ всѣ подсудимые и въ этихъ указаніяхъ есть доля истины. Наконецъ *конфиденціальное соглашеніе* обозначаетъ, что въ самой средѣ „Пролетаріата“ трактатъ между двумя комитетами хранимъ былъ въ глубокой тайнѣ, вѣдомой только этому комитету и оффиціальнымъ между ними посредникамъ, но не оглашаемый передъ простымъ плебсомъ. Кромѣ того, всѣ тѣ, которые сидѣли въ „Пролетаріатѣ“ до заключенія трактата, не могутъ быть судимы за то, что произошло вслѣдствіе этого трактата, да и самъ трактатъ безъ именъ, безъ чиселъ, можетъ быть только проектъ, можетъ быть одна мистификація. Прослѣдимъ, такъ сказать, дипломатическую исторію этого договора между двумя тайными правительствами.

Изложить эту исторію удобно и легко. Мы становимся сразу на совершенно твердую, вполнѣ объективную почву; не по сомнительнымъ и почти всегда лживымъ оговорамъ, не по полустертымъ отъ дѣйствія времени свидѣтельскимъ показаніямъ, но мы можемъ возстановить исторію сношеній „Пролетаріата“ съ „Народной Волей“ по подлиннымъ источникамъ, по наисерьезнѣйшимъ документамъ, добытымъ изъ самаго тайнаго архива конспираціи и уже конечно не предназначившимся для суда. Первый по времени изъ этихъ капитальныхъ актовъ есть гектографированный листокъ, содержащій постановленія общаго съѣзда польскихъ революціонно-соціальныхъ группъ. Время обозначено: января 1883, вѣроятно, что съѣздъ состоялся въ Варшавѣ. Проектъ не предполагался для обнародованія, но бюро или комитетъ съѣздовъ (послѣднія строки приписаны) долженъ былъ снабжать представителей отдѣльныхъ группъ на съѣздахъ протоколомъ, который бы они могли сообщить своимъ центрамъ. Этотъ громадной важности документъ содержитъ въ себѣ массу драгоцѣннѣйшихъ фактовъ. Во-первыхъ, только въ

январѣ 1883 г. рѣшенъ былъ самый крупный переворотъ: *денаціонализированіе* польской интеллигенціи и превращеніе ея въ космополитически-соціалистическую. Ребромъ поставленъ былъ вопросъ, быть ли сплоченной группѣ партіей польско-литовско-бѣлоруской и рѣшено единогласно: нѣтъ, быть одной партіи (*jednolitéj w granicach państwa rossyjskiego* *)—не заграничной. Я говорю, что эта партія уже не національная, а космополитическая, потому что она исключительно только общесоціальная реализація того убѣжденія *że interesa biedaków całego świata względem bogatych są jednakowe* **). Партія эта революціонная, но имѣетъ свой объектъ въ безмѣрно далекомъ будущемъ. Она станетъ возможною только *w razie iednoczesnego powstania proletaryatu całego świata a przynajmniéj całej Europy* ***). Это дословно приведенное положеніе отдаляетъ моментъ рѣшительной борьбы почти до второго пришествія Христа, но сразу перекидываетъ бунтъ, если бы было доказано что программа затѣваетъ бунтъ, изъ 249 ст. во вторую часть 250 (по редакціи 1 іюля 1874 г.: сообщество, направленное къ достиженію цѣлей 249 ст. въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ). О завтрашнемъ или послѣзавтрашнемъ днѣ съѣздъ позаботится вѣроятно по заповѣди: довлѣетъ дневи злоба его. Злоба дня для этихъ людей это только *wychowanie w ludzie za pomocą socyalnéj propagandy i agitacyi, ducha solidarności i umieiętności bronienia swych interesów* ****). Есть одна однако черта, которая свидѣтельствуетъ, что это растеніе не великорусской почвы, это медленная эволюція отъ особности группъ къ централизаціи: *dziś przychylamy się na stronę federacyi* *****), увѣренность, что отдѣльныя группы будутъ только постепенно соединяться въ общіе центры и сплачиваться по мѣрѣ приближенія ея всесвѣтнаго или по крайней мѣрѣ общеевропейскаго пролетаріатскаго взрыва и что съ этой централизаціей не надо торопиться. *Centralizacya spiskowa nie powinna dążyć do nadmiernego potęgowania swéj działalności kosztem działalności socyalno propagandystycznéj i socyalno agitacyjnéj. Zbyt pospiesznie i przymusowo nie należy zastępować federacyi przez centralizacyą, gdyż to rozdzieliło by nas zamiast zespolić* ******) (доказательствомъ расколъ именуемый *Solidarność*).

---

*) Сплошной въ предѣлахъ россійскаго государства.

**) Что интересы бѣдняковъ всего міра одинаковы по отношенію къ богачамъ.

***) Въ случаѣ одновременнаго подъема всемірнаго или по крайней мѣрѣ общеевропейскаго пролетаріата.

****) Воспитаніе въ народѣ посредствомъ соціальной пропаганды и агитаціи духа солидарности и искусства защищать свои интересы.

*****) Сегодня мы склоняемся въ пользу федераціи.

******) Централизація въ заговорѣ не должна стремиться къ чрезмѣрному усиленію своей дѣятельности на счетъ дѣятельности соціальной

Второй крупный фактъ, выдѣляющійся изъ протокола января 1883 г., есть ясно признанный экономическій, а не политическій характеръ этого движенія. Въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ необходимо сначала подготовить рабочее движеніе, затѣмъ только можно будетъ рѣшить, произвести ли политическій переворотъ, *agitacya polityczna będzie mieć miejsce o tyle, o ile ucisk ekonomiczny idzie w parze z politycznym* *). Можно было бы заподозрить въ дипломатической неискренности всю эту часть программы, если бы: 1) та же мысль о томъ, чтобы щадить правительство, не порываться на него по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не проводилась въ самыхъ секретныхъ и учредительскихъ документахъ (напр. общія основанія программы и организаціи дѣйствій партіи); 2) если бы она не вытекала роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ изъ основной идеи соціалистической, изъ задачи соціализма, задачи на нашъ взглядъ нелѣпой, невозможной, заключающейся въ томъ, чтобы сплотить неимущіе рабочіе классы и направить ихъ на имущіе во имя общаго землевладѣнія, общности фабрикъ и орудій производства, то есть разжигая въ этомъ малообразованномъ и грубомъ народѣ эгоистическіе инстинкты,—любостяжаніе. Совершенно вѣрно съ своей точки зрѣнія разсуждаетъ прокуратура: это такой идеалъ, который не осуществимъ безъ крутыхъ средствъ, безъ насилія и грабежа, до которыхъ сразу и рѣшительно не допуститъ правительство, защищая институтъ собственности; значитъ, посягательство на собственность предполагаетъ тѣмъ самымъ посягательство на само правительство. Но у этихъ большею частью юношей логика иная, логика страсти питается надеждами столь же обманчивыми, какъ та, что мы наканунѣ всесвѣтной или по крайней мѣрѣ всеевропейской революціи. Они разсуждаютъ, и это я докажу ссылками на документы, такъ: былъ патріархальный порядокъ, преобладали землевладѣльцы помѣщики, одинъ видъ рабства; пошли либеральныя учрежденія съ развитіемъ высасывающаго кровь у труда капитализма; будетъ рай земной, коммунистическая утопія, господство рабочихъ классовъ. Главные враги наши это не только обнищавшая и подрѣзанная шляхта, но буржуазія, которая хотя въ Россіи внѣшнимъ образомъ прижата, но рада тому, что ей открыты восточные рынки. Правительство держало дворянство въ ежовыхъ рукавицахъ, оно освободило крестьянъ и способно къ аграрнымъ мѣрамъ; оно доказало, что не опирается и на капита-

---

пропаганды и соціальной агитаціи. Никакъ не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно и предосудительно вмѣсто федераціи ставить централизацію, потому что это бы насъ разъединило вмѣсто того, чтобы сплотить.

*) Политическая агитація будетъ употребляема настолько, насколько угнетеніе экономическое сопровождается угнетеніемъ политическимъ.

лизмъ. Всего лучше было бы съ нимъ сладить. *Gdyby rząd stanął po stronie klas majętnych, to walka z nim byłaby nieuniknioną.* Вопросъ оставленъ открытымъ и нерѣшеннымъ, но предусмотрѣна возможность въ неопредѣленномъ будущемъ, если правительство не будетъ опираться ни на одномъ классѣ общества, а только на наемной бюрократіи (*na żadnéj klasie w kraju, a tylko na najętnéj biurokracyi*), что придется опрокинуть его путемъ заговора (*wywrócić w drodze spisku*). Такова задача будущаго, а теперь въ настоящемъ подготовлять рабочіе классы къ купному дѣйствованію тихою подземною пропагандою и образованіемъ кружковъ саморазвитія, самообороны. Молодые люди ошибались, обобщеніе затѣянной ими работы должно было повести къ ея обнаруженію, а обнаруженіе къ немедленному запрещенію. Тѣмъ не менѣе однако въ самой пропагандѣ политическій элементъ пролетаріата не участвовалъ, и призыва его къ дѣйствію избѣгали. Пропагандируемые и поучаемые не разсуждали, не прижимали своихъ учителей къ стѣнѣ, т. е. къ ясному выводу о политическихъ послѣдствіяхъ этого экономическаго движенія. Учили, что фабрики и земля будутъ когда-то общія, манили этого цѣлью въ будущемъ, но къ осуществленію ея не призывали; десятки рабочихъ говорили: пойдемъ просить у фабрикантовъ объ увеличеніи платы, сдѣлаемъ забастовку (*bezrobocie*), тогда фабриканты станутъ мягче и должны будутъ согласиться на требуемыя нами условія.

Перевороты коренные въ какой бы то ни было области жизни весьма тяжелы и рискованы. Произвести заразъ переворотъ и политическій, который сравнительно скорѣе и легче, и экономическій, который требуетъ сотенъ и тысячъ лѣтъ и ломки всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ привычекъ, было бы сущее безуміе, что понимали подсудимые, вотъ почему они себя сознательно и ограничивали, замыкая себя въ тѣсномъ кругу чисто экономической пропаганды и отрекаясь отъ политической. Они стояли на точкѣ зрѣнія партіи *чернаго передѣла*, съ тою разницею, что русскій черный передѣлъ основывался на мужикѣ и мужичьѣ, а польскіе соціалисты дѣйствовали западно-европейскимъ манеромъ и, находя мужика слишкомъ темнымъ и глупымъ, свою проповѣдь обращали къ болѣе развитымъ людямъ, къ ремесленникамъ и фабричнымъ. Но удержится ли сообщество на этой точкѣ и не увлечется ли впередъ? таковъ былъ вопросъ. Уже въ протоколѣ съѣзда сквозитъ зловѣщее предвидѣніе возможности не въ настоящемъ, а только въ будущемъ, политической работы, можетъ быть составленія политическаго заговора. Дальнѣйшее развитіе этой идеи проявлялось въ намекахъ и предположеніяхъ о союзѣ „Пролетаріата“, то есть единой польской соціально-революціонной партіи, которая еще и не носила вовсе клички „Пролетаріата“, въ связи съ „Народною Волею“. Къ этому *третьему* факту протокола я теперь и перейду.

Протоколъ съѣзда удостовѣряетъ, что польская соціально-революціонная партія по своему космополитическому характеру нуждалась въ сближеніи съ русскою, а такъ какъ въ русской существовалъ *исполнительный комитетъ* „Народной Воли“, то выражено предположеніе, что надо попробовать, нельзя ли войти съ нимъ въ соглашеніе, предоставивъ въ его вѣдѣніе политическую сторону революціи, а себѣ экономическую пропаганду. *Jeżeli obecny Komitet Wykonawczy nie będzie odpowiadał naszym wymaganiom, będziemy go traktowali jako gruppę obcą naszéj partyi* *). Итакъ вмѣсто доказательства связи съ „Народной Волей“, документы даютъ намъ положительное доказательство, что въ началѣ 1883 г. никакой связи не было, а были только гадательныя о ней предположенія. Наконецъ, самый протоколъ есть не болѣе какъ проектъ, хотя и единогласно одобренный, но составляющій только первый серьезный шагъ *(pierwszy poważny krok)* къ объединенію, возлагающій на участвующихъ въ немъ только моральную обязанность защищать его въ своихъ группахъ, а правила объединенія должны быть утверждены на слѣдующемъ съѣздѣ, съѣздъ же долженъ собираться каждые полгода. Какъ извѣстно, съѣзды не собирались, съѣздъ 1883 г. былъ первый и послѣдній. Дѣйствовалъ ли выборный комитетъ, завѣдывалъ ли онъ дѣлами отъ съѣзда до слѣдующаго съѣзда? Можетъ быть и дѣйствовалъ, можетъ быть это и былъ комитетъ центральный. Между съѣздомъ въ январѣ 1883 г. и 28 іюня 1884 г., когда былъ пойманъ тайный архивъ партіи и всѣ почти ея предводители сидѣли подъ замкомъ, произошли событія, которыя видоизмѣнили положеніе. Прослѣдимъ эти измѣненія по другимъ документамъ.

Второй документъ съ учредительскимъ значеніемъ есть бумага безъ числа *„Общія основанія программы и дѣятельности центральнаго комитета соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“*, найденная въ тайномъ архивѣ и въ русскомъ текстѣ и въ польскомъ, писанномъ Яновичемъ.

Третій затѣмъ документъ есть тоже безъ числа *„Конфиденціальное соглашеніе“ обоихъ комитетовъ исполнительнаго „Народной Воли“ и центральнаго*. Прежде чѣмъ разбирать ихъ порознь, слѣдуетъ установить хронологическій ихъ порядокъ и время происхожденія. Такъ какъ § 1 „Конфиденціальнаго соглашенія“ не вмѣщаетъ въ себѣ ничего кромѣ простой и голой ссылки на общія основанія программы и организаціи дѣятельности „Пролетаріата“, которыя онъ одобряетъ гуртомъ и цѣликомъ, какъ свой § 1, то ясно,

---

*) Если теперешній исполнительный комитетъ не будетъ соотвѣтствовать нашимъ требованіямъ, мы будемъ обращаться съ нимъ какъ съ группою чуждою нашей партіи.

что „Конфиденціальное соглашеніе“ явилось послѣ „Общихъ основаній“ и состоитъ въ ближайшей съ ними связи. Оно вѣнчаетъ и довершаетъ „Общія основанія“ или лучше сказать, что оба документа выработаны вѣроятно одновременно, такъ что „Общія основанія“ суть родъ объяснительной записки мотивирующей „Конфиденціальное соглашеніе“. Въ „Общихъ основаніяхъ“ нѣтъ и помина о согласованіи органовъ „Пролетаріата“ съ органами „Народной Воли“, а въ § 6 „Конфид. соглашенія“ положено согласовать заграничный „Вѣстникъ Народной Воли“ съ заграничнымъ же органомъ, имѣющимъ быть основаннымъ и дѣйствительно основаннымъ, но только въ началѣ мая 1885 г.: *Walka Klas* (борьба классовъ) въ Женевѣ *Rue Berger 5* (*Gustaw Bobrowski, Wanda Koza, Lewkowicz, Mendelsohn i Jan Młot*, сотрудники: Лавровъ и Тихомировъ), то время составленія этого „Конфид. соглашенія“ должно быть отнесено къ моменту, когда возникла въ „Пролетаріатѣ“ мысль издавать органъ *Walka Klas*, что по обвинительному акту отнесено не къ декабрю 1883 года, а только къ январю 1884 г., т. е. къ отправленію Куницкаго на Варшаву за границу. Двойной языкъ „Общихъ основаній“ и исключительный русскій языкъ „Конфиденціальнаго соглашенія“ доказываютъ, что оба эти акта выработаны для русскихъ или совмѣстно съ русскими, что „Общія основанія“ составляютъ введеніе къ „Конфиденціальному соглашенію“, а согласительный проектъ, имѣющій быть предложеннымъ исполнительному комитету „Народной Воли“, можетъ быть и есть уже самъ послѣдовавшій актъ обоюдно санкціонированный. Допустимъ самое худшее для защиты, что это актъ состоявшійся, не предполагаемый, актъ сбывшійся международно-соціальнаго союза, — спрашивается, въ какомъ мѣстѣ могло состояться соглашеніе: въ Россіи, въ С.-Петербургѣ, на почвѣ бывшаго центральнаго комитета или за границею?

Я утверждаю, что оно могло состояться только за границею потому, что если взять все истекающее пятилѣтіе съ 1 марта 1880 г. по настоящее время, то исполнительный комитетъ былъ въ С.-Петербургѣ истребленъ, съ корнемъ вырванъ въ 1881—1883 гг. и нынѣ за послѣдніе 3 года не подаетъ никакихъ признаковъ жизни. Три великіе политическіе процесса рѣшили его участь: 1) дѣло пяти цареубійцъ—Рысакова, Желябова, Перовской и др., 2) дѣло о 20 подсудимыхъ Михайловѣ, Тригони, Сухановѣ и др. 1882 г. и 3) дѣло о 17 лицахъ, послѣднихъ могиканахъ исполнительнаго комитета, Богдановичѣ—Кобезевѣ, Грачевскомъ, Прибылевыхъ, Телаловѣ, Златопольскомъ и др., образовавшихъ динамитную фабрику на Васильевскомъ островѣ. Паденіе комитета выразилось очевидными чертами: съ одной стороны Грачевскій изображалъ собой весь исполнительный комитетъ, какъ въ послѣднее время Куницкій, а послѣ Куницкаго Дембскій, и съ другой стороны динамитъ пред-

назначался для кого? только для изведенія Судейкина. Судейкинымъ окончательно были эти люди выловлены и послѣ того о нихъ не было ни духу, ни слуху. Судилась еще военнымъ судомъ въ прошломъ году дюжина лицъ, но это были офицерскіе кружки, открытые и выданные Дегаевымъ (Рогачевъ и др.).

Исполнительнаго комитета въ Петербургѣ нѣтъ, но, конечно, нѣкоторые изъ его дѣятелей успѣли убѣжать; есть, издающійся въ Женевѣ „Вѣстникъ Народной Воли", съ которымъ сопряжена была въ кратковременномъ кажется брачномъ союзѣ эфемерида „*Watka Klas*", теперь, сколько мнѣ извѣстно, уже не существующая. Вокругъ женевскаго органа „Вѣстника Народной Воли" должны были группироваться и люди преданные „Народной Волѣ", если не настоящіе правители, то претенденты на званіе исполнительнаго комитета,— таинственное имя, родъ миѳа, за которымъ скрывались три, два, а можетъ быть и одна неизвѣстная или крайне немогимъ извѣстная личность. Лицо, которое явно и открыто признало, что оно состоитъ въ сношеніяхъ съ „Народной Волей", что оно входило съ исполнительнымъ комитетомъ въ соглашеніе, есть несомнѣнно Куницкій, онъ несомнѣнно принималъ участіе въ „Общихъ основаніяхъ", а такъ какъ „Общія основанія" и „Конфиденціальное соглашеніе" сіамскіе близнецы, то это лицо приложило руку къ обоимъ актамъ, оно всего чаще путешествовало за границу и вѣроятно бывало въ Парижѣ, Гейдельбергѣ или Женевѣ и привело къ осуществленію международный трактатъ. Слѣдуетъ сообразить это обстоятельство съ поѣздками Куницкаго и тогда станетъ до очевидности ясно, когда состоялись оба акта.

Предупрежденный выдавшимъ его Дегаевымъ, Куницкій бѣжалъ, какъ извѣстно, за границу въ мартѣ 1883 г., въ два мѣсяца послѣ соціально-революціоннаго съѣзда и мѣсяцъ послѣ того, какъ по обвинительному акту Варынскій съ Плоскимъ соединили общими усиліями варшавскій рабочій комитетъ съ центральнымъ комитетомъ, въ которомъ, я полагаю, надо видѣть только то самое бюро, какое должно было быть выбрано съѣздомъ объединенной партіи. Въ маѣ того же 1883 г. Куницкій, Шмаусъ и Влодекъ провозятъ книги въ Россію изъ Пруссіи; въ августѣ 1883 г. Куницкій опять поселяется въ Варшавѣ, съ октября по январь 1884 г. странствуетъ, отъ времени только до времени появляется въ Варшавѣ, ѣдетъ въ Ригу, Вильно устраивать границу, въ январѣ является еще въ Вильнѣ и затѣмъ ѣдетъ за границу, откуда пріѣзжаетъ въ послѣдній разъ въ мартѣ 1884 г. и пойманъ въ квартирѣ Бардовскаго. Изъ Вильна былъ онъ только проѣздомъ, одинъ день, въ Варшавѣ, но его поѣздка связана съ учрежденіемъ за границей *Watki Klas*, которая является и въ „Конфиденціальномъ соглашеніи" главнымъ фактомъ въ дѣятельности партіи, связующимъ ее съ

„Народною Волею“. Я утверждаю на основаніи этихъ данныхъ, что и „Общія основанія“ и „Конфиденціальное соглашеніе“ возникли при участіи Куницкаго за границею, примѣрно въ Женевѣ, въ февралѣ или началѣ марта 1884 г., тогда же явился проспектъ о выходѣ съ 1 мая этого органа, въ сущности тощаго, какъ всѣ соціально-революціонныя изданія въ 20, 30 стр. *in* 8°.

Опредѣливъ возникновеніе обоихъ документовъ, я перехожу къ ихъ содержанію и утверждаю, что солидарности съ „Народной Волей“, сліянія этихъ двухъ теченій въ одно русло они не установляютъ. „Общія основанія“ проводятъ то начало, что въ подготовительныхъ работахъ къ революціи центральный комитетъ хранитъ полную независимость отъ исполнительнаго, но когда исполнительный комитетъ будетъ покушаться на революціонный переворотъ, то по данному имъ знаку центральный комитетъ долженъ ему помочь, послѣ чего въ своихъ конструктивныхъ работахъ онъ отдѣляется отъ исполнительнаго, какъ самостоятельное цѣлое; только своими публикаціями, общими мѣрами и организаціями партіонной благотворительности или такъ-называемаго краснаго креста „Пролетаріатъ“ и „Народная Воля“, дѣйствуютъ рука объ руку и за одно.

Что касается до „Конфиденціальнаго соглашенія“, то и въ немъ видна полная обособленность и раздѣльность. Утверждены и установлены только обмѣнъ взаимныхъ услугъ и спеціализація функцій. По § 18 исполнительный комитетъ признанъ въ смыслѣ центра, руководящаго политическою борьбою. Этотъ военный центръ по § 16 завѣдуетъ и организаціею военныхъ силъ для центральной борьбы въ предѣлахъ области „Пролетаріата“, то есть до иного опредѣленія границъ (§ 17) въ Царствѣ Польскомъ и организаціею революціонно полицейской части. Этому центру по его требованію центральный комитетъ долженъ будетъ по § 12 доставить по спеціальному призыву исполнительнаго комитета вспомогательныя силы, причемъ однако отмѣчено, что исполнительный комитетъ не имѣетъ никакого касательства до боевыхъ силъ, организованныхъ центральнымъ комитетомъ для цѣлей мѣстной борьбы. Обѣ организаціи имѣютъ отдѣльныхъ, хотя и помогающихъ себѣ взаимно, заграницею агентовъ (§ 4), отдѣльные, хотя и помогающіе себѣ органы (§ 6), они держатъ другъ у друга своихъ спеціальныхъ представителей для ознакомленія центра, при которомъ аккредитованы, съ положеніемъ своего центра, а сей послѣдній съ положеніемъ дѣлъ комитета, при которомъ они аккредитованы. Представителемъ исполнительнаго комитета можетъ быть и кто-либо изъ членовъ центральнаго; такимъ съ польской стороны признавалъ себя Куницкій. Союзъ оборонительный и наступательный, боевыя силы центральнаго комитета, вспомогательныя войска по требованію „Народной Воли“, все это крайне невыгодныя для защиты обстоятельства. Есть

еще одно таковое же—§ 17, а именно терроръ, направленный противъ центральнаго правительства, начиная съ генералъ-губернаторовъ, практикуемый исп. к-омъ, не иначе какъ согласія центр. к-та. Не скрывая всей силы этихъ отягощающихъ вину одного изъ контрагентовъ, то есть „Пролетаріата“, обстоятельствъ, я утверждаю, что они недостаточны, чтобы признать, что „Пролетаріатъ“ и „Народная Воля“ тождественны, что это два члена одного и того же цѣлаго. Въ севастопольской войнѣ Англія и Франція помогали Турціи, Сардинія давала вспомогательныя войска, прислуживаясь Франціи, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы Россія воевала съ Турко—Англо—Франко—Сардиніею. Иными словами, центральный комитетъ соединился по договору съ исполнительнымъ, значитъ „Пролетаріатъ“ съ „Народной Волей“. Судится „Пролетаріатъ“, но судится онъ не за то, что онъ „Пролетаріатъ“, а за то, что онъ въ дѣйствіяхъ своихъ обнаружилъ всѣ тѣ злокачественные признаки, которые исп. к-тъ и „Н. В.“ подводятъ несомнѣнно подъ 249 ст. улож.; слѣдуетъ только рѣшить, дѣйствительно ли и по тому, что о немъ извѣстно, и изъ договора явствуетъ, что центральный комитетъ повиненъ во всемъ томъ, за что былъ бы осужденъ исполнительный? Но именно на этотъ то вопросъ трудно отвѣчать утвердительно. Всѣ предположенія о случаѣ призыва съ одной и даже съ другой стороны вспомогательныхъ войскъ представляются контрагентамъ въ неизмѣримо далекой и совсѣмъ неопредѣленной дали, когда должна будетъ вспыхнуть всесвѣтная или по крайней мѣрѣ всеевропейская революція. Терроръ противъ властей даже и совсѣмъ не затѣвался, не былъ онъ замышляемъ даже противъ стражника или околоточнаго, а не только противъ генералъ-губернатора. О террорѣ противъ частныхъ лицъ я скажу послѣ, онъ не имѣетъ ничего общаго, какъ политическое проявленіе, съ терроромъ противъ властей, стрѣльба Яновича есть личное дѣло Яновича, слѣдствіе его темперамента. Если контрабандистъ, провозя водку, выстрѣлитъ и убьетъ таможеннаго солдата, то развѣ это политическое преступленіе и можно ли возлагать отвѣтственность за это убійство на всѣхъ вообще контрабандистовъ, какъ на особую партію? Я и не говорю о заговорѣ на полковника Секержинскаго и товарища прокурора Янкуліо, я отношу эти неподтвержденныя при слѣдствіи событія къ миѳическимъ. Такимъ образомъ, по моему глубокому убѣжденію, даже при наличности открытаго между комитетами конфиденціальнаго соглашенія вина принявшихъ къ руководству это соглашеніе членовъ центр. к-та есть вина не по 249, а по 250 ст., по ея 2-й части. Нѣтъ прямого сговора на опредѣленное насиліе, а есть соглашеніе, направленное къ достиженію революціонной цѣли въ отдаленномъ будущемъ. Во всякомъ же случаѣ, если бы эти доводыва съ не убѣдили, я полагаю, что послѣдствія трактата между комитетами, даже

при подведеніи его подъ самую тяжкую форму сообщества, могутъ касаться только тѣхъ, которые въ заключеніи этого трактата принимали участіе или приняли его какъ *fait accompli* къ руководству, но что не могутъ быть судимы за сообщество по 249 ст. и должны быть исключены и выдѣлены: а) всѣ тѣ, которые до выработки и заключенія общихъ основъ и конфиденціальнаго соглашенія уже сидѣли подъ замкомъ, б) всѣ тѣ, которые, хотя и арестованы послѣ, но знать не могли и не чуяли, что ихъ правительствомъ, т. е. комитетомъ, такой договоръ между комитетами заключенъ. Такихъ лицъ неповинныхъ было много, они были большинство, то есть всѣ, кромѣ 4, 5 человѣкъ членовъ центральнаго комитета, который только потому и дѣйствовалъ до поры до времени успѣшно, что облекался таинственностью, секретничалъ и своихъ секретовъ никому не сообщалъ. „Конфиденціальное соглашеніе“ было напечатано въ № 10 (за октябрь мѣсяцъ 1884 г.) „Вѣстника Народной Воли“, но оно напечатано уже тогда, когда сдѣлалось *le secret de Polichinelle*, то есть когда трактатъ былъ уже въ рукахъ русскаго правительства. Скинемъ со счета членовъ верховнаго подпольнаго правительства и остановимся на рядовыхъ и субалтернъ-офицерахъ, на толпѣ, не знавшей никакихъ соглашеній и знавшей объ организаціи только то, что ей могло быть извѣстно либо по устнымъ сообщеніямъ, либо по печатнымъ прокламаціямъ и пяти нумерамъ „Пролетаріата“.

Возьмемъ въ руки пять нумеровъ „Пролетаріата“ и мы тотчасъ замѣтимъ, что имѣемъ дѣло съ движеніемъ намѣренно одностороннимъ, исключительно соціальнаго характера, которое умышленно держится на обособленіи классовъ неимущихъ и имущихъ и говоритъ: „прочь съ капитализмомъ и капиталистами“ (№ 4), которое гласитъ на каждомъ шагу, что для него безразличны династическіе интересы, національныя и политическія границы, и предостерегаетъ, чтобы рабочіе, имѣя въ виду только одну цѣль, общность земель и фабрикъ, не допустили себя провести и надуть политическимъ фокусникамъ и обманщикамъ (*szalbierzom*), то едва ли подлежитъ сомнѣнію и даже не оспаривается вовсе, что весь вопросъ заключался въ средствахъ, будь эти средства даже невинны и нѣжны (*à l'eau de rose*), слѣдовательно можно бы ограничиться подведеніемъ всего сообщества по 318 ст. улож. (разрушеніе однѣхъ только идеальныхъ основъ общественной жизни, религіи, собственности и такъ дальше).

Но соціально-революціонная партія была явно и цинически нечистоплотна въ своихъ пріемахъ и дѣйствіяхъ. Не только она предвидѣла и допускала терроръ въ своихъ тайныхъ учредительскихъ бумагахъ, но она его вывѣшивала какъ красный и черный флаги и въ своихъ публикаціяхъ, чуть ли не въ каждомъ нумерѣ „Пролетаріата“, напр. въ № 2 отъ 1 октября 1883 г. „*Bezrobocie i Terror*“. Въ

этой статьѣ разбирается нормальное и легальное въ заграничныхъ государствахъ средство, вытекающее изъ понятія о правахъ гражданина и свободѣ его труда: забастовка. Это средство весьма слабое, оно то же, что показывать кукишъ въ карманѣ (*kiwać palcem w bucie*), оно безцѣльно, а его должны сопровождать казни людей, вызывающихъ своими дѣйствіями забастовку. *My do takiéj walki niepotrzebujemy przywoływać, walka taka wynikać powinna z jednostkowéj działalności, przybrać charakter tajemniczéj kary i zemsty* *). Это единичное, а не массовое проявленіе террора. Но, значитъ, терроръ есть, а и народовольцы террористы и всѣ террористы то же что народовольцы, а слѣдовательно и надлежитъ ихъ растянуть на 249 ст., хотя бы и было доказано, что они не только не убили, но и не замышляли убить ни одного городового, ни одного урядника, хотя бы они только гласили о терроризированіи фабрикантовъ, а свою казнь и месть проявляли только на своихъ же собратьяхъ рабочихъ денунціантахъ такихъ, какъ Сиремскій, какъ Скржипчинскій. Боже меня сохрани, чтобы я обѣлялъ дѣло столь мерзкое и гадкое, морально оно для меня хуже, чѣмъ явный мятежъ, морально я болѣе симпатіи чувствую къ Ванькѣ Каину или Стенькѣ Разину, нежели къ мелкому воришкѣ или тайному убійцѣ. А все-таки, судя не морально, а уголовно жуликъ или воришка будетъ слабѣе наказанъ, нежели Ванька Каинъ, и только въ предѣлахъ этого уменьшенія наказанія за терроръ я долгомъ считаю заявить и доказать, что терроръ террору рознь, что терроръ экономическій не то, что политическій, что члены „Пролетаріата“ въ своей программѣ помѣщаютъ исключительно только экономическій терроръ, а ни о какомъ другомъ нѣтъ рѣчи въ „Пролетаріатѣ“ — сообществѣ еще не революціонномъ, не затѣвающемъ бунта по 249 ст., что соціалисты террористы, даже приложившіе руку къ изведенію не представительной власти, а своихъ же собратьевъ или фабрикантовъ, должны быть судимы по совокупности преступленій, злокачественнаго соціалистическаго сообщества по 250 или 318 ст. и посягательства на жизнь по 1449 ст. и послѣдующихъ уложенія. Мои доводы заключаются въ слѣдующемъ.

Терроръ есть острастка; можно наводить страхъ на нѣкоторыя лица или повальный страхъ на все населеніе, тогда этотъ страхъ называется паникой. Вселять страхъ, обуздывать, давать острастку можно и не насильственными въ физическомъ смыслѣ слова мѣрами, ранами, убійствомъ, поджогами, а иными, противъ которыхъ иногда судъ и законодательство безсильны. Я не говорю

---

*) Мы не нуждаемся въ воззваніяхъ на такую борьбу. Такая борьба должна быть производима по единичной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Она должна имѣть характеръ таинственной кары и мщенія.

даже о вышедшихъ изъ употребленія средневѣковыхъ отлученіяхъ отъ церкви, интердиктахъ, но напомню, что не такъ еще давно, лѣтъ 30 или 40 тому назадъ существовало національное сплоченіе болѣе тѣсное людей, достаточно было прослыть хотя и безвинно измѣнникомъ, предателемъ, чтобы изолировать человѣка, наложить на него печать отверженія, заставить всѣхъ бѣгать отъ него какъ отъ прокаженнаго. Подобный моральный интердиктъ не всегда возможенъ, онъ предполагаетъ націю крѣпкую и сплоченную, находящуюся во враждѣ съ другою націею, извѣстную національную солидарность, которая можетъ и расшатываться и изнашиваться. Всего легче терроризировать насиліемъ, но я могу привести тысячу случаевъ насилій, которые не подходятъ подъ государственное преступленіе, потому что не клонятся къ ниспроверженію общественнаго порядка и образа правленія. Вы знаете, какъ слаба наша сельская полиція по отношенію къ поджогамъ, по отношенію къ конокрадамъ—пустятъ краснаго пѣтуха и вся деревня въ пламени. Что дѣлать? какъ защититься отъ разоренія? Дать конокрадамъ и зажигателямъ острастку, побить и убить пойманнаго съ поличнымъ. Судъ надъ конокрадами или надъ поджигателями есть террористическій судъ Линча, но онъ, не тотъ терроръ, который требуется какъ необходимое условіе для примѣненія 249 и даже 250 ст. улож., потому что умыселъ по 250 ст. — дѣйствовать насильственно предполагаетъ дѣйствованіе въ политическомъ смыслѣ, а здѣсь самосудъ, заключающій въ себѣ самоуправство и убіеніе или избіеніе по заговору, т. е. преступленіе противъ личности, а не противъ государства, по 1499 ст., а не 249 и 250 ст. улож. Я не думаю, чтобы даже всякое насиліе противъ агента власти имѣло политическій характеръ. Положимъ, контрабандистъ убилъ таможеннаго офицера, который особенно былъ опасенъ; убійство по заговору, убійство по мести, но оно не стремится къ ниспроверженію правительства. Перехожу къ преступленіямъ аграрнымъ. Крестьянинъ сдѣлалъ захватъ помѣщичьихъ земель, врубился въ чужой лѣсъ, самого владѣльца ударилъ топоромъ, когда онъ защищался противъ беззаконія. Допустимъ, что такимъ же образомъ массами условились дѣйствовать чиншевики по обострившимуся чиншевому вопросу. Допустимъ большее, что учащаются такія насилія фермеровъ противъ помѣщиковъ, какъ въ Ирландіи, что бываютъ избіенія въ засадѣ помѣщиковъ, которые возвышаютъ оброки. Это терроръ аграрный, но не политическій, одинъ изъ подвиговъ экономическихъ. Даже дѣйствія изъ-за партійной мести суть обыкновенныя убійства, а не политическія. Вспомнимъ только дѣло Вѣры Засуличъ, покусившейся на жизнь генерала Трепова изъ-за партійной мести, за его дѣйствія, какъ должностнаго лица. Но къ террору экономическому могутъ присоединиться

и нѣкоторые политическіе мотивы. Американскіе феніи подаютъ руку ирландскимъ, входитъ въ дѣло динамитъ, убиваютъ двухъ министровъ королевы въ *Fenix-Park*'ѣ, взрывается палата коммонеровъ, мы обрѣтаемся въ полномъ революціонно-политическомъ террорѣ и если бы эти послѣднія дѣйствія судились по нашимъ законамъ, то это было бы преступленіе по 249 ст. улож. Такимъ образомъ весь вопросъ не въ террорѣ, а въ томъ, какой былъ терроръ: политическій или экономическій? Этотъ вопросъ не трудно рѣшить; не всѣми членами „Пролетаріата", какъ я докажу, раздѣляемо было желаніе дѣйствовать террористически въ какомъ бы то ни было отношеніи, но даже террористы (кромѣ развѣ немногихъ руководителей изъ центральнаго комитета) держались строжайшимъ образомъ въ предѣлахъ только экономическаго террора, что до послѣдней степени очевидно и повидимому даже и оспариваемо быть не можетъ. Не могъ этотъ терроръ быть политическимъ или превратиться въ политическій, не потому, чтобы таковы были или не были желанія руководителей, но потому, что таковы были роковымъ образомъ сложившіяся условія сего края, не допускающія иной агитаціи, кромѣ экономической. Подвергните анализу весь засѣдающій здѣсь составъ персонала организаціи, онъ состоитъ только изъ двухъ элементовъ: руководители или интеллигенты и простые работники, искусители и вовлеченные. Остановимся сначала на вожакахъ. Эта интеллигенція такъ называемыхъ пришлецовъ (Варынскій, Плосскій, Куницкій, Дембскій, Загурскій, Яновичъ) они обезнародовавшіеся люди, образовавшіеся вдали отъ родной почвы, побывавшіе въ С.-Петербургѣ, и въ другихъ дальнихъ мѣстахъ, по языку только польскіе люди, а въ сущности воспитанники, прошедшіе съ успѣхомъ русскую соціалистическую школу. На нихъ написаны слова Косцюшки: *finis Poloniae*. Нѣтъ здѣсь ни одного ни чувства, ни біенія сердца общаго съ традиціоннымъ національнымомъ, который не могъ къ нимъ не отнестись отрицательно. Они сами этимъ щеголяютъ, они говорятъ, что у нихъ нѣтъ отечества. Чуть ли не въ № 5 „Пролетаріата" написано: „Съ характеромъ нашимъ, какъ бойцовъ дѣла работниковъ, несовмѣстимо участіе въ заговорахъ съ патріотическою цѣлью". Они соціалисты, очутившіеся въ С.-Петербургѣ послѣ 1881 г. въ непріятномъ положеніи вслѣдствіе коренной ошибки русскаго соціализма, котораго главный штабъ и исполнительный комитетъ отдѣлились отъ партіи „Чернаго передѣла" и совершили безумнѣйшее преступное дѣло 1 марта; затѣмъ пошли повальныя преслѣдованія. Всякое движеніе совершается по линіи наименьшаго сопротивленія. Линія наименьшаго сопротивленія была та, которая вела изъ С.-Петербурга въ Царство Польское, въ общество разбитое, не могущее оправиться послѣ великихъ своихъ политическихъ несчастій и 1863 г., въ своей солидарности расшатанное, оконча-

тельно извѣрившееся во всякое политическое повстаніе и жаждущее только покоя. Въ этомъ обществѣ они не могли разсчитывать ни на интеллигенцію, ни на всю крестьянскую массу населенія, выигравшую отъ катастрофы 1863 г. и потому привязанную къ правительству. Любопытенъ въ этомъ отношеніи § 13 „Конфиденціальнаго соглашенія“ исполнительнаго комитета: „Обязуемся по мѣрѣ возможности удовлетворять запросы центральнаго комитета по снабженію края интеллигентными дѣятелями“. Значитъ, мѣстныхъ интеллигентныхъ дѣятелей не было, въ кружкахъ мы видимъ нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ гимназистовъ, или первокурсниковъ студентовъ въ родѣ Кона и Пацановскаго, не болѣе. Изъ плебса, изъ чернонародной массы, къ которой была обращена соціалистическая проповѣдь, отошли крестьяне, не потому, что они менѣе образованы, но потому, что они отъ этой теоріи своимъ недавнимъ улучшеніемъ быта и земельнымъ надѣломъ застрахованы. Оставалась только почва довольно узкая и ограниченная—фабричный людъ и городской ремесленный пролетаріатъ, на которой и принялись сѣять новые дѣятели. Почва была не особенно благопріятная, но уже прежде вспаханная. Въ другихъ слояхъ общества улетучились, но въ этой еще живы были свѣжія преданія страшнаго политическаго террора 1863 г., жандармовъ кинжальщиковъ, жандармовъ вѣшателей, восходящія своими корнями къ отдаленнымъ временамъ раздѣла Польши и повстанья Косцюшки, преданія въ сравненіи съ коими сущая малость покушеніе на Сиремскаго или случай съ Гельшертомъ и Скржипчинскимъ. Изъ совокупности дѣйствій обоихъ элементовъ и выросли плоды, не вкусные и даже кровавые. Главнымъ пострадавшимъ отъ этой безумно затѣянной и, я долженъ сказать, въ сущности мало опасной агитаціи есть то мѣстное общество, въ которое реформаторы вносили междоусобную войну подъ знаменемъ коммунизма: общей земли, общихъ фабрикъ и общихъ орудій производства. Ихъ главные предводители только одни мечтали, когда подойдетъ незримая еще революція, идти рука объ руку съ нею по союзу съ „Народной Волей“. Все остальное въ партіи стояло на томъ, чтобы, даже терроризируя фабрикантовъ и шпіоновъ-рабочихъ, не трогать правительства и его органовъ. Правительство вступается въ это дѣло только потому, что оно гарантируетъ матеріальный гражданскій порядокъ, безопасность лицъ и имуществъ, безопасность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ.

Гражданское общество мѣстное не имѣетъ и не можетъ имѣть своего на этомъ судѣ представителя, о немъ незачѣмъ особенно интересоваться государственной юстиціи. Этому обществу будетъ отдано все должное, когда тѣ люди, которые затѣвали убійство, будутъ наказаны какъ обыкновенные убійцы, если они затѣвали

шайкою, то тогда будутъ наказаны какъ убійцы шайкою; если будетъ обнаружена пропаганда ученій, отрицающихъ основы всякаго общежестія, религію, семью и собственность, тогда будутъ примѣнены ст. 1449 и ст. 318 уложенія. Правительство въ настоящей игрѣ еще не задѣто непосредственно, оно не въ опасности. Я полагаю, что и гражданское мѣстное общество не будетъ еще въ опасности. Еще затѣи соціалистовъ не страшны, еще есть могучій презервативъ, привязанность къ старому доброму нраву и обычаю, уваженіе къ національной святынѣ,—вѣрѣ предковъ. Вотъ когда эти устои ослабнутъ, тогда соціализму открыты будутъ ворота, тогда онъ можетъ распространиться по всѣмъ направленіямъ, какъ сорная трава, какъ бурьянъ.

Въ заключеніе я выражу общую просьбу всѣхъ въ этомъ дѣлѣ интеллигентовъ, чтобы вся строгость наказанія постигла ихъ лично, съ возможно большимъ снисхожденіемъ для втянутыхъ ими въ это дѣло рабочихъ. Сдѣлаю еще одно замѣчаніе, что въ это дѣло входятъ механически приставшіе къ польскимъ русскіе элементы, въ числѣ которыхъ имѣется и мой другой кліентъ Бардовскій, но обстоятельства и основанія виновности его и Рехневскаго совершенно различны, посему я прошу дать мнѣ возможность отложить защиту Бардовскаго до того момента когда по порядку дѣла дойдутъ пренія и до русскихъ подсудимыхъ.

Рѣчь въ защиту П. В. БАРДОВСКАГО.

Странное явленіе времени: на 29 подсудимыхъ, привлеченныхъ на судъ за принадлежность въ политически-революціонномъ заговорѣ—25 поляковъ и 4 русскихъ (1/7 часть), явленіе почти небывалое, похожее на химическое соединеніе воды и масла, никогда не соединяющихся и различныхъ по относительному вѣсу веществъ. Такая смѣсь на уголовномъ судѣ возможна только при предположеніи, что которые нибудь изъ двухъ элементовъ денаціонализированы. Нѣсколько подобныхъ, но весьма рѣдкихъ случаевъ замѣчено въ 1863 г. Между повстанцами было нѣсколько затесавшихся русскихъ анархистовъ, которые шли во всякое движеніе, а слѣдовательно и въ національно-польское, какъ въ свою естественную стихію. Теперь, наоборотъ, польская политическая идея находится въ состояніи упадка, но въ омутъ революціоннаго движенія въ Россіи могутъ идти денаціонализированные поляки, сдѣлавшіеся соціалистами, поляки, получившіе общую съ русскими революціонерами соціально-революціонную подкладку. Какой же можно сдѣлать выводъ въ примѣненіи къ настоящему случаю? Не тотъ ли, что въ

варшавской соціально-революціонной затѣѣ главарями и вожаками были тѣ русскіе, изъ коихъ 10% офицеры русской арміи? Ничуть не бывало. Людей, не подходящихъ другъ къ другу, соединяетъ иногда и перемѣшиваетъ слѣпой, глупый, странный случай.

Откинемъ мысленно одно лицо: Бардовскаго и сопоставимъ 3 русскихъ офицеровъ въ толпѣ подсудимыхъ съ 25 такъ-называющимися поляками. Окажется, дѣйствительно, что это смѣсь воды и масла, механическое сближеніе двухъ ничего общаго неимѣющихъ стихій. Что общаго между этими смѣлыми коммунистами, проповѣдывавшими чернорабочимъ общность земли и фабрикъ, и этими офицерами, ни слова почти не говорящими по-польски, равнодушными къ экономическимъ утопіямъ, занятыми только тѣмъ, какъ бы свести концы съ концами при скудномъ офицерскомъ жалованьи и поразвлечься, провести вечеръ въ болѣе порядочномъ обществѣ, не за винтомъ, а въ пріятныхъ бесѣдахъ объ умственныхъ предметахъ, да прочитать ту или другую книжку дозволенную, а тѣмъ паче запрещенную. Еще со временъ Николаевскихъ идетъ по преданію пристрастіе къ запретнымъ книжкамъ, продолжающееся, хотя запреты ослабѣли и уменьшилось число запретныхъ книжекъ. Эти офицеры на душѣ у Бардовскаго, они только чрезъ него попали въ дѣло; онъ связующее ихъ съ поляками, съ соціалистами, звено въ уголовномъ обвиненіи. Если сопоставить ихъ съ Бардовскимъ, то они мельчаютъ, а зато онъ является и чернѣе и крупнѣе; но если его сопоставить съ поляками соціалистами, то какое же его положеніе возлѣ нихъ? Окажется, что и онъ мельчаетъ, что онъ средняя пропорціональная между ними и офицерами. Его губитъ, его давитъ и уничтожаетъ одно обстоятельство совершенно личное, крупное, выдающееся—это его *воззваніе къ военнымъ*.

Не будь этого воззванія, онъ былъ бы просто пособникомъ или укрывателемъ тайнаго соціальнаго сообщества. Такъ какъ единственное средство для производства точнаго анализа есть разложеніе предмета, то есть въ настоящемъ случаѣ уголовной вины, на первичныя части и элементы и потомъ отъ единичнаго и простого шествіе къ сложному, то я и пойду этимъ путемъ. Сначала оцѣню по достоинству воззваніе къ войскамъ, потомъ помощь соціалистическому польскому сообществу, затѣмъ придется обѣ вины сложить и уразумѣть, какъ онѣ могутъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ совмѣщаться, иными словами, надо будетъ разгадать этого человѣка по его темпераменту и характеру, сдѣлать психологическій этюдъ и объяснить, какъ этотъ должностной человѣкъ могъ попасть въ революцію, какъ этотъ судья могъ стать на сторонѣ отрицателей собственности, какъ этотъ штатскій человѣкъ могъ упражняться въ такой опасной, столь гибельной военной литературѣ. Менѣе всего намѣренъ я умалять вину Бардовскаго, она

весьма велика, она бросается въ глаза. Его защита должна быть, на мой взглядъ, скупа на слова и воздержна. Никакой пафосъ не поможетъ, слово праздное всуе сказанное повредитъ, но при разборѣ его прошлаго и его поведенія, холоднымъ и безпристрастнымъ, вы можетъ быть увидите, что многое загадочное и странное объяснится очень просто, вамъ жаль станетъ человѣка и вы отведете этой жалости законное и надлежащее мѣсто не въ ущербъ, а на вящшую пользу безпристрастному правосудію.

Начнемъ съ воззванія. Допустимъ, что фамилія, происхожденіе и личныя качества преступника неизвѣстны или безразличны, но что у этого человѣка, поляка или русскаго, въ его письменномъ столѣ случайнымъ образомъ найденъ собственноручно имъ писанный чернякъ и не только имъ писанный, но и имъ же сочиненный съ помарками, поправками, дополненіями и украшеніями слога. Допустимъ, что этотъ чернякъ такъ и остался чернякомъ, что онъ никогда не перебѣлялся, что никому не отсылался, что онъ никѣмъ и не былъ читаемъ вслѣдствіе того, что самъ его создатель имѣлъ крайне трудный и неразборчивый почеркъ, что онъ пишетъ почти іероглифами. Въ головѣ его была по всей видимости идея или даже и затѣя сдѣлать изъ черняка употребленіе, но потомъ онъ эту идею бросилъ, бумагу какъ ненужную швырнулъ въ свой архивный хламъ, заперъ въ свой письменный ящикъ, можетъ быть ее и забылъ, но по стеченію обстоятельствъ эти бумаги были вскрыты и бумажный обличитель попалъ въ руки правосудія. Какъ долженъ быть за свои литературныя упражненія виновный наказанъ?

Наказаніе зависитъ въ высокой степени отъ содержанія злокачественнаго сочиненія. Оно можетъ содержать въ себѣ, да и содержитъ въ данномъ случаѣ оскорбленіе Величества, дерзкій пасквиль на священную особу Государя и на его министровъ, изображенія ихъ не польщенныя и притомъ начерченныя съ русской, можно даже больше сказать, съ петербургско-русской точки зрѣнія. Тутъ есть и неизбѣжныя имена Каткова, Суворина, тутъ вызываются тѣни Рунича и Магницкаго, для поляковъ не имѣющія смысла. Тутъ есть уподобленіе эпохи послѣднихъ дней Императора Александра I и настоящей, которое только русскому и пишущему для русскихъ могло придти въ голову; тутъ есть черты личныя для характеристики министровъ, которыя могли быть собраны только на петербургской, а не на иной почвѣ. Если бы этотъ пасквиль былъ только пасквиль, а не воззваніе, то онъ бы подходилъ подъ 245 ст. улож., посвященную письменнымъ и даже печатнымъ сочиненіямъ и изображеніямъ, съ цѣлью возбудить неуваженіе въ верховной власти или къ личнымъ качествамъ Государя или къ его управленію государствомъ. Изъ трехъ этихъ эле-

ментовъ несомнѣнно налицо послѣдніе два. Законъ дѣлаетъ громадное различіе между составителями и распространителями; за два эти дѣйствія совокупно (и сочиненіе и распространеніе) полагается каторга 10—12 л., а за одно сочиненіе безъ распространенія только крѣпость до 2 л. и 8 мѣс., съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

Но шестилистовая черновая рукопись есть вмѣстѣ съ тѣмъ и активное воззваніе, значитъ письменное подстрекательство къ чему-то весьма противозаконному. Есть хлесткая фраза, собственно фигура риторическая, обращеніе къ тѣнямъ казненныхъ Дубровина, Суханова, Буцевича, изъ которыхъ Дубровинъ и Буцевичъ только заговорщики, но морякъ Сухановъ работалъ въ подкопѣ на Малой Садовой, слѣдовательно виновенъ въ приготовленіяхъ къ цареубійству. Но если вникнуть не во фразы, а въ существо дѣла, въ то, къ чему клонилось подстрекательство, то размѣры его скромнѣе. Пишетъ его конституціоналистъ, недовольный деспотическимъ, какъ онъ его называетъ, правленіемъ, жаждущій представительныхъ учрежденій, утверждающій, что во всей Европѣ кромѣ Россіи отъявленные консерваторы и монархисты не смѣютъ и заикаться о самодержавіи подъ страхомъ сдѣлаться посмѣшищемъ, что насъ опережаетъ въ отношеніи политической свободы даже Черногорія. Какъ наши соціалисты въ протоколѣ съѣзда наивно вѣруютъ въ приближеніе всесвѣтнаго или всеевропейскаго возстанія пролетаріата, такъ Бардовскій вѣруетъ въ большую россійскую революцію и озабоченъ распространеніемъ такого духа въ войскахъ, чтобы не теперь, а въ будущемъ, когда настанетъ тому подходящій часъ, войско, при столкновеніи правительства съ народомъ, перестало повиноваться правительству, вслѣдствіе чего отжившее самодержавіе рухнетъ навсегда. Съ этою мыслью сочинитель обращается только къ офицерамъ и особенно къ младшимъ офицерамъ, называя себя ихъ товарищами. Онъ очевидно думаетъ, что и прокламація должна бы быть признана какъ прокламація отъ офицера къ офицерамъ. Этимъ офицерамъ онъ предлагаетъ: 1) воздержаться еще отъ соціально-революціонной пропаганды между солдатами и стараться только о томъ, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе гуманнымъ съ ними обращеніемъ и 2) образовывать офицерскіе революціонные кружки, занимающіеся пока самообразованіемъ и поддерживающіе свое существованіе мелкими ежемѣсячными складчинами, точь въ точь какъ тѣ офицерскіе кружки, которые открыты были полковнику Судейкину и правительству Дегаевымъ (Рогачевъ, Похитоновъ и др.). Эти кружки должны централизоваться и въ будущемъ, когда потребуется, войти въ сношенія съ представителями „Народной Воли“. Прокламація завершается словами: „Прежняя здѣшняя соціально-революціонная партія „*Proletaryat*“, состоящая въ полной солидарности съ партіею „Народной Воли“, обязательно пре-

доставила въ наше распоряженіе свою типографію". Я обращаю вниманіе суда на страшный сумбуръ въ этой работѣ, на вопіющія нескладности и противорѣчія. Партіи „Пролетаріатъ" и въ мысляхъ не было содѣйствовать введенію конституціоннаго правленія, т. е. либеральныхъ учрежденій, то есть господства того капитализма, который она считала своимъ главнымъ врагомъ; такому конституціонализму не могъ „Пролетаріатъ" предоставить свою типографію.

Громкія слова: Сухановъ, Дубровинъ и революція, а въ сущности выходитъ то самое, чего вы бы сами вѣроятно желали, чтобы проповѣдывалось на всѣхъ перекресткахъ: умственное образованіе, съ солидарностью людей и отсутствіемъ взяточничества, хищенія, своекорыстія. Офицерскіе кружки не революціонныя, но пока самообразовательны. Молнія и громы, все разрѣшается нѣсколькими каплями розовой воды. Я съ трудомъ допускаю въ этой бумагѣ воззваніе къ бунту.

Воззваніе къ бунту предусмотрѣно въ статьѣ 251 улож. въ двухъ видахъ: составленіе и распространеніе воззваній къ бунту или неповиновеніе верховной власти и в) составленіе воззваній безъ распространенія ихъ. Я беру только послѣдній случай, такъ какъ воззваніе не распространялось, не перебѣлено, не передано въ чужія руки, не пущено въ курсъ. Наказаніе такое же, какъ за оскорбленіе Величества, т. е. крѣпость отъ 1 г. 4 м. до 2 л. 8 м. съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ по 50 ст. и по 2 пункту 34 ст. улож.

Но это не простыя воззванія къ бунту, а квалифицированныя, они предназначаются для военныхъ, а по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта 1 декабря 1879 г. (слѣдовательно недавнему), когда таковыя воззванія составлены для распространенія ихъ среди военнослужащихъ, то наказаніе, за нихъ положенное, возвышается на 2 степени. Будемъ же повышать. На одну степень повысить легко, выйдетъ 1 ст. 34, т. е. заключеніе въ крѣпости отъ 2 л. 8 м. до 4 л. За это *maximum* перехода въ иной родъ наказанія нѣтъ по 2 ч. 150 ст., но судъ въ виду того, что еще на одну степень надобно бы повысить наказаніе, могъ прибавить одинъ годъ, тогда выйдетъ наказаніе Бардовскому отъ 3 л. 8 м. до 5 лѣтъ. Возьмемъ наказаніе максимальное—5 лѣтъ, за одно воззваніе отдѣльно взятое, если на душѣ Бардовскаго нѣтъ болѣе тяжкихъ преступленій. Судъ не можетъ по закону положить большаго противъ сего наказанія. Если бы вамъ показалось мало, то я скажу: 5 лѣтъ крѣпости—не мало за одно литературное упражненіе, не явившееся на Божій свѣтъ; иное дѣло, если бы оно не было одно, если бы оно было однимъ изъ составныхъ элементовъ уже затѣяннаго бунта. Если бы Бардовскій являлся вождемъ, предварительнымъ внушителемъ цѣлаго бунтовщическаго движенія,

если бы можно было доказать, что по 249 ст. онъ затѣялъ и приводитъ въ исполненіе вмѣстѣ съ другими сообщниками государственный переворотъ насильственными мѣрами и не медля, не откладывая его до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Какія же у насъ доказательства для такого предположенія?

Мнѣ кажется, что намъ предстоитъ разрѣшить два вопроса: самъ ли Бардовскій задумалъ то революціонное дѣйствіе, требующее соглашенія весьма многихъ военныхъ, къ которымъ онъ взывалъ и которое онъ имѣлъ намѣреніе осуществить только чрезъ нихъ, бывъ ихъ подстрекателемъ, такъ какъ самъ онъ не былъ ни военнымъ, ни офицеромъ и осуществить того не могъ. Или онъ былъ только орудіемъ въ чужихъ рукахъ, перомъ, которое писало подъ чужой диктантъ и можетъ быть разсматриваемо только какъ сообщникъ въ чужомъ, иными основанномъ заговорѣ, послѣ чего вопросъ еще раздваивается: а) принялъ ли онъ участіе въ этомъ частномъ единичномъ дѣйствіи или б) участвовалъ онъ еще и въ иныхъ дѣйствіяхъ, клонящихся къ ниспроверженію правительства? Если бы можно было отвѣтить утвердительно на первый вопросъ, то, принявъ въ основаніе всѣ факты противъ Бардовскаго, обнаруженные не только въ судебномъ слѣдствіи, но даже и не подтвердившіеся, отвергнутые по обвинительному акту, я былъ бы совершенно спокоенъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ умыселъ произвести революцію по 249 ст., но по ст. 249 требуется не только умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или части его, но и составленіе заговора, а на составленіе заговора не хватитъ можетъ быть воли, а можетъ быть и умѣнья быть заговорщикомъ, на то надобно быть не безпечною, не довѣрчивою, но скрытною, змѣиною натурою, чего въ Бардовскомъ никѣмъ никогда не предполагалось. Мало того, этотъ заговоръ долженъ, по 250 ст., чтобы подойти подъ 249 ст., обнаруживать умыселъ дѣйствовать насильственно въ ближайшемъ будущемъ, а не въ отдаленномъ, а все воззваніе клонилось къ тому, что: вы солдатъ на правительство не подымайте, сами образуйте кружки и ждите, когда подойдетъ время. Къ несчастію, нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы возвести Бардовскаго не только въ командующаго, но даже въ иниціатора революціи.

П. В. Бардовскій имѣлъ связи и сношенія весьма ограниченныя, въ послѣдніе только мѣсяцы своей жизни онъ свелъ знакомство съ офицерами, знакомство случайное; допустимъ даже, что умышленное. Не на такихъ однако офицеровъ онъ напалъ, за ними были идейные грѣшки, но ни одинъ изъ нихъ кажется не думалъ измѣнять своему знамени и своей присягѣ. Даже если бы до крайнихъ предѣловъ раздуть тотъ его разговоръ съ Игельстремомъ, затѣянный по поводу существующаго офицерскаго кружка, по вопросу, возможны ли они или невозможны,

да почему же и невозможны: „вы да я, вотъ и кружокъ“, то и тутъ вышло бы, что Бардовскій затѣвалъ разговоръ, но не найдя сочувствія, даже не обнаружилъ своего революціоннаго умысла и съ нимъ такъ и остался. Съ членами партіи „Пролетаріатъ“, какъ таковыми, онъ затѣвать революціи въ войскахъ не могъ, такъ какъ они вели агитацію только между рабочими и по принципу офицеровъ избѣгали, а по §§ 11, 12 и 16 „Конфиденціальнаго соглашенія“ они не въ правѣ были что-нибудь подобное затѣвать; они бы тѣмъ очевидно нарушали власть исполнительнаго комитета на исключительное завѣдываніе военными силами организаціи въ раіонѣ центральнаго комитета, то есть въ раіонѣ Царства Польскаго. Я не говорю уже о томъ, что конституціонныя идеи никоимъ образомъ не могли бы быть одобрены „Пролетаріатомъ“, такъ какъ членамъ „Пролетаріата“ по ихъ уставу разрѣшалось только временно входить въ интеллигентное общество, среди коего гнѣздятся конституціонныя идеи, чтобы затѣмъ вносить въ это общество дезорганизацію. Но между членами „Пролетаріата“ былъ только одинъ выдающійся человѣкъ, а именно Куницкій, который выдѣлялся не какъ членъ „Пролетаріата“, а какъ дегаевецъ и агентъ исполнительнаго комитета „Народной Воли“. Я знаю, что Куницкій одинъ изъ недостовѣрныхъ разсказчиковъ и что на вашихъ глазахъ онъ и Бардовскій могли подстроить разсказъ въ засѣданіи 25 ноября, по содержанію котораго Куницкій, переговоривъ въ Варшавѣ съ неизвѣстнымъ штатскимъ, ведущимъ знакомство съ военными, поручилъ будто бы Бардовскому составленіе воззванія, которое потомъ имѣло быть отпечатано отъ имени этихъ военныхъ и распространяемо. Но этотъ разсказъ не находитъ подтвержденія: а) въ пассивной роли Бардовскаго во всѣхъ этихъ дѣлахъ, котораго тащатъ на буксирѣ, который влѣзъ въ это дѣло посредствомъ женщинъ и который никакой личной иниціативы не проявилъ, б) въ разсказѣ Поль и въ собственноручномъ показаніи Бардовскаго отъ 10 іюля, что рукопись есть переводъ или передѣлка съ польскаго, и в) въ показаніяхъ Поль съ октября мѣсяца 1884 г., что воззваніе составлено Бардовскимъ по предложенію Куницкаго. Поль сочинила или ей сочинили показаніе, если вы таковое отвергнете, тогда остается еще третье доказательство, а именно эти офицерскіе самообразовательные кружки, эти ежемѣсячные взносы, точная копія съ кружковъ, которые затѣвалъ Дегаевъ а потомъ ихъ выдалъ. О существованіи кружковъ не отъ Сокольскаго должно быть узналъ Куницкій, а изъ гораздо болѣе богатаго и болѣе достовѣрнаго источника, а именно отъ Дегаева. Итакъ, этому показанію вы должны будете повѣрить и должны будете допустить, что Куницкій доставилъ Бардовскому, давая ему порученіе, польскій чернякъ, который не годился для воззванія въ русско-офицерскомъ духѣ и изъ котораго

взято только можетъ быть оглавленіе содержанія; что Бардовскій сочинилъ воззваніе по своему, причемъ на бумагѣ проявилось то же сумбурное смѣшеніе конституціи съ революціей, какое было у него въ головѣ; что въ этомъ видѣ представленное смѣшеніе меду съ дегтемъ, нефти съ виномъ. Воззваніе не годилось и какъ слабая либеральная конституція и какъ слишкомъ мягкое воззваніе, и эта затѣя была оставлена безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. При такихъ условіяхъ Бардовскій являлся бы пособникомъ, котораго содѣйствіе требовалось для составленія особаго вида политическаго заговора между военными; если бы о такомъ заговорѣ, составленномъ спеціально между военными и Куницкимъ, былъ бы поставленъ вопросъ, но я крайне сомнѣваюсь можно ли было бы поставить подобный вопросъ. Умыселъ могъ быть, заговора не было, мертворожденная идея не получила осуществленія. Такимъ образомъ, какъ ни верти это воззваніе, оно органической связи съ „Пролетаріатомъ“ не имѣетъ, оно стоитъ внѣ „Пролетаріата“ и можетъ быть судимо только какъ особое политическое преступленіе Бардовскаго. Можетъ ли оно быть судимо какъ политическое преступленіе, входящее въ раіонъ дѣятельности „Народной Воли“? Нѣтъ, не можетъ; съ „Народной Волей“ Бардовскій не сносился непосредственно, а только чрезъ Куницкаго; Куницкій признаетъ, что онъ агентъ „Народной Воли“, но какой—мѣстной россійской или заграничной? Полномочія его мы не видѣли, онъ можетъ быть самозванецъ, какъ самозванствовалъ онъ передъ Пацановскимъ, изображая собой весь центральный комитетъ. Такимъ образомъ счеты съ Бардовскимъ по скверному, въ высшей степени злокачественному воззванію его къ военнымъ сведены и мы можемъ, отмѣтивъ эту самостоятельную вину, перейти къ другому преступленію. Далѣе Бардовскій обвиняется въ активной принадлежности къ революціонной партіи „Пролетаріатъ“, въ которой онъ могъ быть однимъ изъ главныхъ или однимъ изъ второстепенныхъ дѣятелей, а можетъ быть только пособникомъ или просто укрывателемъ.

Прослѣдимъ отношенія Бардовскаго не къ партіи, а къ партіонерамъ, членамъ общества „Пролетаріатъ“. Все несчастіе его происходитъ отъ женщинъ и чрезъ женщинъ. До мая 1883 г. Бардовскій совершенно чистъ, съ мая 1883 г. по іюнь 1884, въ эти 14 мѣсяцевъ онъ запутался. Запутался онъ потому, что у него была сожительница г-жа Наталія Поль, а у мирвого судьи Добровольскаго была также нелегальная знакомая Шулепникова, которая по его показанію (21 ноября) жила нѣкоторое время у него подъ именемъ Вѣры Антоновны. Эту женщину онъ горячо отрекомендовалъ г-жѣ Поль, а сія послѣдняя, сердобольная и мягкая, сразу же и согласилась помочь Вѣрѣ Антоновнѣ Полонской (она же Кочетова, она же Шулепникова), русской барынѣ, землячкѣ. Она согласилась

поселить ее у себя, благо будетъ жить въ деревнѣ, а въ это время надо же имѣть кого-нибудь, кто бы присматривалъ за квартирой, лишь бы въ квартирѣ не происходило ничего нелегальнаго. Обѣщаніе было нарушено, нелегальнаго было много, цѣлая секретная типографія, которую на этотъ разъ однако выпроводили. Это и была ломка льда на рѣкѣ, переходъ чрезъ Рубиконъ, въѣздъ въ завѣдомо нелегальное. Кочетова или Шулепникова была весьма высоко поставленное въ революціонной организаціи лицо, чрезъ „Народную Волю“ она была знакома съ Куницкимъ, который былъ народоволецъ, и съ Дембскимъ, о которомъ я не знаю, былъ ли онъ народоволецъ; она ихъ и ввела къ Бардовскому. Бардовскій, по словамъ Добровольскаго, былъ настоящій буршъ, душа на распашку. Куницкій и Дембскій нашли у него гостепріимное хлѣбосольство и такое радушіе, что они, не предупредивъ его, превратили его квартиру въ архивъ партіи, т. е. въ настоящую конспиративную квартиру. Весьма возможно, хотя я этого не утверждаю, что безъ вѣдома Бардовскаго и въ его отсутствіе происходили въ его квартирѣ какія-нибудь сходки и собранія центральнаго комитета (благо Куницкій былъ если не весь комитетъ, то большая его часть). О нелегальности этихъ господъ Бардовскій и Поль конечно знали. Поль въ домѣ Бардовскаго была полная хозяйка, она была и библіотекаршей тѣхъ запретныхъ сочиненій, которыя валялись или на этажеркѣ, не подъ ключомъ, или въ столовой въ буфетѣ, куда могли ходить всѣ слуги, куда ходила и Русецкая. Какъ объяснить это хлѣбосольство, это житье душа въ душу съ нелегальными лицами? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо быть нѣсколько знакомымъ съ людьми одного и того же поколѣнія и склада ума съ Бардовскимъ, съ людьми чисто русскими московскаго и въ особенности петербургскаго происхожденія и воспитанія, которые помнятъ оба царствованія, настоящее и прошлое, и воспоминаніями ранняго дѣтства (Бардовскому 40 л.) заходятъ еще и въ царствованіе Николая Павловича.

Бардовскій по своимъ убѣжденіямъ есть либералъ, то есть человѣкъ, большую цѣну придающій свободнымъ учрежденіямъ, самоуправленію, мечтающій о народномъ представительствѣ, конституціонализмѣ, на то вы имѣете полнѣйшее доказательство въ его воззваніи, въ послѣдовательномъ ряду тѣхъ упрековъ, которые онъ какъ стрѣлы вонзаетъ въ правительство. Либерализмъ русскій имѣлъ свои красные дни; всѣ тѣ реформы, крестьянская, судебная, земская, которыя ознаменовали первую половину прежняго царствованія. Недостатки этого либерализма заключались въ томъ, что всѣ въ то время, когда являлись дѣйствовать и получали преобладающее значеніе, были воспитаны на запрещенныхъ книжкахъ, и сами считали свои идеи страшно запретными; а потомъ, когда свобода дѣйствія

открылась, то образъ ихъ дѣйствія былъ сумбуренъ, сбивался поминутно на систематическое противодѣйствіе и сопротивленіе власти, сливался поминутно съ радикализмомъ, заѣзжалъ даже въ соціализмъ. Этому безшабашному либерализму у его не очень послѣдовательныхъ сторонниковъ вполнѣ чуждо было то понятіе, безъ котораго нѣтъ никакой возможной свободы, а именно понятіе *законности*. Либерализмъ не требуетъ, чтобы имъ проникнутый человѣкъ, какъ узнаетъ о чьей-либо неблагонадежности, сейчасъ же доносилъ. Либерализмъ не требуетъ даже и того, чтобы человѣкъ и простого знакомства не имѣлъ съ людьми, которые иного, болѣе передоваго направленія или даже ушли въ революцію. Но либерализмъ требуетъ, чтобы человѣкъ былъ открыто либераленъ, былъ ясенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, стоялъ на легальномъ пути, не вдавался бы въ темныя революціонныя предпріятія, въ подземныя работы ни изъ желанія помогать революціонной партіи, ни изъ желанія сдѣлать ей удовольствіе. Нетерпѣніе и незрѣлость— таковы главные недостатки всякаго юнаго, зеленаго либерализма такого напримѣръ, какъ русскій. Необузданная прыткость превращается практически въ навыкъ; идти напрямикъ къ цѣли, хотя бы насиліемъ, скорѣе, нежели подвигаться черепашьимъ шагомъ по пути прогресса. Недостаетъ терпѣнія поджидать, пока подростающія поколѣнія воспитаются въ чувствѣ законности, которымъ далеко еще не проникнулись теперешніе образованные классы; недостаетъ терпѣнія ограничиваться однѣми заботами объ улучшеніи быта массъ, когда о призывѣ къ общественной жизни этихъ массъ нельзя еще и мечтать. Эти простыя истины недоступны были ни Поль, ни Бардовскому, ей еще въ большей степени, но ему тѣмъ менѣе простительно это непониманіе, потому что и онъ очутился въ омутѣ по уступчивости ей, по покладистости, по отсутствію энергіи въ характерѣ. Настоящая историческая минута не особенно благопріятна для либерализма. Вслѣдствіе кроваваго дѣла 1 марта 1881 г. теченіе пошло въ противоположномъ либеральному направленіи, а у насъ, какъ пойдетъ одна полоса, то тянется она долго, долго, однообразно и неизмѣнно. Какъ либералъ Бардовскій былъ раздраженъ, озлобленъ противъ всего, что дѣлалось, противъ всего хода внутренней политики. Свое судейское дѣло онъ исполнялъ честно и усердно, но въ политикѣ онъ фрондировалъ, и по сходству убѣжденій долженъ былъ ощущать удовольствіе въ обмѣнѣ мыслей съ фрондерами, съ недовольными, какъ онъ самъ политикъ, съ политиками. Въ средѣ чиновнаго люда такихъ, какъ онъ, мало, гораздо болѣе ихъ между юношами; онъ и самъ горячій юноша въ 40 лѣтъ. А такъ какъ для него были неуловимы граничныя черты между либерализмомъ и радикализмомъ, между радикализмомъ и революціею, между революціею и терроромъ, то онъ сошелся съ самыми край-

ними изъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ теперь сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Какъ политикъ, онъ гораздо скорѣе сошелся съ тѣми, которые были чистыми политическими агитаторами, какъ Куницкій, Дембскій, нежели съ соціалистами, какъ Плоскій. Вообще онъ менѣе всего былъ соціалистъ и едва ли понималъ сущность, условія и организацію „Пролетаріата“. Съ идейною стороною „Пролетаріата“ онъ не могъ бы никогда сблизиться, но онъ не могъ ни въ чемъ отказать такимъ авторитетамъ, какъ Куницкій и Дембскій. Онъ вполнѣ искренно говорилъ, что не былъ членомъ партіи. Разберите по кусочкамъ обвиненіе и скажите, когда онъ дѣйствовалъ какъ членъ партіи? Единственное показаніе, которое приводится въ смыслѣ доказательства принадлежности Бардовскаго къ организаціи и даже къ центральному комитету, есть показаніе Загурскаго. Послѣднее, если не ошибаюсь, отобрано отъ Загурскаго 16 ноября 1884 г., оно писано рукою слѣдователя Бѣлановскаго. Относительно этого показанія есть основаніе полагать, что оно дано сумасшедшимъ человѣкомъ. По словамъ поручика Фурсы, Загурскій на польское Рождество порѣзался, выбивая въ припадкѣ бѣшенства окно (12 декабря). По тому же показанію онъ сошелъ съ ума, когда слѣдствіе еще не было окончено. Но независимо отъ сего оно положительно ложное, т. е. противное извѣстнымъ обстоятельствамъ дѣла. По этимъ показаніямъ Загурскій утверждаетъ, что первое, въ которомъ онъ участвовалъ собраніе центральнаго комитета, происходило въ январѣ 1884 года въ Варшавѣ во время проѣзда Куницкаго для основанія „*Watki Klas*“ за границу. Въ этомъ засѣданіи участвовали Куницкій, Дембскій и Загурскій, а Поль переписывала полномочіе Куницкому отъ центральнаго комитета, къ которому приложена была Дембскимъ печать, Бардовскій былъ дома. Это обстоятельство опровергается небытностью Поль въ январѣ въ Варшавѣ и пріѣздомъ ея позднѣе, по показанію Русецкой. Другое собраніе у Бардовскаго въ мартѣ приведено Загурскимъ безъ всякихъ точнѣе опредѣляющихъ его обстоятельствъ. Если о мартовскомъ гораздо болѣе обстоятельномъ Загурскій говорилъ ложь, то тѣмъ менѣе можно вѣрить его показанію о 2-мъ собраніи.

Бардовскій несомнѣнно стоялъ близко къ центру движенія, но ничто не доказываетъ, чтобы онъ зналъ, что онъ стоитъ въ этомъ центрѣ. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ былъ кассиромъ партіи. Прекрасный кассиръ, у котораго при заарестованіи оказалось всего 40 рублей. Бардовскій дѣйствительно помогъ Куницкому взять въ займы у Люри 140 р., опять-таки дружеская услуга, — не болѣе. Бардовскій помогъ Дембскому какъ нелегальному переслать 452 р., которые онъ потомъ подъ именемъ Круживоблоцкаго у Ержемскаго получилъ. Ничто не доказываетъ, чтобы эти деньги происходили изъ кассы „Пролетаріата“ или „Народной Воли“ или по крайней

мѣрѣ, чтобы Бардовскій зналъ, что они идутъ изъ этого источника, но если бы онъ и зналъ, то понятно, что это была бы только дружеская услуга. Личною услугою слѣдуетъ объяснить и весьма компрометирующія его вещи, какъ архивъ конспираціи, его уставъ и печати. Нелегальные люди давали ему на храненіе нелегальныя предметы и произведенія печати. Укрывательство вещей, служившихъ партіи,—вотъ капиталаный фактъ, который обременяетъ Бардовскаго и который никакъ нельзя отвести, онъ становится рядомъ съ воззваніемъ къ офицерамъ, и возникаетъ вопросъ, рѣшаемый по началу поглощенія наказанія болѣе легкаго болѣе тяжкимъ. Спрашивается, какому онъ подлежитъ наказанію?

По смыслу 14 ст. улож. Бардовскаго нельзя назвать укрывателемъ, потому что укрыватель тотъ, кто, не имѣвъ никакого участія съ самомъ содѣяніи преступленія, только по совершеніи онаго участвовалъ въ сокрытіи слѣдовъ его или самихъ преступниковъ. Онъ пособникъ по 13 ст., хотя не принимавшій прямого участія въ совершеніи преступленія, но помогавшій умыслившимъ, доставленіемъ средствъ для совершенія преступленія или устраненіемъ препятствій, или завѣдомо предъ совершеніемъ преступленія дававшій убѣжище умыслившимъ оное или обѣщавшій способствовать сокрытію преступниковъ или преступленія послѣ содѣянія.

Пособничество Бардовскаго не было необходимое. И до него и послѣ него тайное сообщество имѣло свои склады и квартиру; услуги, имъ оказываемыя имѣли второстепенное значеніе, слѣдовательно по 121 ст. улож. Бардовскій подлежитъ наказанію степенью ниже, нежели члены партіи. Даже если бы простая принадлежность къ партіи подвергала ихъ наказанію по 249 ст. улож., то и въ такомъ случаѣ Бардовскій долженъ бы быть приговоренъ только къ каторжнымъ работамъ. Въ лѣстницѣ наказаній ниже смертной казни стоятъ каторжныя работы и, какъ то практикуется въ нормальномъ порядкѣ пониженія наказанія по уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, оно можетъ быть понижено со смертной казни на каторжныя работы, какъ это и было сдѣлано по дѣлу о 20 лицахъ (Баранниковъ, Меркуловъ, Тетерка, Емельяновъ, Тригони и др.). Въ этой группѣ изъ 20 человѣкъ 10 человѣкъ за цареубійство были приговорены къ смертной казни и 10 человѣкъ за то же преступленіе къ каторжнымъ работамъ. Но настоящее сообщество, какъ я старался доказать въ рѣчи моей въ защиту Рехневскаго, не можетъ быть подводимо подъ 249 ст. улож., а развѣ подъ 250 или 318 ст. улож., причемъ существенное значеніе имѣетъ то, зналъ ли или не зналъ Бардовскій о политически-террористическихъ замыслахъ своихъ знакомыхъ. Я ограничиваюсь этими указаніями и поручаю Бардовскаго вашему снисхожденію. Отягчающимъ его вину обстоятельствомъ ставилось его служебное положеніе, но онъ былъ только судья, никакихъ слу-

жебныхъ тайнъ и секретовъ онъ не выдавалъ революціонерамъ, судилъ онъ безупречно, жизнь его служебная и жизнь внѣслужебная— двѣ отдѣльныя сферы.

Приговоромъ варшавскаго военно-окружнаго суда, 8 декабря 1885 г., опредѣлено: дворянина Станислава *Куницкаго*, 24 л., дворянина Петра *Бардовскаго*, 38 л., инженеръ-капитана Николая Люри, 27 л., мѣщанъ: Ивана Петрусинскаго, 21 л., Михаила Оссовскаго, 22 л., Іосифа Шмауса, 30 л.,— лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть, смертной казни; дворянъ: Людвига Варынскаго, 29 л., Эдмунда Плоскаго, 24 л., Генриха Дулембу, 37 л., Людвига Яновича, 26 л., Ѳаддея Рехневскаго, 22 л., мѣщанъ: Антона Поплавскаго, 24 л., Петра Домбровскаго, 24 л., и австрійскаго подданнаго Мечислава Маньковскаго, 23 л., крестьянин а Казиміра Томашевскаго, 26 л., Ѳеофила Бліоха, 43 л., дворянина Адама Сѣрошевскаго, 22 л., мѣщанъ: Гилярія Госткевича, 23 л., Адама Словика, 27 л., крестьянина Іосифа Кмѣцика, 34 л., мѣщанина Ивана Гельшера, 23 л., крестьянина Льва Дегурскаго, 54 л., мѣщанина Адольфа Форминскаго, 40 л., дворянина Станислава Гладыша, 23 л., мѣщанина Станислава Пацановскаго, 22 л., — лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 16 лѣтъ; мѣщанина Феликсе Кона, 21 л., и крестьянина Станислава Бугайскаго, 22 л.,—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: перваго - на 10 л. и 8 мѣс. а послѣдняго на 8 лѣтъ; подпоручика Андрея Игельстрома, 24 л., и Захарія Сокольскаго 25 л.,— лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

При утвержденіи приговора варшавскаго военно-окружнаго суда, нижепоименованнымъ подсудимымъ признано возможнымъ смягчить опредѣленныя имъ судомъ наказанія, подвергнувъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы: Томашевскаго—на 15 лѣтъ; *Рехневскаго* и Сѣрошевскаго — на 14 л., Поплавскаго, Плоскаго, Дулембу, Гельшера и Госткевича — на 13 л., Форминскаго и Кмѣцика — на 12 л., Словика, Дегурскаго и Гладыша—на 10 л., Кона на 8 л. и Бугайскаго— на 6 л. и 8 м. Подсудимому Пацановскому замѣнить каторжныя работы ссылкою на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, и подсудимыхъ: Сокольскаго и Игельстрома — по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Сибирь по 1-й степ. 31 ст. улож.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: капитану Николаю *Люри* и крестьянину Іосифу *Шмаусу*—даровать жизнь, замѣнивъ опредѣленную имъ смертную казнь лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

Приговоръ военнаго суда былъ приведенъ въ исполненіе 16 января 1886 г.

1887.

VI.

Дѣло о дворянинѣ Генрихѣ Барановичѣ, технологѣ Людвигѣ Докторовичѣ-Гребницкомъ и др., обвиняемыхъ въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія.

8 мая 1883 г. въ г. Псковѣ было обнаружено убійство вдовы купца Ѳеклы Боговской въ собственной ея квартирѣ. Трупъ покойной былъ найденъ лежавшимъ въ спальнѣ на полу. Носъ и ротъ были крѣпко перетянуты полотенцемъ, оказавшимся пропитаннымъ кровью; волосы на головѣ сильно были окровавлены, а на черепѣ обнаружены двѣ раны; на полу близъ трупа было значительное количество крови, которою оказались также пропитанными рубашка и юбка покойной. Смерть Боговской, по мнѣнію врача, послѣдовала отъ безусловно смертельныхъ поврежденій головы твердымъ или тупымъ тѣломъ.

Подозрѣніе въ совершеніи убійства первоначально пало на племянниковъ покойной Ивана и Настасью Егоровыхъ и мѣщанъ Василія и Авдотью Козловыхъ, проживающихъ въ домѣ покойной, на томъ основаніи, что въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ ими, были найдены нѣкоторыя вещи, принадлежащія Боговской, не оказавшіяся въ домѣ послѣ убійства, но при разслѣдованіи этихъ данныхъ оказалось, что Иванъ Егоровъ, обнаруживъ утромъ 8 мая убійство своей тетки, до заявленія о томъ полиціи, спряталъ нѣкоторыя вещи, найденныя имъ въ домѣ, но денегъ, цѣнныхъ бумагъ и драгоцѣнныхъ вещей, очевидно похищенныхъ убійцею изъ желѣзнаго ящика—кассы покойной, у поименованныхъ выше лицъ найдено не было.

Дальнѣйшія затѣмъ по поводу этого дѣла дознаніе и слѣдствіе привели обвинительную власть къ заключенію, что виновниками означеннаго убійства были: дворянинъ Генрихъ Викентьевъ Барановичъ, 25 л., технологъ Людвигъ Эдуардовъ Докторовичъ Гребницкій, 27 л., инженеръ-технологъ Симфоріанъ Ксаверій Францевъ Древновскій, 25 л., инженеръ-технологъ Конрадъ Павловъ Павловскій, 25 л., инженеръ-технологъ Адольфъ Янъ Адольфовъ Ющинскій, 28 л., технологъ Петръ Антоновъ Лебедзинскій, 24 л., и отставной прапорщикъ Эдуардъ Михайловъ Ясинскій, 26 л.

А потому выше поименованныя лица были преданы суду.

Разборъ дѣла происходилъ съ 16 по 23 апрѣля 1887 г. при закрытыхъ дверяхъ въ псковскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Рѣчь въ защиту Л. Э. ГРЕБНИЦКАГО.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Я не знаю, работы, задачи, занятія, которые были бы важнѣе, святѣе, достойнѣе человѣка, какъ то, что на васъ теперь возложено; открыть насколько это возможно человѣку самую правду, разорвать препоны, которыя созданы сознательно ложью и безсознательно заблужденіемъ и ошибочными выводами людей, найти истину или по крайней мѣрѣ приблизиться возможно ближе къ истинѣ въ этомъ темномъ и трудномъ событіи, происшедшемъ 4 года тому назадъ, котораго преступныя свойства обнаружены тотчасъ же по его совершеніи и которое потребовало однако 4 лѣтъ для одной подготовки дѣла на судъ, для того, чтобы только собрать всѣ тѣ данныя, которыя можно было собрать для его уясненія, посредствомъ всего механизма слѣдственныхъ властей и учрежденій гражданскихъ и военныхъ, жандармскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія.

Человѣкъ такъ устроенъ, что чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ больше напряженіе, тѣмъ больше приливъ силы. Силы удесятеряются и не по одному только чувству тяжести долга, давленію отвѣтственности за послѣдствія передъ Богомъ, людьми и государствомъ, но просто по внутреннему влеченію къ правдѣ, по доходящей до страсти жаждѣ истины, которая не даетъ человѣку почить и успокоиться, пока онъ не обрящетъ успокаивающую совѣсть его во всѣхъ отношеніяхъ рѣшенія. Я глубоко убѣжденъ, что эта правдивость, что эта страсть къ истинѣ присуща большинству людей, что безъ ея распространенности и всеобщности общество существовать бы не могло. Я глубоко убѣжденъ не только, что эта страсть владѣетъ вами, но что она съ малыми изъятіями присуща всѣмъ, которыхъ вы выслушали, свидѣтелямъ, свѣдущимъ людямъ, что всѣ они искренно и правдиво воспроизводили свои личныя впечатлѣнія и старались помочь вамъ отыскать правду, хотя они и были ограничены въ своихъ показаніяхъ, они передавали либо то, что знали, либо (эксперты) то, что выработала въ отношеніи къ данному случаю наука, не дѣлая общихъ выводовъ, разрѣшая по своимъ воспоминаніямъ одни личные, фактическіе, ихъ наблюденію подлежащіе вопросы и не позволяя себѣ выводовъ болѣе широкихъ о виновности или невиновности подсудимыхъ. Я убѣжденъ, что эта же страсть къ истинѣ одушевляетъ и всѣхъ участвующихъ въ заключительныхъ преніяхъ, въ состязаніи по дѣлу и даже заинтересованныя въ исходѣ дѣла стороны. Здѣсь въ этомъ пунктѣ я наталкиваюсь на одно изъ самыхъ сильныхъ предубѣжденій: заинтересованный въ дѣлѣ развѣ можетъ помогать и служить истинѣ? Онъ измышляетъ все то, что можетъ служить для

достиженія его цѣли, для оправданія подсудимаго. Какъ ни силенъ этотъ взглядъ, я берусь его передъ вами опровергнуть.

Между вами и всѣми тѣми, которыхъ вы видали при судебномъ слѣдствіи и которыхъ слушаете теперь при судебныхъ преніяхъ, есть громадная разница. Вы рѣшители судебъ, вы настоящіе художники, мы же всѣ включительно съ свидѣтелями и экспертами только инструменты Передъ вами лежатъ эти иструменты, вы будете ими пользоваться: молотки, рѣзцы, напильники, кисти, щетки. Для васъ не обязательно, что скажутъ свидѣтель и экспертъ, вы чутьемъ должны выбрать изъ ихъ словъ то, что поможетъ вамъ уяснить истину. Каждый изъ свидѣтелей и экспертовъ скажетъ вамъ немногое и только частное, что онъ самъ наблюдалъ или чему научила его наука, безъ выводовъ; выводы должны вы сдѣлать сами, выводы общіе, дальше того идущіе дано дѣлать только намъ сторонамъ, участвующимъ въ судебныхъ преніяхъ.

Но мы заинтересованныя лица, мы на то и поставлены, чтобы искажать истину, затемнять ее, вводить васъ въ заблужденіе искушать васъ—вотъ господствующее мнѣніе. Оно въ высшей степени ошибочно, что и постараюсь объяснить.

Если бы послѣ судебнаго слѣдствія пришла кому-нибудь изъ насъ, обвинителю, защитнику или гражданскому истцу, несчастная мысль къ обнаруженному слѣдствіемъ прибавлять, присочинять, выдумывать, настоящее, дѣйствительное искажать и переиначивать, то онъ бы достигнулъ прямо противоположнаго результата тому, что у него намѣчено какъ цѣль, онъ бы сразу подорвалъ всякое къ себѣ довѣріе и содѣйствовалъ бы оправданію, желая обвинить или наоборотъ. Для насъ въ нашей работѣ, въ нашемъ искусствѣ истина первый законъ, съ малою условностью, съ малымъ ограниченіемъ слѣдующаго рода. Отъ присяжныхъ засѣдателей въ присягѣ ихъ требуется: сказать правду, одну только правду, всю правду. Изъ этихъ трехъ правилъ для насъ обязательны безусловно двѣ первыя, но не послѣдняя. Мы можемъ и должны говорить по убѣжденію правду и только правду, но не всю правду, а изъ нея то, что соотвѣтствуетъ нашему интересу, обвинитель—что соотвѣтствуетъ обвиненію, и увѣренъ, что защитникъ скажетъ все, что оправдываетъ обвиняемаго, и наоборотъ. Есть еще одно правило нашей техники: говорить одно дѣльное, не говорить ничего празднаго и лишняго. Если бы вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, то есть оправдывать елико возможно своего подсудимаго, защитникъ пошелъ бы топить другихъ, думая на ихъ плечахъ вынести своего кліента и его спасти, то я увѣренъ, что ничего кромѣ чувства омерзѣнія къ себѣ и своему кліенту онъ бы не возбудилъ; всякому вспомнятся слова: не судите да не судимы будете, никто изъ сообвиняемыхъ не въ правѣ камнями кидать

въ другихъ, потому что самъ-то онъ прежде всего можетъ быть камнями побитъ.

Отъ этихъ общихъ соображеній и правилъ нашей техники я перехожу прямо къ данному случаю, къ тому спеціальному положенію, въ которомъ я обрѣтаюсь. Вы видите передъ собою и слышите защитника двухъ подсудимыхъ, а именно Людвига Докторовича-Гребницкаго и Петра Лебедзинскаго. Изъ нихъ Лебедзинскій даже и не нуждается въ защитѣ, онъ неизвѣстно почему и привлеченъ. Гребницкій по заголовку обвинительнаго акта стоитъ вторымъ въ числѣ обвиняемыхъ, послѣ Барановича, а по заключенію прокурора стоитъ третьимъ, потому что на первый планъ выдвинутъ Ющинскій, затѣмъ Барановичъ и затѣмъ уже остальные съ Гребницкимъ во главѣ. Я одинъ изъ инструментовъ, которымъ вы располагаете, я одинъ изъ чернорабочихъ, подготовляющихъ для васъ окончательную судейскую работу.

Все лишнее въ моихъ словахъ, если вопреки моей волѣ я что-нибудь ненадлежащее скажу, откиньте и оставьте, а возьмите только то, что относится къ оправданію или облегченію участи одного Докторовича-Гребницкаго, только въ этой рамкѣ, только въ этихъ условныхъ предѣлахъ рѣчь моя можетъ имѣть какое-либо значеніе. Все, что его обвиняетъ, вы услышите отъ другихъ, но если это обвиненіе мною опровергнуто, а мною сказанное оправдывающее не опровергнуто, то тогда сказанное мною получитъ значеніе, оно васъ убѣдитъ, оно будетъ принято вами какъ правдивое и искренное. Благородные металлы: золото и серебро для пробы кидаются на столъ и повѣряются по звуку. Искренность убѣжденія распознается чутьемъ, нравственнымъ чувствомъ по подобному же звуку и я убѣжденъ, что вы распознаете этотъ звукъ и отличите блестки и мѣдные жетоны отъ настоящихъ золотыхъ или серебряныхъ монетъ. Придется разбирать само преступленіе. Обвиненіе утверждаетъ, что Гребницкій замаралъ и окровавилъ въ немъ свои руки. При извѣстныхъ условіяхъ въ роль защиты правильно, нормально и законно можетъ входить умалить само преступленіе, уменьшить его значеніе, дѣлать его возможно меньше чернымъ. Въ мою роль эта задача не входитъ. Для меня это преступленіе—одно изъ самыхъ ужасающихъ въ общей совокупности изъ всѣхъ, которыя представляютъ наши уголовныя лѣтописи; оно потрясающее, оно исключающее возможность малѣйшей для Гребницкаго пощады. Для меня ставится такъ вопросъ: либо Гребницкій не повиненъ—оправдайте, либо онъ виновенъ и тогда для него нѣтъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, онъ самый старшій, самый образованный изъ членовъ кружка, ему подобаетъ стать во главѣ этого кружка и по наказанію, участвовалъ ли онъ въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ или въ дѣлежѣ кровью неповинною обрызганной добычи. Во всякомъ

случаѣ несомнѣнно, что преступленіе совершилось вдали отъ Петербурга въ Псковѣ, между тѣмъ какъ Гребницкій оставался въ С.-Петербургѣ и добыча доставлялась въ С.-Петербургъ чужими руками. Если онъ не зналъ о преступленіи, если безъ воли и вѣдома онъ пришелъ съ нимъ въ физическое соприкосновеніе, если онъ не могъ считаться замараннымъ этимъ прикосновеніемъ, какъ я, какъ вы, какъ всѣ мы, прикасавшіеся къ этому поличному, къ этимъ вещественнымъ доказательствамъ, если преступленіе раскрылось предъ нимъ только при изслѣдованіи дѣла судебными властями, такъ что изъ этого только источника оно для него уяснилось не по наглядному созерцанію, а по уликамъ, по умозаключеніямъ, то эти самыя умозаключенія и онъ, какъ подсудимый, и я, какъ его защитникъ, а не доказчикъ и не обличитель виновныхъ, мы должны хранить при себѣ и намъ не подобаетъ даже ихъ передъ вами выкладывать.

Барановича обвиняютъ, что онъ убилъ Боговскую, обстоятельства дѣлаютъ этотъ выводъ правдоподобнымъ, онъ все-таки догадка и я могу на ней основываться только условно, если эта догадка подтвердится и будетъ вами признана за истину. Точно такъ же Ющинскій обвиняется, что онъ былъ организаторомъ и главнымъ интеллектуальнымъ виновникомъ; опять это догадка, которую если и я буду ставить, то только какъ догадку, которая самому Гребницкому представилась только тогда, когда онъ попалъ въ тюрьму. О другихъ соучастникахъ нечего и говорить, они съ Гребницкимъ солидарны; если онъ не виноватъ, то они и подавно.

Объяснивъ, какъ я понимаю, въ общихъ чертахъ по правиламъ моей техники мои обязанности, мою защитительскую задачу, я долженъ наконецъ предварить васъ, какъ я расположу логически весь большой матеріалъ, доставленный слѣдствіемъ.

Расположеніе должно по возможности соотвѣтствовать самому существу дѣла; должно быть самое естественное, самое простое.

Ученикъ землемѣрнаго училища Барановичъ проживалъ въ домѣ богатой купчихи Боговской, приглянулся ей и зажилъ съ нею прежде, нежели познакомился съ петербургскими знакомыми, а познакомившись съ нею онъ сталъ получать отъ нея денежныя средства. Раньше того уже существовалъ въ С.-Петербургѣ кружокъ поляковъ, дружно сплотившихся, имѣющій свои цѣли не политическія и не соціальныя, но народническія, впрочемъ, не противозаконныя. Главою этого кружка былъ Гребницкій. Съ членами этого кружка познакомился Барановичъ. Знакомство состоялось, потомъ произошло убійство; если виновникомъ его Барановичъ, то является предположеніе, либо что онъ совершилъ преступленіе по собственному почину и въ виду личныхъ выгодъ, либо что онъ былъ подговоренъ кѣмъ-либо изъ членовъ кружка или всѣмъ кружкомъ въ

совокупности, причемъ уже второстепенное значеніе имѣетъ укрывательство похищеннаго или добытаго посредствомъ убійства. Необходимо изучить эти отношенія до убійства и въ числѣ ихъ обстоятельство весьма второстепенное, но характерное, выдвинутое и поставленное какъ 2-й пунктъ обвиненія—подмѣнъ бриліантовъ Боговской. Его необходимо изучить въ общей связи съ убійствомъ. Отъ этой связи, какъ я постараюсь доказать, оно теряетъ всякое значеніе. Если окажется, что либо кружокъ не зналъ объ убійствѣ до его совершенія, либо, по крайней мѣрѣ, что объ убійствѣ замышляемомъ зналъ только тотъ изъ его членовъ, который по обвинительному акту пріѣхалъ нарочно во Псковъ за добычей, т. е. Ющинскій, то еще поставится вопросъ, не виновны ли члены кружка или кто-либо изъ нихъ, что уже по совершеніи убійства, узнавъ о немъ, они принимали участіе въ припрятываніи награбленнаго. Порядокъ изложенія можетъ быть только хронологическій. Сначала надо разсмотрѣть начало интимныхъ отношеній Барановича къ Боговской до знакомства Барановича съ кружкомъ, потомъ образованіе кружка, потомъ періодъ отъ перваго знакомства до убійства съ обстоятельствомъ, касающимся подмѣна бриліантовъ, потомъ періодъ отъ убійства до полученія награбленнаго въ С.-Петербургѣ, потомъ отъ этого момента до выдачи вещей, добытыхъ преступленіемъ, Гребницкимъ неизвѣстному лицу по письму Ющинскаго, потомъ все остальное время до арестованія подсудимыхъ, потомъ ихъ поведеніе подъ слѣдствіемъ и арестомъ. Извиняясь за длинное предисловіе, я прямо перехожу къ обзору фактовъ и къ знакомству Барановича съ Боговской за весь періодъ, предшествующій его знакомству съ кружкомъ.

Начну съ матеріальной стороны этихъ отношеній, съ опредѣленія объекта преступленія, изъ-за котораго Боговская пострадала, ея состоянія, о которомъ идутъ столь разнообразные слухи. Каково оно было въ дѣйствительности? каковымъ оно представлялось въ глазахъ другихъ лицъ либо безучастныхъ и только любопытныхъ, либо интересовавшихся и даже заинтересованныхъ, каковыми являются съ одной стороны родня мужа Боговской, съ другой Барановичъ и его товарищи?

Существуетъ въ самомъ Псковѣ и уѣздахъ небезызвѣстное правительству религіозное общество старообрядцевъ Ѳедосѣевской секты, имѣющее и свои молельни по домамъ и общую сборную. Въ этомъ обществѣ главою и весьма почитаемымъ лицомъ, настоящимъ іерархомъ по чину той секты, представляется 60-лѣтній Василій Хмѣленскій, торговецъ льна и хлѣба и содержатель молельни. Въ этой религіозной общинѣ, по составу почти исключительно мужицкой, были и крупные разбогатѣвшіе и бѣдные. Общій характеръ общины—первобытная простота и даже суровость, незараженная никакимъ новшествомъ,

никакими изобрѣтеніями цивилизаціи, никакими даже признаками комфорта (все по старинѣ). Въ этой общинѣ одинъ изъ самыхъ богатыхъ ея членовъ, нѣкоторые, какъ Евгеній Захаровъ, называли его даже милліонеромъ (до $1^1/_2$ мил. рублей), былъ нѣкто Алексѣй Ефимовъ Боговской, умершій около 1868 года. Когда онъ умеръ, пошли слухи, что каждому изъ трехъ его сыновей, живущихъ сообща и торговавшихъ сообща въ одномъ капиталѣ, онъ оставилъ по полмилліона. Сыновей у него было трое: *Иванъ*, *Павелъ* и *Фаддей* и дочь Дарья *Калашникова*, по крестьянскому и купеческому обыкновенію выдѣленная, вѣроятно при выходѣ замужъ. Еще при жизни отца поступила въ услуженіе въ этотъ домъ незаконнорожденная отъ Ульяны Антоновой Богдановой Фекла—женщина красивая и здоровая, которая, когда ей было три года, сдѣлалась пріемышемъ и записана въ семью Егора *Семенова*. Она убита въ 1883 г. имѣя 45 лѣтъ отъ роду. Никакой родни у Феклы не было, мать умерла. У нея была только сестра Авдотья, кривая и сухорукая, жившая въ иной семьѣ, въ деревнѣ Лютомъ Болотѣ, въ интересахъ которой и хлопоталъ Егоръ Семеновъ, стараясь утвердить ее въ правахъ наслѣдства послѣ Феклы Боговской, но не могъ въ томъ успѣть потому, что незаконнорожденные внѣ гражданскаго закона и другъ послѣ друга не наслѣдуютъ. Иванъ Боговской полюбилъ эту здоровую, веселую и, я долженъ сказать по всему, что мнѣ о ней извѣстно, добрую, милосердную и щедрую женщину, но разумѣется не могъ при отцѣ на ней жениться: стыдно у старообрядцевъ жениться на прислугѣ. По смерти отца онъ ее увезъ въ С.-Петербургъ, женился на ней и зажилъ согласно, тихо, копя деньги. Потомъ онъ поселилъ ее въ Псковѣ, а самъ ее навѣщалъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ умеръ въ Псковѣ 31 декабря 1880 г. По его смерти она очутилась въ родѣ мужа одна, чужая, бездѣтная между двумя многочисленными семьями его братьевъ: *Павла*, во главѣ которой стоялъ Дементій *Павловъ*, и *Ѳаддея*. Съ Ѳаддеемъ она жила „не въ совѣтѣ“, то есть ссорилась, а съ Дементьемъ „въ совѣтѣ“, то есть ладила. Дементій человѣкъ тихій, спокойный, независтливый всего лучше можетъ объяснить состояніе дяди. Вотъ его слова: „По смерти Алексѣя сыновья полулили по 300 тысячъ состоянія во всемъ, въ деньгахъ и товарѣ. При смерти Ивана онъ долженъ былъ имѣть (унаслѣдованныхъ и прижитыхъ съ 1868 по 1881 г.) до 500 тысячъ деньгами и въ товарѣ“. Но если бы такъ было дѣйствительно, то можно документально доказать, что Ѳеклѣ Боговской, одинокой и бездѣтной, досталась по волѣ и распоряженію мужа только малая доля того полумилліоннаго можетъ быть состоянія. Судьба ея была лишь умѣренно обезпечена—и только.

Изъ нотаріальнаго духовнаго завѣщанія Ивана Боговского, составленнаго 12 іюля 1878 г. у нотаріуса Богушевича, видно, что

Боговской отказалъ женѣ: 1) *только въ пожизненное владѣніе* недвижимыя имущества; 2) въ собственность же только *движимость* и изъ капитала только *15 тыс. рублей*; 3) весь остальной капиталъ, кромѣ этихъ 15 тысячъ и еще *20 тыс.*, завѣщанныхъ для раздачи бѣднымъ по усмотрѣнію жены его Ѳеклы Боговской и сестры его Дарьи Калашниковой, какъ въ деньгахъ, такъ и въ льняномъ товарѣ, отказанъ братьямъ Павлу и Ѳаддею.

Эта воля покойнаго, вполнѣ разумная, предоставляла безграмотной и простой женщинѣ только по жизнь богатое содержаніе и 15 тысячъ рублей. Братья Боговского, если бы взяли этотъ капиталъ въ займы, платили бы купеческіе проценты, положимъ 8%, давали бы *1200 р.* По словамъ Дементья, съ недвижимаго имѣнія Ѳекла получала отъ 7 до 8 тысячъ, итого она имѣла бы отъ 8200 до 9200 рублей въ годъ Но воля покойнаго мужа не была цѣликомъ исполнена. Боговская очутилась между враждебными семьями двухъ братьевъ мужа, она оказалась въ открытой враждѣ съ Ѳаддеемъ, должна была снискать поддержку Дементья, не даромъ и вотъ моя догадка; отъ семей братьевъ завѣщанныхъ *15 тысячъ* она вовсе не получила, но зато она завладѣла и обратила въ свою пользу все то, что имѣлъ въ моментъ смерти при себѣ и съ собою Иванъ Боговской. Моя догадка относительно присвоенія подтверждается тѣмъ подозрѣніемъ, которое возбуждено было при самомъ охраненіи имущества послѣ покойнаго. При охраненіи Ѳекла Боговская показала денегъ всего 1 т. р., присутствовавшій Ѳаддей Боговскій, умершій 8 апрѣля 1883 г., подозрѣвалъ, что Ѳекла Боговская скрываетъ отъ 200 до 250 тысячъ капитала Онъ хотѣлъ ее обыскивать, но ему не позволилъ этого сдѣлать полицейскій приставъ Ульянъ Вишневскій, нынѣ смотритель тюремнаго замка, а потомъ не позволилъ и судебный приставъ Колимбарскій, при которомъ Ѳаддей хотѣлъ ощупывать Боговскую, нѣтъ ли чего у нея подъ платьемъ. Свидѣтель мало достовѣрный, знающій объ обстоятельствахъ не отъ самой Ѳеклы Боговской, а по слухамъ, Генрихъ Барановичъ передавалъ, что по совѣту какого-то, не то адвоката, не то нотаріуса Ѳекла Боговская спрятала капиталы мужа подъ платье не то своей служанки, не то проживавшей у нея родственницы и такимъ образомъ отправила ихъ изъ квартиры супружеской въ другое мѣсто. Впрочемъ, есть и другой свидѣтель, которому она признавалась, что присвоила себѣ деньги мужа, а именно *Василій Хмѣленскій*. Онъ родъ духовнаго отца у сектантовъ, ему признавалась Ѳекла, что послѣ смерти мужа припрятала 15 тысячъ деньгами и 15 т. банковыми билетами. Если обратимся къ Дементью Боговскому, то вотъ что извлечемъ изъ его цѣннаго показанія. Въ Псковѣ въ кассѣ Боговского денегъ не оказалось, только въ конторѣ въ С.-Петербургѣ лежало *10 тыс.*, да въ с.-петербургскомъ обществѣ взаимнаго кре-

дита на текущемъ счету *55 тыс.* (итого 65 т.), всего же вмѣстѣ съ товаромъ и капиталомъ въ оборотѣ *450 т*, а такъ какъ, по расчетамъ Дементья Боговского, онъ опредѣлялъ приблизительно состояніе брата Ивана въ 500 т. р., то другіе братья якобы не доискались *50 т.*, которые, по ихъ мнѣнію, Ѳекла Боговская припрятала; „50000 или болѣе того"; это „болѣе" необыкновенно гадательно и растяжимо до безконечности. Допустимъ эту самую вѣроятную, по мнѣнію Дементія Боговского, цифру и постараемся затѣмъ опредѣлить совокупность состоянія Боговской. Вскользь только и мимоходомъ можно упомянуть о движимости, о тѣхъ бриліантахъ и цѣнныхъ вещахъ, которые отчасти обезцѣнены потомъ подмѣною вмѣсто настоящихъ—поддѣльныхъ бриліантовъ, отчасти хранятся въ таинственномъ пакетѣ, находящемся въ вѣдѣніи, хотя и не во владѣніи Ющинскаго. По описи имущества ея оказалось, что денегъ найдено только 66 р., цѣнныхъ вещей въ ея домѣ на сумму около *7 т.*, а въ селѣ Быстромъ движимости на *6665 р.* Откинемъ эту движимость. Кромѣ припрятанныхъ послѣ мужа 50 т., говорятъ, что онъ ей еще дарилъ деньги, разъ подарилъ 15 т. (такъ отзывался Барановичъ); но если эти подарки дѣлались, то негласно и тогда въ расчетахъ родныхъ надобно бы ихъ вычеркнуть изъ общей суммы недостающаго послѣ смерти Ивана Боговскаго капитала 50 т. Недвижимое имѣніе должно было приносить доходы, превышающіе то, что проживала Боговская. Сосчитаемъ эти доходы. По словамъ Дементія Боговского доходъ былъ до 8 т., а расходы до 5, остатокъ 3 т. Имѣніями Ѳекла Боговская не сейчасъ по смерти мужа введена была во владѣніе и пользовалась только 2 года (1881 и 1882 г.г.) и того 6 т., да и эти 6 т. проблематическіе. Рука женщины не такъ сильна, какъ рука мужчины при производствѣ взысканій. Приходилось выжимать деньги отъ неохотно дающихъ крестьянъ. Ѳекла Боговская была щедрая женщина; въ ея имуществѣ найдена масса крестьянскихъ условій и росписокъ на сумму *10567* р. Допустимъ, что она обладала тогда 56 т., да къ этой суммѣ надо бы прибавить то, что она получила, если получила, по духовному завѣщанію мужа (15 т. въ собственность, 10 т. изъ 20 въ ея распоряженіе данныя на раздачу бѣднымъ). Но получила ли она ихъ? вотъ вопросъ. Малѣйшаго слѣда въ дѣлѣ, малѣйшихъ документальныхъ доказательствъ на то нѣтъ. Отъ Ѳаддея Боговского мы бы могли узнать, но онъ умеръ (9 апрѣля 1883 г. ранѣе еще Ѳеклы Боговской). Единственныя данныя, которымъ можно вѣрить, это слова Дементья Боговского, но слова эти неубѣдительны и даже прямо скажу совсѣмъ неправдоподобны. Вспомните тотъ вексель, который послужилъ къ обличенію Генриха Барановича въ преступленіи отъ 7 апрѣля 1881 г. на *12380 р.* по предъявленіи. Дементій утверждаетъ, что онъ точно занималъ у Ѳеклы деньги по смерти мужа,

что далъ ей векселъ, но деньги уплатилъ, потомъ опять занималъ и уплачивалъ, но векселя не отбиралъ, потому что думалъ, что вексель пригодится, когда придется опять занимать. Вексельное право во всѣхъ его тонкостяхъ было несомнѣнно неизвѣстно Θеклѣ Боговской, оно могло быть неизвѣстно и Барановичу и его товарищамъ, но я не повѣрю, чтобы оно было неизвѣстно такому записному купцу, какъ Дементій Боговской. Въ самомъ текстѣ векселя я усматриваю странность, отступленіе отъ общаго начала, можетъ быть попытку лишить бумагу значенія векселя, а именно проценты. По векселямъ проценты не полагаются. Вексель съ процентомъ—это заемное обязательство; прибѣгать къ этому средству не надо бы, потому что Дементій не оплатилъ векселя въ годъ по выдачѣ его, слѣдовательно воспользовался тѣмъ, что этотъ вексель по неопротестованію его потерялъ силу вексельнаго права. Въ оплату его я не вѣрю, я не могу допустить, чтобы купецъ, платя долгъ, не взялъ обратно своего обязательства, по которому съ него могла взыскать либо должница, либо тотъ, которому она уступитъ вексель по передаточной надписи, то есть мужа ея, если она выйдетъ замужъ, наслѣдникъ, если она завѣщаетъ. Немыслимо также, чтобы въ виду духовнаго завѣщанія Ивана Боговского, онъ Дементій, его наслѣдникъ, не заручился росписью Θеклы Боговской, подписанною за нее формально за ея безграмотностью третьимъ лицомъ и подвергался риску со стороны ея и ея наслѣдниковъ, хоть бы Семеновыхъ, могущихъ взыскивать долгъ по ея завѣщанію. Но эта путаница разрѣшается весьма просто: взгляните на числа. 12380 р. это почти половина 25 т., та самая половина, которая отъ Павловичей Боговскихъ какъ разъ и слѣдовала Θеклѣ Боговской (15 т. ей — плюсъ 10 т. въ раздачу бѣднымъ). Взгляните еще на числа. Въ началѣ 1881 г., раздобывшіеся наслѣдствомъ въ капиталѣ Боговскіе не нуждались въ кредитѣ. Вексель гласитъ о процентахъ съ 27 января 1881 г., т. е. вѣроятно съ того числа, когда Боговскіе вошли во владѣніе капиталами Ивана, съ которыхъ и слѣдовала выдача Θеклѣ Боговской 25 т. р. Вексель выданъ не сейчасъ, а только 7 апрѣля 1881 г. По всей вѣроятности Дементій колебался относительно выдачи своей половины $12^1/_2$ т., наконецъ уломалъ Θеклу Боговскую получить вмѣсто денегъ кусокъ бумаги и такимъ образомъ съ нею расквитался, а съ Θаддеемъ такъ-таки и не разочлась Θекла, иска она не предъявляла по завѣщанію, потому что и женщина она была не дѣловая и знала, что за исковою ей отвѣтятъ исковою же, да сопряженною съ уголовнымъ можетъ быть обвиненіемъ въ сокрытіи имущества. Она вѣроятно такъ и махнула на Θаддея рукою, а Дементій съ нею сдѣлался и какъ будто бы ее удовлетворилъ векселемъ, но по соображеніямъ, исполненнымъ психологическаго расчета, что она все-таки взыскивать не будетъ. На второй годъ онъ

и проценты платить пересталъ. Такимъ образомъ я, въ видахъ какъ можно большаго подхода къ истинѣ, отказываюсь утверждать, что Боговская выдала изъ своихъ суммъ Дементію 12380 р. и затѣмъ обхожу молчаніемъ совершенно непонятныя для меня выкладки, что по смерти Павла (умеръ раньше Ивана) одна четвертая часть его состоянія, какъ будто бы указная, должна была достаться Θеклѣ Боговской, которая будто бы облагодѣтельствовала родъ Павловичей тѣмъ, что отказалась въ ихъ пользу отъ своей указной части. Но затѣмъ, опредѣливъ до наибольшей цифры доведенный приходъ денегъ Θеклы Боговской за это время ея вдовства въ 56 т. р., я долженъ сдѣлать тѣ вычеты, которые обнаружены слѣдствіемъ, тѣ тысячи, которыя ею либо даны на храненіе и на обороты другимъ лицамъ или разсыпаны щедрою рукою разнымъ нуждающимся и не нуждающимся, каковымъ выдачамъ едва ли можетъ быть сведенъ полный счетъ. Не подлежитъ сомнѣнію и не оспаривается, что за недѣлю до убійства Боговская, не любившая отдавать деньги на малые проценты въ государственный банкъ и не довѣрявшая частнымъ лицамъ, передала на храненіе 30 т. своему по сектѣ духовнику Хмѣленскому; пересчитывалъ ихъ Генрихъ Барановичъ. Изъ 56 тыс. вычтемъ 30, останется 26 т. Затѣмъ надо сказать, что у нея деньги струились, и кто хотѣлъ—ихъ забиралъ, и въ томъ числѣ въ первомъ ряду стояли за неимѣніемъ никакихъ кровныхъ по плоти родственниковъ, такъ сказать, гражданскіе родственники, внуки того Семена, который приписалъ ее къ своей семьѣ, дѣти Егора Семенова: Акулина, Иванъ и Настя.

Сначала у Θеклы Боговской и поселились Акулина Егоровна съ мужемъ Захаромъ Николаевичемъ. По словамъ Сабальской, Захаръ былъ пьяница и грубіянъ и былъ прогнанъ Θеклой. Безъ него и Акулина не согласна была жить, они были отпущены съ 500 р. Потомъ пріѣхала Акулина вымаливать 3000 и получила все-таки 2000 р. на руки.

Затѣмъ у Θ. Боговской поселяются Иванъ и Настя, послѣдняя еще малолѣтняя, а Иванъ дюжій мужикъ 23 лѣтъ, давно созрѣвшій, которому пора бы жениться. Его заставляютъ грамотѣ учиться, а онъ пользуется грамотою, чтобы куры строить и посылать записки черезъ Евстафія Захарова къ Аннѣ Тихоновнѣ Турковской, овдовѣвшей послѣ купца Хвощинскаго, и свататься за нее, что и побудило Θеклу Боговскую пригрозить ему высылкою въ деревню. Сабальская утверждаетъ, что всѣ усилія всѣхъ Егоровыхъ клонились къ тому, какъ бы у тетки выманить больше денегъ, что Иванъ Егоровъ что могъ высасывалъ и отсылалъ въ деревню. Я не ошибусь, если скажу, что туда ушли 2 т., да навѣрное не менѣе 3 или 4 т. на Барановича, который одному Ющинскому передалъ 2 т. р., что подтвердилось впослѣдствіи и къ чему я возвращусь. Это расходы извѣст-

ные, останется не болѣе 18000, а сколько неизвѣстныхъ? Деньги отъ Ѳеклы Боговской, видимо не знавшей имъ настоящей цѣны, струились какъ вода, держимая въ ладони и бѣгущая между пальцами. Всего, значитъ, не оказывается незначительнаго остатка въ какіе-нибудь 6 т., такъ какъ совокупность цѣнностей, похищенныхъ изъ кассы и хранившихся у Гребницкаго, а теперь состоящихъ въ вѣдѣніи Ющинскаго, точно опредѣлена и исчисленіемъ цѣнностей со стороны Ющинскаго и повѣркою этихъ цѣнностей, вполнѣ согласною съ показаніемъ Ющинскаго въ кружкѣ (25 билетовъ внутренняго займа съ выигрышами, 2 билета государственнаго банка въ 2 т., 24 въ 2400 р., 9 билетовъ виленскаго земельнаго банка на 900 р. итого номинально на 7800 р., но если взять цѣну выигрышныхъ билетовъ въ 230 р. по курсу, то уже выйдетъ 11 т.). Разсѣевается такимъ образомъ та таинственность, которая окружала состояніе Боговской, и размѣры его уменьшились; вѣроятно, что въ кассѣ Боговской и не было 8 мая больше того, что привезено въ С.-Петербургъ и что по расчету кружка равнялось 12600, и что существуетъ и теперь въ вѣдѣніи Ющинскаго.

Въ жизни мы встрѣчаемся постоянно съ тѣмъ фактомъ, что скромная дѣйствительность сама по себѣ, а несогласныя съ нею представленія, созданныя игрою воображенія, гуляютъ сами по себѣ, обращаются и даже берутся въ основаніе оффиціальныхъ соображеній и обвинительныхъ актовъ. Сама неоглядная щедрость Ѳеклы Боговской должна была эти слухи питать и поддерживать. Ѳаддей Боговскій говоритъ о 300 т., Дементій о 80 т. по крайней мѣрѣ, оба увеличивали состояніе Боговской, самъ Генрихъ Барановичъ былъ подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ и я убѣжденъ, что будь извѣстно, что у нея въ кассѣ только 12 или 14 т., никто бы ее не зарѣзалъ, а укокошили ее потому, что предполагали если не милiоны, то сотни тысячъ. Генриху Барановичу Боговская говорила разно о томъ, сколько у нея денегъ,—сначала 20, потомъ 40, потомъ 70, а Барановичъ все-таки по воображенію и догадкамъ предполагалъ 100 или 150. Я не сомнѣваюсь, что сама Боговская могла неосторожно содѣйствовать своей гибели, чувствуя, что металлъ привлекаетъ къ ней сердца, старалась подымать свою цѣну, говорила чего не было, цѣнила себя по своему состоянію два или три раза дороже противъ настоящаго.

Вотъ все, что я долженъ былъ сказать предварительно о ея состоятельности, а теперь, подготовивъ почву, перехожу къ исторіи ея связи съ Генрихомъ Барановичемъ и изображу начало этой связи.

На первыхъ порахъ вдовства Ѳекла Боговская, по словамъ Захара Николаева, боялась, не рѣшалась даже спать въ супружеской спальнѣ, отправила туда спать Николаевыхъ; потомъ успокои-

лась, пріобыкла и зажила въ свое удовольствіе свободно и привольно, возбуждая даже тѣмъ упреки со стороны своихъ единовѣрцевъ. По словамъ Сабальской, она кокетничала съ мужчинами, толкала свидѣтельницу въ бокъ: „какой хорошенькій“ и знакомилась въ своемъ саду, куда допускаемы были жильцы ея дома, заигрывала съ этими жильцами, воспитанниками разныхъ заведеній, въ особенности землемѣрнаго училища. Неизвѣстно, былъ ли Генрихъ Барановичъ первый или не первый опытъ ея знакомствъ; человѣкъ онъ уже взрослый и бывалый, человѣкъ развитой, но бѣдный и нуждающійся. Происходилъ онъ изъ семьи обездоленной и пришибленной въ 1877 г. Отецъ его Викентій, начальникъ отдѣленія въ петроковской казенной палатѣ, получилъ отставку, арендовалъ имѣніе безуспѣшно, долженъ былъ принять хлопотливую обязанность смотрителя конножелѣзнодорожнаго парка въ С. Петербургѣ, но и ту должность потерялъ въ сентябрѣ 1882 г. (моментъ начала знакомства сына съ Боговской), такъ что съ тѣхъ поръ не только не могъ присылать сыновьямъ Генриху и Казиміру по 20 р. въ мѣсяцъ, но самъ нуждался и для себя и для жены своей Изабеллы и требовалъ пособія. Старшій изъ Барановичей Генрихъ былъ уже вполнѣ совершеннолѣтній, имѣлъ 22 года, вышелъ въ 1878 г. изъ реальнаго училища въ Вильнѣ, изъ 6 класса по невзносу денегъ, побывалъ 9 мѣс. на фабрикѣ у Киндлера въ Пабіаницахъ, потомъ былъ писцомъ въ калишскомъ акцизномъ управленіи и поступилъ осенью 1881 г. въ псковское землемѣрное училище, гдѣ былъ на хорошемъ счету, учился исправно, считаясь однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Его слогъ и въ рѣчи, и въ показаніяхъ хорошъ и изященъ, по словамъ Виляновскаго онъ читалъ серьезныя вещи—Бокля и психологію Спенсера, между тѣмъ какъ его братъ Казиміръ, попавшій потомъ въ драматическіе артисты, предпочиталъ поэзію и имѣлъ страсть декламировать стихи Некрасова. Генрихъ Барановичъ жилъ въ домѣ Боговской съ ноября 1881 по мартъ 1882 г., но только кланялся ей какъ хозяйкѣ, а знакомъ не былъ. Осенью 1882 г. онъ опять поселился въ томъ же домѣ, у квартирной хозяйкѣ Скиндеръ, въ сентябрѣ 1882 г. онъ впервые былъ къ Боговской позванъ и угощаемъ на именинахъ (по святцамъ 24 сентября первомученицы Ѳеклы). Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать, но вступилъ съ нею въ связь только въ ноябрѣ, а въ декабрѣ 1882 г. она послала къ нему Ивана Егорова учиться грамотѣ. Изъ Пскова онъ уѣхалъ на Рождество въ С.-Петербургъ. Передъ отъѣздомъ Егоровъ принесъ ему 10 р. за ученіе, но это была малая доля получекъ. Въ его сюртукъ, снимаемый во время посѣщеній, Ѳекла Боговская вложила разъ 100 руб., послѣ Рождества дала ему на экипировку 200 р. и давала еще ежемѣсячно отъ 100 до 150 рублей. Однимъ словомъ, на Генриха Барановича въ концѣ 1882 г. стали сыпаться

дары божіи, какъ изъ рога изобилія, и онъ имѣлъ по своему состоянію достатокъ довольно прочно обезпеченный на будущее, когда поѣхалъ на Рождество въ С.-Петербургъ и когда завязались его отношенія съ кружкомъ. Теперь я долженъ прямо обратиться къ исторіи этого кружка.

Вездѣ, гдѣ накопляется въ значительномъ числѣ учащаяся молодежь въ большихъ центрахъ, напр. столицахъ или въ гораздо меньшихъ городахъ, она группируется неизбѣжно по извѣстнымъ примѣтамъ, по занятіямъ и художествамъ и, что еще чаще, по мѣстамъ происхожденія, племенамъ и національностямъ. Такъ бывало отъ вѣка, такъ бываетъ и будетъ. Образуются кружки, хотя бы не имѣющіе строгой организаціи — кружки земляческіе, кружки замкнутые русскіе, еврейскіе, нѣмецкіе, польскіе. Польскіе кружки учащейся молодежи когда-то, въ то время, которое я вижу только вдали, въ воспоминаніяхъ, были весьма сплочены, проникнуты сильнымъ духомъ исключительности, въ нихъ нашло свой готовый матеріалъ повстанье или мятежъ 1863 г. Внутри ихъ всегда виднѣлись провинціонализмы, корона, Литва, южно-русскія области. Мятежъ 1863 г. произвелъ крупную радикальную перемѣну: 1) подъ вліяніемъ естественнаго воздѣйствія русскаго племени, мѣръ укротительныхъ и исключительныхъ законовъ, всѣ провинціонализмы сгладились не только во внѣшности, но даже и въ говорѣ; не отличишь съ тѣхъ поръ поляка уроженца Царства Польскаго отъ уроженца западныхъ губерній,—литовца, волынца или подольца; 2) мысль о политическомъ повстаніи, о возстановленіи самобытности политической исчезла безслѣдно, провалилась, она не существуетъ, изъ чего не слѣдуетъ заключить, чтобы вся молодежь имѣла одно настроеніе, одинъ темпераментъ. Противоположныя направленія обозначаются, но лозунги и цѣли уже не тѣ, а иныя, съ нихъ снята вывѣска политической самобытности. Въ то былое время были два направленія: одно—революціонно-повстанческое, совсѣмъ нелегальное, и другое умѣренное, до поры до времени легальное, оба радикально враждебные существующему порядку. Теперь есть направленіе одно, состоящее изъ бурнаго нетерпѣливаго меньшинства; оно нелегальное, выходитъ изъ рамокъ національности, ищетъ спасенія въ соціализмѣ, соединяется и съ русскимъ нигилизмомъ, и съ европейскимъ, примыкаетъ къ всесвѣтной соціально-революціонной партіи. И есть другое строго легальное направленіе мелкаго ежедневнаго труда, работы органической, въ духѣ демократическомъ для умственнаго и нравственнаго подъема народныхъ массъ, перевоспитанія ихъ, но не путемъ земельнаго передѣла посредствомъ аграрныхъ законовъ и не путемъ насильственныхъ потрясеній. Это послѣднее направленіе и есть въ строгомъ смыслѣ народническое, потому что первое—космополитическое. Когда обнаружилось убійство Боговской, когда

послѣ направленныхъ въ ненадлежащую сторону поисковъ открыли, что убійцы вѣроятно Барановичъ и его земляки, то по имѣвшимся тогда даннымъ возникло предположеніе, что убійство Боговской есть дѣло соціально-революціонной партіи, организованной въ тайное общество, совершившей это дѣло, чтобы раздобыться средствами (какъ тогда предполагалось—колоссальными средствами Боговской) на дѣло политическаго переворота. Этотъ взглядъ и повліялъ на направленіе дѣла. По соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, оно было изъято изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ слѣдственныхъ властей и передано къ дознанію, установленному закономъ 1871 г. мая 9 посредствомъ чиновъ корпуса жандармовъ и прокуратуры. Политически уголовнаго элемента и даже тайнаго организованнаго общества, имѣющаго свой уставъ, свои правила пріема въ члены, отвѣтственное управленіе, не было обнаружено, вслѣдствіе чего въ маѣ 1884 г. дѣло опять было обращено къ общему порядку. Въ чемъ же однако состояли примѣты кружка, если онъ не имѣлъ своего статута, своей организаціи? Имѣлъ ли онъ по крайней мѣрѣ свою программу? Такъ какъ этихъ людей не тронули, не попрекали ихъ ни образованіемъ кружка, ни дѣйствіями по программѣ кружка, такъ какъ ихъ за ихъ образъ мыслей и убѣжденія не судятъ, то на первый взглядъ можно бы думать, что само содержаніе программы есть обстоятельство, къ дѣлу не относящееся, и что разбирая ее защитнику приходится защищать и пропагандировать извѣстное ученіе, т. е. совершить занятіе постороннее и лишнее. Программы не преслѣдуютъ, значитъ она не вредная, а можетъ быть и хорошая, и довольно. Я на этой точкѣ зрѣнія остановиться не могу, прославлять товарищескій кружокъ не стану, но изложить содержаніе этого сообщества обязанъ, дабы во 1-хъ показать, могло ли въ какомъ бы ни было случаѣ и какими бы то ни было путями изъ этой программы выродиться убійство съ корыстною цѣлью или могла ли программа породить хотя бы только терпимость по отношенію къ такой предосудительной и унижающей связи, какая существовала между женщиною и между человѣкомъ, который на счетъ ея живетъ, и во 2-хъ могъ ли Барановичъ войти какъ членъ въ этотъ кружокъ, какъ одинъ изъ дѣятелей по этой программѣ?

Я буду кратокъ. Когда люди сошлись, когда они соединились, чтобы общими силами осуществлять то, что они считаютъ добромъ и къ чему они пристрастились потому, что оно по ихъ понятіямъ добро, то такая ихъ связь есть связь *нравственная* и правила этой нравственности у всѣхъ одинаковыя, они выводятся изъ одного какого-нибудь общаго коренного начала. У массы людей это основаніе религіозное: Богъ, любить Бога, жить по его закону, начертанному въ писаніи или въ совѣсти человѣка. Можетъ быть и иное основаніе; есть невѣрующіе или мало вѣрующіе, которые выше всего ставятъ

человѣчность, и все выводятъ изъ уваженія къ достоинству человѣка и изъ его высокаго назначенія. Наконецъ есть основаніе, посредствующее между этими двумя, религіознымъ и космополитическимъ: страстная и безпредѣльная любовь къ своей родинѣ, къ своему государству, къ своей національности. Есть можетъ быть извѣстная доля увлеченія, когда человѣкъ разсуждаетъ напр. такъ: я русскій и горжусь тѣмъ и нѣтъ народа лучше русскихъ и я буду стараться дѣйствовать какъ русскій, чтобы прославить имя моего народа и доказать, что настоящій русскій человѣкъ есть доблестный человѣкъ. Всякій согласится, что такое сознаніе и такое чувство даже въ своей односторонности могуче, что оно источникъ великихъ дѣлъ и располагаетъ людей къ добродѣтели. Такое же чувство свойственно всякому не окончательно мертвому, не въ конецъ одряхлѣвшему народу и если это такъ, то оно достойно уваженія, какъ всякая искренняя религіозная вѣра, даже не христіанская. Такую національную подкладку имѣла нравственность этого спеціально польскаго изъ учащейся молодежи выработавшагося кружка и всѣхъ подобныхъ кружковъ, которымъ нѣтъ счета. Чувство одинаково, не одинакова только степень выработки людей, которыхъ оно одушевляетъ. Есть, можно сказать, два слоя въ обществѣ: есть новички, искушающіеся, еще учащіеся, не кончившіе ученіе въ заведеніяхъ, студенты — они только подготовляютъ себя, совершенствуются въ своей исторіи, въ своемъ языкѣ и литературѣ, наряду съ своими другими урочными занятіями, и есть кончившіе курсъ съ дипломами, переступившіе порогъ школы и вошедшіе въ жизнь практическую, которые идутъ въ общество осуществлять прочувствованное ими въ патріотическо-національной формѣ добро.

Кружокъ, который подлежитъ изученію, принадлежитъ ко второй категоріи. Только часть его членовъ кончающихъ и кончившихъ курсъ наукъ технологовъ с.-петербургскаго технологическаго института сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, ихъ было гораздо больше. Старшій между ними Ющинскій, еще въ 1882 г. кончилъ курсъ однимъ годомъ раньше другихъ, сынъ землемѣра Новоалександровскаго уѣзда, товарищъ Гребницкаго по динабургскому реальному училищу, живой, исполненный воображенія изобрѣтатель, но собственно съ національнымъ вопросомъ познакомился онъ только въ институтѣ. Гораздо авторитетнѣе въ предѣлахъ кружка и вообще между учащеюся молодежью и въ другихъ заведеніяхъ былъ Людвигъ Гребницкій, сынъ довольно богатыхъ родителей, сильно пострадавшихъ въ 1863 г. Его родители имѣли Скляпово Могилевской губ.— 800 дес., Переволочну—1200 дес., имѣніе въ Полоцкомъ уѣздѣ (всего до 3000 дес.). Родители намѣрены были передать ему въ управленіе Переволочну, которая представляла собою состояніе въ 20 т. руб. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ Людвигъ Греб-

ницкій былъ, можно сказать, на виду и пользовался большимъ довѣріемъ товарищей, чему можетъ служить доказательствомъ составленный имъ отчетъ кассы польскихъ студентовъ и слушателей высшихъ учебныхъ заведеній за годъ по 1 октября 1882 г. Онъ былъ извѣстенъ какъ самый сильный противникъ соціалистическаго движенія. Весна 1883 г. и для него и для его товарищей, изъ коихъ приведу Древновскаго и Павловскаго, было самое горячее время— надобно было сдавать экзаменъ и представлять чертежи. Отъ кассы студенческой онъ освободился, но онъ былъ душою устраивающагося кружка однокурсниковъ, кончающихъ курсъ 1882 г. со включеніемъ и Ющинскаго.

Никакихъ опредѣленныхъ намѣченныхъ и начатыхъ операцій въ виду не было, но предусматривалась систематическая дѣятельность, по программѣ органическаго труда медленнаго, неказистаго, ежедневнаго. Ходъ полякамъ въ общественной жизни если не прекращенъ, то сильно теперь ограниченъ, въ службу государственную ихъ принимаютъ съ трудомъ, въ учебныя заведенія тоже, остаются искусство, художество, ремесло, земледѣліе по возможности на родной землѣ. Занимаясь этимъ, можно еще содѣйствовать и поддержанію добрыхъ нравовъ и національныхъ чувствъ между земляками основаніемъ кружковъ, распространеніемъ обученія польской грамотности, пріютовъ для дѣтей въ имѣніяхъ, товариществъ потребителей, ссудныхъ кассъ для крестьянъ, поддержкой сношеній съ поляками гимназистами. Если бы вы, милостивые государи, замѣтили, что кругъ этой дѣятельности можетъ сталкиваться съ полицейскими предписаніями и порядками и съ этой стороны смахиваетъ на нелегальный, то я вамъ доложу, что жизнь съ ея условіями не всегда согласна съ предписаніями и распоряженіями начальства. Кромѣ того, что многое, что есть въ полицейскихъ порядкахъ, не согласуется съ закономъ, законъ не запрещаетъ мнѣ напр. учить моего сына, родственника или посторонняго польской грамотѣ. Я прибавлю, что и та касса вспомоществованій, въ которой Гребницкій былъ дѣятелемъ до конца 1 октября 1882 г., извѣстна начальству и существуетъ до нынѣ. Дѣятельность кружка могла столкнуться со взглядами полиціи, но его намѣренія были легальныя, онъ строго держался почвы закона. Всѣ планы предполагаемы были въ будущемъ, когда члены кружка станутъ практически работающими гражданами, слѣдовательно касса могла быть, но не расходующая еще денегъ, не нуждающаяся и только накопляющая средства. Касса эта существовала потому, что были заведены книги и былъ пріемщикъ-кассиръ Гребницкій, но единственнымъ вкладчикомъ былъ пока только Гребницкій и пока въ далекомъ будущемъ лишь могла появиться возможность усиленія ея и реализаціи съ передачею Гребницкому Переволочны. Члены

кружка Древновскій и Павловскій шли зарабатывать деньги упорнымъ трудомъ и изъ будущихъ заработковъ что-нибудь бы удѣлили. Былъ и еще одинъ вкладчикъ, который влагалъ идеальную собственность, еще совершенно отвлеченную — свое изобрѣтеніе. Такимъ изобрѣтателемъ сдѣлался въ области гальванопластики въ примѣненіи ея къ свѣтописи А. Ющинскій; изобрѣтеніе, теперь можно сказать, предвосхищенное или провалившееся, потому что нынѣ къ нему же пришелъ самостоятельнымъ трудомъ (безъ плагіата) нѣкто *Angerer* въ Австріи, но въ 1883 г. эта вещь живому воображенію Ющинскаго могла представляться въ видѣ если не милліоновъ въ облакахъ, то по крайней мѣрѣ сотенъ тысячъ, изъ которыхъ онъ мысленно жертвовалъ большую часть (можетъ быть половину— легко дарить идеальный капиталъ) кружку на національныя цѣли. Пока для осуществленія этой сотни тысячъ онъ нуждался въ какомъ-нибудь десяткѣ тысячъ, чтобы составить чертежи, описаніе, поѣхать за границу, внести пошлины и получить патентъ на изобрѣтеніе, патентовать его нужно было за границею, а не въ Россіи, только такимъ образомъ изобрѣтеніе могло пріобрѣсти значеніе европейское.

Таковъ былъ кружокъ, съ которымъ пришелъ въ соприкосновеніе Барановичъ Можно не сочувствовать направленію этого кружка; можно считать, что онъ преслѣдовалъ цѣли, противныя сегодняшнимъ видамъ правительства на обрусеніе края, но нельзя не признать, что планы этого кружка ясны, понятны и что они до извѣстной степени легальны и что возможно ихъ защищать, потому что правительство только теперь имѣетъ виды обрусенія, а прежде ихъ не имѣло и нельзя ручаться за вѣчность какой бы то не было въ мірѣ системы. Но вотъ что совсѣмъ непонятно и загадочно. Достаточно было появиться недумающему объ убійствѣ Барановичу въ С.-Петербургѣ и прійти въ соприкосновеніе съ этимъ кружкомъ, чтобы какъ отъ удара желѣза о камень заискрилась мысль объ убійствѣ. По словамъ Барановича, внушителемъ этой мысли былъ не онъ, а кружокъ, который будто бы ему подсказывалъ: воруй, подмѣнивай бриліанты, отравляй, усыпляй, убивай, точно захотѣлось товарищамъ пойти въ театръ или поѣхать за городъ прогуляться.

Нужда производитъ великія превращенія въ людяхъ, людей непорочныхъ она обращаетъ въ злодѣевъ, но нужды не терпѣлъ никто въ кружкѣ, да въ деньгахъ не нуждался и самъ кружокъ. Даже и въ обществѣ изъ самыхъ прожженныхъ воровъ и разбойниковъ злодѣйская мысль не овладѣваетъ моментально всѣми заразъ и, явившись въ одномъ, она распространяется на другихъ послѣ колебаній, послѣ не только борьбы съ совѣстью, но и расчета выгодъ и риска. Здѣсь весь кружокъ изъ молодыхъ и не-испорчен-

ныхъ людей безъ малѣйшей причины въ одинъ голосъ яко бы кричитъ: убивай и похищай. Выходитъ нѣчто уродливое и противоестественное, которому не вѣрилось бы, если бы оно и было доказано; но доказано ли въ самомъ дѣлѣ, что въ данномъ случаѣ было такое дѣйствіе безъ всякой видимой причины? Вотъ вопросъ, на который предстоитъ дать отвѣтъ отрицательный послѣ изученія сношеній Барановича съ кружкомъ въ періодъ отъ конца 1882 г. до Пасхи 1883, къ чему я теперь приступаю.

Генрихъ Барановичъ познакомился въ 1882 г. съ Людвигомъ Гребницкимъ почти случайно и послѣ того уже съ Ющинскимъ при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ. Содѣйствовала знакомству полька *M-lle* Сикорская, учительница, дававшая уроки дѣтямъ въ домѣ родителей Барановича. Сикорская весьма усердная и завзятая полька, замѣтила, что Г. Барановичъ, пріѣзжавшій къ родителямъ, мало посвященъ въ польскій вопросъ и не свѣдущъ въ литературѣ; она хотѣла сблизить Гребницкаго съ Барановичемъ и доставить Барановичу возможность воспользоваться книгами изъ польской читальни и отъ Гребницкаго. Гребницкій отнесся довольно равнодушно къ предложенію Сикорской познакомиться съ Барановичемъ; тогда Барановичъ отыскалъ его самъ въ кухмистерской технологическаго института, куда свелъ его, хотя и не технолога, кто-то изъ технологовъ и сталъ съ Гребницкимъ совѣтоваться о задуманномъ имъ, Барановичемъ, снарядѣ для контроля билетовъ на конножелѣзныхъ дорогахъ. Настоящаго дѣла къ Гребницкому онъ не имѣлъ, но онъ зашелъ потомъ еще на квартиру къ Гребницкому, явилась туда же и Сикорская; послѣ сужденій о снарядѣ пошли разспросы о житьѣ-бытьѣ молодыхъ поляковъ, учащихся въ Псковѣ... Тѣмъ и кончилось. Еще въ то время любовныя сношенія Барановича съ Боговской не установились и Барановичъ денегъ отъ нея не получалъ. Второй пріѣздъ былъ на самое Рождество 1882 г. Оба братья Барановичи пріѣхали къ родителямъ (уже Генрихъ учитъ Ивана Егорова и деньгами Боговской начинаетъ пользоваться). Въ этотъ пріѣздъ Барановичъ видѣлся съ Гребницкимъ только одинъ разъ передъ Рождествомъ и то мелькомъ, Гребницкій уѣзжалъ въ Могилевскую губ., не былъ на самое Рождество въ С.-Петербургѣ и вернулся только къ концу января. Барановичъ взялъ заимообразно отъ Гребницкаго при этомъ случаѣ десятка полтора книгъ польскихъ изъ польской читальни, которыми располагалъ Гребницкій, но которыя онъ ему далъ, какъ свои собственныя.

Изъ другихъ источниковъ видно, что оба братья Барановичи въ этотъ пріѣздъ къ Рождеству Христову что-то дѣлали, о чемъ-то хлопотали. Казиміръ, вѣроятно, по порученію Генриха, намекалъ родителямъ о знакомствѣ Генриха съ богатою русскою купчихою вдовою и о намѣреніи ея выйти за него замужъ; сыновья не могли

даже намекать, что одинъ изъ нихъ на содержаніи у этой вдовы: это было бы возмутительно, это взорвало бы старика. Родителямъ не понравилось извѣстіе. Отецъ сказалъ съ неудовольствіемъ: „Какъ постелешься, такъ и выспишься, ты совершеннолѣтній, не я буду жить съ твоею женою“. Эта возможность женитьбы была противна ихъ желаніямъ. Во время отсутствія Гребницкаго въ январѣ случились два обстоятельства: а) распространилось между технологами кружка, повидавшими уже Барановича и Гребницкаго и Ющинскаго, извѣстіе о предстоящемъ бракѣ Барановича съ Боговской; б) установилось тѣснѣйшее сближеніе Барановича съ Ющинскимъ, основанное на извѣстномъ общемъ ихъ интересѣ, вслѣдствіе чего в) совершилось въ новый пріѣздъ Барановича въ С.-Петербургъ, въ февралѣ мѣсяцѣ такъ-называемое принятіе Барановича въ кружокъ.

Что касается до перваго, то я утверждаю, что при слѣдствіи и въ обвинительномъ актѣ допущена грубая психологическая ошибка, та самая, которая въ исторіи называется *модернизированіемъ* прошедшаго, изображеніемъ его въ свѣтѣ такихъ новыхъ современныхъ идей, какія этому прошедшему несвойственны, приписываніемъ напр. древнему греку или римлянину или средневѣковому монаху такихъ понятій и знаній, какія ему не могли быть присущи. Такимъ обстоятельствомъ я считаю раскрытую только при слѣдствіи и не бывшую до того никому кромѣ Барановича и Боговской извѣстною чисто плотскую, цинически грубую натуру ихъ взаимныхъ отношеній. Нынѣ оказывается, что онъ былъ у Боговской просто на просто на содержаніи, что даже сомнительно, намѣрена ли она была ему какъ мужу подчиняться и выйти за него замужъ. Онъ утверждаетъ, что она воздерживалась отъ сношеній съ нимъ передъ святымъ причастіемъ, послѣ исповѣди, что она говорила: „Пускай три года пройдутъ отъ смерти мужа, тогда, въ началѣ 1884 года, я за тебя выйду“. Такъ ли было?—неизвѣстно; можетъ быть и не такъ. Единовѣрцы могли быть недовольны не невѣроятною женитьбою поляка на сектанткѣ, женитьбою, которая едва ли могла бы быть легализирована иначе, какъ на почвѣ обоимъ чуждой, православнаго исповѣданія, но несомнѣнно то, что въ интересахъ Барановича было, если и не намѣревалась Боговская выйти за него замужъ, сдѣлать такъ, чтобы думали, что она выйдетъ за него замужъ, даже тѣ, которые знали, что онъ къ ней ходилъ почти ежедневно по ночамъ, какъ Сабальская, какъ Егоровы, какъ псковскіе товарищи. Передъ петербургскими знакомыми, если только чуть-чуть онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ и считалъ ихъ людьми серьезными и порядочными, онъ долженъ былъ даже и о плотской связи умолчать, идеализировать свои отношенія и представлять ихъ въ видѣ чистой любви къ нему со стороны привязавшейся къ нему женщины,

любви, раздѣляемой и имъ, долженствующей найти только въ будущемъ освященіе и полное удовлетвореніе и имѣющей и иную, кромѣ любовной, еще и экономическую раціональную подкладку, основанную на обоюдномъ интересѣ четы: она недѣловая женщина, онъ возьметъ въ твердыя руки ея капиталъ, поведетъ торговлю льномъ, пріумножитъ добро, котораго и безъ того у нея достатокъ. Онъ долженъ былъ на первомъ планѣ ставить свою любовь и долженъ былъ отвѣчать, какъ отвѣчалъ Гребницкому: когда полюбишь, тогда и убѣдишься, какъ можно жениться, не кончивъ учебнаго заведенія. Не любя, онъ долженъ былъ притворяться влюбленнымъ, надъ нимъ бы смѣялись недовѣрчиво, если бы онъ только говорилъ, что въ него влюблена богатая женщина, но ему вѣрили, потому что его украшали вещественныя доказательства этой любви: золотые часы, бриліантовыя вещи, хорошее платье и деньги, которыя у него завелись въ бумажникѣ. Только въ такомъ видѣ и при подобныхъ условіяхъ могъ Барановичъ проникнуть въ кружокъ. При неразборчивости и при непринятіи въ соображеніе этихъ обстоятельствъ невольно сразу приходишь къ осужденію этого гадкаго кружка: хороши молодые люди, которые принимаютъ съ свою среду такого человѣка, который у французовъ слыветъ подъ типичнымъ прозвищемъ Альфонса, который себя продаетъ, живетъ на счетъ женщины. Но взглядъ перемѣняется, если сообразить, что это идеалисты, что они вѣрятъ легко, вѣрятъ въ любовь не плотскую, а чистую, что допускаютъ возможность богатой женщинѣ влюбиться въ бѣднаго, найти въ немъ опору и поддержку, а если эта женщина несмѣтно, какъ ходитъ слухъ, богата, то что же значитъ исходящая отъ нея и перепадающая на него одна-другая тысяча рублей! Эта женщина правда русская и православная, но въ нашъ вѣкъ вѣроисповѣдныя различія потеряли большую часть значенія. Онъ будетъ глава дома и можетъ жену ополячить и дѣтей воспитать въ духѣ польской народности.

Изъ всѣхъ членовъ кружка всего сильнѣе извѣстіе о богатствѣ Боговской и о ея видахъ на бракъ съ Барановичемъ подѣйствовало на Ющинскаго. Ющинскій разомъ обрѣлъ въ Барановичѣ человѣка, необходимаго для его предпріятія, искуснаго рисовальщика. Барановичъ для Ющинскаго уже работалъ въ началѣ 1883 г. и получилъ за то 15 р. Ющинскій предполагалъ, что Барановичъ изготовитъ ему планы и рисунки и будетъ рисовальщикомъ въ гальванопластической хромолитографіи. Кромѣ того съ Барановичемъ Ющинскій связывалъ представленіе о кассѣ, объ источникѣ для полученія 10, 20, можетъ быть 100 тысячъ рублей, всего того, чего потребуетъ изобрѣтеніе, чтобы получить привилегію и поставить дѣло на широкую ногу. Ющинскій до того заинтересовался отношеніемъ Барановича къ богатой вдовѣ и возможностью женитьбы, что зимою, можетъ

быть до Рождества 1882 г. или въ январѣ, ѣздилъ въ Псковъ, гдѣ у Барановича его видѣли Замбржицкій и Казиміръ Барановичъ. Оба, Генрихъ Барановичъ и Ющинскій, пристали другъ къ другу и сплотились, можно сказать, въ виду общаго предпріятія, которое открывало Барановичу виды, какъ ему казалось, блистательные въ будущемъ. Ющинскій съ своимъ предпріятіемъ сидѣлъ уже въ кружкѣ; понятно, что онъ и Барановича пріобщилъ къ нему въ февралѣ 1883 г., послѣ пріѣзда Гребницкаго; я употребляю слово пріобщилъ скорѣе, нежели ввелъ въ кружокъ, такъ какъ кружокъ не имѣлъ ни устава, ни засѣданій и въ немъ не совершались какія бы то ни было церемоніи посвященія или пріема. Я докажу это: даже бывъ поставленъ въ извѣстность о существованіи кружка, Генрихъ Барановичъ не переступилъ его порога, зналъ, что есть кружокъ, что онъ имѣетъ патріотическую цѣль, зналъ нѣкоторыхъ его членовъ, зналъ, что есть касса и давалъ въ эту кассу деньги, которыя потомъ изъ нея же шли на изобрѣтеніе Ющинскаго, но сверхъ того ни въ какія затѣи, начинанія и планы не былъ посвященъ. Я заключаю о томъ не только изъ показанія Генриха Барановича отъ 12 марта 1885 г., въ которомъ онъ говоритъ: „Безпредѣльная идея, коротко, но не ясно, человѣкъ не машина, чтобы его завести ключикомъ и заставить дѣлать всякія дѣла, ставя въ состоянія неестественныя“. Я дѣлаю это заключеніе изъ того источника, который еще вѣрнѣе и цѣннѣе и очевидно искреннѣе всякихъ показаній— а именно, изъ переписки товарищей. Вотъ что гласитъ отобранное у Гребницкаго письмо Генриха Барановича отъ 9 октября 1883 г., значитъ послѣ всего, послѣ убійства. „Когда и гдѣ устроите съѣздъ? Желаете ли меня имѣть въ своемъ обществѣ? Въ такомъ случаѣ я бы желалъ, чтобы моя роль была опредѣленная. Надо бы имѣть инструкцію какъ держать себя каждому члену. Я вижу въ васъ отсутствіе довѣрія. Отъ самаго начала вы поставили себя ко мнѣ совершенно равнодушно — а вѣдь вступленіе мое въ ваши ряды подвинуло ваше дѣло“. Значитъ, хотя Барановичъ считаетъ, что вступленіе его подвинуло дѣло, а главное не вступленіе, а деньги, которыя онъ на дѣло далъ Ющинскому, но онъ не знаетъ, какъ долженъ держаться членъ и что дѣлать — значитъ онъ пѣшка и совершенный новичокъ, въ чемъ и признается,—онъ и остался таковымъ до конца. Для насъ существенно важно прослѣдить всѣ пріѣзды Барановича въ С.-Петербургъ, всѣ деньги, отъ него идущія либо къ Ющинскому, либо въ кассу, наконецъ всѣ эпизоды, составляющіе какъ бы ступени къ убійству, его подготовку—подмѣнъ бриліантовъ, кастетъ, опыты съ ядами. Вникнемъ пристальнѣе въ эти эпизоды, тогда обнаружится, сколько въ нихъ фальши и лжи.

Возстановить пріѣзды и деньги можно только приблизительно, по общимъ мѣстамъ, каковы: пріѣзжалъ 2, 3 раза въ 1883 г.—на

масляницу, въ великомъ посту на шестой недѣлѣ. И деньги трудно сосчитать до копѣйки. Барановичъ экипировался на счетъ Боговской въ гостинномъ дворѣ и у купца Мельникова и получилъ золотые часы. Денегъ далъ онъ разъ въ Псковѣ Ющинскому 85 р. и послалъ ихъ подъ адресомъ Гребницкаго въ С.-Петербургъ. Въ дѣлѣ есть свѣдѣніе почтамта о полученіи такимъ образомъ денежнаго пакета въ 100 р. Послѣдующихъ Гребницкому посылокъ было немного, не больше каждая какъ на 100 р.; не всѣ они шли на кассу, часть предзначалась для родителей Барановича. Пользуясь знакомствомъ съ кружкомъ и желая оградить себя отъ того, чтобы родители его сильно не нажимали его, онъ старался такъ дѣйствовать, чтобы было правдоподобіе, что онъ получаетъ эти деньги не дурнымъ манеромъ, а уроками, что онъ помогаетъ родителямъ при посредствѣ кружка. Сначала, по словамъ Викентія Барановича, сынъ далъ ему въ январѣ 40 руб., послѣ Пасхи еще 70 (во время бытности въ С.-Петербургѣ), Боговская по почтѣ прислала еще 175 р., но это мелочь въ сравненіи со средствами, которыя имѣлъ Генрихъ Барановичъ. Онъ маскировалъ подачку займомъ, упросилъ Гребницкаго подъ этимъ видомъ ссудить отца на устройство табачной лавочки сначала 200, потомъ еще 200 р., потомъ наконецъ 300 р., на которые былъ выданъ отцомъ и вексель въ 700 р. Самая крупная сумма это 2 т. р., врученныя незадолго до убійства Ющинскому, но о ней я скажу послѣ. Самъ Барановичъ дѣлалъ Боговской подарки: преподнесъ ей перстень съ красивымъ бриліантомъ. Въ область этихъ щедрыхъ подарковъ и подачекъ со стороны Боговской входятъ и бриліанты, вынутые изъ женскихъ украшеній Боговской, хранившіеся у Гребницкаго, непроданные и находящіеся, можетъ быть, и теперь въ таинственномъ пакетѣ, состоящемъ въ вѣдѣніи Ющинского—наконецъ, тотъ вексель въ 12,380 р. на Дементія Боговского, который сослужилъ юстиціи такую службу, что помогъ въ значительной степени сосредоточить подозрѣнія въ убійствѣ на Генрихѣ Барановичѣ. Я теперь и остановлюсь на этихъ двухъ характерныхъ эпизодахъ и прежде всего на бриліантахъ.

Повторяю данный уже мною совѣтъ: посмотрите, гг. судьи, на это обстоятельство не въ свѣтѣ послѣдующихъ событій и раскрытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, а въ тогдашней обстановкѣ. Когда Барановичъ былъ прижатъ къ стѣнѣ, когда онъ волею неволею принужденъ былъ сознаться, что убилъ, тогда, какъ утопающій хватается за соломинку, онъ сталъ топить и оговаривать другихъ: моя рука убила, но преступленіе не мое, меня втянули всѣ—и Ющинскій, и Гребницкій, и Павловскій, и Древновскій. Случилось то, за что Ющинскій и упрекалъ Барановича въ письмѣ отъ 2 октября 1888 г. изъ Вѣны, писанномъ къ Гребницкому, но направленномъ къ Барановичу: „Это подло. По расчету вы давно приготовились къ этому;

допускаете, что Древновскій и К., замѣшанные вами, отправятся ловить соболей...“ Тогда Барановичъ сталъ всѣхъ петербургскихъ товарищей привинчивать къ дѣлу всякими путями, пристегивать къ своему оговору малѣйшія обстоятельства сношеній, которыя сохранила его память. Тогда однимъ изъ самыхъ простыхъ средствъ такого привлеченія явились бриліанты: я ихъ взялъ, потому что они были попорчены, шатались въ своихъ мѣстахъ и закрѣпахъ; я задумалъ ихъ подмѣнить фальшивыми и, вставивъ фальшивые въ цѣнныя украшенія, возвратить ихъ въ такомъ видѣ Боговской, о чемъ я и передалъ товарищамъ; они знали о такомъ мошенничествѣ и помогли, значитъ они въ этомъ мошеничествѣ соучастничали; этотъ оговоръ и послужилъ канатомъ, посредствомъ котораго притянуты и члены кружка, и Ясинскій. Я долженъ сказать, что для самого Барановича самообвиняющагося исходъ самообвиненія почти безразличенъ: мошенничество это малая щепка въ сравненіи съ убійствомъ для ограбленія, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Но если это обстоятельство виновности въ бриліантахъ безразлично для Барановича, то оно не безразлично для тѣхъ, кого онъ съ собою увлекаетъ. Вопросъ простой: сдѣлка съ бриліантами состоялась между двумя лицами, наединѣ между Θеклой Боговской и Генрихомъ Барановичемъ; изъ нихъ одно уже мертвое — Боговская, она одна могла бы удостовѣрить, выманены ли у нея бриліанты, чтобы ихъ справить, или они подарены Барановичу съ тѣмъ, чтобы онъ себя ими украсилъ, сдѣлавъ великолѣпныя запонки, шпильки,—или они даны, чтобы онъ ихъ продалъ и обратилъ на политическія или общественныя цѣли, какъ даны тѣ 2 тысячи, которыя получилъ Ющинскій. Но если этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ и отрицательно, то этимъ дѣло не рѣшается: если бы Генрихъ Барановичъ и выманилъ бриліанты у Боговской, немыслимо, чтобы безъ всякой достаточной причины онъ въ томъ признался, чтобы онъ такъ прямо и заявилъ людямъ, которыхъ добрымъ мнѣніемъ и уваженіемъ онъ дорожилъ: я мошенникъ, помогите мнѣ довершить мое мошенничество, и женщину, которая мнѣ довѣряется и готова за меня выйти замужъ, сдѣлать меня богатымъ, провести и надуть. Очевидно онъ этого сказать не могъ, онъ долженъ былъ представить дѣло такъ: Боговская богатая, у нея есть цѣнныя вещи, которыя она мнѣ подарила, я не хочу дѣлать запонокъ, носить бриліантовъ, афишировать себя, возбуждать неудовольствіе родныхъ. Я бриліанты возьму, теперь искусство поддѣлывать ихъ доведено до совершенства, бриліанты жертвую на дѣло, на предпріятіе Ющинскаго, а самыя вещи съ замѣняющимъ ихъ штрасомъ возвращу Боговской, не скрывая вовсе того, что я сдѣлалъ съ бриліантами, ни та, ни другая ея знакомыя не знаютъ толку въ бриліантахъ „не будетъ даже вида, что бриліантовъ нѣтъ, не будутъ ея родные попрекать меня тѣмъ, что

бриліанты Боговскою утрачены". Привозилъ Барановичъ эти бриліанты около Пасхи раннею весною. Случилось такъ, что Ясинскій, даже вовсе не членъ кружка, зашелъ случайно къ Ющинскому и былъ свидѣтелемъ какъ при цѣлой компаніи (Ющинскій, Гребницкій, Древновскій) выкладывались на столъ цѣнныя вещи и шелъ откровенный и лишенный малѣйшей тѣни злого умысла разговоръ о томъ, какъ бы вынуть настоящіе бриліанты и замѣнить ихъ штрасомъ. Столь мало въ этомъ дѣйствіи сквозило что-нибудь дурное, что Ясинскій, человѣкъ посторонній, не поколебался зайти по пути съ Ющинскимъ и Барановичемъ къ ювелиру Гуторовичу и присутствовалъ какъ при передачѣ бриліантовъ, такъ и при условіи съ Гуторовичемъ замѣнить ихъ штрасомъ за 30 р. Я удивляюсь, какъ привлеченъ Ясинскій, только свидѣтель, но совершенно безучастный, а выпускается Гуторовичъ, который самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовалъ въ подмѣнѣ бриліантовъ, какъ ювелиръ. Наконецъ я утверждаю, что предположеніе, изложенное въ обвинительномъ актѣ, что подсудимые, которые не знали даже о существованіи бриліантовъ, пока ихъ не привезъ Барановичъ, надоумили его овладѣть ея бриліантами и только его руками привели это намѣреніе въ исполненіе, виситъ прямо на воздухѣ, и есть ничѣмъ рѣшительно не подтверждаемая фантазія. Трудно даже и понять, почему въ это дѣло запутанъ Гребницкій. Не онъ распоряжался бриліантами, не онъ ходилъ къ ювелиру, онъ отъ Ющинскаго только получилъ бриліанты на сохраненіе и только потомъ, передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга осенью 1883 г., изъ любопытства, а не для продажи, ходилъ ихъ показывать ювелирамъ гостиннаго двора и Невскаго проспекта для узнанія цѣны; всѣхъ бриліантовъ было 31, они были мелкіе и цѣнились вмѣстѣ отъ 750 до 850 руб.

Вексель Дементія Боговского находился въ тѣснѣйшей связи съ бриліантами и если бы обвинитель дѣйствовалъ послѣдовательно, то вексель могъ бы составить предметъ особаго обвиненія въ тайномъ или мошенническомъ похищеніи отъ Боговской документа съ цѣлью воспользоваться ея капиталомъ, не осуществившемся по независящимъ отъ похитителей или обманщиковъ обстоятельствамъ. Вексель безъ сомнѣнія хранился у Боговской въ кассѣ. На Страстной недѣлѣ онъ очутился въ рукахъ Барановича въ С.-Петербургѣ, а потомъ послѣ убійства вмѣстѣ со всѣми цѣнностями былъ заключенъ въ пакетъ и переданъ Ющинскимъ 9 или 10 мая Гребницкому. Несомнѣнно, что вексель этотъ былъ на страстной недѣлѣ въ рукахъ Генриха Барановича и былъ имъ показываемъ разнымъ лицамъ съ цѣлью узнать, какъ можно его реализировать. О томъ свидѣтельствуютъ и Генрихъ Барановичъ, и Людвигъ Гребницкій, и изъ свидѣтелей товарищей Гребницкаго Иванъ Броникovскій, показавшій слѣдующее: „На Страстной недѣлѣ я былъ у Гребницкаго

и сей послѣдній показывалъ мнѣ вексель на крупную сумму, спрашивая, какъ его учесть; я сказалъ, что не знаю". Появленіе у Генриха Барановича векселя понятно: Дементій Боговской пересталъ платить, не заплатилъ къ сроку 27 января 1882 г.; Боговская хотѣла ли искать—неизвѣстно, а несомнѣнно желала учесть и сбыть съ рукъ этотъ вексель, съ тѣмъ, чтобы съ Дементія Боговского взыскалъ деньги кто-нибудь другой. По всей вѣроятности съ тѣхъ поръ вексель такъ и остался у Гребницкаго, врученный ему Генрихомъ Барановичемъ для разузнанія какъ сдѣлать, чтобы извлечь изъ него деньги. Вопросъ такъ и не выяснился. Между тѣмъ быстро пошли одно за другихъ событія. Боговская была убита, начались для Гребницкаго выпускные экзамены, началось слѣдствіе, коснувшееся Барановича. Я потомъ разскажу и объясню характерное отношеніе къ этому векселю Генриха Барановича, когда его осѣнила великолѣпная идея 11 іюня 1883 г. пойти обходомъ съ этимъ векселемъ по исковскимъ нотаріусамъ, то есть собственно обнародовать, что у него есть поличное.

Прежде чѣмъ перейти къ окончательной развязкѣ, къ трагическому моменту—убійству, мнѣ придется еще перескочить черезъ два на видъ крупные барьера:—опыты съ ядами и кастетъ—и изслѣдовать, сколько содержится правды или лжи въ этихъ якобы приготовленіяхъ къ убійству.

Токсикологія. Технологи, отчасти естественники, физики и химики, по роду своихъ занятій, должны часто обращаться съ ядовитыми веществами. Между ними есть кончившій уже курсъ химикъ — изобрѣтатель по части фотографіи и гальванопластики — Ющинскій, которому могла прійти и пришла мысль попробовать дѣйствіе сильнаго яда, имѣющаго соотношеніе къ фотографіи, надъ животными или испытать то, что онъ вычиталъ въ какомъ-нибудь журналѣ, повторить опытъ, одинъ изъ многихъ, которые, я увѣренъ, весьма и весьма часто совершаются надъ животными на Выборгской сторонѣ, въ окрестностяхъ медико-хирургической академіи, гдѣ всякія вивисекціи и прививанія ядовъ и даже отравленія—обыденные факты. Можно быть милосерднымъ и къ животнымъ и возмущаться и вооружаться противъ такихъ дѣйствій, какъ вооружаются противъ всякихъ опытовъ надъ безсловесными меньшими братьями во многихъ странахъ, даже въ Англіи, какъ возставали нѣкогда противъ безнравственности анатомированія труповъ. Тѣмъ не менѣе фактъ самъ по себѣ не уголовный и даже не безнравственный, почти такой же простой, какъ и тотъ, что я ежедневно употребляю въ пищу воловъ, телятъ и курицъ, убитыхъ только ради того, чтобы прокормить меня, и зная, что они убиты насильственно. Въ фотографіи употребляется ціанистый калій (*acidum prussicum*), прусская кислота. По словамъ Генриха

Барановича на масляницѣ, а по словамъ Древновскаго около Пасхи, Ющинскій пригласилъ къ себѣ вечеромъ около 8—9 ч. Барановича, по своему предпріятію уже будущаго своего помощника, и Древновскаго. Былъ и Гребницкій, зашедшій, по его словамъ, случайно (и живущій въ томъ же домѣ архитектора Маевскаго у Обуховскаго проспекта). Кошка околѣла. Древновскій ушелъ, что я заключаю изъ того, что онъ говорилъ: „Не было Павловскаго". Павловскій однако явился, но послѣ опытовъ, ничего не зная, и испыталъ чувство гадливости и отвращенія, когда Ющинскій подсунулъ ему вынутое изъ шкапчика нѣчто теплое и сказалъ, что это отравленная кошка. По словамъ Павловскаго, Ющинскій, изъявлялъ намѣреніе попробовать отравить еще и собаку. Возвращаясь, Павловскій столкнулся съ входящимъ опять Древновскимъ. Такова реальная подкладка и основа, на которой построенъ въ періодъ, когда Генрихъ Барановичъ, самъ обвиняясь, тянетъ по возможности и другихъ, цѣлый романъ предварительныхъ опытовъ съ ядомъ и покушеній на отравленіе Боговской. Уже на масляницѣ, т. е. когда отъ Боговской шли щедрыя подачки и протекало кой-что въ кассу, составился якобы заговоръ на отравленіе и производились опыты. По разсказу Генриха Барановича, сначала съ кошкою, потомъ съ собакою (чего никто не подтвердилъ) производились опыты посредствомъ шариковъ изъ колбасы. Эти опыты произвели будто бы на Барановича столь удручающее впечатлѣніе, что отъ отравленія онъ отказался. Затѣмъ начинается еще другой романъ, не имѣющій уже ни той малой доли подтвержденія фактами, которая присуща разсказу о ціанистомъ кали, каковымъ все-таки отравляли кошку. Изображается цѣлый періодъ дѣятельности якобы цѣлаго общества, а между тѣмъ въ сущности только двухъ дѣйствующихъ лицъ—Ющинскаго и Барановича, посвященный уже не убійству, а усыпленію Боговской наркотиками, съ тѣмъ, чтобы ее такимъ образомъ лишить сознанія и обокрасть. При семъ случаѣ нѣтъ и помину о томъ, что предполагалось затѣмъ сдѣлать и какъ ее обокрасть. Усыпленная она могла бы проснуться, закричать, поднять тревогу, прямо указала бы на вора, злоупотреблявшаго ея ласками и довѣріемъ. Что же онъ ждалъ ли бы, пока его съ поличнымъ отправятъ въ тюрьму или бы удралъ? Но гдѣ же намекъ на его приготовленія бѣжать? Психологическій анализъ такъ мало требовался въ этомъ слѣдствіи, что Барановичу даже и не поставили объ этомъ никакого вопроса, а всѣ его фантазіи приняты за чистую монету. Губить себя никто не хочетъ, вѣроятно вы поставите предположеніе о его намѣреніи бѣжать, но куда? У него братъ, семья, неужели онъ бы могъ допустить, чтобы по этому слѣду добрались до родителей, можетъ быть ихъ бы арестовали, а во всякомъ случаѣ этихъ и безъ того несчастныхъ, любимыхъ имъ людей, повергли бы въ горе и причинили

имъ страшный позоръ. Слѣдъ шелъ въ С.-Петербургъ, къ кружку технологовъ, съ которыми сношенія его не были ни для кого изъ товарищей тайною. Неужели кружокъ моіъ допустить пріемъ въ свои нѣдра завѣдомаго вора, грабителя и взять еще на себя храненіе поличнаго? Кружокъ ради національной мысли, лежавшей въ его основѣ, окружаетъ себя нѣкоторою таинственностью, неужели онъ могъ жертвовать всею своею будущностью ради временной выгоды, ради добычи, которую они только хранятъ и кроютъ и въ которой въ то время не было никакой настоятельной нужды? Что требовалось и что было доставлено Ющинскимъ по словамъ Барановича для усыпленія: хлороформъ, морфій въ пилюляхъ, морфій жидкій и спринцовка—это бездѣлицы: въ какомъ угодно количествѣ имъ можно достать въ С.-Петербургѣ, незачѣмъ ѣздить въ Варшаву; у каждаго дантиста она есть, докторъ безъ труда ихъ пропишетъ. Тутъ опять мы встрѣчаемъ новые узоры, причудливо вышитые на канвѣ, вспомнилась реальная поѣздка на югъ на Святой недѣлѣ Ющинскаго и на этомъ реальномъ обстоятельствѣ расписанъ обвиняющій вымыселъ, самъ по себѣ невѣроятный. Наконецъ, не только ни у Боговской, ни у Барановича не найдено склянки, пилюль, этикета, спринцовки, какого бы то ни было вещественнаго подтвержденія разсказа, но и невѣроятно само изображеніе того, какъ ночью Барановичъ опоилъ Боговскую морфіемъ, лавровыми каплями, какъ потомъ онъ ее привелъ въ безчувствіе хлороформомъ, довелъ до судорогъ, самъ потомъ отливалъ ее водою. Затѣмъ, когда онъ недвумысленнымъ образомъ обнаружилъ свои недобрые замыслы и виды на ея здоровье и самую жизнь ея. Несмотря на то, она продолжаетъ любить его и довѣрять ему безпредѣльно, какъ овечка, которая не подозрѣваетъ, что ее ведутъ на убой. Во всемъ этомъ разсказѣ человѣческаго смысла нѣтъ; отъ начала до конца онъ невѣроятенъ; я не колеблясь отнесу его въ область небылицъ, хотя онъ и не опровергается обстоятельствами дѣла, потому что онъ не доказывается ничѣмъ и несогласенъ съ естественнымъ ходомъ вещей.

Еще съ большимъ основаніемъ я отнесу въ область чистѣйшихъ вымысловъ такъ-называемый кастетъ или кистень, его выдѣлку, его привезеніе въ Псковъ и совершеніе якобы посредствомъ него убійства. Это усвоенное обвинительнымъ актомъ событіе не то, что противно естественному ходу вещей, но еще хуже: оно противорѣчитъ обнаруженнымъ и несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла до такой степени, что если бы дѣло рѣшаемо было по прежней системѣ законныхъ доказательствъ, въ которой главное и единственное можно сказать доказательство—собственное признаніе,—то и въ такомъ случаѣ надобно бы это признаніе отвергнуть, потому что даже по 3 п. 352 ст. зак. о судопр. въ XV т. св. зак.

признаніе почитается совершеннымъ доказательствомъ... „3) когда оно вполнѣ сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ“, а въ томъ-то и сила, что оно совсѣмъ не сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ, что и постараюсь доказать.

Что такое кастетъ или головоломъ (его называютъ еще и кистенемъ)? Бываютъ различные роды кастетовъ, къ числу ихъ принадлежитъ желѣзная *sortie de bal*. Не о такомъ кастетѣ идетъ рѣчь, а о кастетѣ свинцовомъ (Барановичъ говорилъ „оловянный“, но это польское слово означающее свинецъ), то есть о большомъ свинцовомъ шарѣ въ плетенкѣ изъ тростника или кожи и на гибкой ручкѣ, которую ударяющій держитъ въ рукахъ. Очень распространенные за границею кастеты этого сорта у насъ запрещены и не продаются, посему если бы онъ былъ доставленъ, то готовый, и совсѣмъ невѣроятно показаніе Древновскаго отъ 19 и 20 октября, что Ющинскій его изготовлялъ. Барановичъ въ своемъ показаніи отъ 18 октября говоритъ: „Не знаю, кто его изготовлялъ, не знаю его происхожденія“, а 28 августа 1884 г. показалъ, что его взялся изготовить Гребницкій, который и привезъ его въ Псковъ и передалъ Барановичу. Эта передача, состоявшаяся якобы 6-го, въ пятницу, имѣла рѣшающее значеніе для Барановича. Дотолѣ онъ колебался, теперь пошелъ на дѣло и увидѣлъ, что ему не отдѣлаться отъ бѣды, что жизнь его загублена, и въ ночь съ 7 на 8 убилъ Боговскую тѣмъ же кастетомъ, который положилъ сначала подъ подушку, а потомъ выхватилъ оттуда и ударилъ имъ по головѣ Боговскую, когда она по его просьбѣ открыла кассу. Итакъ, если Ѳекла Боговская убита, согласно показанію Генриха Барановича, кастетомъ и только кастетомъ, то все-таки нанесенныя раны должны быть такія, какія соотвѣтствуютъ формѣ и качеству этого орудія. На кожѣ должна отпечатлѣться плетенка. Если не отпечатлѣлась, то все-таки рана или ушибъ должны быть какъ отъ шара, вдавленные, ушибленные, безъ краевъ, безъ острыхъ кантовъ, какъ отъ орудія просто тупого, а не тупограннаго, нисколько не похожіе на раны порѣзанныя, рубленныя или колотыя. Таковы ли были раны на трупѣ при судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи 8 мая, сначала слѣдователемъ въ 12 ч., при осмотрѣ мѣстности преступленія, потомъ въ 3 ч. пополудни (въ 16 ч. послѣ убійства) докторомъ Фалькомъ, при прокурорѣ Корсаковѣ? Уже въ протоколѣ обозрѣнія мѣстности внесены слѣдующія бросившіяся въ глаза обстоятельства. На правомъ вискѣ двѣ треугольныя раны.

По судебно-медицинскому освидѣтельствованію раны всѣ на головѣ убитой, онѣ числомъ четыре. Двѣ главныя совершенно одинаковыя по своему виду, съ трещинами кости, обѣ на правой сторонѣ лба, обѣ глубокія до кости, обѣ съ неровными краями вдавленными, слѣдовательно съ разрывами кожи, и притомъ обѣ

треугольныя,—признакъ, который къ моему крайнему удивленію обойденъ въ обвиненіи, а если бы онъ не былъ обойденъ, то о кастетѣ не могло бы быть и помину и потому, что несомнѣнно былъ бы сдѣланъ тотъ выводъ, то заключеніе, къ которымъ пришелъ докторъ Фалькъ: удары сильные тупымъ, твердымъ орудіемъ: обухомъ, топоромъ, молоткомъ—замѣчу, что два послѣднія орудія всегда по необходимости тупогранныя, а и обухъ можетъ быть тупогранный. Треугольныя раны только и могли быть нанесены тупограннымъ орудіемъ. Опредѣлена даже величина сторонъ въ этихъ треугольникахъ — полъ-дюйма. Двѣ другія раны не смертельны, одна въ раковину праваго уха, но въ то время вѣроятно, когда жертва была полумертвая и не оказывала сопротивленія. Наконецъ есть еще рана на затылкѣ, на нижней части правой темянной кости, рана съ гладкими краями, по заключенію экспертовъ нанесенная въ то время, когда Боговская уже лежала ничкомъ, лицомъ къ полу и мускулы ея не оказывали сопротивленія, и такъ какъ края не рваные, но порѣзанные, то экспертиза заключила, что рана нанесена острымъ орудіемъ, не тѣмъ, которымъ нанесены раны по головѣ, но все-таки не кастетомъ, и не тѣмъ, которымъ нанесены треугольныя раны, напр. топоромъ, но опять-таки не кастетомъ. Итакъ, кастетъ отпадаетъ какъ простая выдумка. Если его не было, то незачѣмъ было пріѣзжать Гребницкому 6 числа его привозить; кромѣ того онъ и не пріѣзжалъ. Есть твердо установленное его *alibi*. Технологъ Сенневальдъ разговаривалъ съ нимъ въ 10 часовъ утра у Доминика въ день открытія Зоологическаго сада, 6 мая. Того же дня Адамъ Гребницкій, проф. Лѣсной школы, около 12 ч., запоздавъ бросить письмо, ѣхалъ по Литейному мосту по направленію къ Невскому и встрѣтилъ Гребницкаго, ѣдущаго на Выборгскую на извозчикѣ, почти къ тому времени, когда идутъ скорые поѣзда въ Псковъ, поспѣвающіе туда къ ночи. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и все неправдоподобіе этого измышленія. Функцію смертоноснаго при ударѣ по головѣ орудія можетъ исполнить всякій пестикъ, всякій молотокъ, любая палка съ острымъ наконечникомъ. Съ устраненіемъ кастета мой кліентъ Гребницкій очищается отъ всякихъ подозрѣній за весь періодъ времени, отъ знакомства Барановича съ кружкомъ до роковыхъ майскихъ дней, до событія убійства Взглянемъ, чѣмъ же обнаружилась и обнаружилась ли вообще чѣмъ-либо его дѣятельность въ этой кровавой трагедіи по понедѣльникъ 9 мая, когда онъ получилъ пакетъ на сохраненіе?

Гг. судьи! Я сказалъ, что я не доводчикъ; ни Гребницкій, ни я не знаемъ, кто убилъ Ѳеклу Боговскую; можетъ быть неизвѣстный (не Генрихъ Барановичъ и не Ющинскій) — можетъ быть Генрихъ Барановичъ, который пользовался услугами

не знающаго о злодѣяніи Ющинскаго, можетъ быть Ющинскій совокупно съ Барановичемъ, либо какъ сообщники оба, либо Ющинскій сверхъ того какъ подстрекатель. Всѣ предположенія одинаковы, при всѣхъ нихъ Гребницкій все-таки не виноватъ. Что касается до него лично, то Генриха Барановича онъ всего меньше знаетъ. Барановичъ введенъ былъ Ющинскимъ, стоялъ подъ патронатомъ Ющинскаго, а Ющинскаго Гребницкій зналъ какъ превосходнаго товарища и никогда не могъ думать и подозрѣвать его въ чемъ-нибудь дурномъ, онъ и теперь колеблется, ему и теперь вспоминаются слова письма Ющинскаго, писаннаго къ нему, Гребницкому, для передачи Барановичу отъ 2 октября 1883 г. „Вѣдь вы увѣрены, что будучи невиннымъ вопросовъ не боитесь. Откуда вдругъ такой страхъ. Развѣ... нѣтъ, этого я объ васъ не думаю“... Если бы Ющинскій былъ виноватъ, то безуміе съ его стороны было бы возвращаться опять въ Россію, бывать въ Варшавѣ у дѣвицы Плавинской, ѣздить въ С.-Петербургъ Наконецъ Гребницкій считалъ Ющинскаго талантливою, но не сильною натурою, а Барановича напротивъ того сильною натурою и энергическою, способною заставить другихъ дѣлать что ей угодно.

Но оставимъ въ сторонѣ эти личныя соображенія и остановимся на положительныхъ фактахъ, либо на непререкаемыхъ показаніяхъ подозрѣваемыхъ лицъ, либо на письменныхъ документахъ; вотъ что окажется.

Прежде всего обратите вниманіе на странствованіе Ющинскаго по желѣзной дорогѣ на Святой недѣлѣ 1883 г., на то, что происходило въ апрѣлѣ. По словамъ домохозяйки въ домѣ Маевскаго, Варвары Шиммельпфенигъ, изъ С.-Петербурга къ матери Ющинскій уѣхалъ на первый день Пасхи, вернулся черезъ недѣлю, послѣ его пріѣзда приходила полиція звать его въ 3 отдѣленіе (т. е. бывшее переименованное нынѣ въ департаментъ полиціи, или въ губернское жандармское управленіе). По словамъ матери Стефаніи Ющинской, сынъ ея пріѣхалъ къ ней въ Новоалександровскъ на 2-й день Пасхи, а уѣхалъ на 5-й. Для меня совершенно безразлично, останавливался ли Ющинскій ночевать въ одинъ изъ этихъ переѣздовъ черезъ Псковъ въ гостинницѣ „Лондонъ“, но я обращаю вниманіе на то, что на обратномъ пути, въ концѣ Св. недѣли, Ющинскій, по его словамъ, подтвержденнымъ Гребницкимъ и Барановичемъ, получилъ отъ Генриха Барановича 2,000 р., изъ коихъ 1,000, скопленныхъ Барановичемъ отъ подачекъ, и 1,000, спеціально полученныхъ якобы имъ отъ Боговской на кружокъ. Въ этотъ же разъ вечеромъ на платформѣ у Ющинскаго сорвалось какое-то непечатное слово при видѣ провожаемаго училищемъ и иными начальствующими лицами попечителя варшавскаго учебнаго округа Апухтина, что дошло до подлежащихъ ушей и вызвало потомъ преслѣдованіе, или

по крайней мѣрѣ допросъ Ющинскаго въ С.-Петербургѣ. Во избѣжаніе этого допроса Ющинскій передаетъ тогда же деньги 2,000 р., предназначенные на предпріятіе Гребницкому, какъ кассиру кружка, въ область дѣятельности коего входило и само предпріятіе. Такимъ образомъ устанавливаются и не подлежатъ сомнѣнію сильныя, тѣсныя и дѣловыя сношенія Ющинскаго съ Барановичемъ, сношенія Барановича съ Ющинскимъ непосредственныя, между тѣмъ какъ съ кружкомъ Барановичъ имѣлъ только посредственныя чрезъ Ющинскаго.

Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, въ началѣ мая происходитъ убійство. Единственный источникъ вполнѣ надежный и непререкаемо достовѣрный для разъясненія событія, котораго тайна хранится между двумя только лицами, Генрихомъ Барановичемъ и Ющинскимъ—это телеграммы. Разберемъ же эти телеграммы; въ нихъ каждое словцо и каждое число точно свѣчка, озаряющая глубокій мракъ, покрывшій событія.

Судя по этой корреспонденціи заигрываетъ первый не Барановичъ, а Ющинскій. 5 мая 1883 г. въ $2^3/_4$ ч. пополудни Барановичу телеграфируютъ: „Пріѣзжаю завтра въ $7^1/_2$ час., отвѣчай встрѣтишь ли—Конради“. Писана телеграмма по содержанію какъ будо бы Конрадомъ Павловскимъ; такъ было нужно Ющинскому, такъ и понялъ Барановичъ, но почеркъ изобличилъ автора, телеграмма писана Ющинскимъ, самъ Ющинскій призналъ это, онъ не отрицаетъ, что онъ скрывалъ свое имя по поводу исторіи съ Апухтинымъ, но тогда зачѣмъ же *Konradi*, написалъ бы *Adolf* или *Karol* или *Jakób*. *Konradi* тоже, что *Konrad*, а *Konrad* то же, что Павловскій, а Павловскій свой человѣкъ, къ которому, когда Барановичъ пошлетъ отвѣтъ, то телеграмма можетъ быть перехвачена имъ, Ющинскимъ. Такъ и сдѣлалъ Ющинскій, отвѣтъ былъ данъ 5 мая 1883 г. „Павловскому—встрѣчу—Генрихъ“. Ющинскій зашелъ къ Гребницкому и Павловскому, жившимъ вмѣстѣ, нашелъ телеграмму, и тутъ же ее распечаталъ и разумѣется вечернимъ поѣздомъ того же дня поѣхалъ. Онъ говорилъ, что пробылъ въ Псковѣ только часъ и отправился обратно 6-го же въ 10 ч. утра въ С.-Петербургъ.

Я готовъ вѣрить, что это и было точно такъ, въ противномъ случаѣ, если бы онъ сначала не пріѣхалъ и не объяснился и потомъ изъ Пскова обратно не уѣхалъ, не было бы надобности Барановичу посылать ему въ догонку по тому же пригодившемуся и сослужившему свою службу адресу Павловскаго третью телеграмму въ С.-Петербургъ, 6 мая въ 7 ч. 55 м. вечера. „Увѣдомьте о здоровьѣ—Генрихъ“. И этой телеграммы ни Павловскій, ни Гребницкій не видали. Потомъ Ющинскій утверждалъ, что онъ ее не понимаетъ, что онъ подумалъ, не получилъ ли Генрихъ Барановичъ дурныхъ

извѣстій о Сикорской. Объясненіе странное. Не показывалъ Ющинскій этой телеграммы никому, не пошелъ узнавать о Сикорской, не послалъ туда кого-нибудь. Я по неволѣ долженъ предположить, что эта таинственная телеграмма была условленный знакъ между нѣсколько часовъ до того видѣвшимися Ющинскимъ и Барановичемъ и содержала можетъ быть подтвержденіе соглашенія о томъ, чтобы къ 7-му вечеромъ пріѣхать.

Затѣмъ данныя телеграммы пересѣкаются; ѣздилъ ли въ субботу въ Псковъ 7 числа Ющинскій, ѣздили ли куппо Ющинскій и Павловскій, гдѣ они были 8 числа—то покрыто мракомъ неизвѣстности, если не согласитесь повѣрить, гг. присяжные, Гребницкому, что его товарищъ по жилью Павловскій никуда не уѣзжалъ. Замѣтьте при этомъ, что Павловскаго судьба виситъ только на языкѣ Генриха Барановича и что кромѣ его оговора нѣтъ другихъ доказательствъ противъ Павловскаго, наконецъ, что Павловскій—единственный изъ обвиняемыхъ въ убійствѣ подсудимыхъ, который признанія не дѣлалъ никакого несмотря на то, что по умственной организаціи онъ слабѣе другихъ, что онъ сходилъ съ ума, и что за его умственныя способности нельзя и теперь ручаться. 7 и 8 числа никто его не видалъ, доказать свое *alibi* онъ не успѣлъ, одно есть указаніе, опровергаемое обвиненіемъ, указаніе на записныя карточки въ читальной Публичной библіотеки. Я сомнѣваюсь въ такой приписываемой ему обвиненіемъ дальновидности, я полагаю, что 7 числа голова его совсѣмъ другимъ была занята, а не отклоненіемъ возможности въ будущемъ подозрѣнія. Но 9 мая, въ понедѣльникъ, случился крупный фактъ: въ рукахъ Ющинскаго очутилось главное поличное, совокупность вещей, добытыхъ преступленіемъ, онъ эти вещи принесъ Гребницкому и передалъ въ кружокъ. Если бы вы по недостатку данныхъ и не рѣшились обвинить членовъ кружка въ убійствѣ, то вамъ можетъ быть поставленъ на ваше разрѣшеніе вопросъ о другомъ преступленіи, весьма мало уступающемъ первому: объ укрывательствѣ кровавой добычи. Вотъ почему я прошу все ваше вниманіе устремить на обстоятельства, сопровождавшія это дѣйствіе, одно изъ послѣднихъ въ ужасной драмѣ.

Относительно укрывательства мы должны идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли, то есть предположить, что можетъ быть и самъ Ющинскій, получая либо изъ рукъ Барановича въ Псковѣ, либо отъ неизвѣстнаго лица въ С.-Петербургѣ роковой пакетъ, не зналъ о его уголовномъ происхожденіи; тогда онъ не могъ ничего сообщить. Но если онъ зналъ въ подробности или если догадывался, то въ какой формѣ онъ долженъ былъ это свѣдѣніе, прикрѣпляющее его къ преступленію, передать товарищамъ? Если онъ хотѣлъ достигнуть цѣли, чтобы они этотъ пакетъ взяли и хранили и пакета

не вскрывали и лишняго не болтали, то онъ по необходимости, по осторожности, внушаемой простымъ здравымъ смысломъ, долженъ былъ это свѣдѣніе скрыть, напротивъ того впушить, что и передача и храненіе совершены естественно и легально. Даже и тѣ, которые бы не гнушались до того извлекать пользу изъ выгоднаго ремесла лица, состоящаго на содержаніи, можетъ быть воспротивились бы безпричинно путаться въ уже совершенное и могущее ихъ всѣхъ погубить преступленіе. Если бы какая-нибудь необходимость заставляла пріобщить кого-либо къ уголовному секрету, то Ющинскій пріобщилъ бы одного или двухъ, а не всѣхъ, пріобщилъ бы Гребницкаго, а не остальныхъ, которые не нужны и могли бы только мѣшать.

Возстановимъ фактъ передачи. Псковъ вдали отъ Петербурга, газеты распространенной не имѣетъ, онъ – не бойкій центръ, извѣстія сенсаціонныя сообщаютъ только с.-петербургскія газеты, въ эти газеты могли они попасть посредствомъ телеграммъ, но телеграммы о смерти Боговской не было, а предметомъ убійства была женщина, хотя и богатая, но изъ простонародья, и подозрѣнія пошли не въ ту куда слѣдуетъ сторону. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что событіе о смерти Боговской огласилось въ Петербургѣ черезъ недѣлю, не раньше 15 мая. Посчитаемся же съ днями, если бы пакетъ былъ взятъ и привезенъ тотчасъ въ С.-Петербургъ, что могло быть вечеромъ 8-го числа. Барановичъ говоритъ, что онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ къ 12 часамъ того числа, значитъ передача состоялась въ этотъ промежутокъ съ 8 до 12 часовъ. По словамъ Гребницкаго пакетъ былъ принесенъ Ющинскому на квартиру Гребницкаго во вторникъ или среду послѣ 7-го, значитъ 10 или 11 числа, и что онъ переданъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будучи въ опасномъ положеніи, вслѣдствіе исторіи съ Апухтинымъ, Ющинскій не желалъ держать этой поклажи, переданной ему Барановичемъ, сообщилъ, что эти вещи собственность Барановича, но Барановичъ не хочетъ ихъ держать, такъ какъ Боговская убита. Чрезъ нѣсколько дней, 12 или 13 числа, самъ Барановичъ подтвердилъ, что эти вещи подарены ему при жизни Боговскою. Древновскій переноситъ передачу пакета на самое воскресенье, 8 числа, вечеромъ у Гребницкаго, гдѣ происходилъ взломъ саквояжа или сумки и выемки 12—14 т. денегъ и векселя въ 12 т. При этомъ яко бы случаѣ Древновскій спросилъ, не убилъ ли Барановичъ Боговскую, на что получилъ отвѣтъ: „А чортъ его знаетъ“. Наконецъ, что касается до Ющинскаго, то первоначально онъ утверждалъ, что въ Псковѣ 8-го онъ не былъ; встрѣтивъ въ половинѣ мая Барановича въ кухмистерской технологическаго института, узналъ отъ него объ убійствѣ Боговской и слѣдствіи, и вечеромъ того же дня получилъ отъ него пакетъ, который и передалъ Греб-

ницкому. 2 же мая 1886 г. Ющинскій утверждалъ, что 8 или 9 (кажется 9, въ понедѣльникъ) неизвѣстный человѣкъ принесъ ему пакетъ отъ Барановича (саквояжъ, въ которомъ уже прежде того возились бриліанты), что этотъ пакетъ онъ понесъ къ Гребницкому, гдѣ нашелъ и Павловскаго и Древновскаго, но Павловскій скоро ушелъ, такъ что взломъ замка и пересчитываніе денегъ происходили безъ него, причемъ Древновскій бросилъ на воздухъ предположеніе, не убилъ ли Барановичъ Боговскую. На слѣдующій день Ющинскій якобы получилъ письмо отъ Барановича, извѣщающее объ убійствѣ и просящее хранить посылку. Тогда, говоритъ Ющинскій, 11 мая, боясь держать ее у себя по поводу Апухтина, я снесъ все, съ другими вещами (часы, бриліанты) къ Гребницкому и ему отдалъ. Таковы противорѣчивыя данныя, изъ которыхъ однако слѣдуетъ: 1) что объ убійствѣ не было извѣстно въ моментъ передачи пакета и что передача совершилась безъ таинственности, безъ секрета, какъ дѣйствіе самое простое и обыкновенное. Проходятъ затѣмъ еще двѣ, три недѣли. Барановичъ вернулся въ Псковъ, убійство огласилось. но Барановичъ въ сторонѣ, всѣ подозрѣнія падаютъ на Егоровыхъ, Пакетъ остается на храненіи у Гребницкаго, отношенія между Ющинскимъ и Барановичемъ для Гребницкаго не выяснены, пакетъ отъ Барановича огданъ на кружокъ, на одну изъ цѣлей кружка, на предпріятіе Ющинскаго. Гребницкій не зналъ, оставилъ ли за собою Барановичъ какую-нибудь въ этомъ пакетѣ долю. Въ началѣ іюня и Ющинскій, и Гребницкій собираются ѣхать: Ющинскій — за границу за патентомъ на изобрѣтеніе, за которое ему уже предлагали 10 т. гульденовъ, Гребницкій—къ себѣ въ деревню. Является, между прочимъ, второстепенный вопросъ, на какія деньги ѣхалъ Ющинскій. У него было, по его словамъ, 1,500 р., скопленныхъ уроками. По словамъ же матери, у которой онъ гостилъ проѣздомъ, денегъ у него было не больше 1,000 р. Я можетъ быть попаду въ настоящую истину, когда скажу, что это деньги изъ кассы, изъ тѣхъ 2 т., которыя даны были Ющинскому на Святой недѣлѣ Барановичемъ въ Псковѣ. Удовлетворяя просьбу Барановича и желаніе Ющинскаго, наканунѣ выѣзда, 3 іюня вечеромъ 1883 г. Гребницкій отправилъ въ Псковъ телеграмму: „Завтра субботу половинѣ шестого уѣзжаю—Людвигъ". Телеграмма адресована прямо къ Барановичу, съ удивительною откровенностью, если предположить, что Гребницкій скрытный убійца и заговорщикъ. Дѣйствительно на тотъ поѣздъ ночной явились два брата Барановичи; стоянка не долгая, *тахітит* полчаса, Генрихъ Барановичъ ходилъ съ Гребницкимъ, а Казиміръ съ Ющинскимъ. Замѣчательно то, что о самомъ существенномъ, что по обвинительному акту составляетъ нервъ дѣла, о деньгахъ не было и помину, какъ будто бы вопросъ

не существовалъ, какъ будто-бы это дѣло было уже между Ющинскимъ и Генрихомъ Барановичемъ окончательно рѣшено и хранителю Генриху Барановичу не счелъ нужнымъ или возможнымъ либо дать инструкцію, либо просто напросто у него освѣдомиться, на какую сумму могъ онъ разсчитывать изъ этихъ денегъ, кровью заработанныхъ.

Итакъ, жгучій денежный вопросъ остался неразъясненнымъ, его не рѣшился поднимать Барановичъ, очевидно потому, что Гребницкій не былъ въ секретѣ и открывать его Барановичъ считалъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ неудобнымъ. Но нужда заставила однако требовать денегъ, но требовать ихъ посредствомъ переписки, эта переписка поучительнѣе всякихъ оговоровъ и признаній Если бы держались этихъ документовъ, которыхъ искренность не можетъ быть опорочена, то на скамьѣ подсудимыхъ не сидѣли бы по крайней мѣрѣ Гребницкій, Древновскій и Павловскій. Этой перепиской обнаруживается не правда показаній Барановича, что послѣ убійства всѣ четверо отъ него отшатнулись, а оказывается только, что по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ ничего не знали. У Гребницкаго въ Переволочнѣ найдено письмо отъ 23 іюня 1883 г., то письмо, въ которомъ говорится о 12 каштанахъ, о симпатичныхъ средствахъ и есть коротенькій вопль нуждающагося человѣка: „Людвигъ! рискнулъ писать Барановичъ, пришлите мнѣ 200 р. Сергіевская улица, Людвигъ Цейлеръ". Письмо это было тюремное, чѣмъ и объясняется его лаконичность и подтверждается нужда. Арестантъ бомбардиръ Гейнцъ передалъ его женѣ Аннѣ Гейнцъ, а сія послѣдняя Людвигѣ Цейлеръ на Сергіевской, г-жа же Цейлеръ Гребницкому. Вскорѣ затѣмъ не отъ Генриха Барановича, а отъ каноника Кохановскаго пришло письмо, котораго въ дѣлѣ нѣтъ и въ которомъ требовалось 1.000 р. для внесенія залогомъ за Генриха Барановича, подъ каковымъ условіемъ онъ могъ воспользоваться свободою. Второго изъ этихъ требованій, самаго важнаго по положенію дѣла, Гребницкій не исполнилъ, онъ по показанію Павловскаго узналъ, дѣйствительно ли Барановичу нужны эти деньги. Обращаемъ вниманіе на то, что если бы Гребницкій имѣлъ поводъ безпокоиться на счетъ Барановича, а онъ имѣлъ бы, если бы зналъ о совершенномъ имъ убійствѣ, то залогъ въ 1 т. р. изъ полученныхъ на кружокъ 12 т. былъ бы по всей вѣроятности первою его заботою. И съ меньшею суммою въ 200 р. онъ медлилъ тоже, затруднялся ее платить, переписывался съ Ющинскимъ въ Вѣнѣ, котораго онъ считалъ настоящимъ распорядителемъ вклада. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ комбинаціи, которая кончилась отправкою имъ изъ Кохановской станціи, въ 6 верстахъ отъ Переволочны 13 августа 1883 г. цѣннаго пакета Симфоріану Древновскому, 1,200 р. билетами восточнаго займа, въ полученіи какового

пакета Древновскій росписался только 19 августа 1883 г. Комбинація заключалась въ слѣдующемъ. Поклажа майская, сдѣланная Ющинскимъ сообща и по соглашенію съ Барановичемъ, какъ поняли члены кружка, т. е. собственно на одно предпріятіе, на изобрѣтеніе Ющинскаго, лежала безъ движенія, а Симфоріану Древновскому крайне понадобились деньги на покрытіе долговъ не его самого, а его брата. Долговъ этихъ, по показанію Артура Древновскаго, было до 900 р. Симфоріанъ просилъ въ займы, на это Гребницкій отвѣчаетъ письмомъ весьма интереснымъ, котораго чернякъ безъ числа найденъ въ Скляповѣ въ бумагахъ, запрятанныхъ въ „Исторіи матеріализма“ Ланге. Въ письмѣ Гребницкій колебался, деньги нужны были можетъ быть на предпріятіе Ющинскому, нельзя большую сумму вложить на цѣлый годъ. Лучше на болѣе короткій срокъ и на меньшій процентъ. „Я самъ не знаю, посылаю вамъ деньги, рѣшите *втроемъ*“. (Древновскій, Павловскій и Ющинскій.) Затѣмъ идутъ строки, относящіяся къ Барановичу. „Трыковичъ прислалъ успокоительное извѣстіе, что онъ выздоровѣлъ. Хлопочетъ о 200 р. Когда увидитесь съ Трыковичемъ, узнайте, нужны ли деньги?“ Тутъ же затѣмъ идетъ рѣчь о векселѣ въ 12 т. „Что? выяснился ли вопросъ о полученіи денегъ? если нужно вышлите вексель“. Ясно: 1) что весь взносъ получилъ уже назначеніе и имъ вовсе не распоряжался Барановичъ; 2) что по отношенію къ Барановичу кружокъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ обязательствъ; 3) что Барановичъ интересуется деньгами весьма умѣренно и совершенно несоотвѣтственно той роли, которую бы имѣлъ, если бы онъ былъ кровавый исполнитель плановъ, задуманныхъ обществомъ и имъ по порученію общества исполненныхъ; 4) что вексель въ 12 т. представляется напротивъ того личнымъ дѣломъ Барановича, средствомъ его личнымъ, финансовымъ, съ помощью котораго онъ могъ такъ устроиться, что и требовать ничего потомъ не будетъ. Колебаніямъ Гребницкаго полагаетъ конецъ письмо Ющинскаго изъ Вѣны отъ 10 августа 1883 г.; если это письмо новаго стиля, то настоящее его число 30 іюля 1883: „Будь любезенъ, пошли деньги Барановичу“, и затѣмъ слѣдующая интересная прибавка, ясно доказывающая, что Гребницкій тяготился храненіемъ поклажи: „Какъ только возвращусь, немедленно освобожу тебя отъ услуги, на которую жалуешься“. Эта прибавка обнаруживаетъ, что по существу въ поклажѣ, какъ цѣнности, Гребницкій вовсе не заинтересованъ. Рѣшившись помочь Барановичу въ размѣрѣ, сообразномъ требованію, Гребницкій писалъ ему: „Получите отъ Древновскаго въ С.-Петербургѣ, ему отосланы 1,200 р.“ Но другимъ письмомъ Павловскому поручено взять изъ этихъ денегъ отъ Древновскаго 150 до 200 и передать ихъ Генриху Барановичу. Барановичъ и явился, и притомъ раньше, чѣмъ цѣнный пакетъ былъ взятъ съ почты, слѣдовательно

вѣроятно 18 августа. Свиданіе состоялось на улицѣ, у технологическаго института, по городскому письму Барановича, который опасался, что за нимъ слѣдятъ.—Павловскій назначилъ ему на слѣдующій день свиданіе въ ресторанѣ Доминика. О залогѣ за Барановича уже не было и рѣчи, такъ какъ Барановичъ видимо былъ свободенъ. На слѣдующій день у Доминика Павловскій одинъ передалъ Барановичу *minimum* того, что ему поручено было передать, то есть только 150 р. Видимо и Павловскій относился къ Барановичу сдержанно, не какъ къ главному и крупному дѣятелю, а какъ къ нуждающемуся товарищу, не заслуживающему того, чтобы слишкомъ щедриться. Росписки Барановичъ не выдалъ, а отослалъ таковую изъ Пскова Гребницкому. Изъ остальныхъ денегъ 700—800 отправлены Древновскимъ въ Варшаву брату съѣхавшимъ туда товарищемъ-технологомъ Иваномъ Шмидтомъ, который при сей оказіи занялъ еще для себя лично у Древновскаго 100 р. до новаго года.

Сумма 150 р. исчезла вскорѣ какъ капля въ морѣ, а требованія Барановича не прекращались и становились настойчивѣе и непріятнѣе. Гребницкій списывался съ Ющинскимъ, получалъ отъ него: „давай“ и посылалъ еще два раза въ октябрѣ все больше и больше уменьшающіяся суммы денегъ: изъ Могилева 4 октября 1883 г. чрезъ К. Василевскаго—80 р. и 7 октября изъ Сейнъ Сувалкской губ. еще 20 р., и того 100 р., а съ прежними 250 р. съ августа по октябрь, въ неполныхъ два мѣсяца. Гребницкому его роль хранителя сдѣлалась не въ моготу, онъ требовалъ его уволить. Отвѣтомъ на это служитъ письмо Ющинскаго, найденное при Гребницкомъ въ Скляповѣ въ „Исторіи матеріализма“ Ланге. Письмо это отъ 2 октября 1883 г., отъ котораго Гребницкаго не могло не покоробить, оно было первое серьезное предостереженіе о томъ, въ какую, самъ онъ того не зная, залѣзъ яму. Письмо состоитъ изъ 2-хъ частей: а) одна обращена къ Гребницкому, б) другая къ Барановичу и предназначена на то, чтобы Гребницкій ее переписалъ и отправилъ къ Барановичу. Обѣ части въ сильнѣйшемъ противорѣчіи одна съ другою. Во *второй* части Ющинскій прямо называетъ образъ дѣйствій Барановича подлымъ; подлость заключается въ томъ, что Барановичъ обнаружилъ намѣреніе впутать въ скверное дѣло Д. и К., ничего не знающихъ, и отправить ихъ ловить соболей; значитъ Барановичъ грозилъ доносомъ. „Вѣдь вы увѣряли, что будучи невиннымъ ничего не боитесь, откуда вдругъ такой страхъ. Развѣ... (вы убили) нѣтъ, этого не можетъ быть. Повторяю, не дѣлайте этого, это было бы безполезно и скверно“. Замѣтимъ, что по показанію Ющинскаго это письмо было вторымъ, а первое онъ писалъ прямо Барановичу и называлъ его безъ обиняковъ подлецомъ; оно было еще сильнѣе. Обнаруживая въ этой части письма страшную нависшую опасность, Ющинскій въ *первой* журитъ и

почти ругаетъ Гребницкаго за безпокойство: „Ты себѣ набилъ голову неосновательнымъ безпокойствомъ, посему я до возвращенія на родину рѣшилъ освободить тебя отъ дружеской услуги, на которую ты жалуешься. Я тебѣ все разскажу при свиданіи". Изъ этого письма, взятаго у Гребницкаго въ то время, когда Ющинскій только переѣзжалъ или только что переѣхалъ границу, явствуетъ, что онъ нашелъ лицо въ предѣлахъ Россіи, которое взялось поѣхать въ Могилевскую губ. и взять пакетъ отъ Гребницкаго. И есть опять вещественное доказательство: это взятая у Л. Гребницкаго въ Скляповѣ 4 сентября 1884 г. въ „Ист. матер." Ланге росписка Ющинскаго: „Отъ Л. Гребницкаго получилъ все, что ему дано было на сохраненіе". Росписка помѣчена 12 октября 1883 г. собственноручно Ющинскимъ Гребницкій помнитъ, что въ тотъ самый день явился къ нему незнакомецъ, вручилъ это самое письмо отъ 2 октября, которое очевидно неудобно было посылать по почтѣ, и принесъ росписку отъ 12 октября 1883 г. Записка очевидно была помѣчена переднимъ числомъ, по расчету дней, когда незнакомецъ явится къ Гребницкому и когда ему будетъ выданъ пакетъ. Можетъ быть и знаетъ Гребницкій человѣка, но не желаетъ его назвать, въ томъ нѣтъ никакой вины; онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ человѣкъ подвергался участи, хотя бы Лебедзинскаго и Ясинскаго. Пакетъ, какъ видно, дошелъ по назначенію, такъ какъ Ющинскій утверждаетъ, что онъ его запечаталъ и передалъ знакомому на храненіе.

Затѣмъ остается еще послѣднее вещественное доказательство, взятое у Гребницкаго въ Переволочнѣ на столѣ: еще имъ не распечатанное письмо Барановича къ Гребницкому отъ 9 октября 1883 г., которое совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что я сказалъ, характеризуя отношенія Барановича къ Гребницкому, какъ не заключающія въ себѣ ничего преступнаго. Барановичъ позируетъ на непризнаннаго героя, на человѣка весьма сильнаго, котораго не цѣнятъ по заслугамъ. „Въ васъ отсутствіе довѣрія, вы поступаете со мною какъ съ мальчикомъ, я потерялъ надежду найти въ васъ поддержку, а я же не машина и подлежу вліянію разныхъ впечатлѣній. Тяжелую обязанность я несу на моихъ плечахъ, съ трудомъ и болью играю множество комедій. За все это я доженъ имѣть какую-либо цѣну". По всей вѣроятности Барановичъ разсчитывалъ, что чрезъ Ющинскаго кое что извѣстно Гребницкому по части драмы 8 мая, но Гребницкому ничего не было извѣстно, онъ бы въ этомъ письмѣ ничего не понялъ, тѣмъ болѣе, что оно посвящено также и заботамъ другимъ, весьма положительнымъ и практическимъ. Барановичъ иронически спрашивалъ, что Гребницкій намѣренъ сдѣлать съ рецептомъ... „Думаете ли оставить его на память, или же извлечь пользу, лучше отошлите, я постараюсь дѣй-

ствовать чрезъ автора рецепта". Онъ же спрашиваетъ, что дѣлаетъ Адольфъ (Ющинскій), когда можетъ начать работать надъ планами. „Я надѣюсь, пишетъ онъ, освободиться отъ *слѣдствія*, но тогда мнѣ придется идти въ военную службу на $1^1/_2$ года". Надежды на исходъ слѣдствія—признакъ уясняющагося неба, никакой угрозы, никакого намека на шантажъ; даже денегъ не требовалъ Барановичъ. Онъ только сѣтуетъ, что теперь съ утра до ночи работаетъ у сапожника въ грязи и холодѣ. Посудите сами по этому послѣднему документу, похоже ли оно на переписку двухъ злодѣевъ, связанныхъ воспоминаніями о крови, пролитой сообща.

Я выложилъ передъ вами цѣлый ворохъ, цѣлый портфель документовъ самыхъ интимныхъ, никакъ уже не предназначавшихся къ оглашенію, въ нихъ нѣтъ ничего особенно ужаснаго, по крайней мѣрѣ для Гребницкаго, Древновскаго и Павловскаго. Чтобы покончить съ этимъ отдѣломъ доказательствъ, я упомяну еще о двухъ или трехъ. Есть вексель отца Барановича на 700 р., на имя Гребницкаго. Происхожденіе его совершенно ясно. Генрихъ Барановичъ хотѣлъ помочь отцу, но желалъ поставить себя такъ, чтобы изъ него не слишкомъ много высасывали денегъ; не даръ, а заемъ и то у третьяго лица, Гребницкаго, 200 + 200 + 300. Послѣдняя выдача и взятіе векселя вѣроятно имѣли мѣсто на Пасхѣ, когда пріѣхалъ въ С. Петербургъ Барановичъ и остановился въ гостинницѣ Серапина. Если сообразить, что Гребницкій получилъ при жизни Боговской отъ Барановича 2,000 + нѣсколько сотенъ и сосчитать 700 + 1,500, взятые на вѣнскій путь Ющинскимъ, то обѣ суммы покроются.

Гребницкаго арестовали въ Переволочнѣ должно быть 14 или 15 октября, перевезли въ Скляпово. Въ Скляповѣ, несмотря на надзоръ сопровождавшихъ его полицейскимъ и жандармовъ, онъ успѣлъ перекинуться съ матерью своею Юліею Гребницкою парою словъ, попросилъ ее телеграфировать въ С.-Петербургъ о заарестованіи къ знакомымъ, о томъ, что заболѣлъ отъ Трыковича. Сынъ и мать поняли другъ друга. Онъ былъ главою кружка, имѣлъ кассу, преслѣдуемъ былъ жандармами какъ политическій преступникъ. Въ С.-Петербургѣ былъ Древновскій, другъ его и товарищъ. Мать и составила телеграмму Древновскому: „Заболѣлъ отъ Трыковича, извѣстите родныхъ". Слова „Трыковичъ" она не понимала сама (баранъ самецъ), но исполнила волю сына. Подписала прозвищемъ своего рода, извѣстнымъ товарищамъ: „Докторовичъ". Отправила при помощи инжепера Кѣрницкаго, управляющаго картонною фабрикою Гордзялковскаго, телеграмму со станціи не Толочина, а Славянки. Телеграмму Древновскій получилъ 16 октября утромъ, понялъ, что арестъ въ связи съ дѣломъ Барановича, потому что самъ Барановичъ зналъ и озаботился извѣщеніемъ членовъ кружка и знакомыхъ Гребницкаго, которыхъ какъ знакомыхъ можно было потревожить.

Имъ посланы около 10 ч. утра 16 октября двѣ телеграммы: а) Кобринъ—Павловскому и 2) Варшаву—Лебедзинскому: „Докторовичъ боленъ". О Барановичѣ нѣтъ ни помину, потому что Лебедзинскому онъ не былъ вовсе извѣстенъ, слѣдовательно и не нужно было о немъ оповѣщать. Предосторожность была хуже болѣзни. Ради сего невиннаго извѣщенія Лебедзинскій попалъ на скамью подсудимыхъ.

Разборъ письменныхъ документовъ мною конченъ, а теперь я прямо уже направлюсь къ несложнымъ и немногочисленнымъ, можно сказать, прямолинейнымъ, т. е. совершенно яснымъ и простымъ заключеніямъ. Я думаю, что я лишилъ обвиненіе самыхъ сильныхъ орудій, у него остались только два: оговоры да собственныя признанія. Эти послѣдніе инструменты обманчивые и ненадежные, надо еще вышибить ихъ изъ рукъ и уничтожить. Этимъ я теперь и займусь.

Оговоры, гг. присяжные засѣдатели, суть показанія лицъ, которыя, бывъ обвиняемы или уже обвиненными въ преступленіи, или оправдываютъ себя и всю вину сваливаютъ на другихъ, либо и себя обвиняютъ и другихъ съ собою увлекаютъ, надѣясь либо поправить тѣмъ свою участь, либо быть казненными не однимъ, а въ компаніи, вмѣстѣ съ другими. Оговоръ основанъ обыкновенно на эгоистическихъ мотивахъ: спасать себя всячески, на почти животномъ инстинктѣ самосохраненія, на овладѣвшемъ оговорщикомъ чувствѣ: своя рубашка ближе къ тѣлу, нежели чужой кафтанъ. Съ величайшимъ недовѣріемъ люди всегда относились къ словамъ оговорщика, какъ лица, не только не желающаго раскрытія полной истины, если она для него невыгодна, а она для него во всякомъ случаѣ невыгодна, но и заинтересованнаго въ томъ, чтобы ее исказить. Недовѣріе это еще сильнѣе, когда дѣло политическое и ведется по крайней мѣрѣ до поры до времени, какъ дѣло о государственномъ преступленіи. По большей части эти преступленія совершаются по сильному убѣжденію, доходящему до фанатизма и часто напускному, внушаемому извнѣ и уже не раздѣляемому отрезвившимся въ тюрьмѣ подсудимымъ. Кающійся грѣшникъ заслуживаетъ жалости, хотя бы онъ и лицемѣрилъ. Кромѣ того, какъ ни усовершенствованъ слѣдственный снарядъ, нигдѣ и никогда вы не воспрепятствуете тому, чтобы этотъ кающійся не былъ выставленъ на дѣйствіе искупающихъ словъ: сослужи теперь службу государству, открой, назови сообщниковъ, тебя можетъ быть по суду и накажутъ, но за судомъ есть милость, она тебя и въ рудникахъ наградитъ за то, что ты сдѣлалъ для государства. Наконецъ, я утверждаю, что мотивомъ оговоровъ могутъ быть и не страхъ и не животные инстинкты самосохраненія, а еще иныя побужденія, напр. тщеславіе или властолюбіе. Человѣкъ пойманъ, онъ кругомъ вино-

вать, онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы играть роль, писать исторію своихъ подвиговъ, усиливать ихъ, запутывать знакомыхъ и незнакомыхъ, исписать цѣлыя стопы бумаги, а потомъ, когда его перестали водить къ слѣдствію и выжали изъ него сокъ, повѣситься (такъ было съ Гольденбергомъ—главнымъ доводчикомъ во всѣхъ политическихъ процессахъ, начиная въ Липецкаго съѣзда).

Оговорщикъ по настоящему дѣлу только одинъ Генрихъ Барановичъ. Я нахожу, что онъ былъ сдержанъ и скроменъ. Если по одной телеграммѣ къ Лебедзинскому, извѣщающей его объ арестѣ Гребницкаго, Лебедзинскій былъ привлеченъ къ дѣлу, то по одному обвиняющему слову Барановича могли быть привлечены и арестованы и Салище, и Рольбицкій, и всѣ товарищи землемѣры, и всѣ знакомые технологи—тюрьма бы населилась оговоренными. Онъ самъ въ тюрьмѣ властвовалъ бы надъ ними, играя ихъ участью, а во всякомъ случаѣ свободою и могъ бы сказать: я самъ презрѣнный арестантъ, а всѣхъ заставилъ трепетать. Наступилъ моментъ суда. На судѣ передъ вами все, показанное имъ при дознаніи и слѣдствіи, кое-какими отрывками взято въ обвинительный актъ, но этихъ показаній самъ законъ не позволяетъ читать, хотя бы Барановичъ и просилъ, такъ что обвинительный актъ остается непровѣреннымъ, а самъ этотъ актъ только программа обвиненія, а не доказательство. Съ другой стороны вамъ можетъ быть доступно только то, что Барановичъ самъ вамъ лично объяснялъ, что хотѣлъ сказать, только теперь, можетъ быть совершенно новое, чего до нынѣ онъ никому не сообщалъ. Въ довершеніе я скажу, что хотя на судѣ подсудимые и были спрашиваемы отдѣльно, но они заранѣе спѣлись, они содержались въ одной и той же арестантской камерѣ, въ с.-петербургской пересыльной тюрьмѣ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, отнимаютъ значеніе у оговора. И если вы будете судить, то уже только по собственнымъ признаніямъ подсудимыхъ.

Я далекъ отъ отрицанія капитальной важности собственныхъ признаній, въ особенности когда вмѣщающіе ихъ протоколы писаны подсудимыми собственноручно. Подсудимый сознается. Его заставляютъ написать признаніе на бумагѣ. Могло быть давленіе, заставившее его написать признаніе; оно было можетъ быть законное или незаконное, дозволенное или недозволенное—это второстепенный вопросъ. Но прежде всего я замѣчу, что признаніе обвиняемыхъ въ убійствѣ далеко не общее—иные принесли признаніе, а Павловскій его не принесъ. Павловскій и съ ума сходилъ, можетъ быть и теперь въ ненормальномъ состояніи, а все-таки оказывается устойчивѣе даже Гребницкаго—отъ него ничего не добились. *Во-вторыхъ* признаніе признанію рознь. Я дѣлаю различіе между признаніемъ Ющинскаго, сдѣланнымъ позднѣе, сдѣланнымъ передъ ор-

ганомъ судебнаго слѣдствія, передъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ и прокуроромъ, и между дознаніемъ, производимымъ по закону 19 мая 1871 г. (1035, 1—11 ст. уг. с.) безъ соблюденія обыкновенныхъ формъ, безъ гарантій, однимъ словомъ—съ тѣми пріемами, къ которымъ прибѣгло законодательство вслѣдствіе усиливающихся посягательствъ на правительство и на священную особу Государя Императора.

Я Ющинскаго обѣлять не стану, если онъ виноватъ, то безумiемъ съ его стороны было возвращаться, ѣздить въ Варшаву, въ С.-Петербургъ по заарестованіи Барановича и технологовъ, оставаться въ Вѣнѣ, дожидаться пока его выдадутъ. Но если онъ и виноватъ, если слѣдовательно есть правда въ его признаніи, то въ какомъ смыслѣ это признаніе можетъ относиться къ Гребницкому? Почему этотъ оговоръ, на сколько онъ оговоръ, долженъ быть достовѣрнѣе всякихъ другихъ оговоровъ, которыхъ достовѣрность, какъ я доказалъ, почти равна нулю. Остаются признанія Древновскаго и Гребницкаго, данныя при жандармскомъ дознаніи почти одновременно, и оговоръ Барановича. Я обращаю вниманіе на то, что показаніе Древновскаго по времени старше—оно дано 19 и 20 октября, затѣмъ идетъ показаніе Гребницкаго, начавшееся 21 октября и продолжавшееся 22, 24, 25, 26, 27 и 28. Еще прошу обратить вниманіе на одну особенность. Я не касаюсь содержанія показанія, Древновскаго, не мое дѣло объяснять, какъ оно произошло; я заявляю также, что я и не допускаю прямого давленія физическаго на подсудимыхъ и даже личныхъ угрозъ, но всякій подсудимый доступенъ другому давленію; за себя онъ можетъ быть и не опасается, а можетъ опасаться за другихъ, за близкихъ. Съ этой точки зрѣнія Древновскій и Гребницкій неравны. Древновскій одинокъ, у него только братъ, да и въ кружкѣ онъ не занималъ выдающагося положенія; напротивъ того, Гребницкій гораздо уязвимѣе и доступнѣе опасеніямъ за другихъ. У него родители старые и дряхлые, у него нѣжно и безкопечно любящая его мать, у него невѣста, былъ младшій братъ, который умеръ, наконецъ онъ соприкасается со всѣми членами кружка, которыми онъ руководилъ какъ центръ, глава кружка и кассиръ. Бобыль одинокій самъ за себя только опасается, ему легче себя отстоять, посему я утверждаю, что легче было не признаваться Древновскому. Спрашивается имѣлъ ли основаніе Гребницкій опасаться не за себя, а за мать, брата, невѣсту? Я утверждаю—да, имѣлъ, потому что отбиравшіе признаніе обладали властью и могли имѣть желаніе добиться признанія всякими способами.

Они имѣли власть. Изслѣдованіе не простое, а по политическому преступленію, убійство купчихи Боговской (молва доводила ея состояніе до 100, до 200 т., до ½ милліона) для усиленія кружка,

который былъ разсматриваемъ какъ одинъ изъ органовъ соціальной революціи, съ національнымъ оттѣнкомъ—въ родѣ польской „Земли и Воли". Такіе кружки бывали, они и судились, послѣднее въ прошломъ году судившееся дѣло „Варшавскаго Пролетаріата" именно такого сорта. Всѣ члены кружка, котораго одинъ членъ заподозрѣнъ, могутъ быть привлечены какъ участники дѣла (доказательства на лицо—Лебедзинскій и Ясинскій). Семья каждаго изъ нихъ можетъ быть заподозрѣна тоже, въ особенности семья Гребницкаго, имѣвшая уже политически отмѣченное прошлое (съ 1863 по 1867 г.). Подозрительный пакетъ существовалъ, онъ не найденъ, онъ есть поличное, онъ находился въ Переволочнѣ или Скляповѣ, имѣніи родителей Гребницкаго. По 421 ст. у. уг. суд. руководящія соображенія для слѣдователя суть: строгость наказанія и сила уликъ, строгость, доходящая въ данномъ случаѣ за политическое преступленіе до смертной казни, а сила уликъ зависитъ цѣликомъ отъ усмотрѣнія слѣдователей и никто до конца слѣдствія повѣрять ее не можетъ. Производящій предварительное дознаніе можетъ всѣхъ заподозрить въ соучастіи и всѣхъ по 416 ст. взять подъ стражу безотвѣтственно, *pro publico bono*, для блага государства, исполняя долгъ вѣрноподданническій и служебный.

Есть у слѣдователей еще одно средство, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ хорошее, но нерѣдко и съ успѣхомъ употребляемое: довести подсудимаго до сознанія, прочитавъ ему показанія другихъ уже сознавшихся свидѣтелей, все, что они показали на допрашиваемаго. Это средство едва ли выведется когда-либо изъ употребленія, хотя не желательное.

Я далекъ отъ мысли заподозрить лицъ, производившихъ дознаніе въ преслѣдованіи по завѣдомо лживымъ обвиненіямъ, въ сочиненіи признаній, которымъ бы они сами не вѣрили. Отъ подобной мысли я открещиваюсь, но я думаю, что при сильной власти и при большомъ желаніи они сами ошибались; относясь къ дѣлу не критически, не замѣчая того и будучи убѣждены въ виновности А, В, С, безъ достаточныхъ основаній, они потрудились добыть изъ устъ подсудимыхъ подкрѣпленіе того, что по ихъ убѣжденію было истинной, но подкрѣпленіе не правдивое, не искренное, взятіе на себя подсудимыхъ лишняго,—чего въ сущности не было.

Я не оскорблю слѣдователей, если предположу въ нихъ горячее и можетъ быть не въ мѣру сильное служебное усердіе, желаніе отличиться въ любви къ отечеству, сослужить великую службу государству, помочь правительству въ раскрытіи крамолы. По своему положенію они розыщики этой крамолы, у розыщика свой особый взглядъ на вещи, далеко не судейскій, навыкъ вглядываться не въ хорошую а въ дурную сторону человѣка, навыкъ предполагать всегда худшее. Въ виду было ужасное и потрясающее преступленіе,

съ политическою, какъ они полагали, окраскою, нити подозрѣній шли прямо къ Барановичу а затѣмъ обнаружилось, что онъ связанъ съ молодыми людьми въ С.-Петербургѣ. Слѣдователи могли блеснуть Барановичу, надеждой облегченія его участи. Барановичъ и пошелъ писать, воспроизводить всѣ обстоятельства своей жизни, придавая имъ уголовную окраску (опыты съ ядами), выдумывать чего не бывало (напр. засѣданіе до убійства съ раздачею ролей въ убійствѣ по жребію, или употребленіе кастета). Ихъ вина заключалась въ томъ, что они безъ критики вѣрили и нажимали нравственно оговоренныхъ, не стѣсняясь ни обстоятельствами дѣла, напр. невозможностью, чтобы рана была нанесена кастетомъ, ни психологіею, знаніемъ души человѣка, немыслимостью того, чтобы безъ всякой причины, ни съ того ни съ сего преступная мысль возникла въ цѣломъ кружкѣ, не имѣя сѣмянъ въ наклонностяхъ и мотивахъ членовъ кружка, чтобы она выросла посредствомъ внезапнаго самопроизвольнаго зарожденія.

Когда съ сильною властью, съ большою настойчивостью лица, производящія слѣдствіе, стали добиваться признанія и ударили на Гребницкаго, разя его въ самыя чувствительныя струны его сердца, то онъ оказался слабымъ, не выдержалъ и совершилъ вещь нравственно дурную, сказалъ на себя напраслину и ложь, но по побужденіямъ и соображеніямъ, которымъ вы не можете отказать ни въ правдоподобіи, ни даже въ благородствѣ. Привлеченіе къ дѣлу родныхъ, заарестованіе ихъ было возможно. Выгораживая ихъ, принимая вину на себя, Гребницкій выигрывалъ время и дѣйствовалъ въ надеждѣ, что всѣ нелѣпости и несообразности оговора Барановича выяснятся и будутъ опровергнуты обстоятельствами дѣла. Разъ вы допустите вѣроятность и возможность опасеній—вы должны будете признать, что положеніе Гребницкаго было таково, при которомъ онъ могъ взять на себя напраслину, и къ такомъ случаѣ уже не фактъ признанія для васъ будетъ обстоятельствомъ рѣшающимъ, а только само содержаніе этого показанія. Таково ли оно, что оно обличало злодѣя или же клевещущаго на себя человѣка или наконецъ уклоняющагося отъ передачи того, что онъ знаетъ? Я полагаю, что такое изслѣдованіе возможно. Слѣдуетъ вникнуть, дано ли показаніе охотно, есть ли въ показаніи нѣчто новое, какое-нибудь обстоятельство, которое что-нибудь бы прибавило ко всему уже показанному или извѣстному и которое бы подтвердилось и имѣло связь съ прошлымъ. Ничего подобнаго въ этихъ показаніяхъ, хотя и собственноручно писанныхъ, вы не найдете. Генрихъ Барановичъ допрошенъ 18 октября, Древновскій 19 и 20, почва была подготовлена, Гребницкаго тащатъ къ допросу 21, онъ отрицаетъ, продолжаетъ отрицать 22, но вдругъ въ серединѣ показанія дѣлаетъ внезапно безъ всякой причины полуоборотъ направо и пишетъ: „Все,

что я показалъ—ложь, я виноватъ въ убійствѣ Боговской, убійство было съ политическою цѣлью, у меня отецъ, мать, три сестры, братъ, я съ ними откровенничалъ, пока не вдался въ политику, но я вдался въ политику, признаюсь, сталъ скрытничать, чтобы ихъ не огорчать". Послѣ такого объясненія мотивовъ исповѣди Гребницкій начинаетъ писать пространно, неутомимо исписываетъ многіе листы, ни къ селу, ни къ городу разсказываетъ исторію политическихъ партій и направленій въ Польшѣ, и затѣмъ ни слова о Боговской и о Псковѣ. Наконецъ его прижали и 26 и 27 октября онъ долженъ былъ перейти къ дѣлу, онъ перешелъ, но только переписалъ то, что уже на него наклепали Ющинскій и Древновскій, все, все—и яды и усыпительныя средства и невозможный кастетъ. Особенность та, что онъ описываетъ и дѣло и цѣлый кружокъ, но не описываетъ того, что онъ дѣлалъ лично, онъ не везетъ кастета, онъ въ убійствѣ не участвуетъ. Одно только сообщаетъ онъ новое: передачу пакета неизвѣстному посланному отъ Ющинскаго 12 октября, что и подтвердилось документально бумагами, заложенными въ листѣ „Исторіи матеріализма" Ланге, но это то главное, что служитъ въ его оправданіе. Гребницкій утверждаетъ, что онъ не хотѣлъ сочинять, но тогда ему положили на столъ показанія Древновскаго и Барановича и заставили съ нихъ списать и сдѣлать сводку. Дѣйствительно по своему содержанію его показаніе въ извѣстномъ жандармскомъ дознаніи имѣетъ этотъ именно характеръ. Имъ могли удовольствоваться лица, относящіяся къ Гребницкому съ предвзятымъ убѣжденіемъ, но въ этихъ показаніяхъ нѣтъ почти никакой опоры для совѣсти, жаждущей правды и добивающейся убѣдить кого бы то ни было искренностью слова.

Если у васъ есть горячая любовь къ правдѣ, если вы не предубѣждены заранѣе, если вы уже раньше суда не порѣшили, что подсудимые виноваты, потому, что они не русскіе — а поляки, а убитая женщина ваша согражданка, псковитянка, если вамъ памятны слова присяги: подамъ голосъ по сущей правдѣ, не осуждая невиннаго, то вы оправдаете Гребницкаго. И я уповаю, гг. присяжные, что несмотря на его принужденное признаніе, вы его оправдаете.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, относительно виновности подсудимыхъ, судомъ было предложено 16 вопросовъ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей признаны были виновными: а) *Генрихъ Барановичъ*, въ 1-хъ, въ томъ, что для завладѣнія имуществомъ вдовы купца Θеклы Боговской, въ ночь на 8 мая 1883 г., въ домѣ ея въ гор. Псковѣ, лишилъ ее жизни, причинивъ ей кастетомъ или какимъ-либо другимъ орудіемъ безусловно смертельныя поврежденія головы и удушивъ ее полотенцемъ, послѣ чего завладѣлъ ея деньгами и дру-

гимъ имуществомъ; и, во 2-хъ, въ томъ, что согласившись съ другими лицами овладѣть, посредствомъ обмана, брилліантами вдовы купца Оеклы Боговской, въ апрѣлѣ 1883 г., убѣдилъ Боговскую вручить ему нѣкоторыя свои драгоцѣнныя вещи, чтобы свести ихъ въ Петербургъ къ ювелиру для исправленія, а затѣмъ подмѣнилъ брилліанты фальшивыми камнями и въ такомъ видѣ вещи тѣ возвратилъ Боговской, которая не обнаружила подмѣна; брилліанты же на сумму свыше 300 рублей употребилъ въ свою пользу;

б) *Адольфъ Юцинскій* въ томъ, что согласился съ Барановичемъ овладѣть посредствомъ обмана брилліантами вдовы купца Боговской и когда означенные брилліанты, стоящіе болѣе 300 руб., были у Боговской похищены упомянутымъ Барановичемъ при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ,—то онъ таковыми воспользовался. Остальные подсудимые признаны присяжными невиновными во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ.

Въ виду такого рѣшенія псковскій окружный судъ *опредѣлилъ*: 1) *Барановича* на основаніи 1 ч. 1455, 1453, 2 и 3 ст. 19, 1666, 5 ст. 31, 152 ст. улож. о нак, и Высочайшаго Манифеста, 15 мая 1883 г., лишивъ всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ, а по прекращеніи сихъ работъ за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда; 2) *Юцинскаго*, на основаніи 1666 и 5 ст. 31 ст. улож., лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Тобольскую губ., съ примѣненіемъ правилъ, изложенныхъ въ 7 п. VII § Выс. Манифеста 15м ая 1883 г. 3) Остальныхъ подсудимыхъ считать по суду оправданными.

1887.

VII.

Дѣло объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ дворянинѣ Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ, Николаѣ Стародворскомъ, Петрѣ Конашевичѣ и другихъ всего 21 человѣкахъ, судимыхъ за принадлежность къ сообществу „Народной Воли“ и за убіеніе подполковника Судейкина.

Разборъ дѣла происходилъ въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ съ 26 мая по 5 іюня 1887 г. Защищая подсудимаго, кандидата петербургскаго университета дворянина Петра Филиппова Якубовича, В. Спасовичъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь.

Гг. судьи! Обвиненіе поставлено по обвинительному акту и защита должна поневолѣ бороться съ обвиненіемъ на этой почвѣ; величайшее ея затрудненіе заключается въ томъ, что всѣ безъ исключенія подсудимые, а ихъ 21, привязаны, прикручены, пригвождены къ одному злому и роковому для Россіи событію, къ соціально-революціонному движенію, которому обвинительный актъ выдаетъ и метрическое свидѣтельство о его рожденіи — *Липецкій съѣздъ* и образованіе партіи „Народной Воли“. Это движеніе продолжается безпрерывно до настоящей минуты и простираетъ свои безчисленныя щупальцы и въ будущее. Оно является въ обвинительномъ актѣ какъ подсудимый, какъ субъектъ, котораго вина разъ навсегда установлена по 249 ст. улож. Злокачественность этого движенія столь велика, что къ нему *юридически* пріобщается всякій, кто бы сознательно до него прикоснулся на протяженіи отъ Липецкаго съѣзда до момента, когда онъ попалъ въ руки правосудія, хотя бы былъ виноватъ только совѣтомъ, пособничествомъ или даже недонесеніемъ. Во всякомъ случаѣ онъ повиненъ смерти. Такимъ образомъ пріемъ обвиненія таковъ: ставится предъ судомъ какъ первый и главный подсудимый, которому посвящена 1-я часть обвиненія, не живое лицо, а отвлеченное понятіе: революціонное движеніе въ Россіи, въ ея послѣднемъ крупномъ олицетвореніи „Народной Воли“, а затѣмъ

по справедливому и весьма, я долженъ сказать, сдержанному и умѣренному осужденію его какъ величины неизмѣнной, все, чего оно еще не завершило, но что могло было сдѣлать, взваливается на плечи той группы изъ 21 человѣка, которые преданы суду и которые будутъ неизбѣжно раздавлены, потому что, очевидно, они на своихъ плечахъ снести такой громадной тяжести не могутъ. Я постараюсь доказать, что оба предмета разные, что изъ обоихъ субъектовъ: „Народная Воля“ и подсудимые только дѣло о послѣднихъ подлежитъ слушанію въ военно-окружномъ судѣ, а дѣло о другомъ, то есть „Народной Волѣ“ подлежитъ суду исторіи, что обѣ вины несоизмѣримыя. А для доказательства, что революціонное движеніе само по себѣ, а судящіеся сами по себѣ и что нельзя вины всего революціоннаго движенія перекладывать на его нѣкоторыхъ участниковъ, я позволю себѣ остановиться на характеристикѣ идеальнаго субъекта въ обвинительномъ актѣ, т. е. на образованіи партіи „Народной Воли“, и затѣмъ перейду къ подсудимымъ и между ними даже къ тѣмъ, которые признали себя народовольцами.

Я сказалъ, что въ настоящемъ дѣли есть первый и главный подсудимый, котораго вина возложена одинаково на всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ и въ личный вредъ имъ опредѣлена maximum'омъ преступности, допускаемой въ преступленіяхъ политическихъ. Они обвиняются и въ бунтѣ, и въ заговорѣ на ниспроверженіе правительства по 249 статьѣ уложенія, и въ злоумышленіи противъ священной особы Государя Императора по 241 ст. уложенія. Всѣ подсудимые являются повинными и въ крови пролитой 1 марта 1881 г., т. е. цареубійцами, омочившими руки въ крови Императора Александра II. Я укажу на практическія неудобства такой постановки обвиненія.

Прежде всего замѣчу, что заговоръ, котораго уголовному опредѣленію посвящена 1-я часть обвинительнаго акта, народился лѣтомъ 1879 г. на такъ называемомъ Липецкомъ съѣздѣ, слѣдовательно ему отъ роду 8 лѣтъ, что главный по этому дѣлу свидѣтель, классически вызываемый всякій разъ какъ живой, хотя онъ умеръ въ 1880 г., Гольденбергъ, повѣсился назадъ тому 7 лѣтъ, что главное кровавое пятно — 1 марта 1881 г. уже обозначилось назадъ тому 6 лѣтъ, и что это время въ жизни народовъ малое, въ жизни же недѣлимыхъ достаточное для того, чтобы быть принятымъ въ расчетъ въ томъ отношеніи, что оно очень большое для многихъ изъ нихъ и даже для большинства сидящихъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ молодыхъ людей, между которыми Лопатинъ заявляетъ себя ветераномъ и старикомъ, хотя ему только 42 года. Жизнь ихъ общественная началась позже появленія этого кроваваго пятна. Съ ихъ личной точки зрѣнія, эти событія были событіями эпохи ихъ бытія неисторической, они въ этихъ

событіяхъ не принимали участія, они только слышали, они пріобщались въ этому времени по пересказамъ, по преданію, — они только прозябали въ этой наполненной заразными міазмами атмосферѣ, прежде чѣмъ получили способность движеній произвольныхъ.

Многое могло измѣниться въ теченіе 8 лѣтъ, но почему въ теченіе только 8, а не какихъ-нибудь 19 или 20? Я утверждаю не безъ нѣкоторой основательности, что и метрика о рожденіи можетъ быть оспорена, даже если и повѣрить классическому свидѣтелю, приводимому неизмѣнно во всѣхъ политическихъ процессахъ — Гольденбергу. Что значитъ Липецкій съѣздъ? Существовала революціонная партія, вмѣщающая въ себѣ множество оттѣнковъ и на соціалистической подкладкѣ и съ ярко политическою окраскою; вотъ на этомъ-то съѣздѣ выдѣлилась террористическая фракція, которая получила перевѣсъ, постоянно и до сихъ поръ у нея оспариваемый, и дала начало новому якобы образованію, именуемому „Народная Воля“. Но значитъ въ 1879 г. произошло только преобразованіе существовавшаго и даже не то чтобы преобразованіе, а только окрещеніе или переименованіе. То, что называлось прежде „Земля и Воля“, стало называться „Народная Воля“. То, что было чистымъ народничествомъ и что якобы выдѣлилось въ „Черный Передѣлъ“ было до того слабо, мизерно, ничтожно, что оно и пропадаетъ, а главные ручьи на время раздвоившагося потока вливаются опять въ это уже народовольческое русло, но въ этихъ струяхъ терроризмъ политическій чередуется и перемѣшивается съ движеніемъ соціальнымъ; это тѣ самыя двѣ струи, которыя подъ другими наименованіями въ видѣ полнаго заговора на государственный переворотъ существовали уже въ Нечаевскомъ дѣлѣ 1872 г. и въ послѣдующихъ дѣлахъ. Правда, въ этихъ дѣлахъ съ 1872 г. по 1879 г. не стоитъ въ программѣ - цареубійство, но, гг. судьи, и цареубійство не новый элементъ. Было въ 1866 г. тайное общество „Адъ“ и послѣдовалъ 4 апрѣля 1866 г. выстрѣлъ первый въ числѣ многихъ къ несчастію слѣдовавшихъ за нимъ, такъ что революціонное и цареубійственное движеніе имѣетъ по крайней мѣрѣ 19 лѣтъ. Оно на время пріостановилось и было въ другую сторону отвлечено, среди всеобщаго оживленія восточною войною. Курсистки-революціонерки и нигилисты, всѣ пошли гуртомъ служить русскому и общественному дѣлу на полѣ битвы, кто подъ знакомъ краснаго креста, кто въ строю. Былъ перерывъ и роздыхъ, но какъ только насталъ миръ, броженіе возобновилось пуще прежняго и ознаменовалось событіемъ 1 марта 1881 г. Долго было бы спорить и останавливаться на вопросѣ о метрикѣ заговора, о днѣ его зарожденія. Допустимъ, что все прошлое не въ счетъ, что ему только 9 лѣтъ не больше отъ роду, то и въ такомъ случаѣ заговоръ этотъ не стоялъ неподвижно на точкѣ замерзанія, но была въ

немъ то убыль, то прибыль, то колебаніе, то напоръ, мѣнялись и напряженіе силы и программа и взглядъ на задачи и цѣли.

Для тѣхъ юнцовъ (кромѣ Лопатина), которые сидятъ здѣсь, далеко не безразличны, не общія качества потока движенія, но тотъ моментъ времени, когда ихъ струйки влились въ потокъ. Къ прошлому, къ верховьямъ потока они не могли пріобщиться, они только несутъ отвѣтственность за то, что дѣлала, къ чему стремилась ихъ партія за тотъ періодъ времени, когда они обрѣтались среди потока, за періодъ ихъ активнаго революціонерства, изъ чего слѣдуетъ, что если они попали въ омутъ заговора въ періодъ его выжидательный, въ періодъ послѣ его погрома, когда онъ, утративъ силы, притаивался, когда онъ подготовлялъ свою дѣятельность на будущее время, то самъ заговоръ воспринималъ въ этотъ періодъ времени иную уголовную форму, то для нихъ и спеціально для нихъ онъ уже подходилъ подъ ст. 250 улож. о наказ, не возстанія скопомъ и заговоромъ и не покушенія на бунтъ и не приготовленія къ бунту, а умысла, открытаго заблаговременно, когда еще не было прямыхъ насильственныхъ дѣйствій; форму преступности смягченную, форму не квалифицирующую людей на висѣлицу, а только на каторжную работу. Разница громадная, крайне существенная и спасительная, потому что по спеціальному закону, о которомъ я даже и не зналъ, когда шелъ въ засѣданіе, съ которымъ я по малому распространенію знанія военныхъ законовъ познакомился только по любезности суда, т. е. по приказу, послѣдовавшему въ 1885 году, военно-окружные суды по дѣламъ политическимъ не могутъ смягчать наказанія, ежели стоитъ въ подходящей статьѣ закона смертная казнь, что такъ они и обязаны назначить смертную казнь. Я знаю, что и при этой неподвижности наказанія суду предоставлено ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи наказанія путемъ помилованія, но судъ судомъ, а помилованіе помилованіемъ, и на помилованіе монаршее будетъ еще время, когда будутъ исчерпаны функціи суда; я не могу отрѣшиться отъ представленія, что я еще въ судѣ и что отъ суда я въ правѣ просить, чтобы онъ исполнилъ прежде всего функцію суда, прежде чѣмъ превратиться въ учрежденіе аграціаціонное, въ замѣстителя канцеляріи прошеній, чтобы онъ и эту функцію началъ не со смертной казни, подъ которую по моему убѣжденію не подходятъ подсудимые, а съ иного, болѣе слабаго наказанія, съ каторжныхъ работъ.

Итакъ, не задаваясь вопросомъ, каковъ можетъ быть характеръ заговора „Народной Воли“ во всей совокупности его дѣйствій отъ его зарожденія до неизвѣстнаго еще конца его въ будущемъ, такъ какъ къ сожалѣнію онъ не переставалъ существовать, если мы поставимъ себѣ болѣе простой вопросъ, какому фазису и

моменту его развитія соотвѣтствуетъ вырѣзанное изъ его состава одно изъ его сочлененій, образующее настоящее дѣло, то фазисъ этотъ опредѣлить не трудно. Стояли на извѣстномъ разстояніи ровно 6 лѣтъ двѣ вѣхи, два черные значка, обозначающіе два подъема заговора, два первые марта, 1881 и 1887 года на Александра II и Александра III. Моментъ искомый какъ разъ по серединѣ между этими двумя подъемами и соотвѣтствуетъ наибольшему углубленію, наибольшей впадинѣ между ними, онъ занимаетъ ровно годъ или нѣсколько болѣе времени; отъ 17 октября 1883 г. — вооруженное нападеніе на почту подъ Харьковомъ до октября и ноября 1884 г., когда 6 октября поймали Лопатина, а 15 ноября арестовали Якубовича, а всѣ остальные подсудимые сидѣли уже подъ ключемъ. Настоящее дѣло и есть, можно сказать, нечто иное, какъ детальное обозрѣніе того, что въ народовольческомъ заговорѣ въ Россіи, а въ особенности въ С.-Петербургѣ говорилось и дѣлалось, что предпринимаемо было и замышляемо или о чемъ пререкались и спорили.

Начало этого періода есть моментъ, который всѣ руководители интеллигенты, сидящіе на скамьѣ подсудимыхъ, признаютъ пятномъ и позоромъ для „Народной Воли“, топтаніемъ знамени въ грязь,— моментъ хуже, чѣмъ прекращеніе организаціи, моментъ Дегаевскаго господства въ партіи, т. е. заполоненіе народовольческой организаціи полиціею, когда, какъ вы слышали на слѣдствіи, Судейкинъ являлся на квартиру къ Дегаеву чуть ли не за тѣмъ, чтобы сочинять вмѣстѣ съ народовольцами № 10 „Народной Воли“ и чуть ли не задумывалъ устроить съѣздъ, въ которомъ бы съ народовольцами засѣдали наряженные въ народовольческіе костюмы агенты полиціи. Все спасеніе организаціи состояло въ томъ, что Дегаевъ былъ двойной предатель, что онъ не всѣ нити заговора выдавалъ, а кое-что при себѣ берегъ, и поставленный между двумя огнями боялся не одного Судейкина, а и заграничнаго комитета, который въ данномъ случаѣ по стеченію обстоятельствъ оказался сильнѣе и хитрѣе. Не моя задача объяснять какъ произошло это паденіе, но я долженъ намекнуть, что оно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ цареубійства 1 марта 1881 г. Исполнительный комитетъ все поставилъ на карту, дальше идти было нельзя и поневолѣ нужно было выждать, что случится. Притомъ комитетъ вышелъ изъ своей роли, весь почти обратился въ боевую дружину, обнаруженъ, раскрытъ и выловленъ и затѣмъ трижды судился. Его выловили по частямъ. Послѣдній изъ 3-хъ процессовъ за 1 марта, судимыхъ особымъ присутствіемъ *„о 17-ти лицахъ“* (Богдановичъ, Грачевскій, Прибылевы), происходившій 28 марта 1883 г., изображалъ слѣдующее: есть стадо безъ пастырей, остатки партіи безъ вожаковъ, между ними бродитъ уцѣлѣвшій Грачевскій и изображаетъ собой ис-

полнительный комитетъ; его и тѣхъ, кого онъ заразилъ своимъ знакомствомъ, окружила густая сѣть околоточныхъ, которые ихъ и накрыли съ приготовленными динамитными снарядами у Прибылевыхъ въ ночь на 5 іюня 1882 г. Въ началѣ 1883 г. при участіи освобожденнаго по ходатайству Судейкина и содѣйствовавшаго ему негласно Дегаева обнаружены были еще остатки прежнихъ подначальныхъ организацій: кружокъ Вѣры Филипповой (Фигнеръ) и офицерскіе кружки Рогачева, Ашенбреннера. Они были судимы с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ 24 сентября 1884 г. подъ предсѣдательствомъ того же лица, которое предсѣдательствуетъ по настоящему дѣлу, генералъ-маіора Цемирова. Дегаевъ, появившись въ С.-Петербургѣ, поселился здѣсь. Свѣдѣнія о немъ я почерпаю изъ прочитанной на судѣ прокламаціи № 10 „Народной Воли“ за сентябрь мѣсяцъ 1884 г., изъ которой видно, что Дегаевъ (какъ сказываютъ, совершившій съ разрѣшенія Судейкина поѣздку за границу), или добровольно или захваченный исполнительнымъ комитетомъ, повинился предъ нимъ и въ августѣ при посредствѣ Льва Тихомирова довѣрился исполнительному комитету, предлагая ему либо казнить его, Дегаева, либо дать ему возможность искупить свое преступленіе, на что исполнительный комитетъ, согласился, не поддаваясь чувству нравственной брезгливости въ виду спасенія остатковъ организаціи. Комитетъ воспользовался услугами Дегаева, но обязалъ его казнить Судейкина собственною своею рукою, причемъ комитетъ надѣялся, что въ этомъ опасномъ предпріятіи и самъ Дегаевъ погибнетъ, то есть что исполнительный комитетъ освободится и отъ Судейкина и отъ Дегаева заразъ. Какъ исполнилъ эту задачу Дегаевъ, вы отчасти знаете, отчасти можете догадываться: онъ подыскалъ и выбралъ двухъ отборныхъ членовъ боевой дружины (Стародворскаго и Конашевича), людей надежныхъ, изъ которыхъ одинъ оказался гораздо крѣпче и героичнѣе его, Дегаева, съ отвагою и стойкостью достойными лучшаго дѣла. Кровавая работа была совершена, между тѣмъ какъ Дегаевъ постыдно бѣжалъ безъ оглядки. Дегаевъ устроилъ и маленькій съѣздъ 16—19 октября изъ нѣсколькихъ представителей мѣстной петербургской и иногородной группъ, съѣздъ секретный, изъ 4 или 5 человѣкъ, о которомъ по слуху знали и то весьма немногіе и содержаніе рѣшеній котораго огласилось только послѣ 16 декабря, то есть послѣ убійства Судейкина. Затѣмъ Дегаевъ покинулъ и организацію и Петербургъ, освободивъ ихъ такимъ образомъ отъ своей собственной особы, которую въ сохранности унесъ за границу. Эпизодъ смерти Судейкина едва ли можетъ быть разсматриваемъ какъ террористическій фактъ, ложащійся на отвѣтственность всей партіи; онъ дѣло личное Дегаева, совершенное въ тайнѣ отъ другихъ, не наступательное движеніе, а только въ полномъ смыслѣ слова

самооборона противъ самаго тонкаго, самаго хитраго провокаторства.

Когда и Судейкинъ исчезъ и Дегаевъ бѣжалъ, то заполоненная народовольческая организація получила свободу, но въ какомъ же она была жалкомъ и плачевномъ состояніи? Она была опозорена, довѣріе было поколеблено и другъ къ другу и къ исполнительному комитету. На мѣстѣ дѣйствія оказалось отсутствіе власти, какіе-то исправляющіе должность: Степуринъ со своею честною пунктуальностью, но неуважаемый и мало слушаемый, да за плечами его Стась Куницкій, котораго я изучалъ на „Пролетаріатѣ", бывшій адъютантъ Дегаева, въ конецъ попорченный, потому что всякому, кто ему сопротивлялся, Дегаевъ умѣлъ сообщить ядъ двойного предательства. Мало того, судебное слѣдствіе дало возможность раскрыть личность Дегаева еще съ новой стороны, пролить новый свѣтъ, указать на то, что это лицо носило не двѣ а три маски: а) агентъ сыскной полиціи, б) прощенный подъ условіемъ убійства Судейкина народоволецъ съ спеціальнымъ порученіемъ отъ исполнительнаго комитета, в) онъ же былъ затѣйщикомъ бунта въ средѣ народовольческой партіи въ Россіи, возстановляющимъ народовольцевъ противъ исполнительнаго комитета, предлагающимъ отложиться, измѣнить программу комитета въ весьма существенномъ отношеніи. Вы слышали Стародворскаго, которому впушалъ Дегаевъ свои взгляды, тѣ самые, которые послужили потомъ программой „Молодой партіи", переѣздъ съ колеи чисто политической яркой борьбы на проселки аргарно-и фабрично-террористическаго движенія. Я бы не повѣрилъ одному Стародворскому, еслибы не то, что его показаніе подтверждается также показаніемъ Якубовича. И его поддакнулъ Дегаевъ идти на сходки, содѣйствовать образованію „Молодой партіи", то есть поднять бунтъ, бросить перчатку исполнительному комитету, образовать 2-й революціонный центръ. Посѣянныя сѣмена взошли, является неурядица—и весь періодъ отъ конца 1883 г. до второй половины 1884 г. прошелъ въ однихъ пререканіяхъ и междоусобіяхъ, во взаимной грызнѣ и самопоѣданіи себя другъ другомъ, въ которомъ дѣло не спорилось, а личныя самолюбія раздражались и кидаемы были тяжкія подозрѣнія и обвиненія на людей, въ чемъ потомъ каялись крупные дѣятели партіи. Ради умиротворенія и улаженія споровъ пріѣзжалъ Лопатинъ, если не членъ исполнительнаго комитета, то по крайней мѣрѣ съ прямымъ порученіемъ отъ него, послѣ чего явилась устроенная и въ распоряженіи его состоящая комиссія или делегація, которая старалась обуздать сепаратистическія стремленія и побороть невозможную для революціонной организаціи теорію строить все на выборномъ началѣ и на федеративныхъ основаніяхъ съ самостоятельнымъ дробленіемъ до безконечности группъ и подгруппъ.

Всѣ эти пререканія вертѣлись исключительно около 2 пунктовъ: а) дѣло Дегаева, недовольство образомъ дѣйствій исполнительнаго комитета, который, принявъ услуги Дегаева, не извѣстилъ мѣстную группу о томъ, что онъ шпіонъ правительства и предалъ можетъ быть чрезъ то сотни жертвъ Судейкину; б) чисто идейный и совершенно отвлеченный вопросъ о внесеніи какъ чего-то небывалаго и новаго въ программу — фабричнаго террора, а можетъ быть и аграрнаго, не въ видѣ чего-то непосредственно предстоящаго и обязательнаго не для науськиванія и поджиганія массъ, а въ видѣ отвлеченнаго принципа, простой возможности въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ терроризовать, злоупотребляя своимъ положеніемъ, фабрикантовъ. Замѣчу, что ни одна мѣстность не была намѣчена и ни одно лицо не только не было упразднено, но и не указано какъ жертва Это были простыя академическія упражненія въ теоріи революціи, не больше. Вы слышали въ письмѣ Якубовича къ Ивану Ивановичу исчерпывающимъ образомъ разобранный этотъ вопросъ, послѣ чего и сказать больше нечего. Я же только замѣчу, что нашъ революціонизмъ ѣхалъ всегда на парѣ лошадей, изъ которыхъ одна—терроръ соціальный (т. е. фабричный или аграрный), какъ коренная лошадь, а политическій на пристяжкѣ. Съ Липецкаго съѣзда запрягли въ возъ одну лошадь — терроръ яркій, чисто политическій, а теперь думали опять о переходѣ на соціальный. Ни за то, ни за другое нельзя погладить подсудимыхъ по головѣ, но двухъ золъ нельзя сравнивать, куда хуже яркій, чисто политическій, прямо мѣтящій въ правительство, самый опасный терроризмъ; между тѣмъ какъ противъ аграрнаго и фабричнаго сами оппоненты могутъ выставить свои силы и отстоять себя при содѣйствіи правительства.

Что внутренняя рознь тормозила движеніе, производила анархію и обезсиливала это движеніе, это видно изъ документовъ, несомнѣнно исходившихъ изъ партіи „Народной Воли“, изъ ея тайныхъ архивовъ, изъ подлежавшихъ огласкѣ ея подпольныхъ публикацій, напр.: 1) изъ № 10 прокламаціи исполнительнаго комитета, въ которомъ изъясняется, что комитетъ рѣшилъ послѣ 1 марта 1881 г. до коронаціоннаго манифеста никакихъ наступательныхъ дѣйствій не предпринимать; 2) изъ найденныхъ въ рукописномъ архивѣ Саловой пререканій между центральнымъ кружкомъ союза молодежи и делегаціею исполнительнаго комитета, свидѣтельствующихъ о совершенной распущенности организаціи центральнаго кружка молодой партіи. Молодая партія посылаетъ запросъ исполнительному комитету: „Неугодно ли немедленно отвѣтить, почему вы не изволите допускать въ программу „Народной Воли“ фабричнаго и аграрнаго террора?“ Отвѣтъ делегаціи исполнительнаго комитета былъ такой; „Не исполнительный комитетъ, а вы должны

мотивировать; мы стоимъ за свое созданіе". Сперва побѣда осталась за молодой партіей, а со стороны комитета сдѣланы уступки по вопросу о фабричномъ и аграрномъ террорѣ. Исполнительный комитетъ согласился помѣстить въ своемъ изданіи заявленіе молодой партіи, что и терроръ аграрный возможенъ, но долженъ имѣть второстепенное значеніе, и терроръ фабричный можетъ быть практикуемъ весьма полезно, но болѣе какъ средство, нежели какъ политическая программа; средство доступное пониманію простонародья для ускоренія сліянія силы народа съ сознательностью революціонной интеллигенціи. Послѣ того молодая партія могла уже выразить высокомѣрно и слегка: мы убѣдились, что есть разница между взглядами исполнительнаго комитета и нашими, что въ практическомъ отношеніи она мало значительна, потому что и мы еще не намѣрены осуществлять соціальный терроръ, а потому намъ угодно нынѣ не разрывать народовольческой организаціи на двѣ части. Въ 4-хъ, что и молодая партія слилась не вся, остался значительный хвостъ въ видѣ с.-петербургской рабочей группы, которая, какъ видно изъ рукописи у Саловой, переговоры окончила на такихъ основаніяхъ, что она не вступаетъ въ обязательныя отношенія къ исполнительному комитету, но не считаетъ дѣятельности исполнительнаго комитета вредною и будетъ поддерживать уваженіе къ исполнительному комитету между рабочими. Якубовичъ въ самый моментъ заарестованія весь поглощенъ былъ идеею, какъ бы эту рабочую группу обратить на путь истины, на путь подчиненія исполнительному комитету, въ который онъ столь недавно еще увѣровалъ—онъ бывшій протестантъ, грозившій отложиться (въ записной книжкѣ Овчинникова записано: „чего мы требуемъ и если оно не будетъ исполнено, разойдемся".

Я не буду продолжать; до очевидности ясно, что вся организація ушла въ идейную работу и то довольно непроизводительную, въ тонкіе и ожесточенные споры объ отвлеченныхъ вопросахъ, ведомыхъ съ остервенѣніемъ, съ завзятостью, съ какою велись богословскіе споры въ средніе вѣка, что изъ этой идейной работы организація и не выходила, наступательнаго движенія она не предпринимала. Есть два только или три обстоятельства, которыя какъ будто бы видоизмѣняютъ эти выводы и даютъ поводъ думать и объ активности за этотъ періодъ прозябанія, а именно грабежи почтъ на югѣ, убійство Шкріобы, международный трактатъ россійскаго исполнительнаго комитета „Народной Воли" съ польскимъ „Пролетаріатомъ", закрѣпленный исполнительнымъ комитетомъ въ № 10 „Народной Воли", и, наконецъ, подпольныя изданія и выпускъ № 10 „Народной Воли". На этихъ фактахъ позвольте мнѣ минутку остановиться.

Убійство Шкріобы и разграбленіе почтъ были личными дѣй-

ствіями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ неугомонныхъ и страстныхъ членовъ организаціи на низшихъ ступеняхъ этой іерархіи, совершенными не только безъ вѣдома, но противъ воли руководящаго органа партіи. Вы слышали Лопатина, его слова тѣмъ болѣе убѣдительны, что они основаны на положительномъ фактѣ. Изъ-за вопроса объ ограбленіи почтъ пришлось воевать Лопатину въ Харьковѣ чуть ли не съ цѣлою мѣстною организаціею, уничтожать цѣлый выпускъ изданія лишь для того, чтобы въ революціонные святцы не попалъ грабитель почтъ, а не мученикъ — Бердичевскій. Здѣсь, въ этихъ отдѣльныхъ террористическихъ событіяхъ имѣлъ мѣсто случай выхода за предѣлы порученія и полномочій, простой эксцессъ, за который не отвѣчаетъ власть, какъ не отвѣчаетъ офицеръ, когда онъ послалъ отрядъ солдатъ занять постъ, а солдаты стали грабить, или послалъ арестовать преслѣдуемаго лазутчика, а они его повѣсили.

Перехожу къ связи съ „Пролетаріатомъ“, къ странной судьбѣ бумажки, озаглавленной „Конфиденціальное соглашеніе исполнительнаго комитета „Народной Воли“ съ центральнымъ комитетомъ партіи „Пролетаріатъ“, которое послужило въ Варшавѣ къ обремененію участи подсудимыхъ за участіе въ „Пролетаріатѣ“, а здѣсь приводится для усиленія наказанія для народовольцевъ.

Что такое партія „Пролетаріатъ“, это извѣстно если не изъ судебнаго рѣшенія, то изъ правительственнаго сообщенія, опубликованнаго въ началѣ 1886 г. во всѣхъ газетахъ. Въ С.-Петербургѣ, до погрома 1883 г., въ періодъ дѣятельности главнымъ образомъ Судейкина, существовала въ народовольческой организаціи извѣстная группа польскихъ соціалистовъ, въ сущности отрекшаяся отъ своей народности, отъ національныхъ стремленій и перешедшая рѣшительно и безповоротно на космополитическую точку зрѣнія. Послѣ погрома они переселились въ Варшаву и Царство Польское и пользуясь тѣмъ, что на нихъ не было обращаемо вниманія, что по старому преданію польскую почву по причинѣ крѣпкихъ историческихъ ея преданій русскіе считали для соціалистической пропаганды не подходящею, эти переселенцы стали исподтишка вести пропаганду между рабочими.

Въ программѣ ихъ было воевать съ капитализмомъ и крупнымъ землевладѣніемъ, главнѣйшимъ образомъ съ капитализмомъ, не трогая правительства, не поднимая руки ни на единаго изъ его органовъ. По содержанію своему это было тайное общество, направленное къ потрясенію и разрушенію основъ не политическаго, а общественнаго строя (318 ст. улож. о наказ.), такимъ оно вѣроятно и было бы признано, не будь въ числѣ главныхъ его дѣятелей, наиболѣе дѣлу напортившихъ, того самаго Стася Куницкаго, о которомъ часто шла здѣсь рѣчь. Стась помогалъ бѣжать

Дегаеву, выпроводилъ его за границу, чуть ли не черезъ Либаву, самъ ѣздилъ за границу, видѣлся тамъ съ Львомъ Тихомировымъ и съ заграничнымъ исполнительнымъ комитетомъ и, возвратившись, былъ накрытъ 28 іюня 1884 г. въ квартирѣ мирового судьи Бардовскаго, у котораго оказался на храненіи цѣлый революціонный архивъ, а въ томъ архивѣ найденъ и документъ, безъ подписи, разумѣется, и безъ числа: „Конфирмація соглашенія“, о которомъ идетъ рѣчь. Число 1 марта 1884 г. въ № 10 по всей вѣроятности вѣрно, оно обозначаетъ конфирмацію трактата тою заграничною властью, съ которою, какъ извѣстно, поляки другой, настоящей, прямой связи не имѣли, развѣ лишь чрезъ одного Лопатина, который не высказался съ полною на этотъ счетъ откровенностью. Отъ себя сочинена на мѣстѣ вѣроятно Лопатинымъ маленькая приписочка въ № 10 „Народной Воли“ о томъ, что положено основаніе сближенію польскаго революціоннаго движенія съ русскимъ, выражающемуся въ томъ, что центральный комитетъ „Пролетаріата“ и исполнительный комитетъ, существующіе какъ двѣ самостоятельныя державы, имѣютъ другъ у друга аккредитованныхъ представителей, но „Пролетаріатъ“ признаетъ полномочіе исполнительнаго комитета, какъ центра, руководящаго и въ Царствѣ Польскомъ политическою борьбою. И это соглашеніе нѣчто отдѣльное абстрактное, прямо въ настоящемъ къ дѣйствію неприложимое, такимъ образомъ оно подтверждаетъ нашу характеристику объ исключительно идейной дѣятельности „Народной Воли“ въ этотъ періодъ. Остается дерптская типографія, изданіе № 10 „Народной Воли“, преступленіе, составлявшее не приготовленіе къ бунту, а прямо предусмотрѣнное особою 251 ст. улож. безъ смертной казни, съ однѣми каторжными работами. Всѣ эти данныя заставляютъ по необходимости заключить, что за весь этотъ періодъ комитетъ былъ одержимъ дремотою, спячкою, прозябалъ, не дѣйствовалъ, цареубійства не замышлялъ, прямыхъ посягательствъ на переворотъ и ниспроверженіе властей не дѣлалъ и потому есть полное юридическое основаніе думать, что люди, только въ этотъ періодъ вошедшіе въ него и затѣмъ въ тотъ же періодъ вышедшіе или арестованные, если судятся, то должны быть судимы не по 249 ст. улож. Я не отрицаю, что, вступая въ организацію, они знали, что этотъ заговоръ имѣетъ кровавое прошлое, что въ этомъ прошломъ есть цареубійство, но, допуская это отягчающее ихъ вину обстоятельство, я утверждаю, что въ составъ преступленія оно не входитъ, какъ не вошло оно какъ фактъ вины въ счетъ уголовной отвѣтственности и не было вмѣнено мальчикамъ и дѣвушкамъ послѣ 1 марта 1881 г., которые, будучи опрошены, отвѣчали: мы не участвовали, но мы сочувствуемъ, а были и такіе примѣры. Я сошлюсь какъ на примѣръ на поступокъ Любови Чемодановой, которая, будучи арестована за

знакомство съ Перовской, сказала: я въ дѣлѣ не участвовала, но я ему сочувствую и ее однако не привлекли къ отвѣтственности по 249 ст. улож.

Такова общая часть моей защиты, касающаяся всѣхъ вообще подсудимыхъ, которыхъ число 21, а въ томъ числѣ и Якубовича; но прежде, чѣмъ я ее заключу, я долженъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое послужитъ прямымъ переходомъ къ защитѣ Якубовича. Если бы и не было удостовѣрено, что весь подлежащій судебному разсмотрѣнію по настоящему дѣлу фазисъ заговора былъ выжидательный, пассивный, даже приготовленій не содержащій, если бы въ него въ тотъ періодъ 1883 и 1884 г.г. входили и цареубійство, и насильственный государственный переворотъ, то и въ такомъ случаѣ мѣрка 249 ст. улож. была бы приложима ко всѣмъ заговорщикамъ. Она была бы приложима къ тѣмъ изъ нихъ, которые вступали въ заговоръ, принимая и исполняя этотъ уставъ съ его цареубійствомъ и ярко революціонными очертаніями, но не приложима къ тѣмъ, которые въ него вступали только съ тѣмъ, чтобы этихъ крайностей не допустить, имъ противодѣйствовать и свернуть съ этой колеи на другую, менѣе радикальную, которые сознательно и можетъ быть рискуя и подвергая себя опасности клали палки въ колеса машины и тормозили движеніе насколько могли. Я стою, положимъ, среди движенія, вижу, что плохо, донести невозможно, самому ли броситься подъ колеса? Вступая, я далъ клятву на уставъ, каковъ бы онъ ни былъ; но разъ вступивъ, торможу елико силъ хватитъ. Неужели у васъ достало бы духу судить меня одною мѣркою съ моими противниками, судить меня не за заговоръ, какъ я его понималъ, я—протестующая фракція, вмѣнять мнѣ то, чего я дѣлать не хотѣлъ, закрывать возможность отступленія тѣмъ революціонерамъ, которые до извѣстной степени союзники правительства въ заговорѣ, съ которыми можно столковаться, спѣться, знать чрезъ нихъ, что дѣлается въ комплотѣ; развѣ возможно противопоставлять имъ неумѣлое, обезсмысленное, а главное неполитическое: *lasciate ogni speranza voi qu'entrate*. По опыту двадцати прошлыхъ лѣтъ, я какъ опытный человѣкъ утверждаю, что отъ такого подведенія подъ одинъ уголовный законъ драконовскій и крайній, какъ смерть, какъ безсрочныя каторжныя работы, я никогда пользы не видѣлъ и не вижу. За всѣ тѣ времена, когда за хожденіе въ народъ, за раздачу книжекъ примѣняли наказанія какъ за активныя революціонныя дѣйствія, назначаемыя теперь, когда судились тѣ народники, о которыхъ писалъ Якубовичъ къ Ивану Ивановичу: „Они то правы, но бѣда, что они требуютъ для своихъ дѣлъ 10,000 людей". — И что же, не хватало тюремъ, не было возможности столько людей ссылать, надо было открыть и установить оттѣнки въ провинностяхъ, то

есть совершить единственно возможную и резонную задачу, ту именно, о которой я хлопочу и хлопочу для Якубовича, какъ такого именно резонерствующаго человѣка, какъ такого критикана и вѣчнаго протестанта. Онъ сознательно уклонялся отъ всякаго практическаго дѣла, можетъ быть потому, что онъ къ нему и неспособенъ; въ сферу теоріи онъ вносилъ въ каждый вопросъ охладающій анализъ, въ одной части своей не довольно революціонной дѣятельности онъ только огрызался и тормозилъ, а въ другой, переубѣдившись, все объединялъ и умиротворялъ, но не выходя изъ сферы идейной, витая всегда между облаками. Мой разборъ его дѣятельности не будетъ продолжителенъ, потому что всякій, кто изучалъ Якубовича, не можетъ не быть пораженъ полною его искренностью и даже откровенностью, отсутствіемъ фальши. Его можно бы выложить какъ любопытный предметъ на ладони. Постараюсь прослѣдить его и на революціонномъ поприщѣ съ начала до конца. Наряду съ печальнымъ увлеченіемъ, вовлекшимъ его въ этотъ омутъ, вы вездѣ увидите какъ задатки его хорошей дѣятельности, такъ и его чутье истины и созрѣвающее послѣ опытовъ сознаніе объ умѣренности, необходимой въ жизни и даже въ революціонномъ движеніи, коль скоро оно не стихійная сила, а организація, стремящаяся къ достиженію практическихъ результатовъ.

Петръ Филипповичъ Якубовичъ моложавый на видъ, да и молодой, нынѣ 25 лѣтъ, слѣдовательно въ періодъ революціонной дѣятельности имѣлъ всего 21 годъ; филологъ, хорошій словесникъ, годъ одинъ былъ редакторомъ журнала „Русское Богатство“. Имѣлъ изъ дому кое-какія средства, зарабатывалъ и литературнымъ трудомъ, прозою и стихами. Образчикъ его сильнаго сжатаго и хорошаго слога вы имѣете въ письмѣ къ Ивану Ивановичу, которое едва ли не занимаетъ первое мѣсто между всѣми прочитанными революціоннаго пошиба напечатанными статьями и рукописями, оглашенными по настоящему дѣлу. Каково бы ни было ваше сужденіе о дѣйствіяхъ, вы не откажете Якубовичу въ логикѣ, въ связи въ мысляхъ, въ широтѣ взглядовъ и въ далеко недюжинномъ образованіи.

Что касается до склада его ума, то всѣхъ людей нашего, а можетъ быть и всѣхъ вѣковъ, можно подвести подъ нѣсколько типовъ, изъ коихъ 2 крайніе, а остальные посредствующіе. Первый крайній типъ — это люди сознательно и цинически безпринципные; у меня въ каждомъ карманѣ по принципу, какіе понадобятся, такіе я и вынимаю. Такихъ людей гибель, они подавляющее большинство, наше общество именно страдаетъ отсутствіемъ стойкости въ убѣжденіяхъ, перескакиваніемъ по дуновенію вѣтра отъ одного убѣжденія къ другому діаметрально противоположному, болѣе современному; люди мѣняютъ убѣжденія какъ мѣняютъ платье или

бѣлье. Второй крайній типъ — это люди, интересующіеся только одними принципами, а все остальное для нихъ мелочь, шелуха, нѣчто скучное, о чемъ не стоитъ говорить. Я отнесу Якубовича къ этому именно типу и нахожу, что онъ самъ себя портретировалъ въ заключительныхъ фразахъ письма къ Ивану Ивановичу. Объ организаціи не говорю, такъ какъ это уже послѣднее дѣло. Писать о политикѣ партіи 5 листовъ и только о принципахъ, а въ концѣ концовъ помѣстить нѣсколько словъ объ организаціи, какъ будто бы она послѣднее дѣло — это характерно и это прямѣе опредѣляетъ человѣка, нежели показанія его на дознаніи и даже на судѣ, внушенныя конечно тѣмъ присущимъ Якубовичу критицизмомъ, который онъ примѣнялъ и къ себѣ, но въ которомъ пожалуй могъ бы кто-нибудь заподозрить и самобичеваніе тенденціозное съ цѣлью самоумаленія во избѣжаніе наказанія или для уменьшенія наказанія: „Мой слабый характеръ, моя неспособность къ практической дѣятельности, моя вѣчная несговорчивость и наклонность къ розни“. Я не могу вполнѣ повѣрить этимъ словамъ Якубовича, я полагаю, что написавшій письмо къ Ивану Ивановичу заслуживаетъ болѣе высокой оцѣнки. Для дополненія характеристики сдѣлаю еще два замѣчанія. Люди отвлеченныхъ принциповъ бываютъ обыкновенно сухіе и упрямые. Якубовичъ ни то, ни другое, онъ поэтъ, даже въ разсужденіяхъ и принципахъ. Каждая его фраза тепла теплотою чувства, колоритна, сильно колоритна, а отъ упрямства спасала его относительно большая многосторонность его образованія, вслѣдствіе которой онъ и развивался въ мысляхъ, а разъ переходя съ одной точки зрѣнія на болѣе возвышенную другую, онъ уже и не стѣснялся въ признаніяхъ, что его воззрѣнія измѣнились, расширились. Онъ по крайней мѣрѣ три раза мѣнялся въ этотъ періодъ революціонной своей карьеры. Первый моментъ отъ начала знакомства съ Дегаевымъ до кіевской поѣздки въ январѣ и февралѣ 1884 г. 2-й моментъ борьбы, грызни и расправы съ исполнительнымъ комитетомъ и его представителями до поѣздки въ Дерптъ. 3-й періодъ примирительный, согласительный, отъ возвращенія изъ Дерпта до заарестованія 15 ноября 1884 г., моментъ окончательно фиксированный въ письмѣ къ Ивану Ивановичу.

Первый фазисъ дѣятельности Якубовича — Дегаевъ. — Образованіе союза молодежи. Какой ни былъ Дегаевъ трусъ, двойной или тройной измѣнникъ, но въ ловкости и въ психологической опытности ему нельзя отказать, онъ вкрадывался въ душу, онъ объѣхалъ и потопилъ самого Судейкина. По словамъ Якубовича, Дегаевъ уловилъ внутренній складъ его „*я*“, открылъ въ немъ способнаго литератора и тотчасъ же поспѣшилъ имъ завладѣть. Есть основанія думать, что въ этомъ отношеніи Дегаевъ

дѣйствовалъ какъ провокаторъ, какъ ищейка, что онъ усмотрѣлъ въ Якубовичѣ тотчасъ же цѣнную находку, то есть готовую къ поимкѣ для Судейкина, что въ такомъ видѣ онъ его Судейкину и изобразилъ. Со всѣхъ сторонъ окружили Якубовича шпіоны, добивавшіеся видѣть его въ лицо, что и заставило его уѣхать. Съ тѣхъ поръ Якубовичъ и не выходилъ вѣроятно изъ раіона наблюденій полиціи. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется та несчастная роль, которую онъ поневолѣ долженъ былъ играть какъ заразный человѣкъ. Дегаевъ не отставалъ и осенью, въ сентябрѣ 1883 г., послѣ отказа Якубовича, онъ его свелъ со студенческой лигой, я думаю, какъ орудіе для провокаціонной дѣятельности, а можетъ быть, кто его знаетъ, и для революціи. Мысль самого Дегаева была чисто практическая и мелкая — объединить студенческія волненія, сдѣлать такъ, чтобы когда бунтуютъ въ университетѣ, дѣлалось бы то же и въ технологическомъ, лѣсномъ и горномъ институтахъ etc. etc.... Якубовича взорвало, онъ самъ былъ студентъ, онъ понималъ весь вредъ отъ траты юныхъ силъ на пустое. Онъ самъ присутствовалъ на скандалѣ 8 февраля 1881 г. въ с.-петербургскомъ университетѣ, когда нанесенъ былъ на публичномъ актѣ ударъ министру народнаго просвѣщенія. Онъ предлагалъ другое: учебныхъ заведеній не трогать, революціоннаго движенія не вводить, намѣчать только въ этихъ замкнутыхъ для публики кружкахъ выдающіяся силы, которыя и объединять по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ созрѣвать, кончать образованіе и выдѣляться. Однимъ словомъ, создать нѣчто подготовительное для движенія, дѣйствующее въ рамкахъ легальности, служащее прогрессу ли, революціи ли, я спорить не буду, вѣдь между прогрессомъ и революціею разница только въ средствахъ, а не въ цѣли, а вопросъ о средствахъ рѣшается въ настоящемъ случаѣ въ пользу легальности, коль скоро должна была быть создана легальная, негласная приготовительная школа людей прогресса, а можетъ быть и революціи.

Якубовичъ по приглашенію Дегаева являлся въ собраніе молодежи 2 раза и говорилъ; онъ успѣлъ вполнѣ, онъ упразднилъ лигу. Во второмъ собраніи приняты были его предложенія объ образованіи союза молодежи по письменному его проекту. Но достигнувъ того, что союзъ молодежи былъ созданъ, Якубовичъ уже не фигурируетъ въ этомъ союзѣ; уже по показаніямъ свидѣтеля Кирпичникова, въ Пантелеймонской улицѣ № 14, собираются собранія въ апрѣлѣ и маѣ 1884 г. безъ Якубовича и якобы противъ воли Якубовича; уже главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Сухомлинъ; уже возникаютъ вопросы, о которыхъ не было и момину въ 1883 г.,— о фабричномъ и аграрномъ террорѣ. Все то, что происходило, совершалось безъ вѣдома, воли и участія Якубовича, а что касается

до его участія въ организаціи союза молодежи, то и для него и для другихъ революціонеровъ и для васъ, гг. судьи, непреодолимымъ препятствіемъ къ окончательному разрѣшенію этого вопроса является сомнѣніе, не былъ ли самый планъ, осуществленный Дегаевымъ, образованія такого союза ловушкою, тенетами, разставленными на молодежь, провокаторствомъ, состоявшимся съ разрѣшенія Судейкина и потому только не кончившимся заарестованіемъ всего союза молодежи, что Судейкинъ былъ убитъ и самъ Дегаевъ, оборвавъ нити, связующія его съ сыскною полиціею, исчезъ съ петербургскаго горизонта. Во всякомъ случаѣ не доказано, чтобы этотъ союзъ молодежи былъ союзомъ партіи „Народной Воли“, чтобы онъ входилъ въ составъ партіи, чтобы значился въ объемѣ ея силъ. По всей вѣроятности это было учрежденіе полулегальное, внѣ движенія стоящее, только приготовительное, за которое одно нельзя даже и подводить подъ наказаніе кромѣ какъ по 318 ст. ул., учрежденіе хотя и противозаконное, но не съ опредѣлившимся революціоннымъ характеромъ. Дегаевъ разумѣется не откровенничалъ съ Якубовичемъ, не сообщалъ ему о своей кабалѣ у Судейкина, о своемъ намѣреніи порвать цѣпь и умертвить Судейкина; отъ всей этой грязи Якубовичъ отвернулся бы съ негодованіемъ. 16-е декабря было для него неожиданностью. Онъ былъ зрителемъ, когда ему самому грозила опасность болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, по указаніямъ на него Дегаева. Въ то же время надобно было предупредить о случившемся Кіевъ. И вотъ дается порученіе Якубовичу отвезти пакетъ въ Кіевъ, къ лицу, оказавшемуся его знакомымъ—Шебалину. Въ разговорахъ съ Шебалинымъ подготовлялся второй періодъ дѣятельности Якубовича, фазисъ протеста противъ исполнительнаго комитета.

Второй фазисъ—центр. кружка молодой партіи „Нар. Воли“. Это періодъ, въ теченіе котораго Якубовичъ все пишетъ, переписываетъ, сочиняетъ, переправляетъ. Собрано несмѣтное количество клочковъ, отрывковъ, писемъ, доказывавшихъ страсть его къ многописанію, но еще вовсе не опредѣляющихъ роли Якубовича въ революціонномъ дѣлѣ. Я долженъ прямо откинуть, какъ безразличную и бездоказательную корреспонденцію его съ невѣстою Франкъ, письма его къ Демидовой, у которой онъ, оказывая услугу партіи, устраивалъ риторическую низкопробную работу, найденную у Ратнера, полученную имъ отъ Овчинникова: „Послѣ побѣды, одержанной надъ самодержавіемъ“. Половина писана рукою Якубовича, половина рукою неизвѣстнаго, сама рукопись программы молодой партіи „Народной Воли“, писанная параграфами, якобы согласная съ рукописью „Къ товарищамъ“, найденною у Саловой, и пр. и пр. Я не отрицаю, что Якубовичъ охотно и сознательно оказывалъ секретныя услуги, что онъ дѣятельно многое переписывалъ. Для меня

важно только установить, что онъ сочинялъ, чтобы уяснить направленіе его мыслей, а слѣдовательно и дѣятельности и ея относительную преступность. Прежде чѣмъ приступлю къ разбору этихъ капитальныхъ вещей, изъ коихъ главныя конечно записная книжка Овчинникова и нѣкоторые мотивы къ прокламаціи 1 февраля отъ центральнаго кружка союза молодежи „Народной Воли“, я долженъ предварительно остановиться на вліяніи, которое крупныя событія, какъ смерть Судейкина и исчезновеніе Дегаева произвели на революціонные кружки и группы въ С.-Петербургѣ и провинціяхъ. Во 1-хъ было впечатлѣніе нервнаго сотрясенія, сознаніе освобожденія отъ смертной опасности которая висѣла надъ партіею, освобожденіе отъ неминуемой гибели изъ рукъ сыскной полиціи. 2) Связь между упѣлѣвшими должна была усилиться; явилось убѣжденіе въ томъ, что оставленные, покинутые властью должны ее изъ себя выдѣлить, стремленіе по центробѣжному направленію, удаляющемуся отъ заграничнаго центра. Сами ли мы должны порадѣть о себѣ, сами ли устроиться на началахъ федеративныхъ, на выборахъ, на съѣздахъ? можетъ быть обойдемся и безъ исполнительнаго комитета? Тѣ всѣ идеи уже почковали, уже расцвѣтали при Дегаевѣ, онъ самъ имъ содѣйствовалъ, въ числѣ ихъ и было опредѣляющееся желаніе свернуть со столбовой дороги ярко политической борьбы на проселки, на соціализмъ, на фабричный и аграрный терроръ. пересѣсть на эту лошадку. Наконецъ были и чисто личные счеты пережившихъ критическую минуту людей, ощутившихъ дрожь страха петербуржцевъ. Какъ же такъ случилось, что ихъ заграничные опекуны не предупредили ихъ о шпіонѣ Судейкина, входили съ нимъ несмотря на его предательство въ сдѣлки и подвергали тѣмъ временемъ сотни лицъ смертельной опасности? Среди этихъ элементовъ броженія что могъ сдѣлать взявшій исправленіе должности начальника, пока пріѣдетъ баринъ, пока придутъ распоряженія изъ Парижа или Женевы — Степуринъ и его адъютантъ Стась (Куницкій), чистый дегаевецъ, мало внушающій довѣрія? Все, что держалось старины, было тускло, слабо, мало устойчиво, а между тѣмъ все кипѣло какъ въ котлѣ въ мѣстныхъ группахъ и въ особенности въ созданномъ при Дегаевѣ союзѣ молодежи, въ которомъ впрочемъ Якубовичъ уже не принималъ никакого прямого участія, не занималъ видной роли. Безъ него выбранъ центральный кружокъ изъ 5 лицъ; для этого кружка онъ набросалъ кой-какіе проектики, изъ которыхъ нѣкоторые и вошли въ прокламацію 1 февраля 1884 г. Якубовичъ энергически отрицаетъ свое участіе въ III пунктѣ программы. Организація союза и кружковъ—это не по его части и клочки его рукописи относятся къ другимъ мѣстамъ и отдѣльнымъ прокламаціямъ, но я беру изъ прокламаціи то, что имъ признано; оно характерно. Кружокъ самъ

по себѣ задается цѣлью организовать плотное ядро не исключительно боевого (террористическаго) характера, но соціально-революціоннаго въ обширномъ смыслѣ этого слова (слѣдовательно подготовительнаго и главнымъ образомъ на экономической почвѣ). Кружокъ заявляетъ, что онъ власть самостоятельная, переговаривающаяся съ исполнительнымъ комитетомъ, какъ съ другою державою, безъ вражды, но какъ два отдѣльные состава и два особые центра. Мы не опасаемся, говорилось, обвиненія въ узкой партіонности, когда становимся подъ знамя „Народной Воли“, мы считаемъ даже обязанностью оказать исполнительному комитету носильную помощь, но мы заявляемъ, что названіе молодой партіи „Народной Воли“ еще не говоритъ о подчиненіи ея исполнительному комитету. Такимъ образомъ это уже не тайное общество, возникшее на Липецкомъ съѣздѣ, а новое общество, новый заговоръ, который и долженъ быть судимъ по новымъ началамъ. Близится такимъ образомъ расколъ. Въ обвинительномъ актѣ расколъ этотъ возведенъ къ Якубовичу, какъ къ источнику; ему приписывается и вмѣняется постановка того вопроса, по которому и закипѣлъ самый жаркій споръ: включать ли терроръ аграрный и фабричный въ программу, какъ средство дѣйствовать на массу, и ее подущать; но нѣтъ въ дѣлѣ ни малѣйшаго доказательства, чтобы Якубовичъ стоялъ особенно за терроръ (аграрнаго онъ вовсе не допускалъ; къ фабричному же относился нейтрально), въ его писаніяхъ этотъ предметъ не упоминается. Вспомнимъ показаніе Стародворскаго, относящееся къ политикѣ Дегаева, и убѣдимся, что идеи Дегаева и можетъ быть Крицкаго точь въ точь такія, какія проводимы были въ „Пролетаріатѣ“, увлекали весь кружокъ, входили въ программу его, но въ этомъ увлеченіи и въ этомъ непосредственномъ участіи не замѣченъ Якубовичъ, онъ въ нихъ не участвовалъ ни тѣломъ, ни душею. Есть любопытный документъ, изъ котораго видно, что у этого страннаго человѣка мысли всѣ были направлены совершенно въ иную сторону, что въ противность обыкновенному практическому направленію, которое можетъ быть выражено поговоркою: „что было, то прошло и былью поросло“, Якубовичъ занимался только этикою, а не политикою, его мучилъ только вопросъ, честно или не честно поступалъ исполнительный комитетъ, не извѣщая петербургскую группу о томъ, что такое Дегаевъ. Этотъ документъ—запись въ памятной книжкѣ Овчинникова. Овчинниковъ въ февралѣ 1884 г. прибылъ изъ Вильны въ С.-Петербургъ, откуда выбылъ въ Москву, гдѣ и арестованъ 5 мая. Въ февралѣ и мартѣ значитъ онъ бесѣдовалъ съ Якубовичемъ, свои взгляды съ его взглядами согласовалъ, одобрялъ Якубовича и былъ самъ ободряемъ. Овчинниковъ былъ ветеранъ революціи, много страдавшій и побывавшій въ ссылкѣ. Онъ долженъ былъ участвовать въ съѣздѣ молодой

партіи, въ которомъ Якубовичъ не надѣялся участвовать. Для Овчинникова и начерталъ Якубовичъ свою замѣтку, въ виду ожидаемыхъ преній мѣстныхъ представителей группъ съ пріѣзжими. Спрашивается, чего же онъ добивается? Пріѣзжіе или непріѣзжіе, эти члены, выборные или не выборные—это не принципіальный вопросъ, а главное докажите, что исполнительный комитетъ существуетъ, что онъ не миѳъ, и потребуйте отъ него объясненій, которыхъ если не получите, то разойдемся. Комитетъ долженъ объяснить: 1) зачѣмъ, утвердивъ посредствомъ представителя своего Льва Тихомірова въ августѣ 1883 г. Дегаева и его организацію, комитетъ молчалъ; 2) зачѣмъ, узнавъ объ истинной роли Дегаева, не сообщилъ о томъ немедленно въ Россію; 3) зачѣмъ не прислалъ намъ показаній Дегаева; 4) зачѣмъ обрекъ онъ на гибель сотни людей, подвергая партію потерѣ обаянія, деморализаціи... Неправда ли, что изъ сотни человѣкъ можетъ быть нашелся бы только одинъ такъ понимавшій дѣло, а иные и не заботились бы сводить старые счеты, когда необходимо было не о старомъ помышлять, а попорченное поскорѣе чинить и спасать? Не правда ли, что такъ не разсуждалъ бы никогда ни воинъ, ни офицеръ, ни генералъ отъ революціи, а развѣ полковой священникъ этой дружины? Но что же дѣлать, дружинѣ нуженъ и священникъ, нуженъ правдолюбецъ, судья и моралистъ и такимъ-то именно моралистомъ являлся Якубовичъ, а не человѣкомъ дѣла.

Справедливость требуетъ сказать, что въ пылу борьбы онъ потерялъ необходимое для правильности выводовъ равновѣсіе, что подъ вліяніемъ страсти и моралистомъ сталъ онъ плохимъ, что и Степурина онъ безъ всякаго основанія обидѣлъ и съ исполнительнымъ комитетомъ затѣвалъ, что называется *une querelle d'allemand*. Спрашивается, какъ бы мы поступили на мѣстѣ исполнительнаго комитета? Дегаева услуги были неоцѣнимы и спасительны, они требовали глубочайшей тайны. Извѣщать с.-петербургскую партію о томъ, кто такой Дегаевъ, значило выдавать его головою Судейкину какъ предателя или толкать его въ объятія Судейкина какъ начальника сыскной полиціи. Только такимъ образомъ могли быть остатки дружины спасены. Они и были спасены.

Наступилъ рѣшительный моментъ, иными словами произошелъ прямой расколъ, продолжающійся съ 1 апрѣля по 1 іюня 1883 г. Замѣтимъ, что еще въ мартѣ пріѣхала делегація исполнительнаго комитета и передъ ея судилищемъ предстали и консерваторы, и молодая партія или взбунтовавшійся казачій элементъ, но на весь этотъ періодъ наложена печать, занавѣси участники передъ нами не приподняли. Мы ничего не знаемъ. Мы только догадываемся, что были сильно драматическіе моменты, что оплакивались раздоры, что о нихъ сожалѣли люди стараго закала и молодая партія. Это

сквозитъ въ письмѣ къ Ивану Ивановичу. Не знаю, какимъ образомъ въ іюнѣ уврачевапъ былъ раздоръ и состоялся компромиссъ, увѣнчавшійся появленіемъ № 10 „Народной Воли“, изданный одновременно въ Дерптѣ и въ Ростовѣ. Якубовичъ такъ увлекся борьбою и запутался въ ея перипетіяхъ, въ которыхъ неизвѣстно участвовалъ ли онъ лично, что долженъ былъ перейти въ нелегальное положеніе, что заболѣлъ, что нервы его разстроились. Я легко понимаю, что своимъ ковыряніемъ въ непрактическихъ, чисто моральныхъ вопросахъ онъ сильно надоѣлъ товарищамъ и что представители исполнительнаго комитета поспѣшили услать его въ Дерптъ на покой и отдыхъ, подъ предлогомъ, что услуги его корректорскія и секретарскія требуются при изданіи № 10 „Народной Воли“.

Здѣсь въ Дерптѣ начинается фазисъ 3-й—завершеніе эволюціи, возвращеніе вспять предпріятія къ его началу. Для меня безразлично, какъ и для прокурора, жилъ ли Якубовичъ въ самой типографіи, посѣщалъ ли ее, управлялъ ли ею, возилъ ли самъ изданія. Онъ принималъ участіе въ печатаніи—этого достаточно. Но читая корректуры и корреспонденцію съ центромъ по поводу изданія, Якубовичъ отдыхалъ, наслаждался природою въ тѣнистыхъ аллеяхъ парка и на Домбергѣ, и здѣсь онъ на досугѣ обдумалъ вновь пережитое, и себя разсудилъ и осудилъ. И увидѣлъ онъ, что у него въ глазу бревно, а ближняго онъ попрекалъ за сучокъ, и жаль ему стало бѣднаго Степурина, который съ 12 апрѣля 1884 г. уже сидѣлъ подъ ключомъ, а въ январѣ 1886 г. кончилъ жизнь, подрѣзавъ себѣ горло. И стыдно ему за себя стало передъ исполнительнымъ комитетомъ. Отрезвленный, раскаявшійся, онъ возвратился въ С.-Петербургъ безъ вида, странствовалъ отъ знакомаго къ знакомому, пока не раздобылся паспортомъ на имя Орлова. Среди скитаній онъ апостольствовалъ и обдумывалъ свое посланіе къ остаткамъ отщепенцевъ, къ с.-петербургской рабочей группѣ, которая одна оставалась непреклонно внѣ союза. Изъ-за чего мы и вы грыземся? Изъ-за академическаго вопроса о фабричномъ терроръ, но стоитъ ли? Вѣдь и исполнительный комитетъ допускаетъ террористическіе факты и въ экономической области, если есть явныя притѣсненія, насиліе, если надо дать единичную въ исключительныхъ случаяхъ острастку; тогда понадобится и терроръ. А съ другой стороны, гдѣ же нужда въ настоящій моментъ въ этомъ терроръ? Надо предполагать, что, открывая эту никому невѣдомую Америку, вы хотѣли зажечь массы? Нѣтъ, не такова цѣль революціонеровъ, а чтобы создать среди нихъ толковыя руководящія группы. Несомнѣнно, что, печатая № 10 „Народной Воли“ и пытаясь подвести подъ старое знамя и старое начало исполнительнаго комитета послѣднихъ протестантовъ, Якубовичъ впервые заявлялъ себя членомъ партіи „Народной Воли“, не офицеромъ, не гене-

раломъ, а просто на просто рядовымъ; но спрашивается, какому комитету подчинялся онъ, и по какой программѣ полагалъ онъ, что комитетъ долженъ дѣйствовать? Вотъ въ чемъ суть вопроса.

На этотъ счетъ Якубовичъ поражаетъ насъ своею умѣренностью. „Чѣмъ мы практичнѣе и зрѣлѣе, тѣмъ наши требованія минимальнѣе, ближе къ наличнымъ условіямъ дѣйствительности. И исполнительный комитетъ не тотъ, каковъ онъ прежде былъ, онъ не долженъ воображать, что можетъ исправлять функціи императорскаго правительства"... И не прочь Якубовичъ отъ такой формы русскаго развитія, осуществимой не Богъ знаетъ въ какомъ отдаленномъ будущемъ: призывъ къ народу съ высоты трона, поколебленнаго ударами революціонеровъ. Вѣдь если выбросить послѣднія фразы, основанныя на еще юношеской увѣренности, что русскій тронъ можетъ быть поколебленъ ударами революціонеровъ, все остальное вѣрно, вы вѣроятно сами бы на него подписались. Это и есть формула русскаго развитія: все не иначе, какъ по почину правительства съ высоты трона. Программа становится не Богъ знаетъ какая революціонная, она прогрессивна, она уже ставитъ минимальныя требованія. Если бы убавить одну только ошибочную увѣренность въ пользу насильственныхъ средствъ и прибавить сознаніе о необходимости ходить путемъ легальнымъ, то мы имѣли бы разсужденія и взгляды не революціонера, а настоящаго гражданина, какимъ ему быть подобаетъ, находящагося съ закономъ въ совершенномъ согласіи и порядкѣ.

Вотъ и всѣ прегрѣшенія и провинности Якубовича. Вращался онъ въ революціонныхъ сферахъ, движенію революціонному сочувствовалъ, ни къ какому акту насилія руки не приложилъ, идеями только грѣшилъ, но и эти идеи съ теченіемъ времени становились зрѣлѣе, умѣреннѣе, практичнѣе. Можно было предвидѣть время, когда онъ самъ съ раскаяніемъ, къ которому онъ вообще склоненъ, отнесется къ увлеченію своей молодости. Во всякомъ случаѣ въ немъ живо чувство чести, въ немъ есть прекрасные нравственные задатки. Скажите по совѣсти, мыслимо ли снять голову съ этихъ плечъ? Я не теряю надежды, что даже если вы его и присудите по строгому закону не къ смертной казни, а къ каторжнымъ работамъ, то и въ такомъ случаѣ вы, въ виду этой молодости, этихъ способностей, этихъ хорошихъ задатковъ, не оставите его своимъ ходатайствомъ передъ монархомъ о смягченіи наказанія въ мѣрѣ, соотвѣтствующей настоящей, весьма по моему не высокой степени его политической вины.

С.-Петербургскій военно-окружный судъ призналъ подсудимыхъ Лопатина, Салову, Сухомлина, Иванова, Якубовича, Добрускину, Стародворскаго, Конашевича, Елько, Антонова, Вольнова, Кузина, Ливадина, Гейера и Попова виновными въ принадлежности къ тайному сообществу соціально-революціонной партіи „Народной Воли“, продолжавшему свое существованіе въ 1883 г. и послѣдующіе затѣмъ года, причемъ для достиженія преступныхъ цѣлей партіи *Лопатинъ* дѣйствовалъ въ 1884 г. въ качествѣ организатора партіи, имѣлъ сношенія съ русскими революціонерами за границею и мѣстными группами въ Россіи, принялъ и хранилъ метательные динамитные снаряды, оказывалъ содѣйствіе тайной типографіи въ г. Дерптѣ, проживалъ по чужимъ видамъ; *Якубовичъ* дѣйствовалъ въ качествѣ организатора сперва особаго общества „Союза Молодежи“, а затѣмъ „Молодой Партіи Народной Воли“, а по сліяніи этой послѣдней со „Старой Партіею“ былъ одно время послѣ ареста Лопатина руководителемъ разрозненныхъ элементовъ партіи, участвовалъ своими трудами въ дѣлахъ тайной типографіи въ г. Дерптѣ, предъявлялъ и проживалъ по чужимъ видамъ; остальные въ качествѣ организаторовъ мѣстныхъ группъ и пропагандистовъ. Сверхъ того Андрея Бѣлоусова и Ешина въ томъ, что, не принадлежа къ сообществу, распространяли среди рабочихъ печатныя сочиненія преступнаго характера, и Кирганова, что, не принадлежа къ сообществу, онъ изготовлялъ воспрещенные закономъ взрывчатые снаряды и при томъ въ небольшомъ количествѣ; Семена Бѣлоусова, Френкеля и Лебеденко, согласно 1 и 910 ст. В.-С. У. изд. 1884 г., считать по суду оправданными по недоказанности.

А посему судъ опредѣлилъ подсудимыхъ Лопатина, Салову, Сухомлина, Якубовича, Иванова, Добрускину, Стародворскаго, Конашевича, Елько, Антонова, Вольнова, Кузина, Ливадина, Гейзера и Попова по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, а Лопатина, Салову, Сухомлина, Иванова, Якубовича, Конашевича, Кузина, Гейера и Ешина сверхъ того дворянства, а Стародворскаго потомственнаго почетнаго гражданства подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Подсудимыхъ Андрея Бѣлоусова и Ешина по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжныя работы каждаго срокомъ на четыре года, а подсудимаго Кирсанова заключить въ тюрьму 3 степ. по 38 ст. улож. о наказ. угол. и испр. въ высшей мѣрѣ на четыре мѣсяца.

Принявъ затѣмъ во вниманіе обнаруженныя на судѣ обстоятельства, служащія къ смягченію вины подсудимыхъ, судъ опредѣлилъ, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 1203 разряд. III воен.-уст. изд. 1884 г., ходатайствовать предъ помощникомъ главнокомадующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа о замѣнѣ имъ указанныхъ выше наказаній ссылкою въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія: Сухомлину и Вольнову срокомъ на 15 лѣтъ каждому; Кузину на 12 л.; Добрускиной на 8 л.; Елько и Гейеру на 4 г. каждому и ссылкою на поселеніе: Андрею Бѣлоусову въ мѣста Сибири болѣе отдаленныя, а Ливадину, Ешину и Попову въ мѣста Сибири менѣе отдаленныя.

Ни надъ однимъ изъ подсудимыхъ, приговоренныхъ къ смертной казни, приговоръ не былъ исполненъ. Якубовичу онъ былъ замѣненъ путемъ помилованія на срочныя каторжныя работы.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

		стр.
I.	Дѣло о 193 лицахъ.	1
II.	Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова—о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу	22
III.	Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. . . .	72
IV.	Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ.	94
V.	Дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ“.	108
VI.	Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ.	160
VII.	Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ	207

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. Карбасникова

С.-Петербургъ. Москва Варшава. Вильно

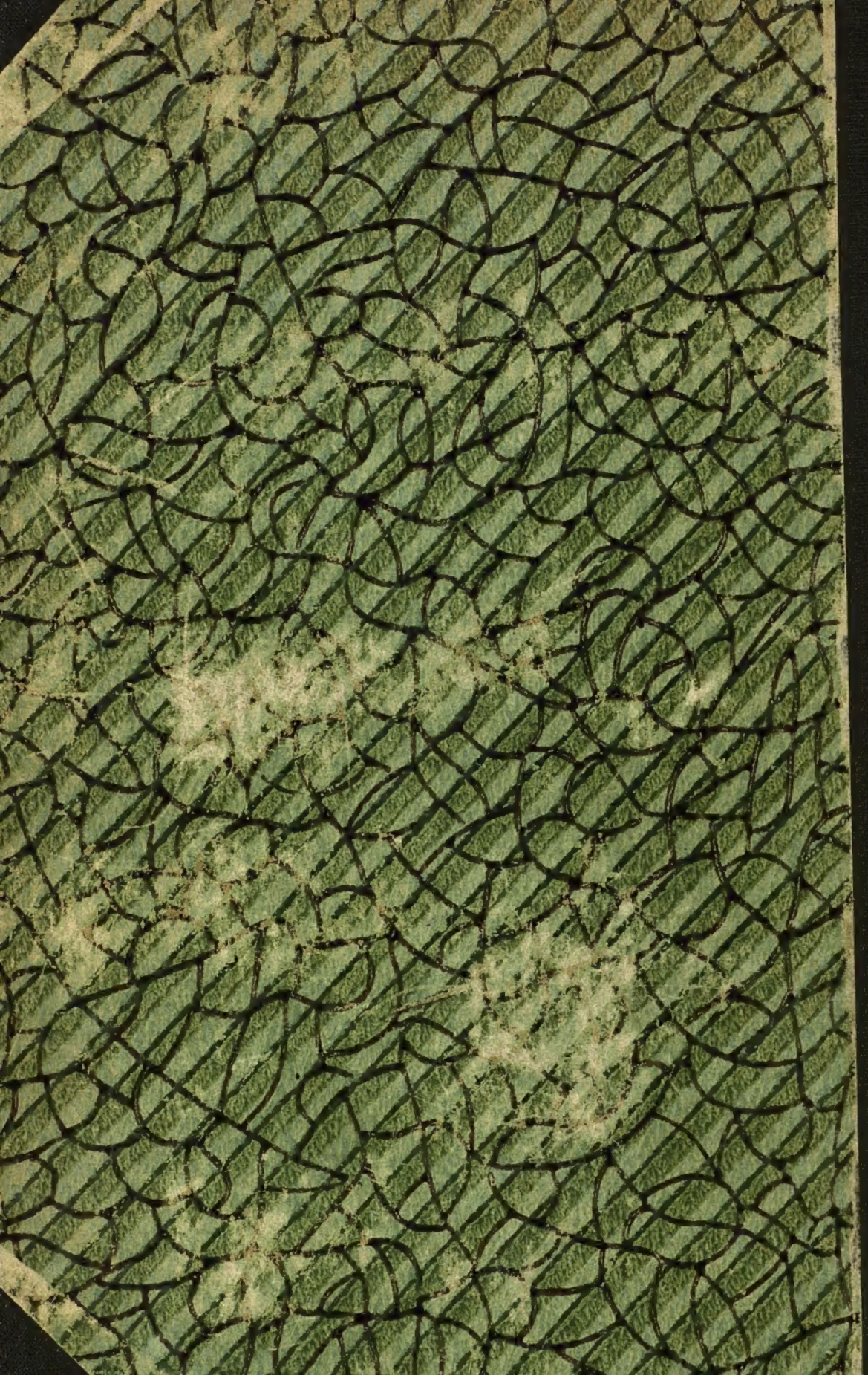
ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

М. Туллій Цицеронъ

Полное собраніе рѣчей. Въ русскомъ переводѣ (отчасти В. А. Алексѣева, отчасти Ѳ. Ф. Зѣленскаго). Редакція, введеніе и примѣчанія Ѳ. Зѣленскаго, профессора С.-Петербургскаго Университета. СПБ. 1901 г. Цѣна 10 руб.

Содержаніе: Предисловіе.—Цицеронъ въ исторіи европейской культуры.—Цицеронъ о переводчикахъ.

Рѣчи: За П. Квинція.—За С. Росція Амерійскаго.—За Кв. Росція-актера.—Дѣло Верреса: Дивинація противъ Кв. Цецилія. Рѣчь въ первой сессіи.—Рѣчи во второй сессіи I—V.—Рѣчи: За М. Туллія.—За М. Фонтея.—За А. Цецину.—За Манліевъ законъ.—За А. Клеунція.—Первая аграрная рѣчь.—Вторая аграрная рѣчь.—Третья аграрная рѣчь.—За Г. Рабирія Старшаго.—Рѣчи противъ Катилины I—IV.—За Л. Мурену.

Приложенія: I. Римская конституція. — II. Римскій уголовный процессъ. — III. Теорія судебнаго краснорѣчія. — Справочный листокъ.

Цѣна 2 рубля.